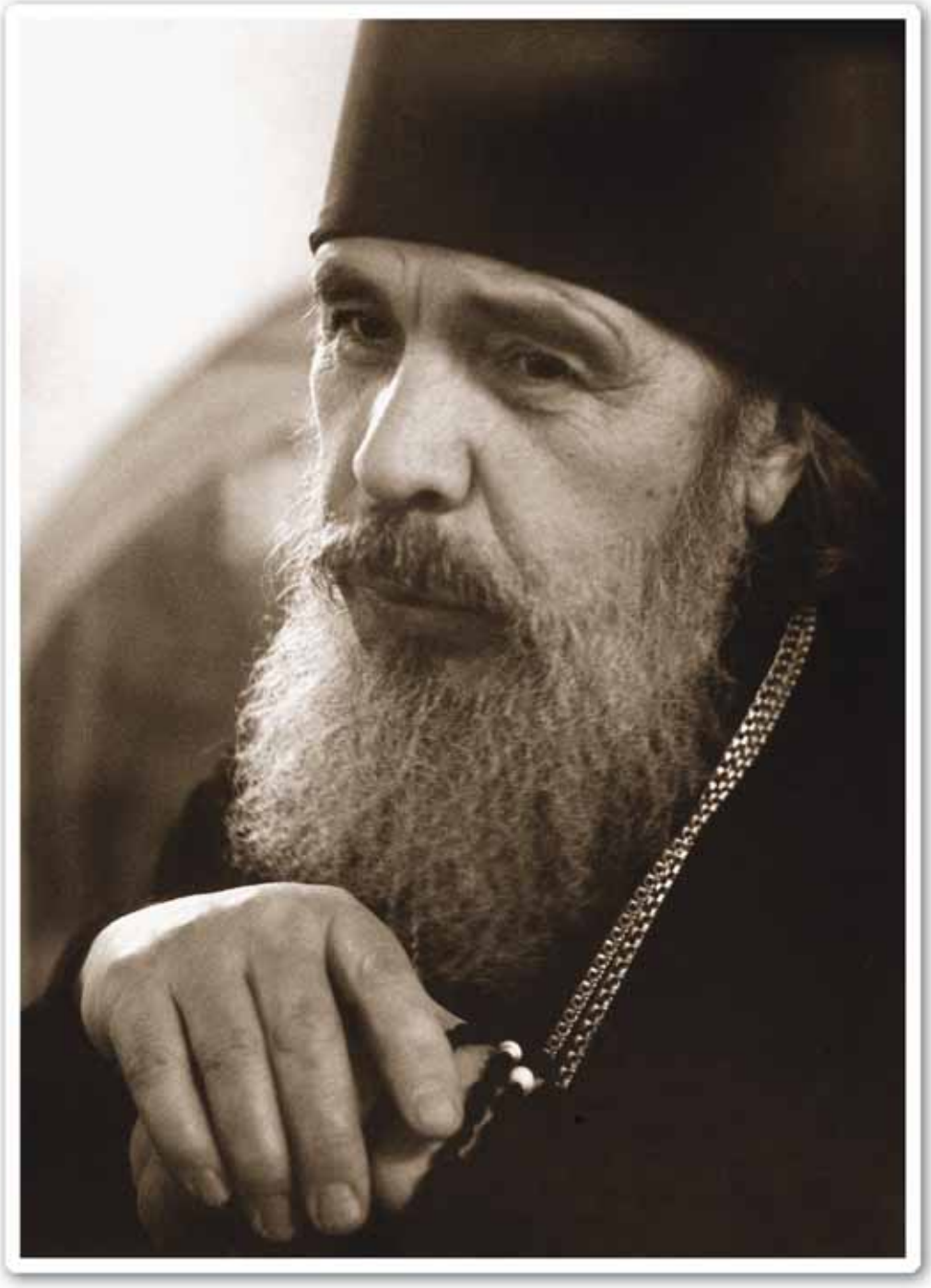
По благословению
Преосвященного Иосифа,
епископа Иваново-Вознесенского
и Кинешемского

Архимандрит Авель

Москва
ИНЭС, 2008

Жизнь как служение Господу...



УДК 82–94
ББК 66.3(2Рос)8
А875

Составитель – Б.Н. Кузык

Смиренно просим Ваших святых молитв о рабах Божиих:
о здравии
Татьяны, Бориса, Татьяны, Евгения, Натальи, Павла,
Георгия, Евгении, Виктора, Тамары, Евгения, Сергея, Ирины,
Александра, Раисы, Александра;
об упокоении
Николая, Павла, Петра, Исидора, Евфросиньи, Фомы,
Параскевы, Галины, Василия, Евдокии, Николая, Евдокии,
Евстафия, Ирины

РПП ИНЭС Р753
ISBN 978-5-93618-153-5

© Б.Н. Кузык, 2008
© Институт экономических стратегий, 2008

Оглавление

Кончина архимандрита Авеля (Македонова) 11
Вечная память. Архимандрит Авель (Македонов) 20
Земля Русская рождает праведников 24
Слово к читателю 26
Вместо предисловия 30

Глава 1. Беседы с батюшкой 32

- Жизнь с чистого листа 34
- Первый постриженник в земле Рязанской 56
- Святая Гора 82
- Свято-Иоанно-Богословский монастырь в воспоминаниях архимандрита Авеля 124
- Встречи, события, мысли... 166

Глава 2. Слово о батюшке 188

- Епископ Иваново-Вознесенский и Кинешемский Иосиф: «Воспоминания об отце Авеле» 190
- Епископ Люберецкий Вениамин: «Воспоминания об архимандрите Авеле (Македонове)» 208
- Протоиерей Павел Красноцветов: «Отец Авель оставил в нас любовь к Житиям святых» 214
- Протоиерей Николай Дятлов: «Такой, как отец Авель, – это редкость» 222
- Протоиерей Владимир Мустафин: «Не много таких было, как отец Авель, чтобы буквально с детских лет в Церкви» 240
- Игумен Кирилл (Костиков): «Мои воспоминания о добром пастыре авве Авеле» 244
- Игумен Виталий (Уткин): «Духовник должен быть прозрачным для Бога...» 250
- Игумен Мефодий (Илюточкин): «Батюшка учил людей, как надо жить по правде» 254

- Протоиерей Анатолий Лазарев:
«Мои воспоминания о батюшке Авеле» 286
- Мария Васильевна Зверева:
«У него была удивительная способность –
человека наполнять радостью» 292
- Ирина Борисовна Камбарова (Фефелова):
«Мне казалось, что отовсюду на меня смотрел
Серафим Саровский...» 308
- Наталья Викторовна Рюмина-Македонова:
«Батюшка – это запах мандаринов и розового масла» 322
- Антонина Николаевна Македонова:
«Отчий дом. Он любил бывать здесь» 326
- Тамара Михайловна Гаврилина (Серова):
«Он с детства был глубоко верующим» 334
- Людмила Николаевна Макова:
«Он за всех нас молился» 344
- Евгения Алексеевна Точилина:
«...отец Авель посмотрит, и все суетное отлетит сразу...» 350
- Константин Эмильевич Лайкам:
«Он производил на людей очень сильное впечатление!» 358
- Владимир Петрович Харченко:
«Отец Авель был просто уникальным человеком» 364
- Лидия Павловна Нечипоренко:
«Он притягивал к себе людей» 370
- Надежда Евгеньевна Маркина:
«Батюшка читал меня, как раскрытую книгу,
когда я-то думала, что это я его осматриваю
и прослушиваю...» 376
- Екатерина Михайловна Танцевило:
«Он дотронется до тебя, и ты летишь! Летишь! Живешь!» 380
- Елена Николаевна Есина:
«Вот только глянул и все про меня понял...» 384
- Лидия Михайловна Степанова:
«Что бы ни случилось – надо идти к отцу Авелю,
он почитает молитву и поможет» 398
- Ирина и Константин Пчелкины:
«Батюшкина молитва помогает и спасает» 406

- Наталья Анатольевна К-ва: «Батюшка знал и благословил» 416
- Светлана Валентиновна и Михаил Вадимович Коржуевы: «Он непостижимым образом все знал...» 418

Глава 3. Проповеди архимандрита Авеля 424

- Предисловие к тексту проповедей 426
- Прощение 430
- Научитесь прощать 436
- Как поминать Великим постом? 440
- Святая праведная Анна 442
- Преподобный Серафим Саровский. Святой благоверный князь Роман Рязанский, великомученик . . 446
- Преображение Господне 448
- Успение Божией Матери 454
- Воздвижение Животворящего Креста Господня 460
- Икона Божией Матери «Иверская» 466
- Введение во храм Пресвятой Богородицы 472
- Икона Божией Матери «Знамение» 476
- Как спасти свою душу? 482

Заключение 486

- Письма к батюшке 488
- След на земле 496

Приложения 523

- Архипастыри и священнослужители, упоминаемые в книге 524
- Краткие биографические сведения об упоминаемых архипастырях и священнослужителях 525
- Некоторые публикации об архимандрите Авеле 549
- Статьи и публикации архимандрита Авеля 552

Кончина архимандрита Авеля (Македонова)

Ранним утром 6 декабря 2006 года в Иоанно-Богословском монастыре Рязанской епархии после непродолжительной болезни на 80-м году жизни почил о Господе один из старейших по хиротонии клириков Русской Православной Церкви архимандрит Авель (в схиме Серафим) (Македонов).

Практически через несколько минут после кончины батюшки к нему в келию собрались все иеромонахи монастыря во главе с наместником обители иеромонахом Мефодием (Илюточкиным), и здесь же была совершена первая заупокойная лития. Двенадцать ударов «большого» девятитонного монастырского колокола возвестили об отшествии ко Господу духовного отца обители. Гроб, схима, облачение, митра и все погребальные принадлежности были приготовлены отцом Авелем заранее, некоторые – несколько десятков лет назад. После облачения почившего с пением «Святый Боже» гроб был перенесен в Иоанно-Богословский собор монастыря. Гроб внесли в храм в тот самый момент, когда совершавший Божественную литургию иеромонах возгласил «Святая святым». По заамвонной молитве в этот день наместником в сослужении всей братии в священном сане была совершена первая панихида.

В течение дня над гробом непрерывно читалось Святое Евангелие, а перед вечерней вновь была совершена соборная панихида. Еще утром телеграммы с известием о кончине отца Авеля были направлены в адрес Святейшего Патриарха, архипастырей, лично знавших батюшку, священнослужителей и многочисленных духовных чад. В первые же часы в монастырь поступило множество предложений о помощи в организации похорон. В течение среды, четверга и пятницы из Москвы, Рязани и других городов в монастыре побывало множество людей, желавших проститься с почившим. Приезжавшим духовенством служились заупокойные литии.

В пятницу вечером в Богословском храме соборно был совершен парастас, который возглавил наместник обители иеромонах Мефодий. За богослужением в алтаре молился епископ Иваново-Вознесенский и Кинешемский Иосиф. По окончании братского вечернего правила гроб был перенесен в Успенский собор монастыря.

В субботу 9 декабря в Успенском соборе Божественную литургию совершил митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, долгие годы бывший духовным другом почившего архимандрита Авеля. Ему сослужили архиепископ Рязанский и Касимовский Павел, епископ Иваново-Вознесенский и Кинешемский Иосиф. На отпевание вышел епископ Люберецкий Вениамин, а также многочисленное духовенство. Перед началом отпевания монашеским чином митрополит Ювеналий обратился со словами соболезнования, а потом огласил Послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия.

Возлюбленные архипастыри и пастыри,
всечестные отцы, всечестной отец-наместник, братия,
возлюбленные и дорогие братия и сестры!

В этом святом храме мы совершаем надгробные молитвы, провожая в последний путь отца архимандрита Авеля, – начал митрополит Ювеналий. – *И не похоже это на надгробное рыдание, у нас на душе тихая радость, потому что мы сердцем чувствуем, что провожаем праведника, молитвенника, который при жизни своей давал утешение и надежду простым наставлением каждому, кто приходил к нему.*

62 года иноческого подвига, 60 лет предстояния как пастыря у Престола Божия. И сколько людей привел он ко Господу, о скольких почивших молился.

Он начал в Рязанской земле свой иноческий путь тогда, когда все шло, как известно, к тому в нашем минувшем веке, чтобы закрыть церкви, изгнать из сердец людей веру в Бога, и даже человек верующий не каждый находил в себе мужество, чтобы переступить порог храма. Пожилые люди прекрасно помнят это время. Я думаю, что всем вам известно вот такое понятие, такая картина, когда весной на дорогах порой сквозь асфальт пробиваются живые ростки. Вот в той атмосфере атеизма появление молодого, почти еще отрока, монаха было проявлением глубокой силы веры в нашем народе, который, может быть, лишившись храма, не мог демонстрировать эту веру, но в сердцах миллионов русских людей сохранялись благочестие и вера в Бога. И он был воспитан в благочестии. Он не был златоустом, оратором, известным богословом, но он известен был во всей России как духоносный пастырь, духовник.

Я вспоминаю еще отроком, как он в Ярославле в простых словах в проповеди своей рассказывал житие святителя Василия Рязанского. Но так запали эти слова в душу, что с тех пор я никогда уже не забывал подвиг Рязанского святителя.

Я думаю, что многие, кто сейчас стоит здесь, могут то же самое сказать, потому что простое, доброе пастырское слово отца Авеля глубоко западало в душу и согревало человека. Он совершал свое служение в двух епархиях Центральной России – Рязанской и Ярославской; в тех местах, где хранилась глубокая вера и благочестие, и возгревал эту веру в сердцах людей. Он внес особый вклад в спасение нашего монастыря на Святой Горе Афон святого великомученика и целителя Пантелеимона, потому что, прибыв в 1970 году на Святую Гору Афон, он стал настоятелем Свято-Пантелеимонова монастыря. Это было тогда, когда несколько старцев уже оставались в этом монастыре. Потому что по условиям политической жизни не допускались греческими властями наши иноки для пополнения оскудевшей братии в русский монастырь. Когда за 9 дней до кончины я посещал отца Авеля в этой обители, он вспоминал тех, чьи имена сейчас известны, кого он там принимал, кого назидал и кого всегда поминал в своих молитвах. Сегодняшний день – это не только событие обители, где отец Авель 15 лет был настоятелем и воздвиг ее из руин. Сегодня к этому древнему монастырю обращены сердца многих и многих людей, у кого был он духовником, кто любил и почитал его. И поэтому Святейший Патриарх, показывая, что мы сегодня прощаемся не с рядовым архимандритом Русской Церкви, а с великим тружеником на ниве Христовой, направляя меня на отпевание, поручил мне огласить его Первосвятительское Послание, этим показывая, какое значение Первосвятитель Русской Церкви придает пастырскому пути отца архимандрита Авеля. Я оглашу сейчас текст этого послания.

Патриаршее Послание в связи с кончиной архимандрита Авеля (Македонова)

Ваше Высокопреосвященство, дорогой Владыка Митрополит!

Получив скорбное известие о кончине клирика Рязанской епархии архимандрита Авеля (Македонова), выражаю искреннее соболезнование Вам как близкому и многолетнему духовному другу, преосвященному архиепископу Рязанскому и Касимовскому Павлу с клиром и паствой Рязанской земли, родным, близким и многочисленным духовным чадам почившего.

Будучи с детских лет воспитанным в православном духе, покойный сохранил и приумножил в своем сердце огонь веры и, как только достиг 18-летнего возраста, принял монашеский постриг, а вскоре и священный сан. Многообразные и ревностные труды маститого пастыря нашей Церкви на ниве церковного служения и общественной деятельности снискали ему заслуженное уважение и любовь многих людей. Он прошел нелегкий путь служения Церкви и Отечеству.

Уроженец Рязанской области, о. Авель по рекомендации своего земляка приснопамятного митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, который знал его ревность и усердие, в 1970 году решением Священного Синода был направлен в Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Святую Гору Афон. Господь щедро одарил о. Авеля многими талантами, и он всеми своими силами и способностями, с присущей ему энергией, служил делу Церкви, с достоинством исполняя все многообразие возлагаемых на него послушаний. За девять лет пребывания на Афоне он многое сделал для возрождения этой обители.

После возвращения в Россию его служение Церкви Христовой, как и многих священнослужителей того времени, проходило в нелегких условиях государственного контроля, но Господь давал ему мудрость, мужество и силы с христианским терпением следовать по однажды избранному пути.

Уже в новых исторических условиях духовного возрождения архимандрит Авель с благодарностью и смирением принял решение Священноначалия Церкви о назначении его наместником восстанавливающегося Иоанно-Богословского монастыря в Рязанской епархии.

На этом ответственном посту Господь благословил ему пребывать немало лет, и он с любовью и усердием управлял вверенным ему Виноградником Христовым. Его трудами обители было возвращено былое благолепие, возрождена монашеская жизнь, монастырь вновь стал местом усердных молитв, центром духовной жизни. В обитель потянулись паломники со всех

уголков России, а сам архимандрит Авель подъял на себя нелегкий крест пастырского душепопечения. К нему обращались за духовной помощью и советом люди самых разных сословий и взглядов, и он для всех находил слова утешения и поддержки.

Годы его пастырского служения были ознаменованы поддержанием православных традиций, неукоснительным и усердным служением в храмах Божиих, возрождением монашеской жизни, развитием диалога между духовным и светским руководством и христианским просвещением. Взирая ныне на насыщенную многими событиями и свершениями жизнь о. Авеля, можно сказать словами Священного Писания, что он действительно «подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох».

Мысленно даю последнее целование почившему служителю Алтаря Господня в день его напутствия в путь всея земли и молюсь об упокоении его души в обителях небесных. Верю, что за свое преданное служение Церкви и Отечеству он услышит от Отца Небесного милостивое призывание: «Рабе благий и верный, в малом ты был верен, над многим тебя поставлю, войди в радость Господа твоего» (Мф. 25, 21).

Вечная память новопреставленному архимандриту Авелю.

С любовью о Господе
Алексий, Патриарх Московский и всея Руси

Чин отпевания продолжался более двух часов. Митрополит Ювеналий, исполняя предсмертную просьбу батюшки, прочел разрешительную молитву и архиерейские молитвы прощения, которые читаются над почившими иноками на Святой Горе. В этот момент многие из присутствовавших не смогли сдержать слез. Началось прощание. После архипастырей и духовенства ко гробу в последний раз подошли насельники монастыря, родственники отца Авеля и наиболее близкие его духовные чада. С пением ирмосов «Помощник и Покровитель» гроб был обнесен вокруг Успенского собора, возрождения которого с такой надеждой ждал приснопамятный батюшка. Напротив домика, где находилась его келия и в которой он скончался, была совершена заупокойная лития.

Гроб был внесен в находящийся под алтарем Богословского собора храм преподобного Серафима Саровского, где еще при жизни отца Авеля по его благословению был приготовлен склеп. В небольшой по размеру храм смогло войти только духовенство, непосредственно назначенное к участию

в погребении. Была совершена последняя перед закрытием крышки лития. Под звон всех монастырских колоколов, при общем пении заупокойных стихир гроб был опущен в склеп. До тех пор, пока могила не была засыпана песком и не был устроен над ней временный надгробный памятник, непрерывно пелись литии. Первую литию совершал владыка Ювеналий, вторую – наместник монастыря иеромонах Мефодий, третью – архиепископ Рязанский и Касимовский Павел, четвертую – епископ Иваново-Вознесенский и Кинешемский Иосиф, пятую – епископ Люберецкий Вениамин, шестую – вновь владыка Ювеналий. Песнопения литии, которые начинали петь в храме, подхватывали находившийся на улице братский хор и многочисленные паломники. На лицах многих людей блестели слезы, но скорби не было. Сердца переполняла радость и надежда.

В монастырских трапезных были устроены поминки, где архипастыри, пастыри и духовные чада отца Авеля делились своими размышлениями и воспоминаниями о почившем.

Телеграмма Святейшему Патриарху Алексию

Москва, Чистый переулок, д. 5
Святейшему Патриарху Алексию Второму

Ваше Святейшество!

9 декабря в Иоанно-Богословском монастыре Рязанской епархии состоялось погребение архимандрита Авеля. По Вашему благословению я совершил его при большом стечении богомольцев, в сослужении преосвященных архиепископа Павла, епископов Иосифа, Вениамина и сонма духовенства. С благодарностью и духовным умилением восприняли все Ваше Первосвятительское Послание и соболезнование. Испрашиваю ваших святых молитв.

С любовью о Господе
митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий
11 декабря 2006 года

Панихида в Иоанно-Богословском храме монастыря

Прощание с батюшкой Авелем в Успенском соборе монастыря

Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий читает над новопреставленным разрешительную молитву

Прощание с телом архимандрита Авеля епископа Иваново-Вознесенского и Кинешемского Иосифа

Божественную литургию и чин отпевания возглавляет митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий

Шествие с телом новопреставленного вокруг Успенского собора к месту погребения

В храме преподобного Серафима Саровского под алтарем Иоанно-Богословского храма

Вечная память.
Архимандрит Авель (Македонов)

6 декабря 2006 года на 80-м году жизни мирно отошел ко Господу архимандрит Авель (Македонов), в схиме Серафим, насельник Иоанно-Богословского монастыря Рязанской епархии.

Кончина всеми любимого и уважаемого старца повергла в скорбь его многочисленных чад и всех тех, кому посчастливилось встретиться с ним на своем жизненном пути. Многие в своей духовной жизни опирались на его опыт, глубокую житейскую мудрость, неизменную любовь. Архимандрит Авель прошел нелегкий путь служения Церкви и Отечеству. Добрая память о нем будет храниться вечно. Верим, что подвиг его жизни во Христе исходатайствует ему у Господа блаженное упокоение.

Архимандрит Авель (в миру Николай Николаевич Македонов) родился 21 июня 1927 года в селе Никуличи под Рязанью в семье благочестивых крестьян. В 1942 году окончил семилетнюю школу. В эти годы, как вспоминал отец Авель, он ходил на богослужения в рязанский кладбищенский Скорбященский храм, в то время единственный в Рязани – все остальные были закрыты. Он с детства мечтал стать монахом, и его устремление было угодно Господу. Подростком он служил иподиаконом у архиепископа Рязанского Алексия (Сергеева, † 1968).

В 1944 году на Рязанскую кафедру был назначен епископ Димитрий (Градусов, † 1956), и Николай Македонов вместе со своим другом Борисом Ротовым, будущим митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом († 1978), получили послушание иподиаконов у нового владыки. Епископ Димитрий стал их духовным наставником. 6 ноября 1945 года он рукоположил Николая во диакона целибатом, а 23 ноября того же года совершил его монашеский постриг с именем Авеля в честь праведного Авеля.

24 января 1947 года иеродиакон Авель был рукоположен во иеромонаха с возложением набедренника и назначен вторым священником к Георгиевской церкви в селе Городище Рыбновского района, в которой прослужил до февраля 1950 года.

В 1950 году начался десятилетний период служения отца Авеля в Ярославской епархии, где он исполнял послушания настоятеля храма во имя святого царевича Димитрия в Угличе (февраль–июнь 1950 года), Смоленского храма в селе Федоровское (1950–1955 годы), клирика ярославского кафедрального Феодоровского собора (1955–1960 годы). Сердце его всегда переполняла любовь к ближним, и все знавшие отца Авеля отвечали ему такой же искренней любовью. Его ревностное служение на ниве Господней было отмечено церковными наградами: в 1953 году он был возведен в сан игумена, в 1958 году награжден палицей.

Время так называемой хрущевской оттепели было и временем нового яростного наступления на Русскую Православную Церковь. Хрущев обещал «показать по телевизору последнего попа». Пастырская деятельность отца Авеля не осталась незамеченной и соответствующими органами советской власти. В местной прессе против игумена Авеля была организована клеветническая кампания. Она не достигла своей цели, но уполномоченный Совета по делам религий Ярославской области потребовал немедленного удаления отца Авеля из Ярославской епархии.

В апреле 1960 года игумен Авель вернулся на родную Рязанскую землю и был назначен клириком Христорождественского храма в селе Борец Сараевского района, а в декабре 1960 года – клириком кафедрального Борисоглебского собора. В 1963 году игумен Авель получил патриаршую награду – крест с украшениями; в 1965-м – сан архимандрита; в 1968-м – право служения Божественной литургии с отверстыми Царскими вратами до «Херувимской песни». В 1969 году архимандрит Авель был назначен настоятелем кафедрального Борисоглебского собора в Рязани.

17 февраля 1970 года Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием I архимандрит Авель был направлен на Афон для несения монашеского послушания в Русском Свято-Пантелеимоновом монастыре

на Святой Горе. 18 февраля того же года отец Авель был удостоен права совершения Божественной литургии с отверстыми Царскими вратами до молитвы «Отче наш».

18 января 1971 года, после кончины настоятеля Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Илиана, по жребию архимандрит Авель был избран новым игуменом обители. Официальная интронизация с участием представителей Священного Кинота, афонских монастырей и гражданских чиновников Святой Горы состоялась в 1975 году. В 1970-е годы, когда архимандрит Авель пребывал на Святой Горе, он был награжден орденом Болгарской Православной Церкви святителя Климента Охридского и орденом святого равноапостольного князя Владимира II и III степеней. Послушание на Святой Горе продолжалось почти девять лет.

29 июня 1979 года отец Авель был вновь принят в клир Русской Православной Церкви. Он вернулся в Рязанскую епархию и был назначен почетным настоятелем кафедрального Борисоглебского собора в Рязани и епархиальным духовником. В 1980 году состоялось его награждение орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени, в 1985 году он был удостоен права служения с жезлом, в 1987-м – ордена Преподобного Сергия Радонежского II степени.

Архимандрит Авель дважды был участником Поместных Соборов Русской Православной Церкви (в 1988 и 1990 годах). С 1988 года являлся постоянным членом Епархиального совета.

16 мая 1989 года постановлением Священного Синода архимандрит Авель был назначен наместником Иоанно-Богословского мужского монастыря в селе Пощупово Рыбновского района Рязанской области, только что возвращенного Русской Православной Церкви. В то время большая часть монастырских построек некогда цветущей обители лежала в руинах.

За 15 лет, в течение которых отец Авель возглавлял монастырь, святая обитель преобразилась. Возродилась иноческая жизнь, размеренно и неспешно стали совершаться все уставные богослужения, были отреставрированы, освящены и благоукрашены храмы, в которых появилось множество православных святынь – мощей угодников Божиих, как русских, так и вселенских, чтимых икон, в том числе написанных в XIX столетии на Афоне, других церковных и исторических реликвий. Все жилые и хозяйственные постройки на территории обители, а также святой источник, который привлекает православных изо всех уголков России, были приведены в порядок. Святая обитель стала местом всероссийского паломничества.

Архимандрит Авель приложил много сил для процветания обители. Его усердное служение было отмечено Священноначалием Русской Православной Церкви, он был награжден орденом святого благоверного князя Даниила

Московского III степени (1993), патриаршей грамотой (1995), орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени (2003). 11 августа 2000 года отец Авель был удостоен медали «За заслуги перед Отечеством» II степени.

25 марта 2004 года Священный Синод удовлетворил просьбу архимандрита Авеля об уходе на покой в связи с преклонным возрастом и по состоянию здоровья, выразив благодарность за понесенные труды по возрождению Иоанно-Богословского монастыря.

2005 год для архимандрита Авеля был ознаменован важной юбилейной датой – 60-летием служения в священном сане. Через всю свою нелегкую жизнь отец Авель пронес неугасимый огнь веры Христовой. В мае 2006 года архимандриту Авелю было присвоено звание почетного гражданина города Рязани.

9 декабря 2006 года рязанская паства, многочисленные духовные чада, все, кто знал, любил и уважал отца Авеля, приехали в Иоанно-Богословский монастырь дать последнее целование почившему старцу, проводить его в последний земной путь, помолиться об упокоении его души в обителях Отца Небесного.

Мир праху и вечный покой душе твоей, дорогой отец Авель, и да упокоит тебя Господь! Потрудился ты в земной жизни, войди же теперь в радость Господа твоего и прими благая твоя на лоне Авраама!

Пресс-служба Рязанской епархии

Земля Русская рождает праведников

В начале XX века Россия была полна идеями переустройства мира, идеями новых форм правления, нового образа жизни. Обсуждение охватило все слои общества, стремление к переустройству коснулось всех аспектов социальной жизни: мировоззрения, морали, искусства и литературы, правил русского языка, веры...

Ломались основы семьи и брака, рвались традиции, уходящие корнями в глубокую древность. Делались попытки «обновления» и в духовной сфере.

Сегодня, в начале XXI века, становится ясно – мир помнит и ценит традиционную русскую культуру, выросшую на тысячелетнем фундаменте, а эксперименты XX века так и останутся экспериментами.

Россия обретает свои корни. Ее народы сохранили историческую память, а земля сохранила способность рождать удивительно талантливых людей, чистых и добрых, работящих и самоотверженных, любящих родной край и гордящихся нашей историей. Земля Русская рождает праведников.

Встречи с архимандритом Авелем оставили глубокий след в душе. Заставили о многом задуматься и одновременно вселили оптимизм и уверенность.

Несмотря на глубокий раскол, Гражданскую войну, гибель огромного количества людей, на уничтожение целых слоев населения (казачества, купечества, дворянства, большей части духовенства), несмотря на попытки искоренить вековую привычку трудиться на своей собственной земле, политой потом и кровью предков, Россия оказалась способной пережить неслыханную катастрофу.

Судьба отца Авеля поразительна. Вся его жизнь выстроилась в цельную картину. Непрерывное служение Богу. Непрерывное врачевание душевных ран, окормление народа православного. Непрерывное моление о земле Русской. Непрерывное духовное делание. Непрерывное учение прихожан и братии законам великой любви. Возрождение тысячелетних традиций общинной приходской жизни. Укрепление веры православной. Укрепление веры в судьбу России и в силы нашего народа.

В этом качестве архимандрит Авель стоит в одном ряду с величайшими фигурами нашей истории, известными и безвестными, положившими на алтарь служения Отечеству всю свою жизнь.

Батюшке Авелю удалось сделать очень многое в этой жизни. Он явился важным звеном в цепочке людей, спасших и вернувших нашему народу бесценные духовные сокровища – чудотворные иконы, величайшие святыни и реликвии, а кроме того – традиции веры и традиции православного быта русской семьи.

Архимандриту Авелю посчастливилось участвовать в спасении Свято-Пантелеимонова монастыря на Святой Горе Афон и в возрождении одного из древнейших монастырей Святой Руси – обители Иоанна Богослова под Рязанью. Архимандрит Авель внес весомый вклад в укрепление Православия в земле Рязанской много лет будучи духовником епархии. А Иоанно-Богословский монастырь стал одним из важных центров возрождения духовной жизни в современной России.

Архимандрит Авель воспитал целое поколение священнослужителей. Духовные чада и постриженники батюшки руководят известными монастырями и епархиями.

Батюшку Авеля помнит и любит народ православный. На его отпевание нескончаемым потоком день и ночь шли и шли люди, строившие свою жизнь с его помощью, участием, советами, его молитвами, под его духовным руководством.

Какие разные лица! Простые старушки, военные, ученые, священнослужители, монахи, студенческая молодежь, столичные чиновники...

Что нас объединяет в единое целое? Общее мировоззрение, общие духовные ценности, передаваемые из поколения в поколение. Общая историческая память. Общие корни и великая любовь ко Христу, к своей земле, к людям, ее населяющим.

Нас объединяют в единый народ такие люди, как отец Авель.

Георгий Сергеевич Полтавченко,
полномочный представитель
Президента Российской Федерации
в Центральном федеральном округе

Слово к читателю

Так да светит свет ваш пред людьми,
чтобы они видели ваши добрые дела
и прославляли Отца вашего Небесного.
(Мф. 5, 16)

Уважаемый читатель, у вас в руках книга, посвященная памяти архимандрита Авеля. Она составлена из материалов различного характера, объединенных любовью и уважением к этому удивительному человеку.

Решение о подготовке издания было принято в день отпевания батюшки.

Значительную часть книги составляют записи личных бесед (иногда в присутствии и других людей) Бориса Николаевича Кузыка с батюшкой. Записи бесед на диктофон велись с благословения отца Авеля в течение многих лет. Сначала возник замысел подготовить издание об истории восстановления монастыря, потом записи делались с пониманием ценности материала о личности самого отца Авеля. Исключительность записей обусловлена еще и тем, что на беседах присутствовали иногда известные люди, поднимавшие интереснейшие вопросы. И все же при подготовке к публикации мы фокусировали внимание на мыслях, высказанных отцом Авелем.

Отношение батюшки к нашим планам было благожелательным. Подготовку книги об обители он благословил, проявлял к этому искренний интерес и даже обсуждал ход работ в конце октября 2006 года. Запись собственных рассказов и историй о своей жизни он комментировал так: «Ну когда-нибудь, может быть, кому-то будет интересно...»

Значительную часть материалов книги составляют записи бесед с людьми, знавшими батюшку. Они сразу выразили готовность встретиться с нами и поделиться воспоминаниями. Контакты были установлены с помощью братии монастыря.

Эти материалы несут отпечаток глубоких личностных отношений, и мы были обязаны оставить именно такую подачу текста. Хотя это, несо-

Архимандрит Авель и Борис Кузык

мненно, добавляет некую пестроту, с которой читателю предстоит примириться.

Среди собранного есть и материалы, авторов которых мы не указываем. Не потому, что материал не имеет точного источника или выдуман кем-то. Просто люди, делившиеся с нами своими жизненными историями, представлялись зачастую как «раба Божия такая-то» или «раб Божий такой-то», не желая акцентировать внимание на своей личности, рассказывая о своем духовном отце.

Следует предупредить читателя и о том, что многие очень хорошо знавшие батюшку люди не решились поделиться воспоминаниями о нем. Но мы увидели и убедились, что эти духовные чада батюшки настолько соединили свои жизни с его духовным руководством, что затрудняются приступать к такой беседе о нем. Для этого им потребовалось бы рассказать всю свою жизнь!

Конечно же, об отце Авеле будут выходить и другие книги. В процессе работы мы узнали о том, что материалы о нем собирают в Рязани и Ярославле, что существуют архивы видеозаписей для телепрограмм, аудиозаписей бесед с батюшкой и его проповедей. Еще не обработаны архивы в обители, практически не затронуты расспросами родные отца Авеля.

Наиболее полными материалами о жизни архимандрита Авеля, несомненно, располагают его родные, в частности Антонина Николаевна, его младшая сестра. Незадолго до своей болезни отец Авель начал пересматривать свои архивы, стал подписывать старые фотографии. Ему активно помогал в этом владыка Иосиф; было выполнено специальное исследование по составлению родословной, которую мы приводим в этой книге.

Со временем будут обобщены семейные архивы, и можно ожидать новых публикаций об удивительной жизни отца Авеля, пришедшейся на труднейший период истории России.

Второй важный источник сведений о батюшке также находится в Рязани. Это архив родственников митрополита Никодима. Едва прикоснувшись к этим материалам, понимаешь, какие бесценные исторические сведения бережно хранили и хранят наши бабушки, матери, тетушки. Письма, документы, фотографии, открытки полны интереснейших исторических подробностей уходящей эпохи...

При подготовке издания мы встретились с рядом трудностей, касающихся правомерности отбора того или иного материала. Многое, очень многое будет опубликовано позднее, после раздумий и дополнительных исследований. Необходима работа по сверке дат, имен, по уточнению отрывочных, но важных фактов. Например, нами были предприняты усилия по уточнению сведений об упоминаемых батюшкой святогорцах, старцах-афонитах. Эти поиски пока не завершены.

Наибольшую трудность вызывают архивы фотографий. Установить изображенных рядом с отцом Авелем людей во многих случаях просто некому – прошло более полувека с начала его подвижнического служения...

Деликатной темой является и внутрицерковная жизнь. С такого рода информацией сам батюшка обходился очень бережно. XX век являл печальные примеры недобросовестного подхода к этой теме, да и сегодня нередко выходят публикации, более похожие на сборники низкопробных анекдотов, хотя анонсируются они как достоверные записки о жизни священнослужителей.

Архимандрит Авель был не только духовником одной из крупнейших епархий, к нему на исповедь регулярно приезжали священнослужители из Москвы, Петербурга, других городов. Под его духовным влиянием жили и работали многие известные люди, достигшие успехов в различных областях. Представление об этом можно получить, познакомившись хотя бы с перечнем полученных батюшкой поздравительных открыток к прошедшему юбилею его служения.

На Духовном соборе монастыря было принято решение о сборе материалов о жизни архимандрита Авеля. Возможно, братия сочтет уместным обратиться письменно к его духовным чадам. Так или иначе, но если кто-то располагает материалами о батюшке – свяжитесь с наместником Свято-Иоанно-Богословского монастыря.

Данное издание смогло состояться благодаря усилиям, активной помощи и молитвенной поддержке многих и многих лиц, поименовать которых здесь вряд ли удастся. Но тем не менее признательность читателей дойдет до них, мы в этом уверены.

Особую признательность хотим выразить епископу Иваново-Вознесенскому и Кинешемскому Иосифу, игумену Виталию, братии Свято-Иоанно-Богословского монастыря, коллективу издательского отдела Института экономических стратегий под руководством О.П. Бардовой, а также А.Г. Федорову за труды по сбору и подготовке материалов для данной книги.

Вместо предисловия

Не иноплеменное наставление
производит добрых сынов отечества.
Святитель Филарет, митрополит Московский*

В рамках научной деятельности нам довелось углубиться в поиски истоков формирования самобытной русской православной цивилизации. Такой термин принят мировым научным сообществом, хотя справедливо было бы писать о восточнославянской православной цивилизации, не проводя разделения между русскими, украинцами, белорусами, карпатороссами и многими другими носителями наших общих цивилизационных ценностей.

Созданному 17 лет назад Институту экономических стратегий важно ясное понимание корней, чтобы осмыслить долгосрочную стратегию возрождения России. Одним из устоев фундамента нашей цивилизации было православие. Мы убедились, что циклы российской истории, их важнейшие точки коррелировали с важнейшими событиями истории Русской Православной Церкви, начиная со скифской миссии апостола Андрея Первозванного и крещения Руси князем Владимиром.

Но трагедия России в том, и об этом писали многие, что начиная с какого-то момента стал действовать естественный отбор со знаком «минус». Этот момент не привязан к началу XX столетия, механизм отрицательного естественного отбора был запущен гораздо ранее. В XIX веке Н. Лесков с болью писал о праведниках, на которых держалась земля Русская, как об уже уходящем явлении. Сильнейшим ударом по основам цивилизации стало разрушение русской (славянской) территориальной общины, которая формировалась вокруг православного храма.

Изучая исторические процессы, мы пристально вглядываемся в современную жизнь, пытаясь рассмотреть следы сохранившихся традиций, ростки всходов традиционных цивилизационных ценностей в новых исторических условиях, характеризующихся небывалым натиском ценностей другой – западноевропейской – цивилизации.

* Великие мысли, кратко реченные. – СПб, 2006.

Важнейшим показателем возрождения России является рост количества храмов, монастырей, приходов, а вовсе не экономические показатели, основанные на темпах вывоза национальных богатств за рубеж.

Архимандрит Авель, протоиерей Геннадий, владыка Иосиф и Б.Н. Кузык

В начале этого века нам выпало счастье познакомиться с отцом Авелем – и мы прикипели душой к Свято-Иоанно-Богословскому монастырю.

Путь в Рязань из Москвы оказался не прост, не близок, извилист и тернист. Наши поиски – цивилизационные, исторические и духовные – вели нас по Югу и Северо-Западу России, мы побывали на Афоне и в Святой земле, на Кипре, в Сирии, Иордании, Китае.

К отцу Авелю нас привез его духовный сын протоиерей Геннадий Зверев, настоятель Софийского собора в Царском Селе под Петербургом, с которым нас связывают проекты в области возрождения православных святынь и национальных традиций. Мы стали регулярно приезжать к батюшке. Он благословлял наши поиски, экспедиции, паломнические поездки, создание книг, научные труды и проекты восстановления храмов. Он принимал участие в наших судьбах, переживая с нами успехи, неудачи и личные трагедии.

Архимандрит Авель был удивительным человеком, связавшим своей жизнью множество исторических судеб. На примере его самоотверженного служения Церкви и Отечеству мы воочию видим связь времен, непобедимую и животворящую силу земли Русской, вековые традиции, пронизывающие толщу народной жизни.

Святитель Иоанн Златоуст писал, что Церковь – это не стены каменные, это народ верный!

Этому собиранию народа верного архимандрит Авель отдал свою жизнь, всю, без остатка.

Глава 1

Беседы с батюшкой

Жизнь с чистого листа

Блажен, кто посетил сей мир
в его минуты роковые…
Ф. Тютчев

Мы сидим за столом в уютном доме наместника под внимательным взглядом ликов с икон. Стены и потолок из дерева, на широком столе чай, мед, свежий монастырский хлеб, но главное для нас угощение – духовная беседа с отцом Авелем, раскрытая сокровищница его воспоминаний. Живые образы, неспешная речь, удивительный язык, мягкий юмор. В паузах тихая улыбка и внимательный взгляд.

Сколько таких вечеров посчастливилось провести здесь, за этим столом? Уж и не упомнить! Только темные крестики над дверным проемом говорят: дому этому восемь лет.

За столом кроме архимандрита Авеля и владыки Иосифа еще три-четыре человека гостей. В обитель Иоанна Богослова приезжают из Рязани, Москвы, из самых отдаленных мест. Здесь бывают и политики, и видные ученые, ректоры университетов, академики, писатели, художники.

Из окна вид на заокские дали, луга. Высокое небо, удивительный простор. От окон плавно вниз по склону монастырского холма спускается сад. За стеной монастыря, бегущей где-то ниже сада, холм круто обрывается и создается ощущение полета, оторванности обители от земли, парения в пространстве над землею Рязанской.

«*Сок березовый, а из него в Белоруссии квас делают,* – угощает батюшка Авель, – *можно и хлеб макать, белый».*

«*Вот салат афонский «с крапивкою», а вот такой салат называется «хрустящая капустка».*

«Как Вы поживаете?» – «Да слава Богу. Уже Пасха будет, готовимся сейчас. Дожили. Да. Конечно, можно сказать, дожили. Сейчас вся жизнь очень быстро течет. Кто чего бы ни задумывал, какие-то дела – не успевают!»

Разговор постепенно переходит на воспоминания об Афоне, о встреченных на длинном пути людях, о давних годах, известных нам по учебникам истории, да и то с известными искажениями. Отец Авель прекрасный рассказчик, но не склонен к длинным сюжетам, да и вообще о себе говорит нечасто. Его воспоминания собирались постепенно, по кусочку. Вот они.

«Я родился в большой крестьянской семье еще до коллективизации. Бабушка всем управляла, дедушки не было. Семья была очень трудолюбивая, православная, с традициями. Ходили на молебен и в Николо-Радовицкий монастырь, и в Иоанно-Богословский. Как хорошо, благодать, а в Богословском монастыре – это рай.

У бабушки, отцовой матери, было семеро человек детей, потом она взяла еще четверых. Муж у нее молодым умер. Она не сломалась, вела все хозяйство.

Ее действительно уважали. Я никогда не слышал, чтобы грубо кто бабушке ответил. Все показывали дружелюбие, любовь. Имена-то даже были ласкательные: Настюшка, Грунятка. Учитель лучший – это семья. Иногда, кажется, ребенку говоришь, а у него – мимо ушей. Но он это складывает, как в копилку. Запоминает, как в семье заведено.

Все были заняты работой: все – наше, и нужно работать от зари до зари».

«Бабушка на вид вроде строгая была, а душа-то у нее добрая. Она, бывало, и подоит коровку, и покрестит ее, поцелует – все ну как вот с людьми. А собак не любила. Как уж я ее упрашивал: «Бабушка, мне вот щеночка хорошего!» – «Нет, сынок, нет».

Меня она очень любила, я у нее любимый внучок был.

«Бабушка, он будет на дворе жить». – «Нет, сынок, нет. Сейчас у нас собаки нет, нас ангел охраняет. А если собаку приведешь, ангел скажет: «Раз я не нужен, я ухожу». А кто лучше сохранит? Собака или Ангел Хранитель?» – «Ангел». – «Да, ангел. Тогда успокойся».

Так и успокоился.

Потом, когда я пошел в школу, стал с ребятами соприкасаться. А там разные... Не хотелось мне быть белой вороной. Думаю: «Я буду как они». Но так и не научился ни курить, ни ругаться.

Война началась – голод, все... Мне 14 лет было, ребята позвали в совхоз. «Там в поле, – говорят, – морковь очень хорошая. Сладкая, крупная!» Поддался я соблазну. Надергали, подошел к дому-то, постучал. Обыкновенно бабушка открывала, а тут отец не спал и говорит: «Мама, не вставай (ей с печки слезать), я открою». Он открыл – я стою с морковью. Думал, он скажет «молодец!», а он взял эту морковь и меня – и так, и эдак. Морковью-то! А потом ее в крапиву бросил и говорит: «Это первый и последний раз. Не позорь наш род. У нас в роду никогда никто ничего чужого не брал. Продать, купить, обменять – можно, брать без спросу – нельзя». Так уж я запомнил навсегда.

В школе говорили: «Бога нет, мракобесие, попы обманывают». Призывали учеников бороться с предрассудками. Я тоже сидел за партой, тоже слышал. Приду домой – лампадочку поставлю, а другие приходили иконы снимали, выбрасывали. Конечно, в семьях трагедии были.

Вот дальше слушай... В одном из таких домов бабка, мать и отец верующие, а внук: «Вы ничего не понимаете, вы не ученые...» В домах иконы небольшие были, но они все-таки на досках. Он порубил их, поставил самовар (тогда только самовары были, самовар на стол ставили), а по столу кровь потекла... Он прямо поседел. А потом мать заголосила: «Господи, что такое?» Глянь, а иконы-то нет! Тут и поняли в чем дело...

Голод 1932 года, мне пять лет, а я хорошо помню, как все лебеду ели.

Как-то сено возили и там нарвали щавеля. Мама предвкушала, что завтра щей наварит, особенно с крапивой. А подростки-ребята, старше меня,

Церковь во имя Тихвинской иконы Божией Матери в родном селе Никуличи

знали мою слабость к иконам, крестам. Пришли: «Тебе крест нужен?» – «Нужен». – «Давай весь щавель». Я и отдал весь щавель.

Мать пришла щи варить, а щавеля нет. Вышла – в саду стоит этот крест, из двух реек, одним гвоздем скрепленный, она рейки-то соединила и меня по мягкому месту. Конечно, я не обижаюсь на нее и молюсь за нее, потому что я был невольно как искуситель. Ведь она всех накормить хотела, надо о семье заботиться.

У всех на воротах медные иконки висели – и над калиткой, и над воротами, куда скотина входила. Ребята их палкой сбивали (там всего на двух гвоздиках все держалось) и мне приносили: «Давай хлеб, давай». В деревне где-то у кого-то сшибли и принесли мне.

Все-таки Господь утешал. Наступил плодородный год, все уродилось, мы были еще единоличники, еще колхозных не было. Прежде хлеб по кусочку всем бабушка давала, а тут хлебы-то какие: пекли в печи на лопате! Она берет, все ломти большие, я подбежал: «Бабушка, не надо, мне немножко». Она заплакала: «На тебе!» Я открыл на кухне шкафчик, а там хлеба полна полка. «Вот сколько хлеба Господь нам послал! Поедим, я еще напеку».

Вот – бабушка! Она могла так сказать, что Бог послал, это любовь такая была с детства к Богу.

В войну я был уже большой. Тоже был голод. Мать ехала с работы, карточки получала, мы были еще все дети. Праздник подходит – не помню какой – мне надо лампадку зажечь, а масла нету. Тогда каждый день не зажигали, а хоть к празднику. Накануне праздника и после литургии лампадку зажжешь... а тут нет! И пришла женщина да говорит: «Вам нужно Богово масло (так уж называли лампадное масло)?» – «Нужно, а сколько?» – «Буханку хлеба за литровку...»

У нас была буханка хлеба-то, отец получил и мать, и я ей отдал. Думаю: «Ребят я картошкой накормлю, еще чего-нибудь придумаю».

Ушла женщина, я на радостях лампадочку зажег, хоть и праздника нет, а порадоваться, что лампадка горит.

Сердце заныло, отец с матерью придут, скажут: «Ужинать», а хлеба нет. Скажут: «Как же так?» Чтобы забыться, решил сделать генеральную уборку. Бабушки уж не было, я был в семье старший. Мама только выстирает, а я сам отнесу и все поглажу, я ее жалел и любил. И тут взялся за уборку. Поубирал все и вот на полку смотрю. Я сам клал хлеб, я старший в семье, полку-то обмахнул, а потом думаю: «Дай наверху пыль сотру».

Стал стирать пыль, смотрю – там что-то лежит. Буханка целая хлеба!

Как я обрадовался! Три поклона земных положил: вся буханка целая, вот так.

Мама на работе получала пайки. Отец в госпитале работал, военный паек получал. А я во всех местах по дому: и пек, и варил, и стирал, и шил – обшивал своих братьев, сестер. Они все мне сдавали продукты, а я думал: «Сейчас поедят, а Пасха подойдет – и нечего будет на стол поставить». Муки настоящей отсыпал, сахара, все это в сундук относил в сени. А подошла Страстная седмица, мама и говорит: «Думала, пайки будут давать, а оказалось – отложили, только к Маю дадут». А Пасха раньше была. «Как же оно у нас к Пасхе будет?» – «Мам, будет к Пасхе!»

Потом принес, а она: «Ты где взял?» – «Вы все принесли». – «Как у тебя сил хватило голодным сидеть, а все...» – и замолчала.

В войну пришлось мне поработать в колхозе на пасеке, а пасека находилась в саду – вокруг яблоки, смородина, малина, крыжовник. В колхозном саду работала комсомольская бригада. Погода – все дожди и дожди, а они и говорят: «Ну что ж твои угодники-то?»

Я не скрывал, что верующий. «Просите Бога, даст хорошую погоду». А сам пошел в сарай. Там, посреди пасеки, был у меня инструмент, рамки, все. Никто туда уже не ходил,

там у меня иконы стояли, свечи горели. Ну вот я помолился, тучки разошлись и перестал лить дождь. Ну я не стал говорить, что молился Богу, просил...

Бригадир так вызывающе и говорит: «Ну что, небось скажешь, что Бог твой дождик остановил?» – «Да, все Богу подчиняется: дождь и солнышко, все». – «Просто ему нужно было перестать, он и перестал». – «Ну пусть будет по-твоему».

Как через час ливанул дождик, да без туч, без всего.

«Ты уж прости!» – «Ты не мне, ты поблагодари в душе «Господи, слава тебе!», а ты вот начал усмехаться. Бог все видит».

Семья Македоновых: мать и отец с детьми

Мама умерла молодой, 38 лет, в войну. Отец был призван в армию, она жалела нас одних маленьких оставлять дома. Роды наступили раньше больницы. Когда уж схватки, она меня послала за ее отцом: «Пойди за дедушкой». Она ему сказала: «У меня уж роды», он побежал в сельсовет, в колхоз, пока лошадь нашли, да несколько верст... Когда привезли в родильный дом, роды уж прошли, ребенок застыл, зима была. Она простыла, с тех пор болела.

Когда она померла, пришла после похорон ее сестра. Такая сестра была, она меня не любила. Как ни придет: «Все Евангелие читаешь? Евангелие тебе хлеб не даст, газеты надо читать, журналы читать». Она тетка, спорить не будешь.

А тут она пришла навестить, как мы живем, потом я пошел ее провожать, она идет и говорит (мама старшая сестра у них была, они ее нянькой звали): «Вот нянька теперь жива была бы, если бы она меня послушалась». – «А чего ж она тебя не послушалась?» – «Я ей говорила: «Сделай аборт, на кой тебе нужно, и так ребят полно». А она ей сказала: «Дуська ты Дуська, если бы ты побывала в Иоанно-Богословском монастыре, видела картину

Война разметала и разбросала огромное число народа. Долгие годы люди не знали о судьбах близких, пока чудесным образом не приходили весточки

Стоят: слева – Леонид Комиссаров, справа – священник отец Герман Луцао, крестивший отца Авеля. После разорения церквей, чтобы прокормить семью, работал извозчиком. Сидят: слева – его жена, справа – тетя отца Авеля Екатерина Лазаревна, подруга жены священника

Страшного суда, какие муки за убийство своих детей... Нет, умру, но аборта делать не буду».

Мама мне не рассказывала ничего, а когда умерла, вот такое я узнал...

Я когда услышал, как она категорически отказалась делать аборт, заплакал. У нее первый ребенок был мертвый, последний, может, был живой, но замерз, застыл...

Тетка и говорит: «Ну что теперь плачешь, плачь не плачь, мама-то уж умерла...»

Думаю, глупая ты, я не о том плачу, что померла. Я рад, что мама не виновата в этих смертных грехах. Была девушкой чистой, вышла замуж по закону, была верная жена, все было, как положено. Мне это было очень отрадно.

У меня всегда в поминании было записано – родители, бабушка. Была к ним любовь. И когда я мальчиком был, и потом – когда я стал священником... И в Ярославле я всегда поминал их, и на Афоне, и здесь – в Иоанно-Богословской обители.

Как здесь Иоанно-Богословский монастырь закрывали, мне было три года. А по воспоминаниям я его будто вижу весь. Потому что мама была здесь, бабушка была неоднократно. Пожилой люд, почитай, все были не один раз.

Был такой обычай: из Рязани и окружных сел все считали долгом идти пешком 25 верст сюда в монастырь. Там были храмы свои, и все Великим постом и исповедовались, и причащались, но как наступал Успенский пост, 1 августа, то шли в Иоанно-Богословский монастырь. Тут три дня жили, молились, исповедовались, причащались. Потом на дорогу брали ломоть хлеба, шли назад.

А на полпути, где-то километров 12 отсель, речка есть, приток Оки. Там на берегу одна семья, муж с женой, ставили пасеку, вывозили летом на луга пчел.

У них была печка под крышей, под навесом столы длинные, самовары пятиведерные. Воду прямо из реки брали, вода чистая была. Свежий мед, свежий хлеб прям тут же пекли. Люди, которые шли из Рязани, останавливались и пили чай с хлебом, мягким, ржаным, заварным (вот таким, как у нас, только там вкуснее еще!), и с медом свежим. Мама, бабушка это все рассказывали...

А вот один эпизод рассказал мне наш протодиакон Павел Иванович Смирнов. Он сам не ходил, молод был, пешком 25 верст – это все-таки далеко, а его брат старший ходил.

Когда пили чай, один из богомольцев (слишком он был коммерческий человек, ведь не все святые) обратил внимание: не все, кто пьет чай, кладут в кружку денежку. Там кружка была – и такса: чай столько стоит, хлеб столько...

Подошел к хозяину: «Слушай, не дело, нет контроля. Некоторые чай пьют, хлеб едят, а в кружку не кладут». Хозяин на него посмотрел: «Я не в убытке. У меня только прибыль. Мне не нужно контроля. А если десять человек задаром выпьют, то найдется такой, Господь обязательно пошлет, который за сто человек опустит. Я всегда в прибыли». Вот так!

А монастырь был действующий, когда я родился. Иоанн Богослов позаботился. Он меня сам сюда предназначил, так я послушание его исполняю.

Еще когда я в утробе матери был, Иоанн Богослов являлся во сне матери: принес ей рулон черного материала и ножницы, а мама испугалась и говорит:

«Дедушка, я шить-то не умею». – «Я не тебе принес-то». – «А кому?» А он показал ей на живот: «Сын у тебя родится, вот ему».

Мама о своем сне рассказывала всей семье. Проснулись бабушка, отец мой, тетки: они все в одной избе жили. Только не присутствовали баба Катя и тетя Дуня, остальные все – баба Маня, баба Груня, баба Настя.

Она тогда сказала: «Я этого старца не знаю – на Святителя Николая не похож. Нет, Святителя Николая я из тысячи узнаю, у него бородка маленькая и волосики короткие. А этот – борода большая, доброе-доброе лицо, глаза ласковые, и он не в ризе, а в накидке. Кто ж он?»

А потом, потом уж – после Афона – все на свои места встало. И зачем так много материала – ясно. Помилуй, с чего это он? Если мне как монаху, мне бы одного отреза хватило. А если рулон, то должен вселять в мою обитель монахов. Я и вспомнил: послушание! Стараюсь чем могу, как могу исполнять его повеление.

Он уж все наперед знал. Я поэтому и вижу, почему на Афон попал: потому что Иоанн Богослов, раз уж он заботился о своем монастыре (даже я еще в утробе матери был, он меня назначил быть в этом монастыре, возрождать его, черный материал и ножницы дал постригать монахов), то он и попросил Матерь Божию, сказал: «Матерь Божия, пошли его на Афон, пусть он там поучится». Так мудро все Господь устраивает!

Я когда с Афоном расстался, почти каждую ночь плакал и во сне все видел Афон. До тех пор, пока вот здесь монастырь открыли и принесли икону, которая теперь реставрируется. Я как ее увидел, у меня вся грусть тут же пропала, а радость просияла: я понял, кто был тот старец, который маме сказал: «Это я не тебе принес, а сыну твоему».

Вот и не только я один, даже люди мирские – они чувствуют своим сердцем реальное присутствие Иоанна Богослова. А я который год живу, я всегда это чувствую, поэтому ни тоски, ни уныния, ни отчаяния. Я знаю, что Иоанн Богослов, что надо, все сделает. Во всем поможет и защитит. И Господу молится, чтоб Господь простил какие ошибки, все».

В своих воспоминаниях не раз и не два отец Авель возвращался к ярким образам детства. За любовь к Церкви и богослужению, за молчаливость и уединенность в детстве его звали Коля-монах. И вот как-то в храме в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» познакомились два подростка. Стояли в очереди, чтобы подойти под благословение к владыке, и обратили внимание друг на друга. В те годы молодежь в церкви – это было непривычное явление.

Добрый пастырь.
Владыка Рязанский Филарет (Лебедев)

В Рязани, как и везде в России, после гонений на Святую Церковь оставался один действующий храм не в центре города, а на кладбище.

Оказалось, что в селе Никуличи, в трех-четырех километрах от Рязани, где жил Коля Македонов, жил другой мальчик, Боря Ротов. После службы как-то раз они отправились вместе пешком. Завязалась дружба, которой суждено было стать им опорой и утешением и которую они пронесли через всю свою жизнь.

По дороге в Никуличи они говорили о Священном Писании, останавливались. Приметным местам по пути давали названия: Вифлеем, Иерусалим, Гефсиманский сад. Огромную старую иву нарекли Мамврийским дубом. Так любимый ими батюшка Серафим Саровский глухие мордовские леса вокруг Сарова наделял дорогими именами из Священного Писания, чтобы быть ближе в мыслях и наяву к местам земной жизни Спасителя.

Мальчики пережили все ужасы и лишения минувшей войны: отцы на фронте, голод и холод, забота о хлебе насущном и ранний труд в связи с этим уже в детские годы. «Несколько раз, – вспоминал митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, – я слышал от владыки Никодима трогательный рассказ, врезавшийся в его детское сознание и относящийся

Мария Лазаревна (слева), тетя отца Авеля, взялась за воспитание детей после смерти родителей

к периоду войны. Враг подходил к Рязани. В храме Скорбящей иконы Божией Матери служился ежедневно молебен о победе и читалась молитва святителю Василию Рязанскому, покровителю этого края. И в самый критический момент, когда уже не было у людей надежды на спасение от овладения городом завоевателями, среди верующих в храме распространился слух, что явившийся святитель Василий сказал, что не отдаст своего родного города и народа на поругание врагу. Так оно и случилось!»

Оба подростка во время службы в церкви помогали владыке Димитрию, он считал их своими духовными чадами.

Коля был на два года старше, и жизнь круто взяла его в оборот еще подростком: в военные годы он остался без родителей с братьями и сестрами на руках, младшему из которых было всего три годика... Получив известие о смерти отца, он пошел в храм. Был поздний вечер, но владыка предчувствовал и ждал его... Владыка Димитрий заменил ему отца, Церковь стала его домом.

Вот как отец Авель вспоминал об этом.

«Родители мои умерли в 1943 году. Мне тогда было 16 лет. А владыка Димитрий меня как будто усыновил... Шла война. Одно горе кругом. Того убили, этот без вести пропал. Смерть стучалась в каждый дом, и я не стал никого тревожить своей бедой. А у меня оставались два младших брата и две сестры, самому маленькому – три годика. Помню, как тогда, в храме, владыка взял меня за подбородок: «Ты чего же, ангел мой, не говоришь, что Господь

твоего папочку-то взял?» У меня слезы так и покатились по лицу. А он: «Не плачь, ты радуйся. У кого Бог берет, тому Сам заменяет. Теперь тебе Бог и отец, и мать. Ты самый счастливый человек». Я и утешался этим».*

Оба друга были пострижены в монашество и рукоположены своим духовным отцом архиепископом Димитрием. И начинали свою жизнь в Церкви при нем. Отец Никодим (Ротов) стал личным секретарем владыки. А отец Авель служил в церкви недалеко от Рязани.

Вспоминая своего учителя, разговоры, советы, наставления, отец Авель убеждался, что владыка Димитрий во многом предвидел судьбу своих духовных чад.

Боря Ротов стал митрополитом Никодимом, одним из иерархов Русской Православной Церкви в самое непростое время XX века, когда готовилось нынешнее возрождение России. Коля Македонов стал одним из тех, кто спасал земной удел Божией Матери во времена «черных полковников», вознамерившихся превратить Афон в туристический центр...

Монашеский постриг отцу Авелю довелось принять от владыки Димитрия в Ранненбурге, в храме на месте бывшей Ранненбургской Петропавловской пустыни. Место удивительное, историческое. После Петровских побед Александр Данилович Меншиков выстроил монастырь, названный Ранненбургской Петропавловской пустынью. По преданию, на этом месте Петр Алексеевич чудесным образом спасся при нападении разбойников.

Бывало, слушаешь и смотришь на батюшку и вспоминаешь слова святого Иоанна Кронштадтского о том, что иметь дух и не иметь возможности его удовлетворения – мучительно для души. Сколько душ в России в XX веке мучилось тем, что закрыты храмы? Отец Авель в тяжелейшие послевоенные годы нашей истории принадлежал к тем, кто врачевал души. Разруха, потери, утраты, голод, безотцовщина, отчаяние, болезни и тяжелые ранения...

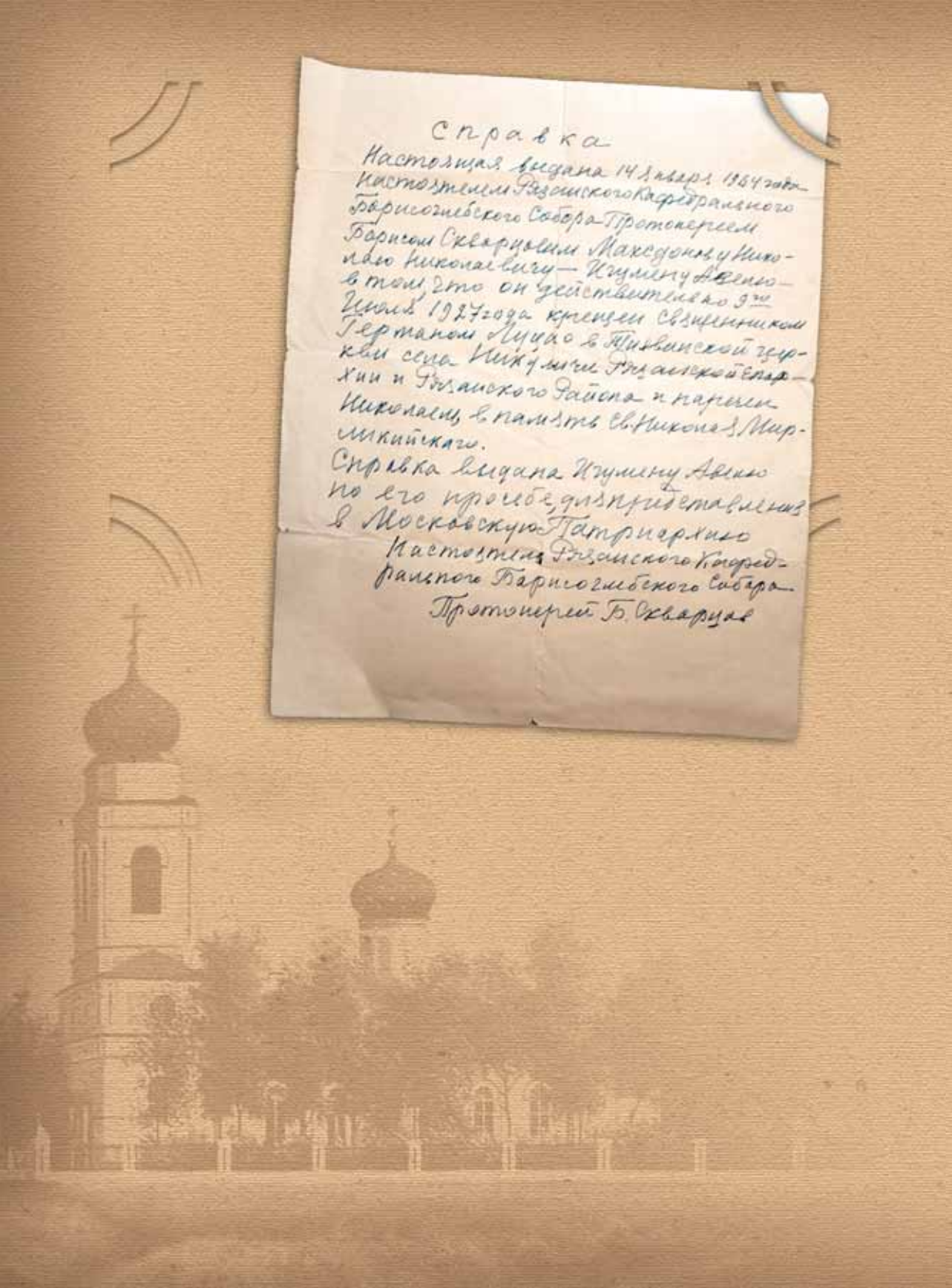
Он и сам многое вынес в пору хрущевских гонений. То в 24 часа приказано было покинуть рязанские пределы, то выдворяли из Ярославской епархии, то устно советовали отречься от Бога, устроиться на работу. Тогда в Ярославле епископу Исаие (Ковалеву) отец Авель сказал, что он не сломлен и всегда уповает на лучшее: «*...я воспитал двоих братьев и двух сестер. Уж они мне с голоду умереть не дадут. Совесть у них есть, каждый мне в день по куску хлеба даст на завтрак, на обед, на ужин – я и проживу. А четвертый кусок-то всегда найдется кому отдать, такому же нищему, как и я*»*.

* Муравлев Е., Фомичев Д. Звезда утренняя. – М., 2007.

С мамой

С младшей сестренкой Антониной

Отец Авель (Николай) с мамой Феодосией, младшим братом Алексеем, с сестрами Валентиной и Антониной



Справка

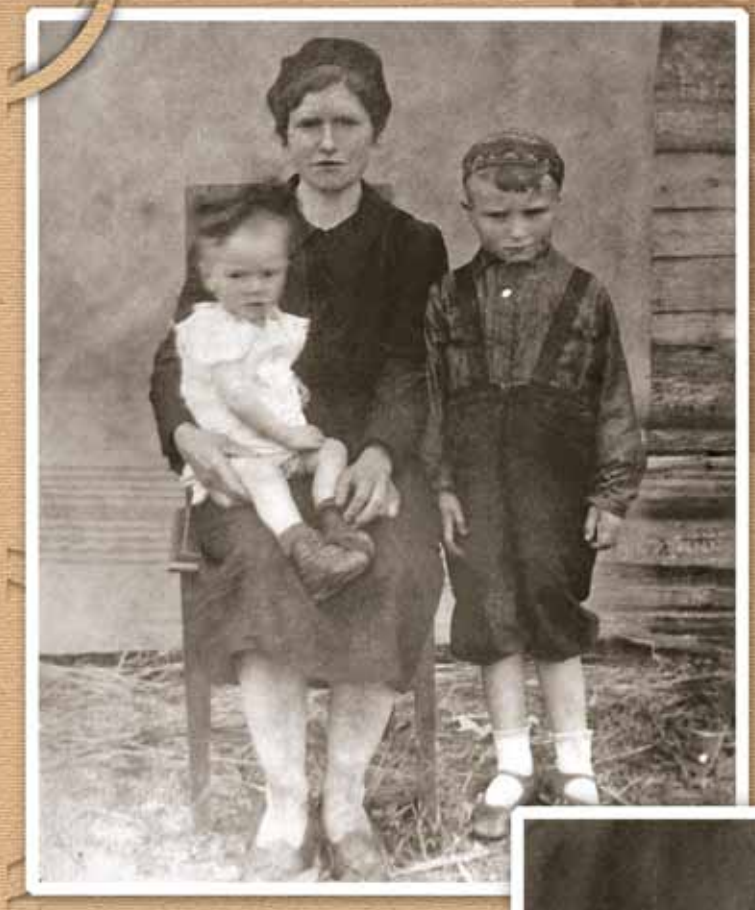
Настоящая выдана 14 января 1954 года настоятелем Рязанского Кафедрального Борисоглебского Собора Протоиереем Борисом Скворцовым Македонову Николаю Николаевичу — Игумену Авелю в том, что он действительно 9-го Июля 1927 года крещен Священником Германом Лукко в Тихвинской церкви села Никульчи Рязанского Епархии и Рязанского Района и наречен Николаем, в память Св. Николая Мирликийского.

Справка выдана Игумену Авелю по его просьбе, для представления в Московскую Патриархию

Настоятель Рязанского Кафедрального Борисоглебского Собора

Протоиерей Б. Скворцов

Агриппина Лазаревна Комиссарова (в девичестве Македонова)
с детьми Михаилом и Людмилой



Крестная отца Авеля
Агриппина Лазаревна с детьми

Михаил Комиссаров

Володя Комиссаров и Люся Луцао, дочь отца Германа, крестившего отца Авеля

Екатерина Лазаревна (справа) и жена отца Германа

Бабушка Татьяна с сыном Николаем Лазаревичем. На руках – Володя Комиссаров, за плугом – Алексей

Две соседки:
Агриппина Лазаревна
и жена председателя
колхоза тетя Шура

Екатерина Лазаревна и Евдокия Лазаревна
с мужем Федором Васильевичем из Хамбушево

Мария Лазаревна со своим мужем Алексеем

РОД МАКЕДОНОВЫХ

КАРП → **ФЕОДУЛ** → **МАКЕДОН**
• [1802
∞ 1818
♀ Евдокия Антонова
• [1803

Феодосья
• 14.05.1809
† 16.08.1809

МАКЕДОН →

Иван
♀ Татиана Селивановна
• 1823
† 1903

Харлампий
• 16.02.1822
∞ 1846
♀ Анастасия Федорова
• [1826
2∞ [1858–1863]
♀ Феодора Антонова

Анна
• 08.12.1823
† 09.08.1864

НИКОЛАЙ
• 24.11.1825
† 1891
∞ 1847
♀ Параскева Яковлева
2∞ ? [1861]
♀ Мария Евфимова
† 1905

Екатерина
• 24.10.1827

Мария
• 01.01.1830
∞ 03.10.1850
♂ Алексей Зиновьев
• [1824

Андрей
• 01.10.1834

Феодосья
• 29.11.1836

Варвара
• 05.10.1838

Максим
• 04.01.1840

Константин
• 03.05.1843

Акилина
• [1844
∞ 04.11.1860
♂ Степан Яковлев

Евгения • 24.12.1852

Иоанн • 18.02.1855

Георгий (Егор) • 1855
∞ 1879
♀ Васса Фотиевна

Сергей • 1858

Пелагея • 05.05.1860

Акилина

Акилина • † 1847

Анастасия • 24.12.1848

Николай • 1850 † 1890

Пелагея • 04.05.1853

Александр • 1856 † 1863

Павел • 1858

Семен • 01.02.1863

Анастасия • † 1864

Александра • 19.04.1866

Павел • † 1852

Павел • 1855 † 1881

Михаил • [1854
∞ 1882
♀ Надежда Федоровна

Евдокия • [1857 † 1859

Константин • 22.05.1862

Наталия • [1869
∞ 1887
♂ Федор Котунчиков

ЛАЗАРЬ
• 09.07.1866 † 1943
∞ 1891
♀ Татьяна Кузьмина Ефимова • [1874 † 1943]

Василий • 24.10.1851

Условные обозначения:

- • рождение
- † смерть
- ∞ женитьба
- 2∞ 2-я женитьба
- ♀ жена
- ♂ муж

дети одних родителей

→ МАКЕДОНОВЫ

→ род Македоновых по женской линии

? информация отсутствует

[ ] информация предположительная

Анна • 1886

Евдокия • 1889
∞ 1906

Параскева • 1893

Стефан • 1896

Петр •[1874
∞ 1906
♀ Матрона

- **Иван**
  ♀ Евдокия
  - **Вячеслав**
  - **Виктор**
  - **Алексей**
  - **Татьяна**

Мария •[1884

Клавдия • 1893 † 1895

Павел • 1894 † 1896

Иван • 1897

Иван • 1898

Василий •1900 † 1906

Мария • 1903

Иван • 1905

Ольга • 1907

Владимир •[1890
∞ 1907
♀ Надежда Васильевна Артюхина

- **Антонина** •[1925 † 1929

Николай •[1873 † 1875

- **НИКОЛАЙ (архимандрит Авель)**
  • 1927 † 2006

Михаил

Мария † 1892

Евдокия

Анна

Александра

- **Алексей** • 1932 † 1993
  ♀ Людмила Константиновна Крылова • 1938
  - **Василий** • 1960
  - **Галина** • 1963
- **Валентина** • 1934 † 2002
  ♂ Борис Иванович Фефелов • 1931 † 2002
  - **Ирина** • 1960
  - **Мария** • 1967
- **Антонина** • 1937

НИКОЛАЙ
• 28.10.1893 † 1944
♀ Феодосия Митрофановна Шашкина • 1904 † 1943

- **ВИКТОР** • 1939
  ♀ Лидия Ивановна Арапова • 1940
  - **Николай** (епископ Иосиф) • 1964
  - **НАТАЛЬЯ** • 1966
    ♂ Валерий Васильевич Рюмин • 1950
    - **РЮМИНЫ-МАКЕДОНОВЫ**
      - **Николай** • 2000
      - **Георгий** • 2002

Евдокия • 1897 † 1944

Алексей • 1900 † 1966
♀ Александра Васильевна † 1987

Екатерина • 1902 † 1944
♂ Алексей Иосифович Комиссаров
♀ Агриппина • 1905 † 1985

Мария • 1907 † 1967
(инокиня Мария)

Анастасия • 1910 † 1972
♂ Василий Романович Милюков

- **Владимир** • 1925 † 1941
- **Михаил** • 1937
  ♀ Раиса Ивановна Марьяшина • 1945
  - **Татьяна** • 1965
  - **Роман** • 1977
- **Людмила** • 1941
  ♂ Виктор Васильевич Яшин • 1936 † 1996
  - **Владимир** • 1968
  - **Николай** • 1969
- **Олег** • 1949
  ♀ Нина Михайловна Агафонова • 1951
  - **Дионисий** • 1978

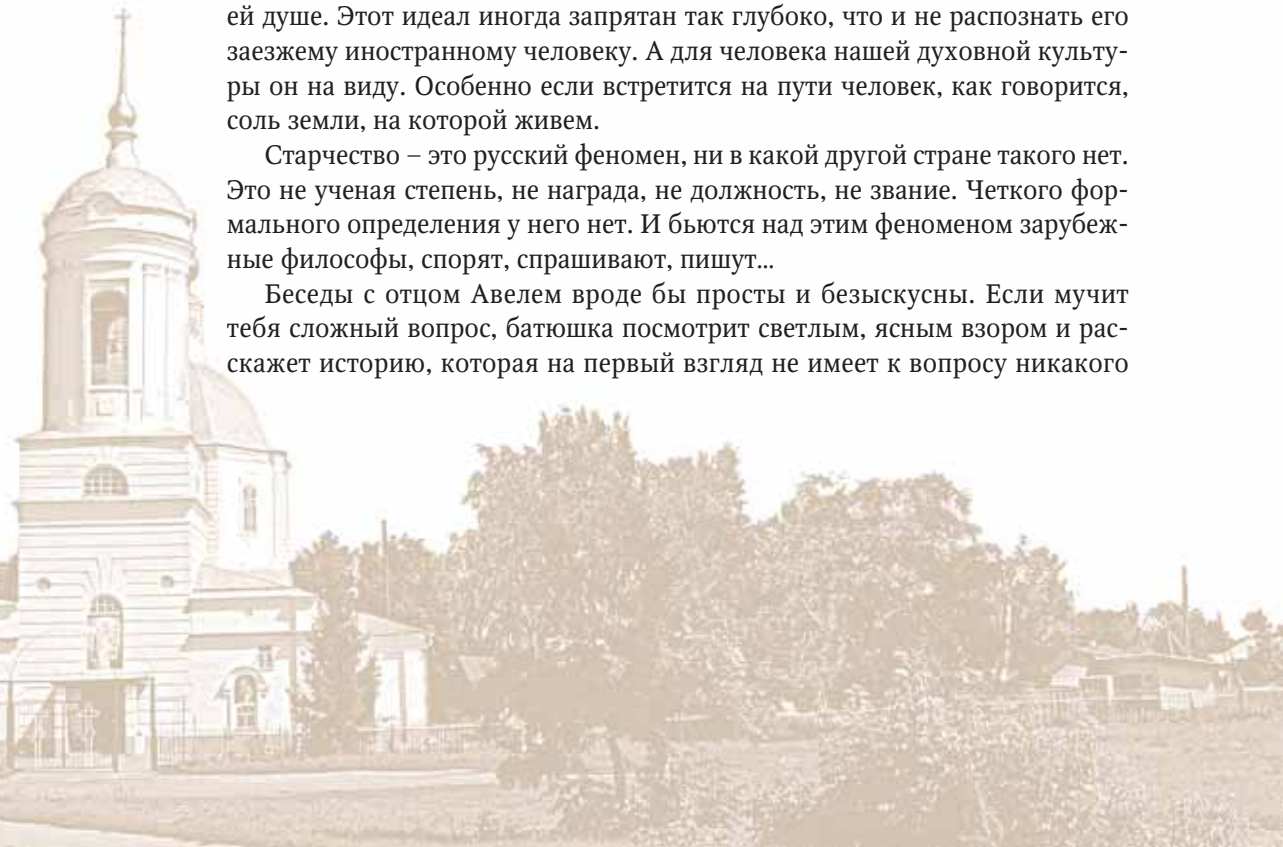
Первый постриженник в земле Рязанской

Не все, живущие в монастыре, – монахи,
но тот монах, кто исполняет дело монашеское.
Преподобный Варсонофий Великий

Достоевский призывал судить о русском народе не по грехам, которые тот часто совершает, а по идеалу, который сохранил он в своей душе. Этот идеал иногда запрятан так глубоко, что и не распознать его заезжему иностранному человеку. А для человека нашей духовной культуры он на виду. Особенно если встретится на пути человек, как говорится, соль земли, на которой живем.

Старчество – это русский феномен, ни в какой другой стране такого нет. Это не ученая степень, не награда, не должность, не звание. Четкого формального определения у него нет. И бьются над этим феноменом зарубежные философы, спорят, спрашивают, пишут...

Беседы с отцом Авелем вроде бы просты и безыскусны. Если мучит тебя сложный вопрос, батюшка посмотрит светлым, ясным взором и расскажет историю, которая на первый взгляд не имеет к вопросу никакого



отношения. И даже к задавшему вопрос вроде бы не имеет отношения. Но, впустив в свое сердце поток образов и смыслов, открыв душу, ты подходишь самостоятельно к разрешению сложных ситуаций. Такие моменты повторяются не раз и не два, но изложить их на бумаге связно и образно не получается. Не хватает характерных интонаций, доброй улыбки, которая заменяет иногда окончание фразы. Не хватает жеста и характерного наклона головы. Может быть, удачная фотография могла бы дополнить текст? Но отец Авель не очень-то любил сниматься и только высказанной взглядом просьбе владыки Иосифа мог иногда уступить.

С Евангелием

«Вот я прожил жизнь свою...

18 лет мне исполнилось, я уж дал обет безбрачия. И ждал я дня пострига как праздника!

Потом я стал служить, я никогда никуда не переходил – не искал, где лучше, где выгоднее. А куда посылают, туда шел и никогда не возражал.

Как-то раз один протоиерей наш рязанский потом спросил владыку Димитрия (см. стр. 530): «Владыка, я не понимаю Ваш поступок. Такие есть красивые имена монашеские, а Вы какое-то имя дали – Авель. Как-то для нравственного чувства непонятно...» – «Я дал это имя со значением» и сам объясняет ему:

«Авель – первый мученик, первый праведник. Отец Авель – первый постриженник в земле Рязанской (до меня в области Рязанской в 40-е годы ни одного монаха не было, по России также были одни старики; а у нас в Рязани совсем ни стариков, никого не было). Потом Авель угодил Богу тем, что он так Бога любил, что самых лучших овечек приносил в жертву, чтобы Богу приятно было. Он настолько любит Бога, что он свою юность отдал Богу, не задумываясь. Авель был любимец своих родителей, вот мы его будем любить. Поэтому я ему имя такое и дал».

Иеромонах Авель. Первые годы служения

«Мой духовный отец владыка Димитрий происхождением потомственный дворянин, юрист по образованию, был женат, потом принял сан священства от патриарха Тихона. Когда овдовел, его в монашество постригли и в архиереи поставили. А секретарем у него был мой друг, будущий владыка Никодим.

Как-то он ездил в Тутаев и заехал в мой приход. Он в ужас пришел, в каких условиях я живу. Говорит: «Почему ж ты всегда приезжаешь веселый, довольный и никогда ни владыке не сказал (он как отец тебе!) и ни мне не сказал?» – «А чего же я буду сказывать, что мне плохо. Если мне плохо, вы поменяете меня вот с ним, например, а ему будет хуже... Я-то одинокий, а как он с семьей сюда, как быть тут? Поэтому я молчал и молчу».*

В селах как? Пришли старухи на панихиду, кто огурец несет, кто помидор, кто яйцо, а денег-то и нету. А священник должен жить. Жить!

И вот так всю жизнь прожил, ехал – куда пошлют. В итоге есть чего вспомнить, хотя были и тяжелые ситуации, очень серьезные. Вот, например, сегодняшний день мне памятный: 56 лет тому назад, это было 7 февраля, мне предъявили предписание в 24 часа оставить Рязанскую область.

Мне было тогда 20 лет. Я уехал в Ярославль, а там отец Никодим (будущий владыка, митрополит) священником служил. Он только-только

* Смоленский храм в селе Федоровское построен в 1780 году. Село находится примерно в 10 километрах от окраины Ярославля, в 2 километрах от трассы на Вологду и Архангельск, по дороге на Тутаев, до которого около 12 километров. От села остались храм, кладбище и два-три строения возле церкви: кладбищенская сторожка и хозяйственные помещения полеводческой бригады с остатками инвентаря. Храм и кладбище находятся на небольшом холме среди полей пшеницы и ржи. Кладбище действующее, посещаемое, храм известен своей чудотворной иконой, но постоянного прихода нет.

был рукоположен, он и попросил владыку Димитрия: «Владыка, оставь отца Авеля мне хоть на первую неделю поста». Потому что сложно ему, трудно.

А потом уж владыка Димитрий меня отправил в Углич. Дал мне с собой портрет свой.

Я приехал в Углич...

Конечно, угличане не с радостью меня приняли. Потому что для них это было что-то такое, навроде ереси. Они привыкли считать, что Углич – царский город, там царевич Димитрий жил, там он был убит. И поэтому туда священников посылали только заслуженных. Вот он послужит в каком-нибудь селе, потом в каком-нибудь городке провинциальном, потом еще, а потом заслуженный, маститый – его в Углич. А тут приехал мальчишка.

И вот все сбежались, церковь каждый день полна, не потому что молиться пришли, а пришли посмотреть на чудо: мальчик служит попом!

Пойду в баню, пока я моюсь – баня полна, а около бани народ стоит. Пойду причащать кого-нибудь, в доме причащаю, а около дома толпа: «Вот

Вокруг владыки Димитрия его прихожане. Перед владыкой справа – Боря Ротов (будущий митрополит Никодим), слева – Коля Македонов (будущий архимандрит Авель)

Фотография на память о торжествах в Троице-Сергиевой Лавре от отца Афанасия (Кудюка), будущего архиепископа Пермского

сейчас он выйдет». Власть владыке говорит, что город вообще сейчас не живет, а в каком-то таком брожении.

Я несколько месяцев там прожил. Владыка меня оттуда перевел, а в Углич послал отца Никодима. А он еще моложе меня, на два года.

Да. Вот только у него борода-то, а я в том возрасте был, лицо ну как у ребеночка. Владыка и говорит: «А у меня больше нет стариков-то, они все вымерли». Так он их и смирил.

В 45-м меня в диакона рукоположили (вот будет 60 лет осенью), а на другой год Лавру открыли и я поехал.

В Сергиевом Посаде вся Лавра была заселена жителями, все корпуса, академия. Сейчас-то ужас вспоминать: окна открыты, музыка играет, патефоны поют. А тут богомольцы и мы стоим. А все равно было радостно!

Первым открыли Успенский собор. Чтобы обедню служить, внизу-то сделали церковь Всех святых. Летний он храм. Вот поэтому к осени Трапезный передали церкви.

Там был такой NN, он увидел меня – молоденького монаха, робкого мальчика (мы тогда с ним не были знакомы): «Давайте пойдем сейчас мощи переносить Преподобного Сергия». Принесли. А тогда только раку поставили, а сень – эти поиски-то позже велись.

Вот поставили меня в головах, он и говорит: «Когда выйдет патриарх, Алексий I, ты откроешь ему окошко».

Пока он не приехал, народ прикладывается, а у меня идет поток мыслей: «Как же? Ведь разорили Лавру, мощи унесли куда-то. Это не Преподобного дали, а дали, наверное, какие-то кости». Стою. А потом уж я себе: «Ну что. Ну пусть кости, но место это святое, ведь Преподобный Сергий тут основал, он освятил своим дыханием, своей любовью, вся земля тут им освящена. Все равно дух его тут пребывает. И гроб-то его...»

А тут как стали бесноватые выделывать, ну уж я думаю – да, все-таки Преподобный точно здесь, воюет с бесами. А потом патриарх приехал, снял клобук, приложился, так на меня посмотрел внимательно: «Откуда такой юный инок?» А с ним владыка Николай (Ярушевич) был. Владыка и говорит: «Преосвященнейшего Димитрия, у него только молодой монах-то...»

Вот как мало монахов молодых было тогда, редкость даже и для патриарха.

Тут патриарх так улыбнулся, благословил меня: «А как чувствует себя Преосвященный?» – «Спасибо, слава Богу, Ваше Святейшество, все хорошо».

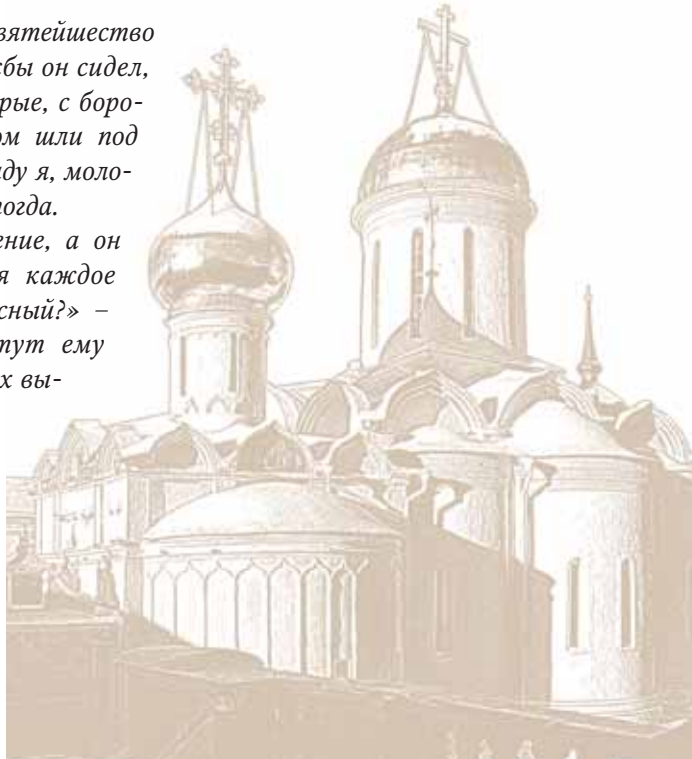
А потом уж он имел обо мне представление, когда вскоре через год меня в священники рукоположили, тут скоро в награду он мне крест золотой дал.

Уже прошел не один год, а я с тех самых пор, как открыли Лавру и пока не уехал на Афон, никогда не пропускал ни летний, ни осенний праздник Преподобного Сергия, всегда ездил.

Вот я другой раз приехал, Его Святейшество был в Успенском соборе. После службы он сидел, а за ним стояли священники – старые, с бородами. Ставили псаломщиков, потом шли под благословение звонари, сторожа, и иду я, молоденький, ну пусть мне было 23 года тогда.

Подхожу к нему под благословение, а он так четко, раздельно выговаривая каждое слово: «Кто Вам дал крест наперсный?» – «Вы, Ваше Святейшество...» И тут ему подсказывают: это Авель! Патриарх выдержал паузу: «Ах да! А мог дать владыка Димитрий!»

Спасибо, он все награды мне давал с любовью. И потом, когда



Ярославль, Никольская церковь. Великий вход. В центре – иеромонах Авель, справа держащий над головой дискос – иеродиакон Никодим, будущий митрополит

я уезжал на Афон, то он с такой любовью меня благословлял...»

Отца Авеля знали три Патриарха Московских и всея Руси. Память отца архимандрита хранила удивительные подробности, важные для понимания истории России XX века. Он являлся свидетелем событий, значение которых мы можем оценить только сегодня.

20 января 1947 года архиепископ Димитрий (Градусов) отслужил торжественный молебен – вновь открылся для прихожан древний Борисоглебский собор в Рязани. Единственным не закрытым храмом в годы войны оставалась маленькая Скорбященская церковь при кладбище: это был рубеж, который не смогли перейти власти, закрывавшие церкви повсюду. Борисоглебский собор вновь стал кафедральным. 12 января 1948 года собор посетил Святейший Патриарх Алексий I. По его благословению в храме начались большие ремонтно-реставрационные работы. Своды и стены собора были заново расписаны по лучшим образцам XV–XVII веков художниками из Палеха братьями Блохиными*. В левом приделе был установлен редкий иконостас XVIII века. В церковном дворе был построен крестильный храм во имя праведных Иоакима и Анны и установлен новый памятник на могиле святителя Василия Рязанского.

Прошло время, и жизнь самым тесным образом связала архимандрита Авеля с Борисоглебским кафедральным собором Рязани: он был его настоятелем с 1969 по 1970 год и с 1978 по 1989 год.

* В истории русского иконописания и фресковой живописи роспись Борисоглебского собора и Скорбященской церкви (В.А.Комаровским) – уникальный пример сбережения многовековых художественных традиций в период гонений с 1917 года до начала 80-х годов XX века. Кроме росписи рязанских храмов в советский период известны лишь работы по росписи церкви святой Софии на Софийской набережной в Москве.

Большой и важный отрезок жизни отца Авеля был связан и с Ярославской землей. Архиепископ Димитрий в 1917 году (тогда еще мирянин Владимир Валерианович Градусов) был участником исторического Всероссийского Поместного Собора, восстановившего патриаршество на Руси. В Москве во время Собора его рукоположил во священники патриарх Тихон. Получив приход на окраине города, он пережил подавление восстания в Ярославле, во время которого уничтожили треть города, а ему сломали обе ноги.

После своего перевода из Рязани в Ярославль он забрал своих духовных чад. Отец Авель служил в храмах в Угличе, в самом Ярославле вместе со своим духовным отцом архиепископом Димитрием. В 1956 году там же Господь привел и похоронить владыку.

Владыка Никодим, по воспоминаниям современников, считал годы их совместного служения на приходах Ярославской епархии (1949–1952) и особенно в Угличе – лучшим периодом своей жизни.

Многих людей вспоминал отец Авель в своих молитвах. На стене, на каминной полке – фотографии в рамках. На них выцветшие дарственные надписи «Отцу Авелю...» А на фотографиях – архиепископ Димитрий,

митрополит Никодим, отец Иоанн (Крестьянкин) (см. стр. 547). В массивном шкафу книги с дарственными надписями «От братии Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря...», грамоты и документы на греческом, болгарском и сербском языках. Отцу Авелю передавали на хранение бесценные реликвии: вот старые, подписные именные иконы; вот старопечатные книги; вот посох святителя Луки...

Он мысленно беседовал со всеми, молитвенно обращался к уже ушедшим. Вспоминается утверждение, что монах – это человек, уже ушедший из мира. Для него дата смерти не важна, он всегда готов к встрече с Господом.

«Обращаться к ушедшим можно и не в молитвах. Вот вам случай.

Моя тетка, отцова сестра, настоящая русская женщина, православная. Когда муж на фронт ушел, она всю Страстную седмицу не ела ничего. Все ее уговаривали: «Ну как же ты в самом деле?» Нет, держалась.

А так она самая обыкновенная женщина: когда-то расстроится, когда-то накричит нервно на кого-то. Все хозяйство вела она. Я ни во что не

Архиепископ Димитрий (в центре) с отцом Авелем, отцом Никодимом (крайний справа) и игуменом Исаией (крайний слева) – будущим епископом Угличским, управляющим Ярославской епархией

вникал, потому что она меня не посвящала. Дом родительский – это ее родной дом. Скажет когда (она меня после монашеского пострига называла «отец»): «Отец, мне нужно то-то и то-то».

Когда она умерла, пришел к нам посторонний человек жить, старушка-монахиня. Эта матушка ехала верст, наверное, 200 из Можайска до Рязани. Приехала на праздник, а как родных у нее в Рязани нет, она на приходе помогала. Она знакома была моей тетушке, и, когда была оказия, я послал ей передать приглашение. Она приехала. А тетушка уже больна, это последний день ее жизни. Она увидела и говорит: «Как хорошо, ты приехала. Я тебя очень прошу. Умираю, а чего батюшка один будет, а ты тоже там одна. Церковь далеко, пешком тебе 15 километров ходить, а тут близко. Приходи к нам жить – будешь за батюшкой ходить».

На второй день тетка-то умерла, старушка-монахиня осталась. Я вернулся с кладбища, помянули, а потом: «Как хочешь, тебе Мария Лазаревна наказала, ты дала ей согласие. Дала согласие, значит, ты должна исполнить». Она съездила за вещами, вернулась совсем. Хорошая хозяйка и кухарка. Но она ничего не знает – где у нас, что и как, я ничего не знаю. А топились дровами...

Да... Пошел я к тетушке на могилку. Не то что я пошел просить, я ходил каждый день (тут недалеко), выбирал время. Там и родители лежат – сходить надо, лампадку поправить... Я и ходил.

Вот пришел как-то и говорю: «Умерла ты, хозяюшка, ни во что меня не посвящала. Вот теперь лето пройдет, наступит осень, зима. Топиться нам нечем. Ты меня даже не познакомила, кто тебе привозил, чего. Ты уж как хочешь, а как-то... помогай».

Пришел домой с кладбища, сели мы обедать. Старушка выходит, потом приходит: «Батюшка, там какой-то мужчина дрова предлагает». Я так на нее посмотрел, думаю: такой человек не может меня разыгрывать!

Выхожу, действительно – мужчина, говорит: «Вам дрова нужны?» – «Нужны». – «Можно разгружать? Напилено все». – «Конечно».

Архимандрит Авель

Тут я и спросил: «Кто тебя прислал?» А мужчина как будто извиняется: «Видишь ли, я работаю на производстве, где нам часть зарплаты дают дровами. В квартире у нас газовое отопление, дрова нам не нужны, решил в ближайшее село продать. Приехал в ваше село, одну улицу проехал – никто не спросил, хотя люди видят: дрова везут. Вашу улицу уже проезжаю, и у вашего дома машина заглохла. Ну я и позвонил. Дрова нужны?»

Я спросил: «А сколько положено?» Он назвал сумму, я пошел, деньги принес ему.

Он посмотрел, говорит: «А Вы меня обманули». Я так испугался, неужто обгляделся. «Как это?» – «А Вы лишнее дали». – «Лишнее я Вам не давал. Милый, ты посуди сам. Я сидел дома, ничего не делал. Мне дрова привезли на машине, да уже напилено все. А если б мне хлопотать, идти на склад, за все платить, машину нанимать, нагрузить нанимать, разгрузить опять нанимать. Я Вам не передал, я Вас немножко отблагодарил».

И так потом он долгое время, вплоть до того, как нам газ провели, привозил дрова. Так вот... Я не обращался, а так просто на могилке... поговорил...

Она меня не оставляла своими заботами. После ее смерти зима холодная-холодная была. Пурга, морозы, а у меня обувь такая легкая, тогда облегченное все было. Я как-то вот пришел, замерз, на печку сразу забрался, угрелся, заснул. А засыпая, думал: валенки у нас есть, шуба меховая есть, шапка у меня есть, а вот на руки у меня нет ничего.

Были у меня одно время рукавицы хромовые, у них внутри мех. А так как мне приходилось часто ездить на подножках, то правая варежка стерлась: за поручень-то держаться надо крепко. Куда их? Да и холодов таких не было. Тетке отдал: «На тебе – воду носить».

Вдруг она мне снится. Подходит к печке, я лежу, а она говорит: «Отец, тебе сегодня вечером идти, что ль?» – «Да, идти...» – «А ведь холодно!» – «Да, очень холодно...» – «Чего ты наденешь?» – «Ну как чего надену, ну вот валенки...» – «А еще?» – «Шубу, шапка у меня меховая есть, надену...» – «А на руки чего?» – «А на руки...»

Она и говорит: «А вот рукавички твои, ты забыл, несколько лет уж прошло». Она берет маленькую скамеечку, становится, открывает шифоньер,

оттуда достает сверток. Ко мне не подошла, а на стол положила: «Вот они, варежки».

Я когда проснулся, вспомнил. Думаю, к чему бы это? Поставил стул, стал искать, сначала ничего нет, потом в самой глубине, там, на полке... сверток, рукавицы! Вот, думаю, заботится...

Да... Многое было...

Вот у нас соседка такая хорошая была, бабушка Мотя. Я ее очень любил в детстве. Они пожилые все, дочь у них давно замужем, больше у них детей не было. Пришла раз в гости и говорит маме в шутку: «Отдай мне его на зиму, помощника твоего». Я поэтому день – там, день – здесь проводил, помогал им. Я ее очень любил.

Бабушка Мотя умерла как раз перед теткой за 40 дней. Мне хотелось как-то тетку помянуть, и мы стали службу заупокойную править дома. Пораньше, чтобы потом вместе в церковь пойти.

И вот она снится своей дочери, бабушка Мотя. Тетя Дуня идет домой, а мать ее идет из дома, туда, к кладбищу. Она говорит: «Мама, ты дома

Молодой монах с прихожанами храма

Архимандрит Авель (слева) в Борисоглебском кафедральном соборе. Рязань

была? А меня дома нет». – «Не переживай, я домой не заходила, мне там делать нечего. Я была у Македоновых. Там такой праздник был, столько народу. Ну умерших там много поминали».

Вот тетя Дуня и объявилась: «Чего тут?» – «Вот, тетушка померла, мы с матушкой всех поминаем, и бабушку Мотю, всех».

Мы слушали батюшку, и каждый думал о своем, сокровенном. Об ушедшем отце, с которым так много не успел договорить. Об ушедшей бабушке, оставившей внуку старенький молитвенник. О болеющей старушке-матери...

Не может этого быть, не может, чтобы там не было ничего, за этой чертой... Природа замирает и опять воскрешает все. Муха и та на зиму уснет, а потом весной просыпается. А это творение Божие, человек, душа!

«Владыка Димитрий в 1956 году умер, а мне он в 1953-м сказал: «Я скоро умру, а ты (паузу сделал, я думал, что сейчас скажет: «А через 40 дней тебя возьму») еще доживешь, когда монастыри будут открывать и храмы, новые будут строить, купола будут золотить».

Вот все вспоминаешь: многое совершено, что не человеческим судом решалось. Промысл Божий.

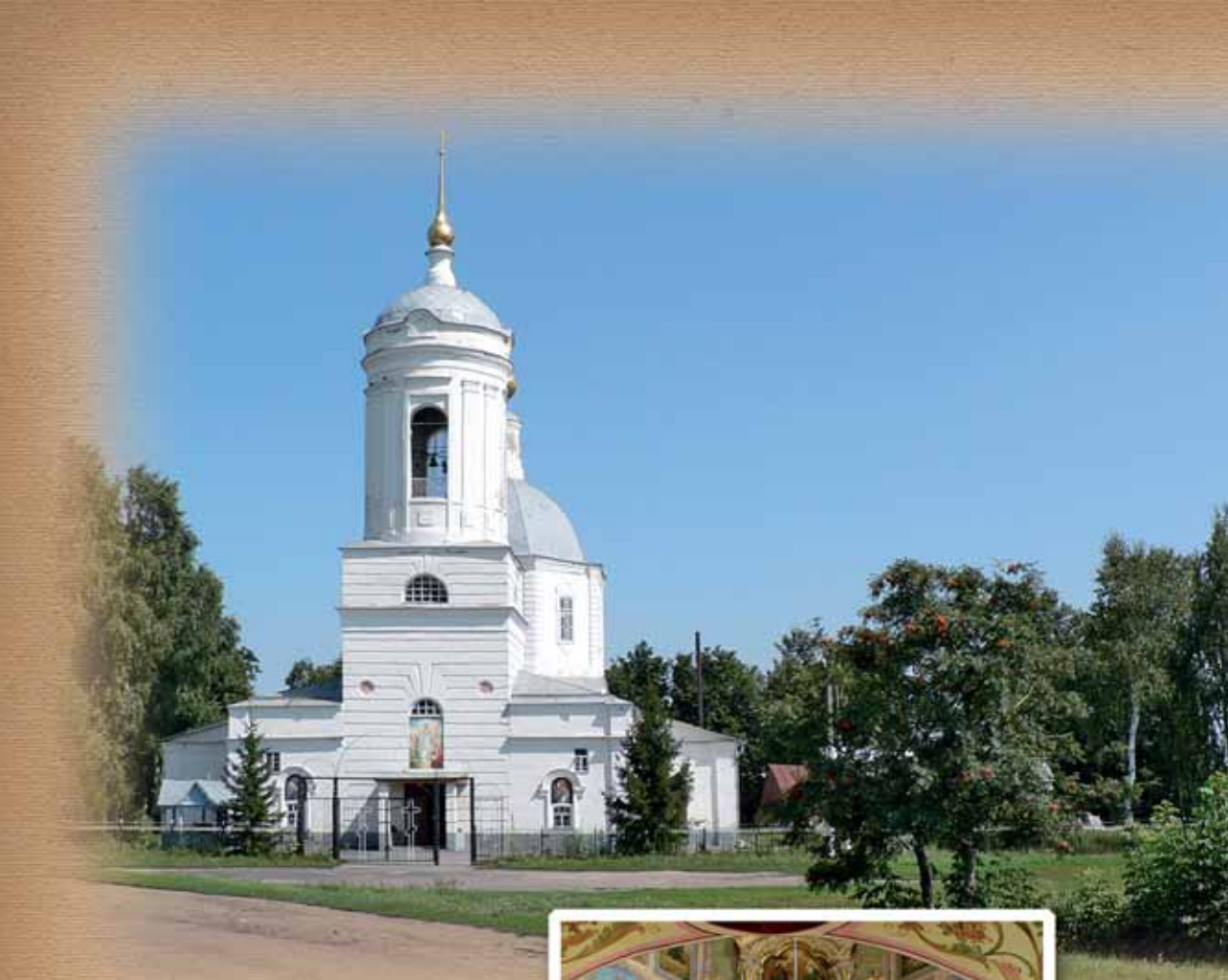
Николай N, наш, из Рязани, он в Сарове (там особый объект) каким-то начальником был, а мать его – простая женщина. Бывало я иду, она выбежит: «Ради Бога, батюшка, помолись за моего Колю, сердце так и ноет, беспокойно. Мать, ведь она чувствует...»

Ладно, раз уж она чувствует, дай помяну в молитве.

А потом они с матерью приезжают и говорят, какой-то там был взрыв, в его дежурство, но главное – никто не пострадал. «Батюшка, я бы хотел Вас отблагодарить». – «Коля, как ты меня отблагодаришь? Ты благодари Бога и мать свою, ведь она меня просит молиться, я бы и не знал, если бы не мать-то». – «Нет, батюшка, мне бы хотелось...» – «Ничего не нужно... Но если ты хочешь сделать... Привези мне из Сарова елочку и сосенку».

Он и привез. Как раз привез, вот владыка Иосиф родился. А теперь уж елке из Сарова более 40 лет. И траву привез мне тогда, траву-снитку...»

Известность батюшки выходит далеко за пределы обители. В вышедшем накануне 2006 года глянцевом издании «Лица года» духовные дети отца Авеля обнаружили номинацию «*Духовники России*» и увидели среди прочих фотографию архимандрита Авеля. Батюшка с присущим ему юмором встретил это известие, да и махнул рукой: «Ну что тут скажешь!» А вот в родной Рязани при вручении ему знака Почетного гражданина Рязани прослезился. Уважение и искренняя любовь земляков – это самая высокая награда.



Храм Архистратига Божия Михаила в городе Чаплыгине, в котором в 1945 году был совершен монашеский постриг отца Авеля

Место явления Пресвятой Богородицы архиепископу Димитрию (Градусову)

В настоящий момент здесь размещается список с Тихвинской иконы Пресвятой Богородицы, но не сама та икона, у которой совершался постриг батюшки. Место перед Тихвинской иконой, где Николай Македонов просил Матерь Божию о монашеском постриге

Свидетельство.

Диакон Македонов, Николай Николаевич 10 – 23 Декабря 1945 г., в Михайло-Архангельской церкви г. Ирбитского / Рязанбург/ пострижен в монашество с нареченным имени Авель.

„5" Января 1947 г. названный иеродиакон Авель в Скорбященской г. Рязани церкви рукоположен во священника / иеромонаха/ с возложением набедренника.

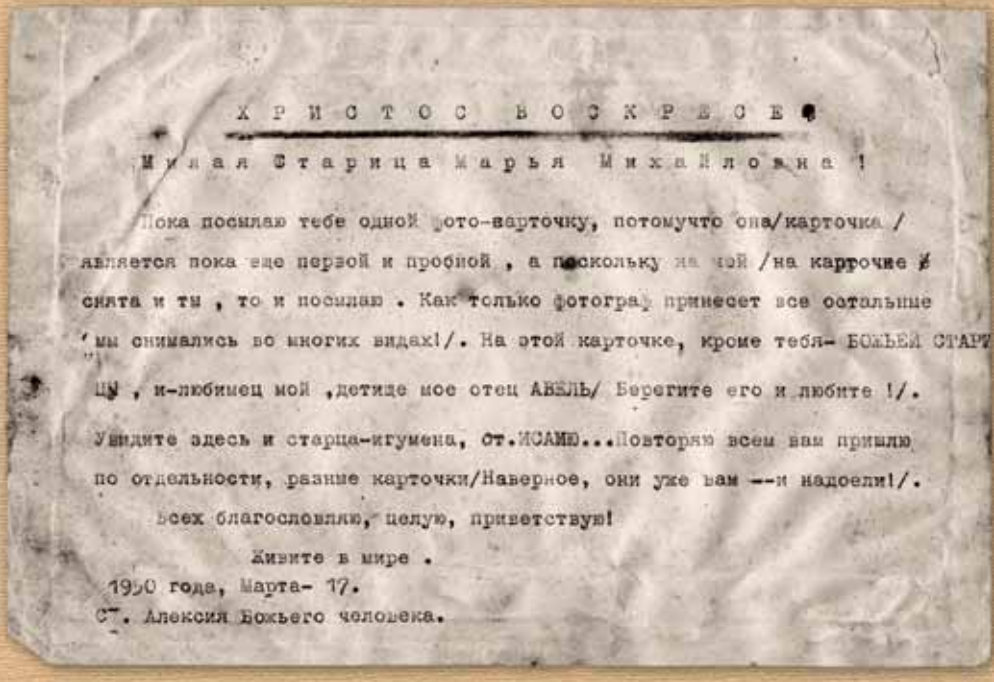
Архиепископ Димитрий

Иеромонах Авель (слева) и иеродиакон Никодим с игуменом Исаией (в центре), будущим епископом Угличским, управляющим Ярославской епархией

В Ярославле.
Отец Авель
со студентами семинарии.
Слева – будущий
протоиерей Лев Махно

В первом ряду слева – игумен Авель, в центре – епископ Исаия

От владыки Димитрия памятная фотография с подписью:



Х Р И С Т О С В О С К Р Е С Е !

Милая Старица Марья Михайловна !

Пока посылаю тебе одной фото-карточку, потомучто она/карточка / является пока еще первой и пробной , а поскольку на ней /на карточке / снята и ты , то и посылаю . Как только фотограф принесет все остальные /мы снимались во многих видах!/. На этой карточке, кроме тебя- БОЛЬШОЙ СТАРЕЦ , и-любимец мой ,детище мое отец АВЕЛЬ/ Берегите его и любите !/. Увидите здесь и старца-игумена, от.ИСАИЮ...Повторяю всем вам пришлю по отдельности, разные карточки/Наверное, они уже вам --и надоели!/.

Всех благословляю, целую, приветствую!

Живите в мире .

1950 года, Марта- 17.

От. Алексия Божьего человека.

Из ссылки возвращались монахини разоренных монастырей и шли к отцу Авелю.
Так устанавливалась разорванная было связь времен и поколений

Вид Святой Афонской Горы с северо-восточной стороны.
Хромолитография Е.И. Фесенко. 1893 год

Отец Авель особо подчеркивал, что Божий промысл о нем очень часто совершался через владыку Димитрия. Так, за 20 лет до прибытия батюшки на Святую Гору Афон владыка прислал ему изображение Святой Горы со своей фотографией и глубоко содержательными словами благопожелания на будущую жизнь:

Возлюбленному чаду моему, иеромонаху отцу Авелю, коего Господь судил мне узнать шесть лет тому назад. Ты всегда радовал меня своей детски-искренней верой и чистотой жития своего. Спасайся, дорогой, и донеси до последнего издыхания своего то богатство внутреннее, которым Всемилостивый Господь наградил тебя.

С отеческой любовью к тебе
и неизменными молитвенными благопожеланиями

1949 год, «Димитриев день»

В Богословском храме Свято-Иоанно-Богословского монастыря в первые годы после открытия обители

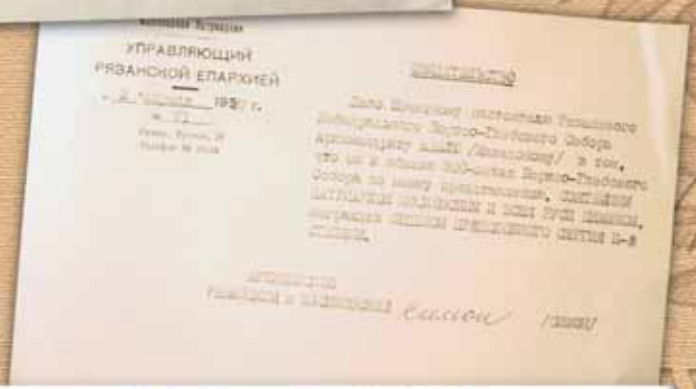
УПРАВЛЯЮЩИЙ
РЯЗАНСКОЙ ЕПАРХИЕЙ

14 апреля 1995 г.
№ 81

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дано Почетному настоятелю Рязанского Кафедрального Борисо-Глебского Собора Архимандриту АВЕЛЮ (Македонову) в том, что он во дню СВ.ПАСХИ 1995 г. по моему представлению, СВЯТЕЙШИМ ПАТРИАРХОМ МОСКОВСКОМ И ВСЕМ РУСИ ПОМЯНОМ, НАГРАЖДЕН ПРАВОМ СЛУЖЕНИЯ с ЖЕЗЛОМ.

АРХИЕПИСКОП
РЯЗАНСКИЙ и КАСИМОВСКИЙ Симон /СИМОН/



УПРАВЛЯЮЩИЙ
РЯЗАНСКОЙ ЕПАРХИЕЙ

[illegible] 1997 г.
№ [illegible]

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дано Почетному настоятелю Рязанского Кафедрального Борисо-Глебского Собора Архимандриту АВЕЛЮ /Македонову/ в том, что он в общем 300-летии Борисо-Глебского Собора по моему представлению, СВЯТЕЙШИМ ПАТРИАРХОМ МОСКОВСКОМ И ВСЕМ РУСИ ПОМЯНОМ, награжден ПРАВОМ ПРИВЕЛЕНИЯ СВЯТЕЙШИМ [illegible]

АРХИЕПИСКОП
РЯЗАНСКИЙ и КАСИМОВСКИЙ Симон /СИМОН/

Святая Гора

И живущие в затворах
помогают мудрым советом и молитвами за людей.
Преподобный Исаак Сирин

Не место спасает человека, а произволение.
Адам, праотец наш, и в раю пал,
а Лот праведный и в Содоме себя сохранил.
Преподобный Ефрем Сирин

Сидим, чаевничаем, а разговор нет-нет да и коснется Афона.

– На Афоне дают смоквы и хлеб, а у нас булки с маком.

– На Афоне есть смоковница?

– Они два раза ведь плодоносят там, смоквы-то. Первый урожай для прока не годится. Вот как у нас в России – грибы. Май, 28-е по-старому, белые грибы первые растут в это время, и, пожалуйста, жарьте, а чтобы впрок готовить, солить – это те, которые уж после, в августе. Так и смоквы. Первые упадут, разобьются и как варенье. А потом осенью они опять урожай дадут, тот хорош. Есть на Афоне и шелковица, и орехи грецкие, миндаль. Март – уже миндаль зацветает. Красиво! А сирень у них называется Пасхальная.

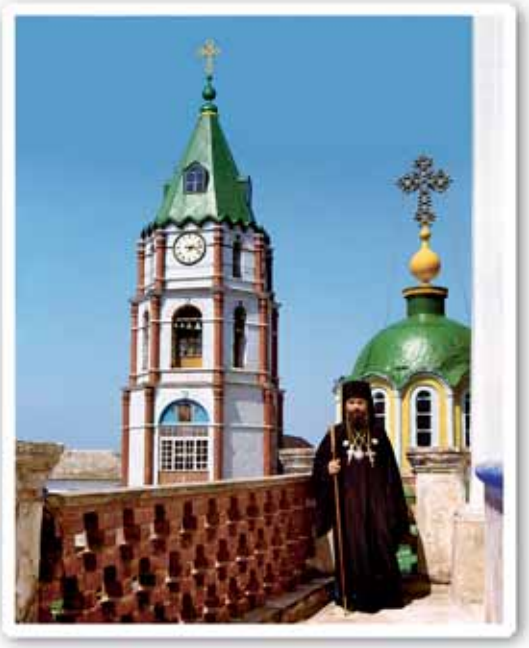
– Отец Авель, а как сложилось, что Вы на Афон попали?

– Очень просто.

Ясные глаза отца Авеля смотрят внимательно, отблеск солнца высвечивает серебром бороду, лучики морщин прячутся в уголках губ. Нет, не просто: за этим стоит путь длиною в целую жизнь! И какую жизнь...

«Был у меня друг детства, владыка Никодим, митрополит Ленинградский и Новгородский. Он был председателем Отдела внешних церковных сношений Русской Православной Церкви, Патриаршим Экзархом Западной Европы.

До этого он был начальником Миссии в Иерусалиме. Когда окончилась там его служба, возвращаясь на родину из Иерусалима, он решил воспользовался возможностью и поехал через Афон».



В Свято-Пантелеимоновом монастыре

Владыка Никодим был назначен членом Русской Духовной Миссии в Иерусалиме 25 февраля 1956 года, а затем заместителем начальника Миссии. 31 марта 1957 года митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем (Ярушевичем) возведен в сан игумена, а 25 сентября того же года назначен начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме с возведением в сан архимандрита. Возведение в сан было совершено (по просьбе Святейшего Патриарха Алексия I) митрополитом Назаретским и всея Галилеи Исидором.

Будучи начальником Русской Духовной Миссии в Палестине, отец Никодим выучил древнееврейский язык и владел им в совершенстве. Неутомимый архимандрит объездил Святую землю с Библией в руках; прибыв в какое-либо место, упомянутое в Священном Писании, он читал соответствующий отрывок*. Результаты своих наблюдений и поисков он обобщил в труде «История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме».

* Уникальные материалы того времени хранятся в семейном архиве у родных владыки Никодима. Фотографии и письма представляют большую ценность для понимания той сложной исторической эпохи.

Для понимания духа времени следует вспомнить, что эти годы пришлись на вспышку арабо-израильского конфликта (развязанная англичанами и французами война против Египта, поддержанная Израилем, затронула и Святой град), полномасштабные боевые действия, захват территорий, международные конференции, поставки вооружений в регион. Представлять Русскую Православную Церковь за рубежом в те трудные годы, учитывая враждебное отношение к нашей Родине, было делом не из легких.

Именно тогда был замечен талант владыки Никодима в решении сложных дипломатических вопросов, который так ярко проявился впоследствии. Решение поехать через Афон в те годы было непростым шагом. Во времена Советского Союза такого рода шаги долго выверялись и решались в Москве. Сложность момента была и в том, что в Греции проводилась государственная линия на полное подчинение древней интернациональной монашеской республики гражданской власти. А затем пришли к власти «черные полковники». Но владыка Никодим на Святой земле воочию увидел, как пропадает духовное наследие, историческое наследие России за рубежом, пропадает собственность Русской Православной Церкви. Эта боль души, забота о сохранении духовных сокровищ и привела его на Афон.

В 1959 году архимандрит Никодим посетил Святую Гору Афон, став первым представителем духовенства из Советского Союза, поклонившимся ее святыням. Отцу Авелю он впоследствии рассказывал об этом так.

«Приехал на пристань в Дафну проситься в Свято-Пантелеимонов монастырь. Греки говорят: «Нельзя! Мы за Вашу жизнь не отвечаем. Может, что случится». – «Тогда я хочу видеть игумена».

Игумен, отец Илиан, родом из Мышкина, что около Углича. Только Углич на эту сторону, а Мышкин на другой стороне Волги. Церковь действующая была только в Угличе, больше нигде не было.

Ну, все, буквально все – промысл Божий: в свое время меня туда послали, в Углич. Это был царский город. Туда назначались священники только заслуженные. Вот священника рукоположат, потом он послужит в селе. Потом какой-нибудь маленький городок, потом его проверят и тогда в Углич назначают. Они приезжали туда маститые.

Вдруг в 50-м является (я как-нибудь покажу фотографию) молоденький-молоденький батюшка. А у отца Илиана сестра там жила, она как-то с ним связалась через кого-то, переписку с ним имела. Вот она писала в 50-м еще: «В Углич к нам приехал батюшка. Знаю, что это не батюшка – это

Историческая справка

После революции 1917 года Россия не участвовала во многих международных совещаниях, не подписывала важных документов. Курс на вытеснение России из международных отношений, на ее изоляцию – это реалии мировой истории периода 1917–1945 годов. В нарушение ранее подписанных царской Россией международных соглашений европейские государства взяли курс на уничтожение древней самостоятельности афонской православной монашеской республики, территориальное соединение ее с государством Греция, а затем – на полное подчинение ее греческому светскому законодательству. Греческое государство было заинтересовано в таком закреплении территорий, в обретении прав собственности на колоссальные исторические, материальные и духовные ценности. Во времена «черных полковников» обсуждалась программа по превращению Афона в туристический центр с переселением монахов из всех монастырей в один, Лавру святого Афанасия. Препятствием на этом пути были насельники монастырей из славянских государств.

«В 1903 году из 7432 святогорских монахов (включая скиты и келии) русских было 3496, грузин – 51, болгар – 307, сербов – 16, румын – 286, греков – 3276. Таким образом, русская братия была самой многочисленной на Афоне.

Но уже к 1956 году в двадцати монастырях, скитах и келиях обитало монахов 1491, или в пять раз меньше, чем в 1903 году. Из них греков осталось 1290 человек, болгар – 17, грузин – ни одного, сербов – 28, румын – 94, а русских – всего 62, то есть почти в 57 раз меньше, чем в 1903 году».

Игорь Якимчук.
Положение русского монашества
на Святой Горе Афон в XX веке.
http://philosofu.ru/

Вид горы Афон из селения, где родился Аристотель

ангел. Он на ангела похож и служит по-ангельски. Вся уж церковь переполнена».

То, что переполнена, мне потом «припомнили» власти – убрали оттуда. Владыка Димитрий – опытный, мудрый – не стал отстаивать, перевел. Поставил на другой приход, там нужнее – церковь погибала. А им прислал батюшку еще моложе – владыку Никодима. Вот вам! Они: «Как же?» – «А у меня больше нет». Если я был для них молод, то он еще моложе, да другого нет. Да...

Сестра отца Илиана ему все описала, что отец Авель служит, что церковь всегда переполнена, что батюшка на ангела похож и служит как ангел и все каждое его слово со вниманием ловят – все. Когда я в 1970-м приехал на Афон, он меня встречал как родного.

Когда ему сказали, что едет в пополнение к вам отец Авель, такой-то, он собрал Собор старцев и говорит: «Едет архимандрит Авель. Я его уж 20 лет знаю, слежу за его служением, наслышан о его усердии к церкви. Я немощный, служить уж не могу, поэтому попрошу Вашего согласия, чтобы он меня заменял, пока я тут, и возглавлял службу».

Ну, все промысл Божий».

Продолжение рассказа отца Авеля.

«В 60-м владыка Никодим из Иерусалима вернулся, его поставили в архиереи и назначили председателем Отдела внешних церковных сношений.

А той же осенью отец Василий, тогда еще он был священник, он потом в Вене был, затем в ведении у него была кафедра Брянская (см. архиепископ Брянский Мелхиседек – стр. 535), *также мой старинный друг с 1946 года, попросил меня поехать с ним в Киев.*

Война в 1945 году кончилась, а в 1946-м, 9 мая, владыка Димитрий приехал на благодарственный молебен, храм у нас был в ту пору один в Рязани – на кладбище, маленький. И приехал из Подмосковья со своим другом мальчик Вася. Такой скромный, несмелый. А иподиакона штатного у нас не было, подходили, кто только может и когда может. Я к владыке: «Владыка, не хватает иподиакона, можно и без этого обойтись, но чтоб полный комплект был – тут мальчик

приехал с Подмосковья, хороший такой, благослови». – «Ангел мой, ты веришь ему?» – «Владыка, верю ему». – «Ну подведи его ко мне, я благословлю».

Вот так владыка Димитрий благословил его. А когда владыка собрался уезжать и садился в пролетку (мы все вышли проводить), Вася подошел: «Владыка, Вы меня благословите к Вам прийти». – «А зачем, дорогой?» – «Владыка, посоветоваться». – «Чего ты со мной, стариком, будешь советоваться. Я все уж забыл, чего знал, ты вон с отцом Авелем посоветуйся. Он мудрее меня для тебя». А мы ровесники, с одного года.

Он принял все с верой, пришел ко мне, стал спрашивать. А я чего же, ему ровесник. Только что я монах уж и диакон, а он еще нет. У меня была пасхальная книжка (Последование богослужения на Светлой седмице), я ему эту книжку подарил и сказал: «Вась, милый, я тебя очень прошу – ничего не пробуй. Бес будет тебе внушать – попробуй, а ты не пробуй. Вот мать тебя пошлет в магазин, скажет купить конфет. Тебе отвесят полкилограмма конфет, дадут пакет. Если выйдешь, скажешь: «Я одну возьму», то потом не устоишь и возьмешь другую. Пока до дома дойдешь, полпакета останется. А ты скажи: «Не буду, матери все отдам». Так вот: ничего не пробуй».

Он до сих пор это все помнит! Ничего не пробовал, а делал только что положено.

Отец Василий тогда был священником, женатым был, он попросил меня поехать с ним в Киев. В Киеве мы побывали, вернулись. Когда возвращались, он говорит: «У нас праздник Стефана Сурожского, он священномученик, задержись на день, будни – не воскресенье». Ну я и остался.

Во время путешествия судно с апостолами и Божией Матерью пристало к берегу возле горы Афон. Известно много мозаик и фресок на тему этого предания

Утром он встал и говорит: «Я пойду, еще рано, ты можешь спать. Пойду пораньше. Надо посмотреть, все ли приготовлено к встрече архиерея». Он ушел, через некоторое время надо вставать, входит кто-то, так шумно. «Кто тут спит?» Открывает одеяло. Я: «Ой, владыка Никодим!» Я его не видел, архиерея-то. Он телеграмму прислал, что приглашает на хиротонию, а я получил уже поздно, уже все свершилось. Поэтому я и не поехал, а тут вот встретились.

После литургии он и говорит: «Вася, а тебе послушание». – «Спасибо, владыка, что Вы у нас послужили (Подольский район – его благочиние)». – «А вот тебе послушание: привези ко мне старца, я очень хочу его видеть, но он Москвы не знает».

Вот отец Василий меня повез на машине в Москву, с ветерком. Владыка меня принял, оставил ночевать, много говорили. Потом спать легли. Он в спальне, а я в зале на диване. Двери открыты, я уж стал дремать, вдруг он зовет: «Старец». А старцем прозвал меня владыка Димитрий. Когда я еще был иподиаконом старшим, он все спрашивал: «Как ваш старец?» Так и они – «старец» да «старец». Владыка Никодим тогда тоже иподиаконом был, вторым.

«А я ведь на Афоне был». – «Сейчас что ли, во сне?» – «Да нет, въяве был. Иди, тебе расскажу». Я раздетый, а переговариваться далеко, одеялом завернулся и пошел к нему. На постель забрался, сел в ногах. Он мне рассказывает, как приехал на Афон, как не пустили в монастырь. На Дафне он был, но в монастырь не пустили, хоть и рядом. Греческие власти сказали: «Мы не отвечаем за Вашу жизнь». Как будто они могут отвечать за жизнь и смерть!

Рассказал, как потребовал, чтобы организовали встречу с игуменом Русского монастыря.

Отец Илиан приехал, описал ему плачевное состояние Русского монастыря и братии. Самым молодым – 70 лет!

Не попал он в Русский Пантелеимонов монастырь, только побывал в Андреевском скиту. На престоле грязь, он очистил и совершил литургию.

В заключение рассказа об Афоне тут мне и говорит: «Я приехал, доложил патриарху. Патриарх собрал потом Синод, я доложил на Синоде. Постановили: все силы приложить, но восстановить жизнь на Афоне». 18 человек уже нашлось, в том числе будущий владыка Михей Ярославский.

Я не удержался и говорю: «Ой! Какие они счастливые». – «Ты скажи мне по совести как друг, ты для красного словца сказал или искренне?» – «Владыка, ты уж меня изучил, ты знаешь все мои мысли, знаешь, как я люблю Матерь Божию. Кто из монахов не пожелает быть у нее в земном уделе? Это самое счастье!»

Мы глянули, а уж рассвет скоро.

«Тогда ты не уезжай сегодня. Я сегодня должен к патриарху с докладом. Доложу, может, Святейший благословит, если кто из списка того убудет, чтоб тебя туда внести». – «Хорошо, я буду ждать».

Приезжает довольный: «Видно, ты усердно молился. Я только со Святейшим в разговоре заикнулся (а ведь Алексий I знал меня), как он говорит: «Зачем ждать. Пиши его прям в список».

Это был 1960 год. Десять лет ждали, когда визу дадут! Десять лет!

Только в феврале 1970-го я поехал. Уже от 18 кандидатов из списка только два человека остались – отец Виссарион и я. Так я и попал на Афон...»

Крайний слева – архимандрит Авель, крайний справа – архимандрит Ипполит (Халин). С посохом – игумен Свято-Пантелеимонова монастыря схиархимандрит Илиан

Вот короткая заметка в разделе «Новости» «Журнала Московской Патриархии» (1970. – № 4): «Для несения иноческого послушания в Пантелеимоновом монастыре на Афон отбыли архимандрит Авель (Македонов) и иеромонах Виссарион (Великий-Остапенко)». Всего одна строка, но сколько за этим стоит! Насельники Русского монастыря на Афоне представляли Россию прошлую, многие приехали туда из России царской. Многие прошли дорогами Гражданской войны в составе белой армии. Сколько дипломатических препон в отношениях с Грецией, с Патриархом Константинопольским, с Русской Зарубежной Православной Церковью пришлось преодолеть...

Русский монастырь святого великомученика Пантелеимона неоднократно протестовал против попрания своих законных прав и против фактического запрещения въезда на Святую Гору новых русских иноков. Изменение законодательной базы коснулось гражданства, правил въезда, правил получения финансовой и материальной помощи, издательского дела, официальной переписки на греческом языке и многих других сторон жизни. Но обращения в Священный Кинот, к Патриарху Константинопольскому, к греческому правительству и в Лигу Наций (1931) не дали никаких результатов.

В этой ситуации святогорская русская братия в 1945 году обратилась с просьбой о помощи к Матери – Русской Православной Церкви, авторитет которой в православном мире по окончании Второй мировой войны значительно возрос. В своем послании на имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I игумен Русского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрит Иустин писал: «Вот уже 30 лет как Святая Гора Афонская перешла без согласия на то России во власть греков. С этих пор наш монастырь и все русские обители на Афоне начали подвергаться тяжелым стеснениям со стороны греческого правительства...

Негреческие обители Святой Горы обречены на верное и сравнительно быстрое вымирание и уничтожение, за которыми последует общая гибель Святой Горы как особой монашеской автономной области. Мы вместе с тем сознаем, что в нашей беде, беде русских людей на далеком Афоне, нам может помочь одна лишь Россия».

Воздвигая свой голос в защиту издревле установленных прав и привилегий монастырей Святой Горы, Русская Православная Церковь по сути выполняла по этому вопросу функции Министерства иностранных дел России, которое в силу политических установок не занималось защитой интересов России, в том числе имущественных, относящихся к сфере Церкви

В Лавре преподобного Афанасия на Афоне

(хотя до 1917 года Министерство иностранных дел занималось защитой любых интересов России за рубежом). Главным штабом этой работы был Отдел внешних церковных сношений, организовавший дипломатическую переписку и переговорный процесс с Патриархом Константинопольским, Министерством иностранных дел Греции, а также совещания глав Поместных Церквей по вопросу о положении дел на Афоне.

Русская Церковь сумела доставить пожертвования на Афон. Сделано это было при помощи церковной делегации, находившейся в 1959 году в г. Фессалоники на юбилейных торжествах в память святителя Григория Паламы. В связи с 600-летием со дня его кончины (14 ноября) присутствовала русская церковная делегация, которой удалось впервые за долгие годы передать пожертвования из России на Афон. Тогда первый раз за многие годы официальной делегации Московского Патриархата было дано разрешение совершить паломничество на Афон.

Но уже в 1961 году греческое правительство не разрешило въезд на Святую Гору другой делегации Русской Церкви, принимавшей участие в работе Всеправославного совещания на острове Родос и желавшей поклониться святыням Афона.

В связи с празднованием 1000-летия Великой Лавры преподобного Афанасия на Афоне были предприняты новые шаги к восстановлению духовной связи Русской Церкви со Святой Горой. В Послании Святейшего Патриарха Алексия Святейшему Патриарху Константинопольскому Афинагору от 20 мая 1963 года подчеркивалась постоянная многовековая связь Русской Православной Церкви с русскими монастырями и интернациональной братией Святой Горы.

Подчеркивая озабоченность Русской Православной Церкви будущими судьбами Святой Горы и русских обителей на ней, Святейший Патриарх Алексий призвал Патриарха Константинопольского употребить весь свой авторитет, чтобы разрешить святогорскую проблему и вернуть Святой Горе то общеправославное значение, какое она имела на протяжении минувшего тысячелетия.

Наконец дипломатические усилия стали давать результаты. На совещании в Лавре святого Афанасия на Афоне 24 июня 1963 года в присутствии Святейшего Патриарха Сербского Германа, Блаженнейшего Патриарха Румынского Юстиниана, Святейшего Патриарха Болгарского Кирилла, представителя Патриарха Московского и всея Руси Алексия I архиепископа Ярославского и Ростовского Никодима Вселенский Патриарх Афинагор сделал заявление по Афону.

Несомненно, дипломатическая работа была проделана огромная, ведь заявление Вселенского Патриарха шло вразрез с курсом официальных властей Греции. Весь накал и драматизм переговоров можно понять, читая документы совещания. Патриарх Болгарский Кирилл, обращаясь к Патриарху Константинопольскому Афинагору, воскликнул: «Ваше Святейшество, Господь взыщет с Вас, а история Вас осудит, если в Ваше патриаршество угаснут славянские лампады на Святой Горе». И патриарх Афинагор ответил: «Все Церкви могут посылать на Афон столько монахов, сколько сочтут нужным. И для всех тех, кто будет послан, полной гарантией будут подписи соответствующих предстоятелей Церквей. Я как духовное лицо сам поручусь за тех, которые будут посланы». В первую очередь имелась в виду, конечно, Русская Церковь. Господь не дал ей утратить заповедную тропу на Святую Гору, потому что не было дня, чтобы не омывался этот путь слезами, не умащался молитвами. (Григорян В. Путь на Афон. http://www.rusk.ru/)

14 октября 1963 года Патриарху Константинопольскому Афинагору был направлен список из 18 лиц, ожидающих разрешения на поселение в Пантелеимоновом монастыре. Одновременно документы на 18 кандидатов были представлены в Министерство иностранных дел Греции. После долгого и необоснованного затягивания решения этого вопроса, а также после повторного обращения к Патриарху Константинопольскому Афинагору Патриарха Московского и всея Руси Алексия I, повторных обращений митрополита Никодима было получено разрешение на въезд в Русский Пантелеимонов монастырь.

Из письма игумена Илиана от 29 октября (11 ноября) 1959 года на имя председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата: «Наш монастырь пришел в полный упадок, и ему грозит полное запустение и переход в чужие руки этого древнего русского достояния, созданного трудами и жертвами многих поколений русского православного верующего народа.

Основная причина этого бедственного положения – оскудение нашей братии из-за отсутствия поступления новых монахов в наше монашеское братство, как об этом мы уже сообщали и ранее в Московскую Патриархию. Нас осталось сейчас всего 50 человек, самому молодому из нас 54 года, большинство семидесяти- и восьмидесятилетние старички. Только незамедлительное прибытие новых молодых сил в наше братство может спасти положение.

Кроме как с нашей Родины, России, ниоткуда не может прибыть к нам пополнение, и вся наша надежда на сохранение нашего монастыря после

На заднем плане видны еще не восстановленные братские корпуса, сгоревшие в 60-х годах XX века

Много трудов предстоит приложить братии к восстановлению обители

Бога, Пречистой Богородицы и святого великомученика Пантелеимона на Русскую Православную Церковь...»

В 1959 году в Свято-Пантелеимоновом монастыре случился сильный пожар, в результате которого очень пострадала библиотека, хранившая редчайшие рукописи XI–XVI веков. Московская Патриархия пыталась оказать материальную помощь пострадавшей обители, но передать эту помощь оказалось невозможно. Вот что писали по этому поводу насельники монастыря: «Нам очень прискорбно, что греки пишут в своих газетах, что русские афонские монахи не желают принять жертву от Святейшего Патриарха Алексия, а также и новых монахов, все это неправда. Мы все желаем соединиться с Православной Русской Церковью, но враги не допускают...»

Вот как описывал положение в монастыре в 1964 году его игумен: «В эту зиму у нас необыкновенные холода, в церкви четыре градуса, заболели все гриппом, на две церкви осталось 16 человек, остальные престарелые и больные» (из письма схиархимандрита Илиана патриарху Алексию I).

Сильный пожар 23 октября 1968 года уничтожил всю восточную стену монастырского двора с шестью часовнями. Огнем были сметены монастырские гостиницы и келии. Пожар охватил парадные помещения, архондарик и настоятельские келии в восточном крыле Покровского корпуса. Кровля и межэтажные перекрытия рухнули вниз. На тот момент в обители находились только восемь монахов. Все они были в преклонном возрасте. Тем не менее с помощью Божией им и подоспевшим на помощь немногочисленным мирянам удалось остановить распространение огня и не допустить гибели главных соборов и библиотеки. После этого катастрофического пожара на выгоревшей на глубину десятка сантиметров земле чудом осталась жива маслина, посаженная некогда от ростка дерева, выросшего на месте мученической кончины святого великомученика и целителя Пантелеимона. Это событие братия монастыря восприняла как несомненный знак того, что молитвенное предстательство святого великомученика не покинет его обители.

В ночь на праздник Преображения Господня в 1969 году выгорел большой участок леса, спускавшийся с перевала от Старого Руссика к самому монастырю.

В 1969 году митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим, обращаясь к инокам Свято-Пантелеимонова монастыря, отметил: «На вашу долю выпал нелегкий жребий подвизаться в обители святого великомученика Пантелеимона в один из труднейших периодов ее истории. Численно умалились вы, но подвиг ваш от того стал еще выше пред Богом. Ваши благочестие, вера и ревность о славе Божией трудно выразить на бумаге языком человеческим. Воистину вы не только низлагаете ветхого человека, но и побеждаете старость плотскую. Поэтому примите от православных людей Отечества вашего благодарный поклон. Мы восхищаемся вашим подвигом и молимся о вас, вместе с вами разделяем печали и радости ваши. Вместе с вами мы едины в молитвах, обращаясь ко Господу Сил, Пречистой и Пресвятой Богоматери и великомученику Пантелеимону о сохранении обители сей от всякого злого обстояния на радость подвизающимся в ней и всех православных русских людей для назидания многим, кто хочет жить единым на потребу».

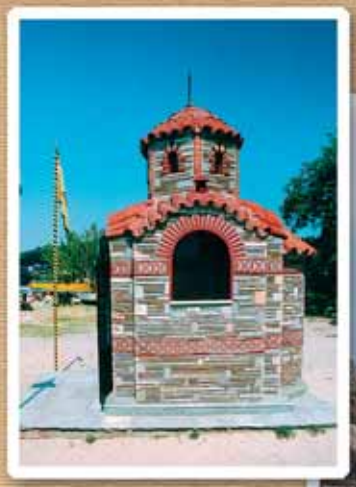
Эта краткая историческая справка помогает лучше понять время, когда архимандрит Авель ступил на землю Афонскую. Время трудов великих и подвигов по сохранению тонкой ниточки, связующей нас с предыдущими

поколениями святогорцев, участвовавших в течение 1000 лет в формировании русского самосознания, русской духовности, образования. По сохранению той пуповины, которая веками связывала Святую Русь со вселенским православием.

В центре – архимандрит Авель, игумен Свято-Пантелеимонова монастыря, слева – архимандрит Иеремия, нынешний игумен Свято-Пантелеимонова монастыря

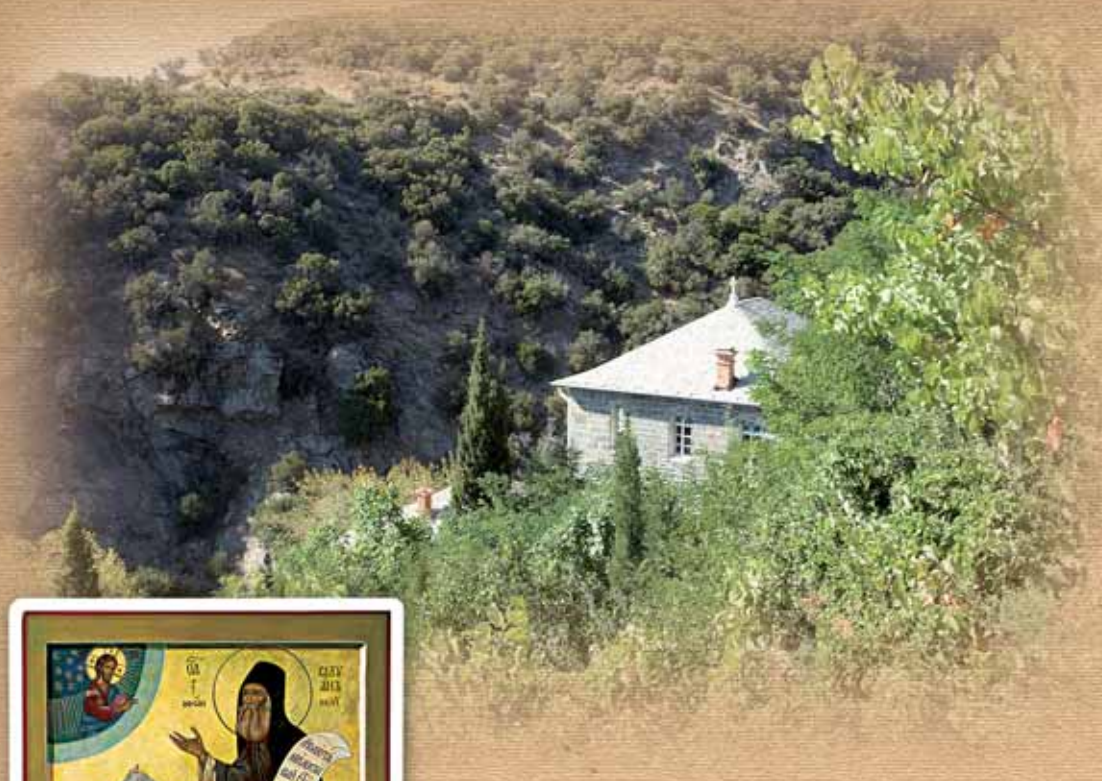
27 марта 1969 года заместитель председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата епископ Тульский и Белевский Ювеналий передал министру иностранных дел Греции г-ну Панагиотису Пипинелису письмо председателя Отдела внешних церковных сношений митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, в котором говорилось: «Три инока, живущие сейчас в Русском Православном монастыре, не могут должным образом обслужить многих преклонного возраста старцев малочисленной братии Святой обители. Это нас очень тревожит и беспокоит как с точки зрения утоления русскими монахами своей духовной жажды жить на Святом Афоне, так и с точки зрения заботы о престарелых наших соотечественниках... Мы скорбим, что эта Святая обитель приходит в упадок по не зависящим от нас причинам. Мы слышим зовы прийти на помощь, поддержать старость оставшихся русских подвижников и молитвенников и не дать угаснуть нашим русским лампадам, которые теплятся и свидетельствуют живую веру нашего народа столько веков.

Жительство русских монахов на Святой Горе было всегда сильным импульсом и для духовной жизни в самой России. Наше христианское сознание, наша православная ответственность в современном мире и просто человеческое чувство заставляют нас снова и снова обращаться к Вашему Превосходительству с просьбой об оказании нам содействия в оформлении на въезд на Святую Гору в Пантелеимонов монастырь для несения там иноческого послушания иноков Русской Православной Церкви, которые имеют уже благословение Святейшего Патриарха Афинагора в его послании Святейшему Патриарху Алексию от 19 июля 1965 года № 957».



Уранополис – ворота на Афон. Часовня на пристани

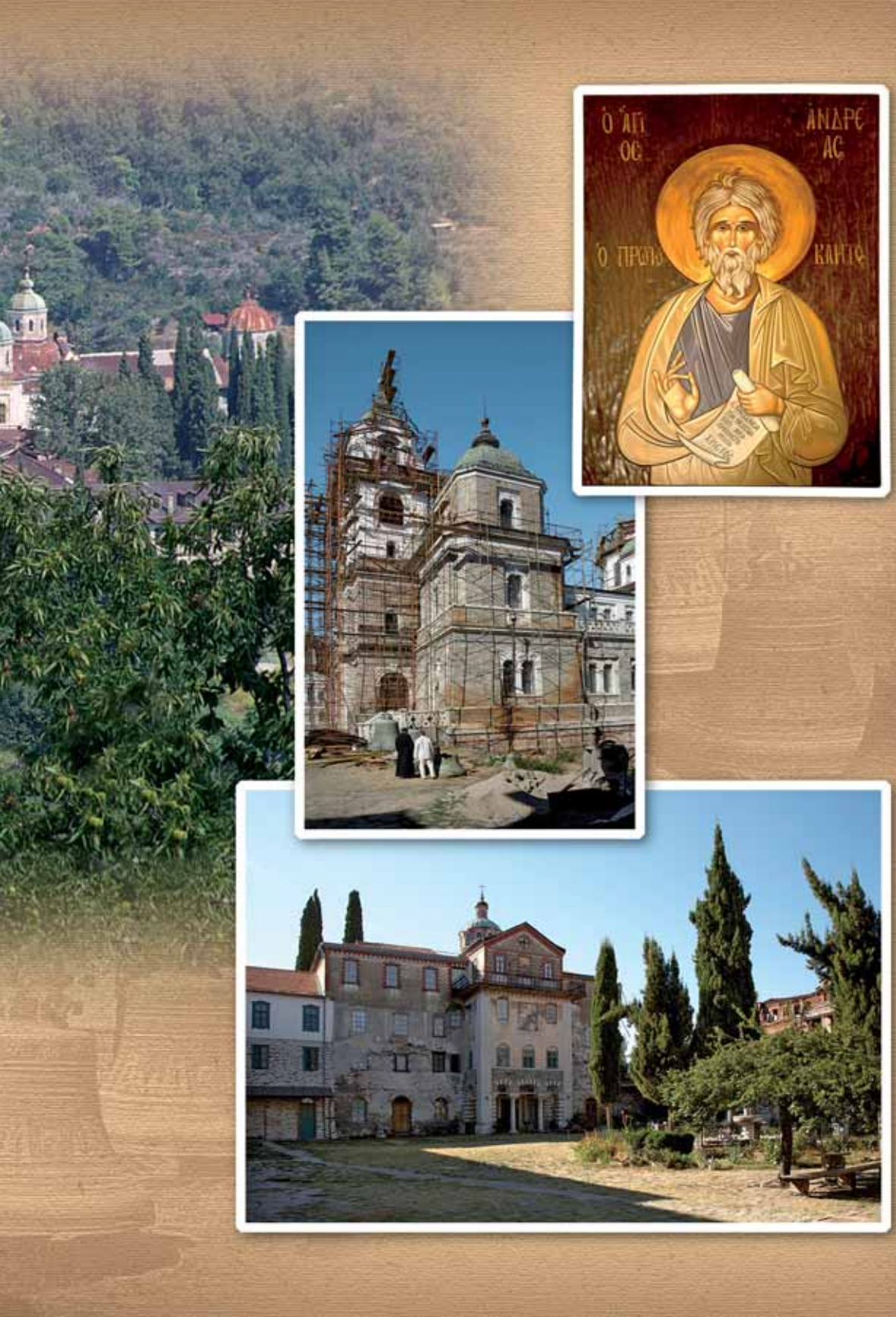
Вид на вершину Святой Горы



Мельница Силуана Афонского

Пасека Свято-Пантелеимонова монастыря

Скит апостола Андрея Первозванного


Ο ΑΓΙΟΣ
ΑΝΔΡΕΑΣ
Ο ΠΡΩΤΟΚΛΗΤΟΣ

Эти напоминания возымели свое действие. Россия получила возможность восстановить связь с Афоном...

А 27 февраля 1970 года на Афон прибыли два русских инока, получившие визы на постоянное поселение в Русском Пантелеимоновом монастыре. Одним из них был архимандрит Авель.

Приезд русских из СССР на Афон во многих русских эмигрантских СМИ на Западе был расценен как «великое чудо».

Что же кроется за этими девятью годами служения отца Авеля на Афоне? Огромный труд!

Продолжение воспоминаний отца Авеля.

«Тогда в Пантелеимоновом монастыре было 15 монахов всего, только трое ходили. А остальные – лежачие...

Хунта была в то время у власти в Греции, «черные полковники». Помню, короля мы еще поминали, людей утешали, что король Константин и королева Анна-Мария только на время из Греции уехали... Король, сказали нам, временно отсутствует.

А «черные полковники» так, значит, решили – у монахов нет власти, зачем с ними считаться. Было другое время! У них был план: всех монахов собрать в Лавру Афанасия, а другие монастыри сделать центрами для туристов.

Место пребывания главных духовных сокровищ Свято-Пантелеимонова монастыря

Но боялись сербов и русских. Болгар не боялись. Поэтому им всеми силами нужно было закрыть наш монастырь, и они десять лет не давали визу. Ждали, что вымрет монашество русское на Афоне.

Вот там какой-то деятель был мудрый. Он давно там, врачи все знакомы. Он брал у врачей справку, что монахи русские здоровы. И справки отправлял в наш Отдел внешних церковных сношений, где обсуждались дела нашего отъезда на Афон.

А тут из Советского Союза прислали, ну я у них сразу – шпион. Греческая полиция в нашем монастыре жила. Когда я уезжал в Салоники по делам, всегда у меня делали обыск в келии. Все рацию искали, чего-то еще.

Домик этот сохранился, где пост был, где полицейские жили. Они и на службу ходили.

Так как служить некому, служил я все один, бессменно. Я уж потом побывал на Афоне везде, много ездил, часто служил со слезами. Они это видели.

Потом греки ко мне стали с любовью относиться. Кожа лица быстро загорала, я всегда был смуглый. Да и фамилия мне досталась «греческая», почти афонская, Македонов.

Вот книга греческая, написал книжку известный историк, ученый (известный греческий богослов и большой друг Русской Православной Церкви профессор Антоний Тахиос. – Примеч. ред.). Пишет, что был в Русском Пантелеимоновом монастыре отец Авель, стяжал уважение всего афонского монашества, считали за честь с ним служить. Вот в таком духе.

Я застал людей, пришедших на Афон еще до революции. Отец Илиан, настоятель, который из Мышкина, ему сестра писала обо мне. Другой – в прошлом москвич, отец Евтихий, алтарник. Они одногодки. Вот два русских старца. Конечно, благодаря им монастырь и сохранился для русских.

Я всем интересовался, все записывал, старался с батюшкой каждый день общаться. Я понимал, что он скоро умрет, а мне тут жить. Мне хотелось побольше из истории узнать. Тут ведь традиции, преемственность, они там были с 1904 года!

Игумен Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрит Авель

Вот, к примеру, вновь пришедшие на Афон не знали традиции разрешительной молитвы при отпевании. Это была древняя афонская традиция. Я тоже этого не знал. А потом там умерли старцы, батюшка и говорит, что надо по-афонски отчитать, и рассказал, что это за молитва.

Или, к примеру, игуменов избирали (по уставу вся братия участвует) – специальный молебен служится. Я спрашивал, испокон веков так на Афоне было».

В своих воспоминаниях отец Авель часто возвращался к первым шагам на Афоне, они очень ярко сохранились в его памяти. Удивительно, но он помнил числа и дни недели, погоду, малейшие подробности.

«Только приехали, мы сразу же приложились к главе великомученика Пантелеимона. Нас встретил игумен монастыря отец Илиан, из глинских монахов, прозорливый старец.

В первый же день дал мне послушание: служить в Покровском храме на церковнославянском языке. А отец Ипполит тогда служил в нижнем, Пантелеимоновом, соборе на греческом. Келия у него была в игуменском корпусе. В тот корпус я так и не перешел жить, до конца оставался в келии, которую мне предложил батюшка Илиан...

На второй день, вечером в пятницу, мне говорят: «Отец игумен хотел тебя видеть». Пошел на его место, его там нет. В храме, у алтаря у Александра Невского, там стоит. Я подошел к нему, он говорит: «Вы, батюшка, может, исповедоваться желаете?» – «Батюшка, я с радостью».

Он исповедовал, а потом говорит: «Я, батюшка, Вас не благословляю как игумен, а прошу: совершите, пожалуйста, сегодня литургию». Не готов был служить, но отвечаю: «Благословите, отец Илиан».

Возле стасидии игумена Свято-Пантелеимонова монастыря

Я же с дороги. В пути, конечно же, ели-пили, хоть и постное. В монастыре на первой неделе на Афоне такой строгий пост, что мы думали – приедем, наверное, они нам не разрешат причащаться. Специальной пищи же тогда постящимся пассажирам никто в дороге не готовил. Ну ладно, как Господь даст...

И так сказал мне: «Сегодня вся братия будет причащаться». Да, мало уж их оставалось, старичков, кто двигался. И все же в тот день вокруг Святой Чаши собрался почти весь монастырь. И старые, и молодые – отец Ипполит, отец Досифей (они оба приехали из Псковских Печор и были друзьями).

Вот я служил литургию, а игумен читал в алтаре благодарственные молитвы.

После причастия не было ни диакона, ни пономарей – я потреблял Святые Дары, а отец Ипполит прочитал молитвы, и все разошлись.

Вдруг игумен говорит мне: «А теперь пойдем, я тебе твое место покажу». Взял меня под руку и вывел на солею, а там, прямо у колонны, – трон игумена резной, под балдахином, со ступеньками. «Это мое место – игуменское, а это наместническое – Ваше место», – и показал на стасидию рядом...

Схиархимандрит Илиан (Сорокин), игумен Свято-Пантелеимонова монастыря

Старые монахи объяснили мне, что до революции это был трон наместника игумена. Игумен избирается пожизненно, а наместник все время с ним и помогает во всем.

«Батюшка, а когда ж мне тут стоять?» – «Стоять Вам в стасидии некогда будет – то в алтаре, то на клиросе... Но это Ваше место, наместника».

В Покровском храме мне пришлось служить без перерыва каждый Божий день несколько лет. А не состоялась бы хоть одна литургия, хоть одна за несколько лет, и греки тут же прекратили бы богослужение на славянском. Тогда в Греции были у власти «черные полковники», и ничего хорошего мы от властей не ждали.

Богослужения на Афоне – особенные, многочасовые. После полуночи – служба, с утра – послушание».

Схиархимандрит Илиан (Сорокин) принял на себя бразды управления Свято-Пантелеимоновым монастырем в 1958 году после смерти игумена Иустина. В братство монастыря отец Илиан поступил в 1905 году и с тех пор 66 лет неотлучно подвизался на Святой Горе.

В 1971 году игумен обители старец Илиан уже не служил... Вечером, в канун праздника Богоявления, отец Авель пошел к нему со святой водой, окропил батюшку, дал ему крещенской водички испить. Тот ответил кротко и тихо: «Благодарю... Благодарю...» Началось всенощное бдение. И как запели «С нами Бог», пришли отцу Авелю сказать, что отец игумен отошел ко Господу.

«5/18 января 1971 года на 88-м году жизни почил о Господе игумен Русского Свято-Пантелеимонова монастыря схиархимандрит Илиан (Сорокин)». Это слова из некролога, опубликованного в России за подписью «Авель (Македонов), архимандрит, святогорец, смиренный послушник

покойного игумена Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне схиархимандрита Илиана (Сорокина)». («Журнал Московской Патриархии». – 1971. – № 5. – С. 11–12.)

Выборы нового правящего игумена Свято-Пантелеимонова монастыря так описаны в книге Е. Муравлева и Д. Фомичева «Звезда утренняя»:

«...избирали жребием из трех кандидатов. Записки с их именами клали в ковчег со святыми мощами и ставили на престол. Молились всем монастырем: «Матерь Божия! Укажи нам Своего избранника! Кому Ты доверяешь обитель?» Отслужили всенощную, литургию. Старый схимник вытянул жребий...

Интронизация архимандрита Авеля состоялась не сразу. По Афонскому уставу правящий игумен должен жить на Афоне не меньше трех лет. А отец Авель к моменту избрания прожил в монастыре меньше. Но выборы состоялись, и отменить их итоги духовное управление Святой Горы сочло невозможным. Как выход из ситуации в истории нашли прецедент. При «малолетнем» игумене назначили «регента», отца Гавриила, из старцев...

С монахами разных афонских монастырей после поставления архимандрита Авеля игуменом Пантелеимонова монастыря

На интронизацию отца Авеля в 1972 году собралось необычно много представителей высшей афонской власти. Посланник монастыря Иверон, хранящий главную афонскую святыню, опустил на плечи нового игумена епископскую мантию – знак особой привилегии.

Монах из Великой Лавры преподобного Афанасия вручил ему игуменский жезл. В интронизации участвовали все двадцать монастырей как одна семья. Так совершилось преемство власти».

А в 1975 году схиархимандрит Гавриил (Легач) ушел на покой по причине тяжелой болезни.

Продолжение воспоминаний отца Авеля.

«Рязанцев много подвизалось на Афоне. Из игуменов родом из Рязани архимандриты Мисаил и Иустин, 50 с лишним лет на Афоне каждый прожил.

И приделы в честь Иоанна Богослова были в храмах нашего русского монастыря. В каждом корпусе на каждом этаже был храм. Многое сгорело при большом пожаре 1968 года...

А в одном из монастырей, на склоне (кажется, в монастыре Симонопетра), была икона наша Иоанна Богослова, я ее знал с детства. В монастыре греки мне рассказали историю, как мальчик ее писал... Но это, говорят, список, а подлинная – не знаем где. А она у нас в монастыре была!

Только они рассказывали, что мальчик-пастух написал.

Но она древняя там у них, старше, чем списки здесь. Подлинная икона в VI веке была написана и поставлена в храме святой Софии. Главный храм империи! Оттуда икона Иоанна Богослова получила распространение в пределах Византийской империи, была разнесена в списках в том числе и на Афон. Конечно, списки раннего периода, а подлинник был сюда, в Россию, подарен. Списки остались там, а подлинник ушел в Россию...

Служба шла параллельно в двух местах. Так, как раньше ввели, ведь большой монастырь был: братии там было 2,5 тысячи в одном нашем монастыре! А тут тебе 14 человек и большая часть недвижимы. А служить надо все равно в двух соборах!

Наши священники служат на греческом, ну как – читают, а не понимают. А греки приходят, два грека в монастыре живут. Один был грек настоящий монах, он с детства там вырос. А другой... это такой... ну как бы сказать... просто наблюдал за нами.

В Покровском храме, там по-славянски служили... И вот дошло до того, что я один три года служил бессменно, а служба там ранняя, ночью. Ночью нужно служить, а потом и вечером служба. А еще ведь и братия,

Афон, Свято-Пантелеимонов монастырь.
Крайний справа – архимандрит Мирон, клирик Псковской епархии

болящие и неходячие. Опять же все обойду с крестом... Возвращаешься со службы в келию, переодеваешься в сухое и думаешь: ну, может, хоть сегодня-то не будет никого... Глядь, идут: от губернатора, из министерства, то послы, то еще кто-нибудь. С одними попрощаешься – другие тут же явятся. А там уж в колокол ударили – к вечерне надо выходить, а дальше в ночь...

И вот пришел ко мне секретарь губернатора, грек. Они все такие ласковые. Говорит: «Вот Вам трудно. Вам дать в помощь грека?» Я, как услышал про грека-то, и говорю ему: «Спасибо Вам за заботу. А только видите ли, если я был бы монахом монастырским, у меня, может, был бы опыт с монахами общаться. Так как я монах давно, но был всегда на приходе, поэтому у меня нет такого опыта. Мне будет очень трудно в одно время пасти и козлов, и овец. Козлы полезут на горы, а овечки низом пойдут. А за кем мне идти? Поэтому мне Ваших овечек не нужно, я уж со своими козлами как-нибудь». А потом, Бог дал, все обошлось...»

В письме на имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена от 9 сентября 1972 года схиархимандрит Гавриил писал: «...Наш монастырь

Митрополит Никодим на Афоне.
Крайний слева в первом ряду – игумен
Пантелеимонова монастыря архимандрит Авель,
крайний справа – архимандрит Ипполит (Халин).
Фотография на крыше Покровского собора

находится в крайне затруднительном положении и особенно из-за неимения братства. С течением времени постепенно число уменьшается: старики вымирают, а пополнения нет, такое положение и уже здесь живущих приводит в уныние и безнадежность.

Мы, зная любовь русского народа к Святому Афону, верим и надеемся, что Вашим Святейшеством и всей Русской Церковью будут приняты все возможные меры к тому, чтобы этот русский (почти последний на Афоне) уголок с его святынями оставался и продолжал свое существование для утешения каждого верующего русского человека...»

В 1972 году Святую Гору посетил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен. Это было первое в истории посещение Афона Всероссийским Патриархом. Организация и проведение этого визита во многом легли на плечи владыки Никодима и архимандрита Авеля.

23 октября 1972 года на приеме в Протате Святой Горы Афон в Карее Святейший Патриарх Пимен от лица Русской Православной Церкви подчеркнул: «На Святой Горе должны пребывать сложившиеся с древних пор традиции и привилегии жизни ее обитателей. Афон должен быть сохранен как всеправославный монашеский центр с веками освященной независи-

мостью и свободой, со своеобразным традиционным самоуправлением. И мы глубоко верим, что Святая Афонская Гора не только была, но и будет оплотом православного иночества всех национальностей».

На приеме, устроенном премьер-министром Греции 19 октября 1972 года, Святейший Патриарх Пимен в своей речи официально заявил: «В прекрасный, благоухающий букет святых афонских обителей Русский монастырь влагает свою почти тысячелетнюю историю, которая является ярким свидетелем глубокой веры и исключительного благочестия русских православных христиан».

В апреле 1978 года к празднику Святой Пасхи по благословению Святейшего Патриарха Пимена и Священного Синода на Святую Гору Афон прибыла паломническая группа Московского Патриархата. В ее составе были архиепископ Харьковский и Богодуховский Никодим; архимандрит Иаков (Панчук), наместник Успенской Почаевской Лавры; известные богословы – преподаватели Ленинградской Духовной Академии...

Уровень контактов в Греции был также высок: митрополит Солунский Пантелеимон; ректор Межправославного центра Элладской Церкви, профессор, титулярный митрополит Хризостом; губернатор Горы Афон

Посещение Афона делегацией Русской Православной Церкви.
В центре первого ряда – отец Авель, игумен Свято-Пантелеимонова монастыря; крайний справа в первом ряду – отец Иеремия, нынешний игумен Свято-Пантелеимонова монастыря; во втором ряду четвертый справа – архимандрит Ипполит (Халин)

Димитриос Тсамис; мэр города Салоники Михаил Пападопулос; помощник секретаря по внешним церковным сношениям Священного Синода протопресвитер Стефан Аврамидис; генеральный секретарь Священного Синода митрополит Таландийский Амвросий и секретарь Отдела внешних церковных сношений Элладской Архиепископии архимандрит Мелетий Каламарас, эпитропы – члены духовного совета Лавры святого Афанасия; митрополит Ловчанский Григорий и другие представители Болгарской Православной Церкви. Паломническая группа совершила поездку по монастырям Святой Горы Афон, поклонилась святыням, посетила административный центр – Карею. Архиепископ Никодим в сослужении архимандрита Авеля, некоторых насельников обители и членов паломнической группы совершил Божественную литургию.

Статья в «Журнале Московской Патриархии» (1978. – № 7) дает представление о приеме посетителей в Свято-Пантелеимоновом монастыре в праздничные дни, в дни приезда паломников и делегаций, об организационной работе, проделанной настоятелем Свято-Пантелеимонова монастыря отцом Авелем.

5 сентября 1978 года на Афон пришла телеграмма из СССР, известившая о внезапной смерти председателя Отдела внешних церковных сношений митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима. Скончался друг детства, и игумен Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря молился:

«Думал, что не попаду на похороны друга. Когда хотел поехать в Россию на церковные торжества по случаю 60-летия восстановления патриаршества, греческие власти затянули оформление документов, и я не поехал, потому что опаздывал. Ночью я совершил последнюю на Афоне, как оказалось потом, литургию и начал служить панихиду по новопреставленному владыке Никодиму. В храм внезапно вбежал дежурный: «Батюшка Авель, Вас к телефону». Советское консульство в Салониках известило, что мои документы на выезд готовы. Я подумал: «Вот чудо! На торжества не дали, а на похороны...» Чувствовал себя очень плохо, думал: увижу гроб друга – не вынесу, сердце не выдержит. Он мне как брат родной был. На прощание собрал братию: «Уезжаю, отцы... Все мое желание – быть здесь и умереть бы здесь, но на все воля Божия, и мы в Его руках. Вместо себя оставляю отца Иеремию. Вы мои послушники, повинуйтесь ему, как мне. А уж там как Господь управит».

Отец Авель успел на отпевание. После прочтения Евангелия разрешительную молитву в соборе Александро-Невской Лавры прочитал настоятель Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне архимандрит Авель...

После похорон друга отец Авель как-то пожаловался на здоровье. Ему предложили пока не уезжать, а пройти обследование в клинике. Батюшка вспоминал: «*Это была клиника, кажется на Малой Грузинской. Спустя некоторое время после обследования владыка Ювеналий, исполнявший тогда обязанности покойного владыки Никодима по ОВЦС, мне и говорит: «Вы знаете, мне придется Вас опечалить...»* Так закончился афонский период жизни архимандрита Авеля. Он был оставлен в России.

Часто снился Афон батюшке Авелю: «*...все я будто бы на Афоне, вижу свою келию, в которой старец Илиан благословил мне жить... Или идем по тропинке, беседуем вместе со старцем Иеремией, с нами отец Ипполит...»*

Господь промыслительно все устраивает. Несколько святогорцев, восприняв монашескую традицию от монахов, приехавших на Афон еще до революционного периода, понесли его в новую Россию, возрождающуюся. Отец Авель – в Иоанно-Богословский монастырь, отец Илий (Ноздрин) – в Оптину пустынь, отец Ипполит (см. стр. 546) – в Рыльский монастырь... Это же можно сказать и о других святогорцах, вернувшихся в Россию. Всего несколько человек, но они составили одну из самых замечательных глав в истории Русской Церкви.

«Вот раз на Афон батюшка к нам один приехал, хороший батюшка, духовный. Приехал, чтоб тут помереть, а Господь ему другой путь воздал. Ему пришлось уехать.

На прощание ему сказано было: ты поедешь в свой родной город и там откроешь афонский монастырь. Будет у тебя там свой Афон! Он не поверил. Церквей-то, прихода даже не было! Какой там мог быть Афон? Но Господь привел. В той епархии создан монастырь по старо-афонскому уставу...»

На Афоне, хоть и с трудом, но жизнь начинает налаживаться. Наступил перелом. Священный Кинот выступил

Игумен Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрит Авель с настоятелем одного из афонских монастырей

Праздник Пасхи в Свято-Пантелеимоновом монастыре. 1976 год

с обращением к президенту и правительству Греции, подписанным игуменами двадцати главных афонских обителей, относительно проблемы хронического недостатка насельников негрекоязычных монастырей. В обращении, в частности, говорилось:

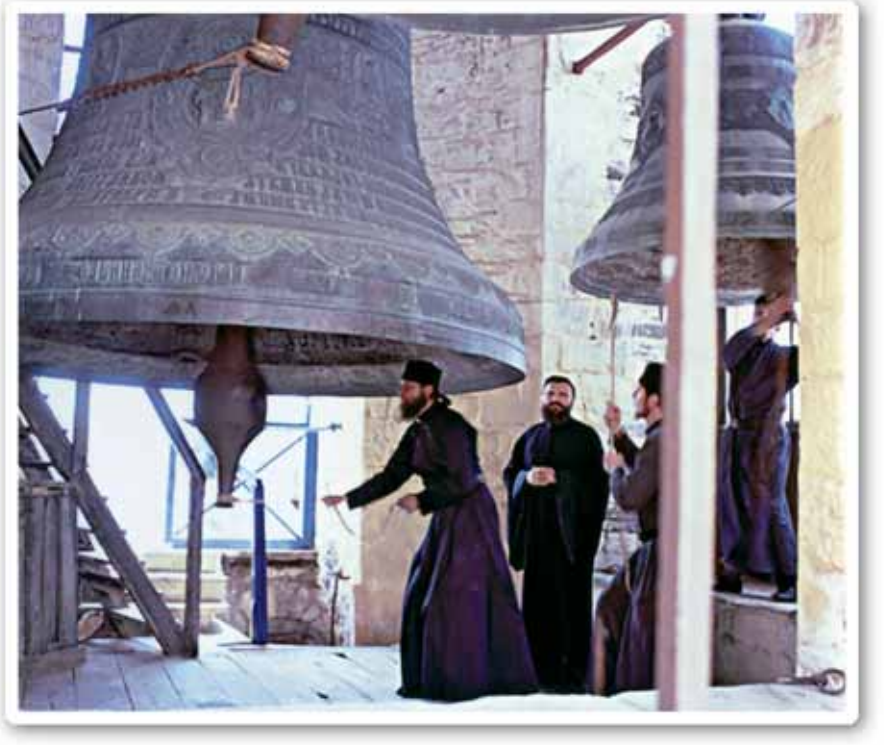
«Мы располагаем большим и славным историческим опытом. Он свидетельствует, что при всех человеческих невзгодах обителью со всей очевидностью управляла Всесвятая Владычица Богородица. Поскольку Она пожелала, чтобы здесь было многонациональное и разнообразное население, мы также хотели бы последовательно сохранить монашеское и раннехристианское наследие Святой Горы. В противном случае проблема может выйти за греческие пределы в контексте Министерства иностранных дел». Священный Кинот принял обращение к Министерству иностранных дел Греции с просьбой разрешить въезд на Афон русским, а также болгарским и румынским монахам. К июню 1992 года, то есть ко времени визита на Святую Гору Афон Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, братия Русского Свято-Пантелеимонова монастыря насчитывала уже 40 человек.

Во время посещения Афона Святейший Патриарх Алексий в своей речи на приеме в Протате Святой Горы с глубоким удовлетворением отметил постепенное умножение количества насельников Русского Свято-Пантелеимонова монастыря и выразил надежду, что с помощью Божией эта древняя обитель возродится во всей своей былой славе.

В настоящее время численность братии в Русском Свято-Пантелеимоновом монастыре составляет около 70 человек. Ценой многолетних настойчивых усилий удалось предотвратить физическое вымирание Русского Афона.

В истории спасения Русского Афона в бурном XX веке навсегда останутся имена двух рязанских монахов – митрополита Никодима и архимандрита Авеля.

«Я часто думаю, вот такая трудная жизнь, а счастливее меня никого на земле нет! Вот такое мне счастье выпало».



Русские колокола над Афоном

Чин Панагии в храме. Праздник святого великомученика и целителя Пантелеимона

Архимандрит Авель и архимандрит Ипполит (Халин) читают на клиросе в Свято-Пантелеимоновом монастыре

Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне

Богослужение в Покровском храме

Возвращение в храм после совершения чина Панагии. Греческие военные и полицейские – непременные участники всех праздников в монастыре

Всенощное бдение на праздник святого великомученика и целителя Пантелеимона

Крестный ход со святыми мощами

Архимандрит Авель и греческие гости

С сербскими гостями во дворе Пантелеимонова монастыря на фоне знаменитой оливы великомученика Пантелеимона

Архимандрит Авель с паломниками из Финляндии

Архимандрит Авель с греческими офицерами

В рабочем кабинете игумена Свято-Пантелеимонова монастыря. В руках у архимандрита Авеля посох митрополита Вениамина (Федченко)

ПАТРИАРХ
Московский и всея Руси
ПИМЕН

Его Высокопреподобию
Архимандриту Авелю,
Наместнику Игумену Русского
Свято-Пантелеимоновского монастыря
на Святой Горе Афон

Ваше Высокопреподобие,
Дорогой отец Авель!

Сегодня, когда в соответствии с Вашим желанием были
Русской Православной Церкви, мы считаем необходимым и
справедливым вернуть Вам благодарность за плодотворные
труды в Русском Свято-Пантелеимоновском монастыре на
Афоне – этом благодатном месте нашего давнего Богомилия,
к которому с древних времен и до настоящего времени рус-
ский верующий народ сохраняет благочестивое, чистое и
святое чувство.

Призываем на Вас и на труды Ваши на пользу Христовой
благословение Божие.

С любовью в Господе

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

20 июня 1979 года.

МИТРОПОЛИЯ ЗЛАТИЦКАЯ ЕКЗАРХИЯ ВСЕЯ БОЛГАРИИ

НИКОДИМ

№ 921 31 мая 1978

Его Высокопреподобию
Архимандриту Авелю
Русского Свято-Пантелеимонова монастыря
На Святой Горе Афон

Ваше Высокопреподобие!

С любовью сообщаю тебе о том, что Священный Синод Ни-
дия Церкви определил провести в Москве с 5 июня-открытой
Лавре в заседание с 25 по 29 мая 1978 года тор-жественные
празднества по случаю 1000-летия восстановления Патриарше-
ства в Русской Православной Церкви всероссийским Поместным
Церковным Собором 1917-1918 годов, на эти торжества гор-
жества на приглашение представителей и представителей по-
местных православных Церквей, других братских христиан-
ских Церквей и экуменических организаций.

Настоящим я с радостью приглашаю Ваше Высокопреподобие
прибыть в Москву для участия в празднествах, посвященных
столь знаменательному событию.

Для вышеназванных сообщаю также тебе, что мы надеялись в
Священный Синод Святой Горы представителя на наши Церковные
торжества пригласить делегация афонских монастырей, включая
представителей нашего. В настоящее время из-за-
состоять из пяти человек. В настоящее время из-за-
от нашего Синода ответ на наше приглашение.

Также тебе, почтенный отец Авель, благословенного л
описательного служения в нашей русской Свято-Пантелеимо-
новской обители.

Прошу твоих молитв у святынь Афона.

С неизменной любовью во Христе

По случай
100 ГОДИНИ ОТ ОСВОБОЖДЕНИЕТО НА БЪЛГАРИЯ
ОТ ОСМАНСКО ИГО

Българският Патриарх
МАКСИМ

от свое име и от името на Св. Синод на Българска-
та православна църква има удоволствие да покани

Архимандрит Авел

на обед на 30 октомври – неделя т. г. в 13.00 часа в
червения салон на гранд-хотел „София"

19 июля 1976 года. Настоятель монастыря святого великомученика Пантелеимона на Святой Горе Афон архимандрит Авель с группой иноков-святогорцев, посетивших Русскую Православную Церковь, после богослужения на подворье Пантелеимонового монастыря в с. Лукино под Москвой

По окончании приема в честь игумена монастыря архимандрита Авеля и посла Греции в СССР г-на Деметропулоса 9 августа 1976 года

Свято-Иоанно-Богословский монастырь в воспоминаниях архимандрита Авеля

Се, стою у двери и стучу:
если кто услышит голос Мой и отворит дверь,
войду к нему и буду вечерять с ним
и он со Мною.
(Откр. 3, 20)

«Удивительно как все складывается!

Шел 1947 год, мне в июне должно исполниться 20, а меня уж в январе архиепископ Димитрий рукоположил во священники. По просьбе верующих я был направлен в Рыбновский район в село Городище. Три года в нем служил с 1947 по 1950 год. А там недалеко село Ходынино, откуда родом наш последний игумен.

Как-то раз жители Ходынино пришли в храм и говорят: «Нам нужно священника, чтобы пасхальные молебны отслужил по домам».

Я был свободный, поехал туда на лошади. Отслужил, прошли по всем домам. А женщина, которая устраивала все, ходатай, просит еще на кладбище сходить на могилку отца Зосимы.

А я не знаю, какой такой Зосима. Знаю, отец Виталий из Богословского монастыря был, а отец Зосима? Я этой женщине и говорю: «А что, этот отец Зосима, ваш, что ли, последний батюшка?» – «Это не наш батюшка,

Свято-Иоанно-Богословский мужской монастырь

а последний настоятель Богословского монастыря». У меня как-то прям сердце екнуло. Вишь, Господь привел, я на его могилке побываю.

Ну пришли, могилка слева от храма. Певчие еще были старые, они на память все знают, старушки – хорошо пели! Уж я всех помянул, они поют стихиры Пасхи, а я так в мыслях обращаюсь к отцу Зосиме: «Батюшка, вот ты игумен монастыря, настоятель монастыря, архимандрит, а я монах. Монах, а вот в монастыре-то не жил, вот так в миру живу, на приходах. И монастыря у нас теперь нет. А я знаю, что, когда будет Страшный суд, все монастыри будут отдельно, каждый монастырь будет отдельно стоять перед Господом, как бы общинно, семьями. Я куда денусь? Батюшка, помолись за меня, чтоб Господь допустил... Я буду стараться, как подобает моему брату в миру, но чтоб Господь причислил меня к вашему братству, чтоб я тоже среди вас стоял».

Да... Уж они, ходынинские-то, когда у меня свободно, приезжали за мной.

И так все три года я ходил на могилку, просил у батюшки: «Батюшка, чтоб меня после смерти причислили к вашему братству. Чтоб на Страшном суде я стоял с вами, пусть последним, но чтобы с вами». Просился под крылышко, чтобы быть с ними. И не то чтобы там как бы наместник, а чтобы просто в этом монастыре. Это были 1947, 1948 и 1949 годы.

А потом вот ведь как Господь устроил – он был последний настоятель, а я после него стал преемник.

Верю, что он умолил и Господь привел.

А потом, когда монастырь открыли и принесли первые иконы Иоанна Богослова, тут-то уж у меня совсем с глаз пелена спала.

Я тогда узнал, что, когда я еще в утробе матери был, это Иоанн Богослов являлся матери и принес ей рулон черного материала и ножницы. Так все Господь устраивает.

Тут все развалено, ничего не было. Было название, был документ, что передан монастырь.

Когда-то были классы, это когда в стенах монастыря было училище, а потом склад. Мы принимали у Управления внутренних дел склады. Проволока колючая, техника, овчарки

Вид с большой колокольни на малую шатровую колокольню. 1960-е годы

бегают, а нам служить негде, жить негде. Купили было домик, я там жил, да не один, а четверо нас – четыре священника жили. Печку топили круглые сутки. Домик худой, сквозняки, печку погасить, так сразу холод пробирает.

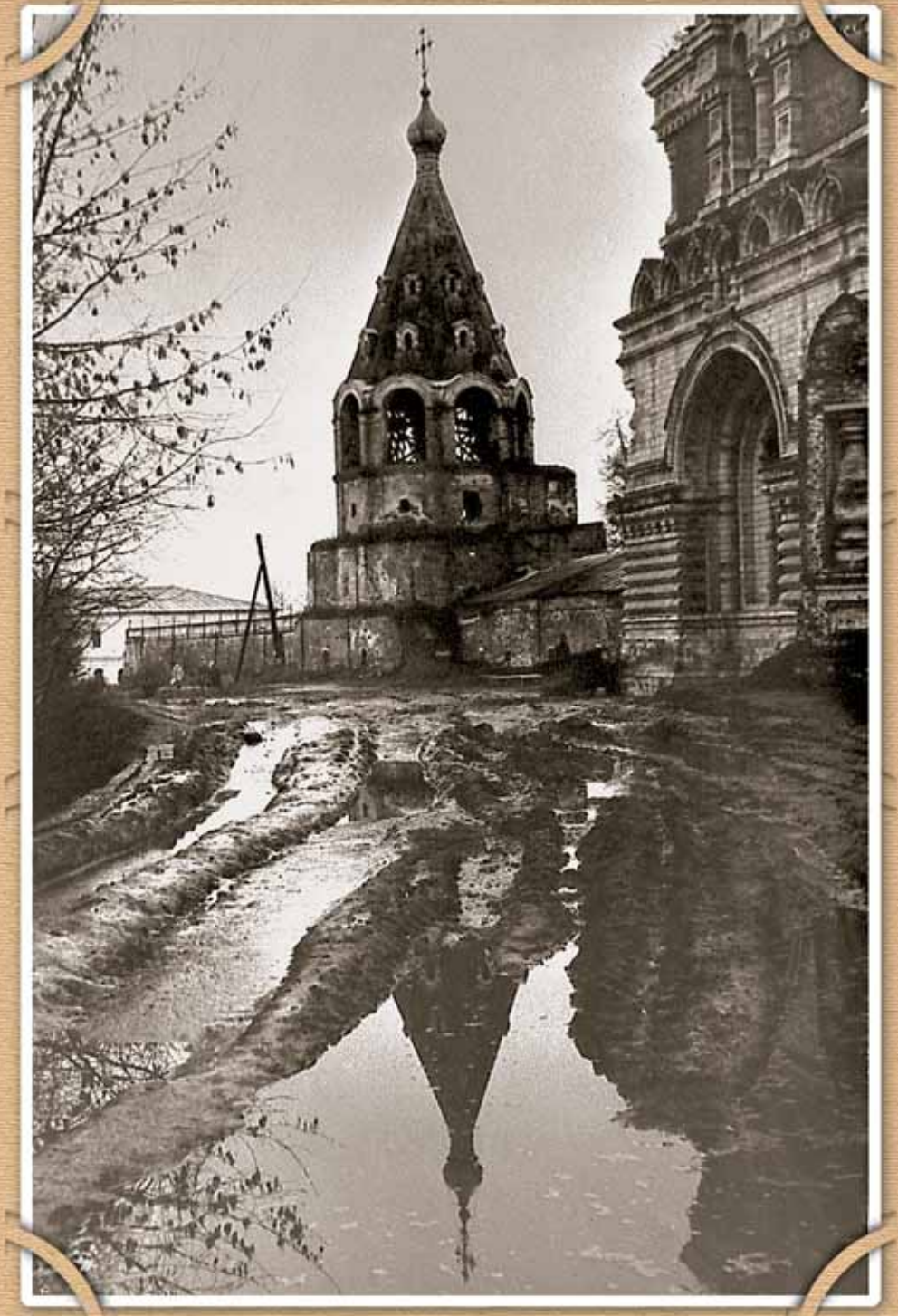
Там вон домик стоял, где елки. Козочки у нас жили. Вот на фотографии я одну взял, а другая тоже просится на руки. У нас и сейчас козы есть. Молоко дают.

Есть и маленькие. Я еще маленьких развел. Вот был хороший у нас такой молодой человек, он контуженный в Чечне, но такой добрый. Вот они прямо его понимают. Он берет сетку, идет к пруду, и они все-все за ним. Он им там ряску-то, травку-то...

Послушники жили, кто при школе, кто при больнице – где давали свободное место.

Вид Свято-Иоанно-Богословского монастыря с южной стороны. 1886 год

Вид на строения закрытого монастыря. 1960-е годы



Фрески. 1960-е годы

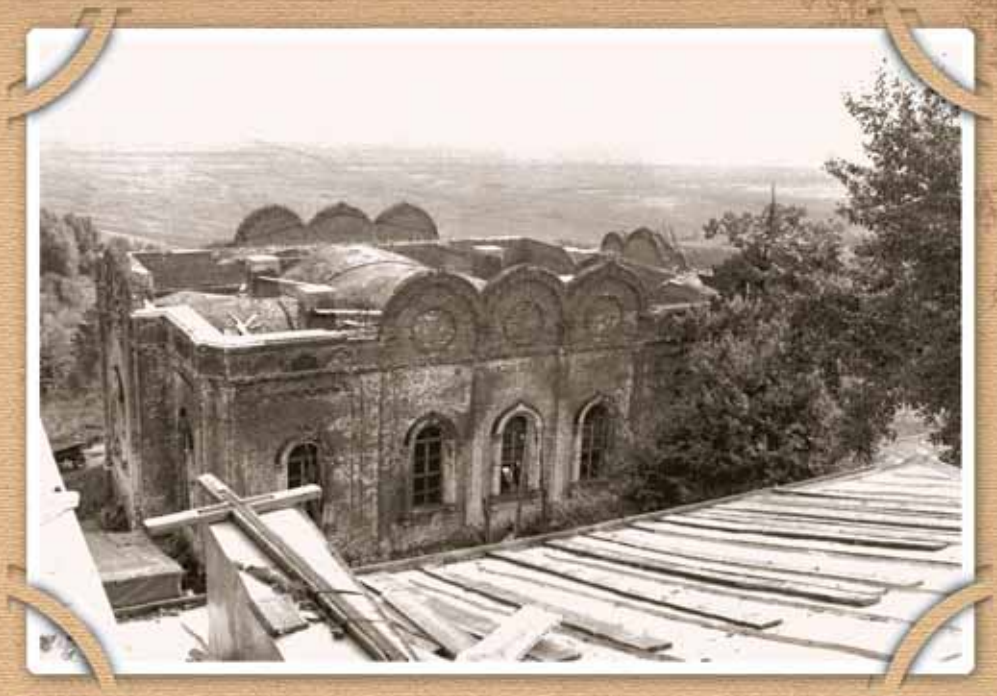
На Святых вратах обители – тексты, посвященные 100-летию Ленина. В монастыре размещалось сельское училище механизации

Остатки часовни на святом источнике, впоследствии полностью уничтоженной в 1960-е годы

Вид на центральный вход с территории монастыря. 1960-е годы

Начало 1990-х годов

Монастырь в 1990-е годы



«Если кто разорит храм Божий,
того покарает Бог,
ибо храм Божий свят;
А этот храм – вы…»

(1 Кор. 3, 17)

Благоустройство территории обители. Фотографии первой половины 1990-х годов

Я приехал с Афона, у нас в Рязани новый архиерей – владыка Симон. А архиерей был мой духовный сын, которого я направлял и в семинарии опекал, вот он стал архиереем. Его сюда назначили, когда я был на Афоне.

Владыка пожелал мусор убрать на могиле блаженного Василия, он на городском кладбище похоронен. Но ориентировки нет, все заросло. Я и говорю: «Владыка, пошли своего водителя, тут за стеной кладбища живет такая (водитель-то ее знал) бабка Полина. Она каждый день в церковь ходила, каждый день. И она знала (тут рядом-то), где могила блаженного Василия».

Вот мы с ним стоим, а я и говорю: «Владыка, видите, Данилов открыли монастырь, отдали Церкви Толгу. Почему бы Вам не попросить тоже монастырь?» Я знал, что власти рязанские в большинстве ярые коммунисты. Ну и говорю: «Они как монастырь Вам не дадут, а Вы просите как резиденцию».

«Батюшка, как Вы думаете, какой монастырь попросить?» – «Солотчинский-то он вроде близок, но его Вам не дадут, потому что у них там музей, гостиница для интуриста. Они это не дадут Вам. А вот Богословский монастырь, пожалуй, можно попросить. Он и древнейший, самый первый на Рязани. До нашествия хана Батыя наш монастырь стоял. Там источник святой. Монастырь на отшибе, никому-то он не нужен. Просите, владыка, себе резиденцию».

Он стал просить, и ему дали и сказали, что надо корпуса восстанавливать. Я говорю: «Владыка, они-то говорят, но через них бес говорит: все делай – только не храм. Корпуса что же строить? Построим, а они там какой-нибудь пионерский клуб придумают. Надо храм в первую очередь восстанавливать».

А служить здесь начали – под маленькой колокольней.

В колокольне-то там было непонятно что, ужас просто. Склад был до нас. Кирпич от древности ветхий, сыпался, все стены сыпались, пол земляной, окошки маленькие. Перекрытий и потолка не было.

Мы фанерой потолок и стены обшили, чтобы не сыпался кирпич, из фанеры иконостас сделали. Были дома иконы какие-то, я их принес, поставил. Стали служить, так прожили с января по май. Ничего не было, а душа была довольна. Народ пошел.

А в мае месяце, 20-го числа, уже освятили престол главного собора.

Тоже дверей нет, окон нет (решетки, но стекол нет), стен не было толком, стены были разрушены. Сидел человек в дверях, потому что по двору и овцы гуляли, и свиньи, и собаки бегали. Мы уж караулили, чтобы они не вошли...

В Рязани много монашек было, старух. Они меня с детства знали, я у них на глазах рос. Когда слух пошел, что монастырь возвращают, они поснимали свои похоронные деньги и все мне их отдали. В то время (до изменения денег) тысяч 30 набрали. На эти деньги и начали строить.

Мы местных нанимали, но потом поняли, что это не дело. Они пьют, а какой раствор, цемент, кирпич – все тащат в деревню. У нас и срок идет, и стройматериалы убывают, а дело не движется. Тогда мы вот карпатороссов пригласили. Наши стены карпатороссы строили с Украины.

Я так переживал! Мы с ними договорились по твердой цене с весны. А строили они до самой осени, осень была сухая, теплая – они в одних майках работали. За это время деньги сменились. Того, что причиталось по договору заключенному, уже им просто на обратные билеты не хватило бы. И у меня денег нет. Как вот тут?

«Ну, ребята, как будут у нас, мы вам отдадим». Они ведь с Украины, уедут. Уж так было неприятно и больно. Перед ними стыдно,

Фреска «Видение апостола Иоанна Богослова хану Батыю» в трапезной Свято-Иоанно-Богословского монастыря

перед этими рабочими: что ж, нанимали, а потом... И я так вздыхал, вздыхал все. Ну как, думаю...

И вот за несколько дней до расплаты подошел ко мне мужчина и подает не конверт, а просто сверток в бумаге: «Вот Вам». – «Как Вас звать?» – «Не надо, Бог знает». Вот потом эти деньги я и отдал.

Стали рассчитываться: и вот именно столько этот мужчина денег дал, сколько мы должны отдать рабочим. Ни одного рубля не осталось лишнего, ни одного не пришлось добавлять. Конечно, это был не просто человек. А подал, сколько нам нужно, и имени не назвал. Это надо ж понимать такое.

Чувствовалась во всем помощь Иоанна Богослова.

Обитель наша была построена первой на Рязанской земле и первой возродилась. А была перед революцией закрыта самой последней из 22 монастырей на Рязанской земле. Когда пришло время опять открывать обители, то она первая. Период ее бытия здесь как обители самый продолжительный.

Вот когда начинаешь немножечко на историческую тему размышлять – понимаешь, насколько все серьезно.

Нашествие Батыя... Мы говорим Батый, это как-то избито, и мы не можем представить себе, что это за явление было. А когда соприкасаешься с исторической точкой зрения, понимаешь, что это за нашествие, что это за правитель, что это за сила. И обитель встретилась с этой лавиной, силой, с этой угрозой и была оставлена неразоренной.

Тут начинаешь как-то по-другому смотреть. Действительно, произошло что-то такое, что потрясло этого правителя. Устрашить его и откупиться от него невозможно.

В советские времена историки выдвигали версию, что монахи откупились от Батыя. От этого человека нельзя было откупиться! Все по тем временам, абсолютно все принадлежало ему. Это все забиралось, он не спрашивал.

В то время и монахов было мало, и монастырь был небольшой. Кругом болота, леса, дебри, монахи специально выбрали место уединенное.

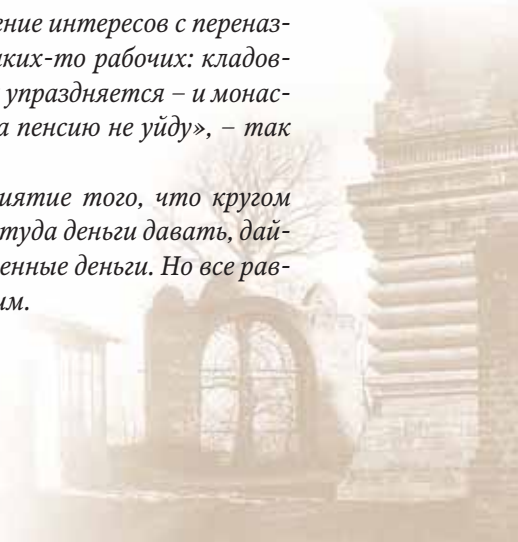
Батый по Оке зимой шел по льду. Реки являлись дорогой в зимний период, когда уж ни кустарника, ни ям. Рязань пала, Батый пошел на Коломну.

Владыка Симон, наш правящий архиерей, понимал, как тут нам трудно приходилось. Говорит мне: «Батюшка, Вы уж живите дома. Там все удобства. А сюда будете только на праздник приезжать». – «Да я тогда не смогу быть Вашим наместником. Как же это я не буду знать, что братья делают? Как они живут? Может, они тут гулять будут? Я приеду в субботу, а они все явятся передо мной, выстроятся. Вахтовым методом я не могу». Трудно есть трудно, но надо начинать.

Нет, нас не ждали. Верующие, конечно, радовались. Бабушки, которые помнили закрытие монастыря, они молились здесь на источнике, на камешке. Для них, конечно, это было событие, радость. Сразу пришли, начали что-то делать, помогать. Основа прихожан.

Но была категория людей, у них пошло столкновение интересов с переназначением монастыря. Была база УВД, они имели каких-то рабочих: кладовщиков, смотрителей, сторожей в конце концов. База упраздняется – и монастырь. «Вот хоть бы пять лет подождали, пока я на пенсию не уйду», – так кричала одна.

Начал возрождаться монастырь, но было неприятие того, что кругом разруха, а тут начинает что-то делаться. Не надо туда деньги давать, дайте нам лучше. Не понимают, что это не государственные деньги. Но все равно лучше дайте нам: дороги проведем, баню построим.



Все уезжали, дома продавали на дрова. А когда монастырь открылся, отток прекратился. Стали ездить паломники, у них ночевать, они пускали на ночлег. А потом стали продавать тут дома уже по баснословной цене.

Вначале, конечно, еще никто не знал, что монастырь уже существует. Мы служили в маленькой церкви под колокольней, тогда было фанерой все обито. Окна маленькие (сейчас-то белые большие) слюдой и пленкой были покрыты.

Лето жаркое было, мы службу правили. А потом шли молитвы читать, тут крест стоял возле Успенского собора.

Вначале владыка Симон приехал и спросил: «Где тут настоятели похоронены?» А бабки, которые в церковь не ходили, говорят: «Вот тут, за алтарем». Ну и не разобравшись, за алтарем общий крест поставили. А потом выяснилось, что они за алтарем Богословского собора. Мы все нашли, гробы, и все перенесли, все как положено...

Потом ужинали, потом шли на источник. Все братья, я во главе их. Там читали вечерние молитвы на сон грядущим, и все купались на источнике. Тогда купальни не было: сначала ведром обливались, потом вырыли яму.

Как-то все постепенно наладилось.

Одним из первых деяний было восстановление уничтоженного монастырского кладбища: поиск могил настоятелей, братии, благотворителей

Архиепископ Симон и архимандрит Авель в начале возрождения обители

А когда уж узнали все вокруг, что монастырь возрождается, конечно, стали приезжать...

Уж вот из Барнаула приехали, подумай-ка! Муж и жена – старики. Стали благодарить Иоанна Богослова за чудо. Что хозяина одного, мужчину, на ноги поставил.

У него ноги не сгибались в коленках несколько лет. Лечили, на курорт возили, врачам показывали – сидеть он не может, все стоя. Ему неудобно, жене неудобно. Как они узнали про наш святой источник – не знаю. Привезли его сюда, как полено. Отнесут его на источник, польют ноги – и так несколько раз. А потом он встал, совершенно здоров.

Местные жители отца Тихона еще помнили. К нему ходил народ постоянно. Он был насельником этого монастыря, а потом был послан наместником Николо-Радовицкого монастыря, который принадлежит Московской епархии. А уж потом перевели сюда настоятелем. Икона-то у меня, там дарственная надпись: «Николо-Радовицкий монастырь».

Местные жители ничего не сохранили из бывшей утвари. У одних икона была. Опять не из монастыря, а тут храм был свой, сельский. Там была икона, но она не традиционная, не как наша. Потом ее отпилили наполовину. Все годы, пока было безбожье, собирались и с этой иконой ходили на источник молиться. И из Рязани ходили.

Я даже из Городища приходил в 1948 году, местная жительница просила. Приходил из Городища пешком, тут часовня еще была на источнике. Стол приносили, икону, народу было много, вся гора – люди, все со свечами, так трогательно. А источник – он не огорожен, ничего, по камешкам вода бежит. И так как много лет уж не служились молебны, то я решил служить молебен полным чином, а со мною еще семинаристы были. А так как при наклонении края одежд опускались в воду, то один из семинаристов стоял сзади, края поддерживал, а девочка там стояла маленькая, так она вслух: «Бабушка, бабушка! Вон батюшка хочет на небо улететь, а его кто-то не пускает, держит его». Вот такие были случаи...

Слава Богу, все было. А теперь народ, туристы приезжают часто на святой источник. И рассказывают о своем.

Вот когда-то поженились молодые, но не хотели детей, делали аборты, а потом в зрелом возрасте спохватились. Да поздно. Вспомнили о чудесном источнике, приехали. Ко мне обратились. «Я что ж, я не могу, потому что не от меня зависит. Это уж вы просите у Бога прощения. То, что Господь дал для человека, вы все это выливали в помойку. А теперь у Бога просите прощения, просите у Иоанна Богослова, чтобы он за вас походатайствовал».

И многие в благодарность, что по его молитвам дети рождаются, дают его имя. И девочки теперь появились – Иоанны, в Москве есть, двух я знаю. И в Рязани уже. Врачи не могут помочь, а вот Иоанн Богослов помогает.

Вот две недели назад приезжали – малыш, хорошенький!»

Приезжают люди в обитель, и возникают новые связующие нити, пронизывающие пространство, нашу историю, нашу землю, нашу жизнь. И прорастают добро, любовь.

«Иоанн Богослов, он во всем, во всем хранит свою обитель. Я сколько раз слышал (спускаюсь с крыльца, а там люди проходят, некоторые прямо с автобуса идут в храм, на исповедь): «Какая здесь необыкновенная атмосфера, не надышишься». Я, конечно, ничего не говорил, а сам только радовался. Какие мы все счастливые – вот, пользуемся такой благодатью.

У нас не было, чтобы пчелки умирали от какой-то болезни или скот както болел...

Вот видите... семьдесят лет я шел к тому, чтобы увидеть воочию исполнившимся то, что семилетнему отроку мне Господь обещал.

Мне когда было семь лет, у нас в приходе закрыли храм, поснимали колокола... Я не бегал туда, а люди ходили, смотрели, как колокола снимали, как били. Но вот их звон я все слышал, потому что это недалеко. Они как бы плакали, разбивались.

Я в саду упал на колени и просил Господа: «Господи, возьми меня отсюда, я боюсь оставаться здесь жить. Храма нет, звона нет. Кто разбудит совесть? Кто будет звать на молитву?»

И вот какой-то внутренний голос мне сказал: «Ты успокойся. У Ильи конец, у Бога все в начале. Ты еще доживешь и колокола услышишь, и храмы будут открыты».

И я тогда приободрился, встал и по своему детскому пониманию сказал: «Даже если за сто верст церковь откроют, то это не больно уж далеко. Я тогда прям пешком пойду в тот храм молиться».

И вот потом, в войну, я таки исполнил обещание. Я ходил в храм села Городище. Храм необыкновенной красоты! Господь привел в нем даже послужить мне три года священником. И дожил, что и колокола стали новые отливать...

Впервые я колокол увидел в 1948 году. Когда в 47 году владыка Димитрий был призван в Ярославль, в 48-м мы поехали его навещать.

Приехали рано. Нас сторож не пустил в епархию. Говорит: «Вы вот пойдите в храм, это недалеко, там вот и подождите, пока откроется епархия».

А там висели старые колокола. Я уговорил своего спутника: давай полезем. Мы поднялись на колокольню, и вот я их осязаю, как бы вот и целую эти колокола, которые еще не слышал, звон-то...

...Теперь вот мы дожили, и в нашей обители – звон!

Ремонтно-восстановительные работы на малой шатровой колокольне

С первых же дней в возрожденный монастырь потянулись люди. Крестный ход. 1990 год

На святом источнике.
Начало 1990-х годов

Первые насельники монастыря. 1990 год

Приезд Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.
1991 год

Архимандрит Авель, епископ Иосиф, братия монастыря
и гости совершают чин Панагии. 2004 год

Так что семьдесят лет я живу после этого и все утешаюсь. Господь все больше и больше посылает утешение и утверждение, что у Бога ничего невозможного нет. Господь все может создать, Господь все может вернуть.

Вот, помню, первый раз в истории привезли в Россию мощи великомученика Пантелеимона с Афона. Никогда свой монастырь мощи не оставляли, и вдруг их привозят в Россию. Сначала меня назначили в делегацию на Афон, чтобы я ехал за этими мощами, объяснял все. А тут получилось обострение отношений с Константинополем, и запретили в священном сане приезжать туда. Ну и я поэтому не поехал.

А мне хотелось знать, увидеть, кто из наших монахов приехал – ведь, почитай, восемь лет там молился. А так как у меня телевизора тут не было, я поехал в Рязань смотреть. Посмотрел и к своему огорчению никого из тех, кого я хорошо знал, с кем был на Афоне, не увидел. Но вот когда мощи привезли на аэродром, там Патриарх был и ясная погода стояла, так над аэродромом, над самолетом была радуга. Только не дугой, а крестообразно.

Потом их повезли в Елоховский собор, пока в этом соборе прикладывались все – над собором эта радуга опять стояла.

На второй день я приезжаю в монастырь, братья меня встречают такие возбужденные, радостные: «Батюшка, а у нас вчера что было!» Я сперва испугался: всякое может быть. «А что случилось?» – «У нас вчера над собором, над главным, радуга была в виде креста!» – «В какое время?» – «Вот в это время, как раз вот...»

Я и говорю: «Вот видите, братья, все-таки целитель Пантелеимон показал нам, что и наша обитель в его находится ведении. Там – на Афоне и в патриаршем соборе Елоховском – было знамение в виде радуги крестом. У нас икона его афонская и частица мощей, и мы праздник целителя

Чин Панагии. 1990-е годы

Пантелеимона празднуем как свой престольный праздник. Вот видите, целитель Пантелеимон показал свое к нам благоволение. Это дорогого стоит».

Когда я пришел с Афона и тут стал жить, мне больше образца-то не было, как только Афонский устав. Я привык так жить. Не довелось жить в других монастырях. Ну я не монастырский монах был, служил на приходах в селе, в городе. Но исполнял монашество, правил службу как монах.

На Афоне мы еще с одной проблемой столкнулись. При живых еще старцах приехавшие из России монахи пытались выкрутить в другую сторону. Уже была попытка. Очень активная.

Архимандрит Авель был открыт для общения и доступен. Таким он запомнился тысячам людей, приезжавшим в обитель

«У нас в Печорах вот так», «а у нас в Одессе вот так», «у нас лучше». Я говорил: «Нам нужно делать не «как у нас в Печорах» или «как у нас в Одессе», а нужно, раз мы все живем-то на Афоне, как вот принято у них, старцев. Как они жили, святогорцы».

Вот я не свои слова, а слова владыки Никодима вспоминаю.

В 1976 году в последний раз я был в России как представитель Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. Мы приезжали со всего Афона, со всех монастырей. Потом все уехали, а владыка Никодим говорит: «Должен губернатор приехать Афонский в Россию, его Патриарх пригласил. Надо тебе быть тут, все-таки русский монастырь, русский дом, может, какие вопросы будут, мало ли чего». Вот я и остался.

Губернатора проводили, я должен возвращаться, и владыка Никодим говорит: «Давай мы с тобой вечером поговорим». Пошли по Лавре гулять. Увидел он своих воспитанников и говорит: «Вот родится несколько поколений, какие будут священники? Я не знаю...»

А потом ко мне обернулся и говорит: «Старец, а все-таки мы с тобой самые счастливые люди!» Думаю, к чему это он такое говорит? «Мы приняли эстафету еще от старых дореволюционных священников, монахов, которые до революции учились, до революции посвящались и ссылки отбыли, после ссылки вернулись...»

Жесткая позиция архимандрита Авеля по вопросу следования Афонскому уставу и древним традициям святогорцев в том виде, в каком они были получены от старцев Русского на Афоне Свято-Пантелеимонового монастыря еще того, дореволюционного «призыва», вполне оправданна. Для сознания того, что из рук в руки, из поколения в поколение передается

без перерыва, без изменений церковная преемственность, что ими получен от святогорцев незамутненным тот источник живой веры, который питал наших предков.

И конечно, для сохранения лучшего микроклимата, традиций. В том числе и для осознания высокой ответственности перед окружающими.

Все, кому посчастливилось говорить с отцом Авелем, запомнили его своеобразную образную речь, проницательный взгляд светлых глаз, неторопливость и основательность, мудрость и доброту.

Россия переживает период возрождения, открываются и восстанавливаются старые храмы, возводятся новые. Возобновляется иноческая жизнь, восстанавливаются монастыри.

Но среди огромного числа событий такого рода в большинстве случаев все начинают со строительства, со стен. Мы это понимаем: время таково. Время призвало организаторов, способных вымести вон мусор, в условиях

Наместник Свято-Иоанно-Богословского монастыря архимандрит Авель с группой паломников на фоне восстанавливаемого Богословского храма

Крестный ход. 1991 год

суровой действительности возвести стены, привлечь силы и средства, установить контакты с властью, бизнесом...

Все это понятно.

Но история возникновения известнейших русских монастырей была иной.

В большинстве случаев вначале была духовность, подвижническая жизнь старца, собиравшего духовные сокровища в трудных условиях. Тяжелый труд, преодоление страданий, препятствий, искушений. Молитвенные подвиги, борьба с тяжелыми природными, климатическими условиями.

После первого периода наступил второй, когда собранные духовные сокровища употреблялись на пользу людям. Проповедь Слова Божия среди окрестного населения, его лечение, просвещение. Это сопровождалось появлением учеников и последователей, селившихся рядом с учителем и духовником. Это сопровождалось актами духовного творчества – писанием и переписыванием духовных книг, икон, духовных стихов. Так возникала обитель. Постепенно от землянок и пещер переходили к стенам деревянным, затем каменным.

Свято-Иоанно-Богословский монастырь начал возрождаться в конце XX века именно таким традиционным путем.

Полная разруха, служение в первом храме с фанерными иконостасом, потолком и стенами. Жизнь первых насельников в неприспособленных для жилья помещениях...

В основу возрождения обители были положены духовный огонь, принесенный со Святой Горы игуменом Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря, Устав и древние неписаные традиции Святой Горы, полученные отцом Авелем от святогорцев, духовные святыни, спасенные в страшные годы гонений на Церковь сотнями людей, переданные архиепископу Димитрию и завещанные им архимандриту Авелю.

В конце XX века в России монастырей, создававшихся таким традиционным образом, было немного. И поэтому в рязанскую обитель святого апостола Иоанна Богослова идут и идут потоки людей...

Крестный ход.
При огромном стечении народа
состоялась церемония
освящения колоколов

Свято-Иоанно-Богословский монастырь. Освящение новых колоколов

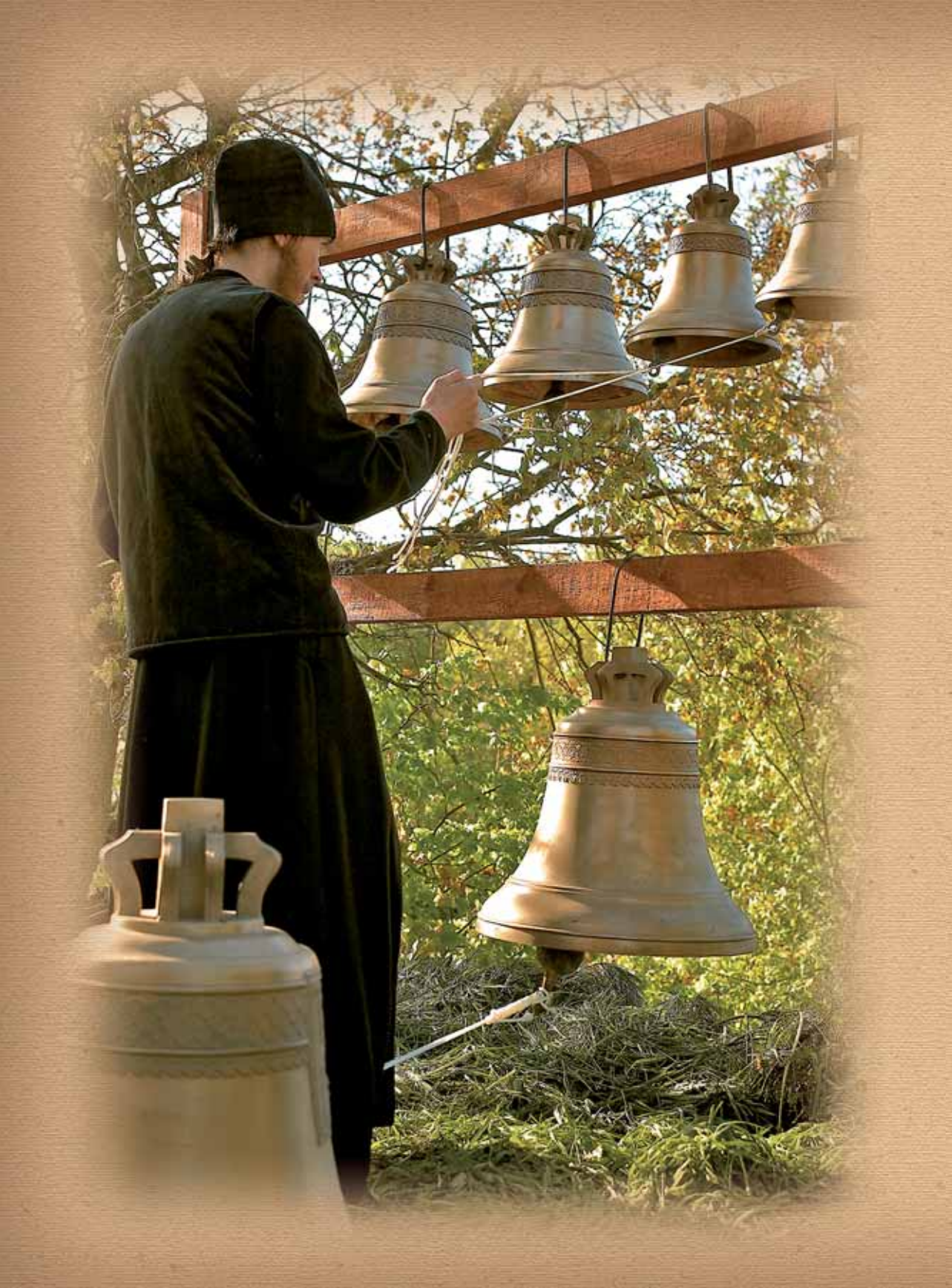
Новые колокола установлены на специально сооруженном помосте, украшенном к празднику Иоанна Богослова

Архиепископ Рязанский и Касимовский Павел

Архимандрит Авель

Крестный ход.
Остановка возле малой шатровой колокольни

Поверхность колоколов украшена с большим искусством. Кроме изображений святых икон выполнены надписи, упоминающие имена правящего архиерея, настоятеля монастыря и благотворителей



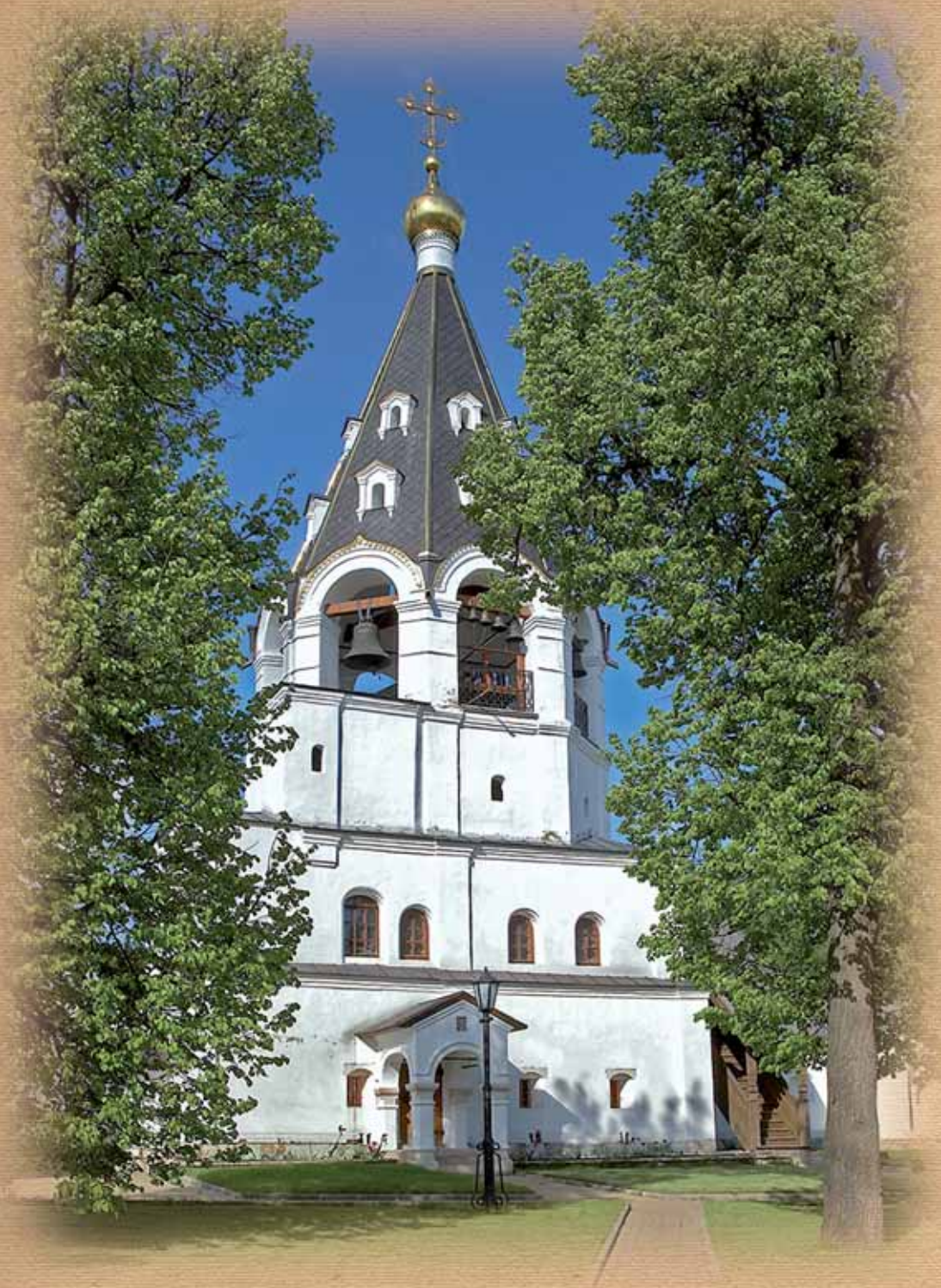
В тот же день колокола были перенесены через стены обители и подняты на большую и малую колокольни

Новый братский корпус. На втором этаже расположен храм святых благоверных князей Бориса и Глеба

Успенский собор Свято-Иоанно-Богословского монастыря

Колокола обители –
в рязанском небе

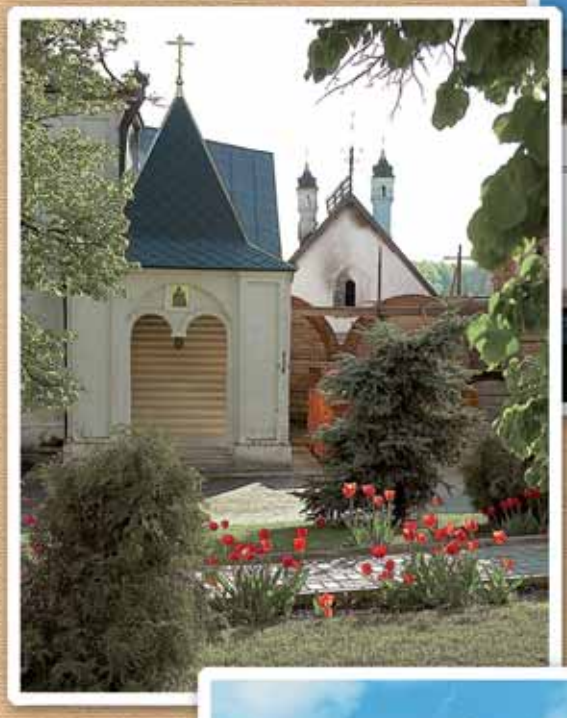
Вид монастыря
с большой колокольни



Малая шатровая колокольня

Восточные врата

Братский корпус



Дом наместника

Монастырь и окрестности с высоты птичьего полета

Встречи, события, мысли...

С пользой смотри, с пользой слушай,
с пользой говори, с пользой отвечай.
Святитель Василий Великий

За несколько лет общения с батюшкой накопилось много записей, содержащих его яркие, меткие, образные высказывания. Сохранились рассказы, уводящие нас иногда на полвека назад, иногда в совершенно другую, незнаемую жизнь.

Воспоминания архимандрита Авеля

«Пришли как-то раз гости, из Союза писателей. Ночевали у нас. А я не знал, что они по поводу Есенина приехали, на Есенинские торжества. Их привели, а я говорю: «Мне вот в 1947 году пришлось быть в Константинове, дома у Есенина, причащать его мать Татьяну. В Константинове умерла старушка, у нее детей много. Она умоляла: «Похороните меня со священником». Тогда это проблема была. В моем пастырском попечении находился Рыбновский район. Приехали за мной – зима, градусов 26. Священник, служащий в храме, мне и говорит: «Поезжай туда с ночевкой. Надо там дома служить панихиду большую, а потом уж утром отпеть и похоронить».

Но рано не отпевают, не хоронят, как-то не принято. Это местные старушки знали. Они и говорят: «Батюшка приедет, пусть захватит с собой Святые Дары. Тут у нас несколько таких старушек, что до храма не дойдут и не доедут».

Я взял Святые Дары. Отслужил всенощную, ночевал у старушки. Утром она меня повела по домам, по другим бабушкам. «Татьяна, ты на печи?» –

«На печи, где же». – «Слезай, я тебе батюшку привела». Слезла, я не знал, что это мать Есенина. Есенина-то я уж знал, я его тайно читал. Тогда не разрешали официально, запрещено было.

Какой же год-то был? Зима 1947/48 года.

Когда я ее причастил, назад пошли, я провожатой и говорю: «Татьяна-то, наверное, в молодости у господ была в прислугах?» – «Да нигде она не была».

Я почему спросил, когда вошел, обратил внимание на портрет. Я Есенина портрета до того не видел. А здесь портрет большой, увеличенный. Красивый, барская у него одежда, солидно так выглядит. Я спрашиваю провожатую: «А какой же это у нее портрет барина висит?» Она засмеялась: «Какой барин. Это наш Серенька – непутный». – «Какой Серенька Непутный?» – «Да Есенин-то». – «Ты бы сказала, что сейчас идем в дом Есенина. Я бы с его матерью побольше поговорил».

Я не согласен, что он такой вот был, как о нем говорят. Потому что пропойца не мог бы так красиво воспевать природу: он ничего бы этого не чувствовал. А у него душа была мальчишеская.

Теперь уж, когда музей открыли, изба уже под наше время переделана. Я вошел, там уж ничего из прошлого, памятного мне, нет. Перестраивали, четыре года назад построили новый дом.

Да, а писатели тогда выслушали, позавтракали, чаю попили и поехали открывать эту свою конференцию».*

«Владыка Димитрий раз меня подвел к окошку (а тогда на всех столбах висели тарелки черные, репродукторы) и говорит: «Ангел мой, как ты думаешь, для чего эти вот?» – «Владыка, чтобы веселее жилось». – «Милый ты мой. Кто будет думать, чтобы жилось веселее. Это чтобы всех притупить, чтобы никто не мог остаться с собой наедине, чтобы не задумался о своей жизни».

Вот сейчас как живут – встал, включил телевизор на кухне, пока чай готовит, он у него барабанит. Сел в машину – включил приемник или наушники надел... и так целый день. Пока ужинал – телевизор у него работал. Насмотрелся – взорвали, убили, напали – и с этим лег спать. Дальше он еще во сне продолжает жить этой жизнью. А вы говорите, откуда грех в нас попадает – я в этом направлении еще шага не сделал, только посмотрел туда... Как только увидел что-то, продлил в себе... Бывает помысл, на нем же остановиться нельзя...

А как же мне отсечь, если я не убираю источник? Я в себе даже помысл еще не узнал, он у меня в желание превратился...»

«Недавно... в Рязань приехал какой-то целитель. Рязань приняла его, по телевизору его показывали, представляли. Вроде молодым очень больной был, рак, умирал. Встал на бой со всеми религиями, а с православной – нет. Вылечился и теперь всех лечит.

Стали звонки давать. Старушка одна: «Мне 70 лет, я какая-то немощная, можете помочь?» – «Да. В воскресенье буду принимать в кинотеатре,

* В 1990 году по ходатайству жителей села и усердием братии Свято-Иоанно-Богословского монастыря вернулся в строй действующих и был заново освящен храм в честь Казанской иконы Божией Матери в селе Константиново, ставший подворьем монастыря. 27 сентября, в праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, в нем было совершено первое богослужение. А в 1995 году, в столетие со дня рождения Сергея Есенина, правящий рязанский архиерей архиепископ Симон в сослужении наместника и братии Свято-Иоанно-Богословского монастыря совершил в Казанской церкви панихиду по рабу Божиему убиенному Сергию. С тех пор имя Сергея Есенина поминается на каждой панихиде в церкви Казанской иконы Пресвятой Богородицы.

приходите, помогу». Следующая: «У меня дочь парализованная лежит несколько лет. Я к экстрасенсу хожу, к ворожеям ходила. Вы можете помочь?» – «Я к Вам прийти не могу. Но если вы придете, я вам пособлю».

И все эти... просители... не обращаются к Богу!

А кто дает ему зал? Кто его показывает? Почему у этих людей такая сила и откуда она?

Бабушки эти – бывшие комсомолки. Не исправишь, они в церковь никогда не придут...»

«Был в Рязани в Казанском монастыре случай. Одна одинокая женщина, монахиня, привязалась к коту. В этом монастыре каждая монахиня имела отдельный домик.

Пошла она на Пасху в церковь, а кота выгнала на улицу.

После службы идет, у нее настроение хорошее, а кот сидит на крыльце, ждет ее. Она: «Ой, котик милый, ты соскучился? И я по тебе соскучилась. Христос воскрес!» А кот ей отвечает: «Вот и горе, что воскрес». И тут же сдох...»

«Сейчас в России много сомнительного.

Как-то мне рассказывали, что ездили в один монастырь к известному священнику. По возвращении одна из женщин рассказывает: «Я не знаю, как это получается. Одна идет, спрашивает: замуж выходить – не выходить? Другой идет – сын болеет. Третий – чего-то еще. Он сидит и принимает этих людей. К нему толпами едут со всех концов, и каждому дает по совету. Может, я настолько грешна, что уже и в это не верю?»

Да даже оптинские старцы, но и те себе такого не позволяли! Именно – никогда не позволяли. Ладно, он духовник, он знает этого человека уже

30 лет. Всю семью, всю подноготную знает. И то скажет: «Мне кажется, вот я за тебя помолюсь, но, наверное, лучше – так». Никогда категорично не скажет. А тут первый раз видит – и вот советует сестре-брату надо там операцию делать или не надо... Как могут они предугадывать, когда мы не знаем, что у Господа для этого человека уготовлено?»

«Вот всем известный священник. К нему все ездили – и священники, и все. Один семинарист окончал семинарию, ездил на каникулы домой, встретил девушку, познакомились. Ездил к ней домой, его благословили: как он окончит семинарию – женится. И вот когда окончил, пошел к этому отцу-старцу за благословением. А он ему дал четки: «Вот тебе, в монастырь иди!» И вся жизнь у него исковеркалась.

Наша рязанская, она жила с отцом, в квартире. Поехала к этому отцу-старцу. Он ей: «Продавайте квартиру, уезжайте в Дивеево, там вам спасение».

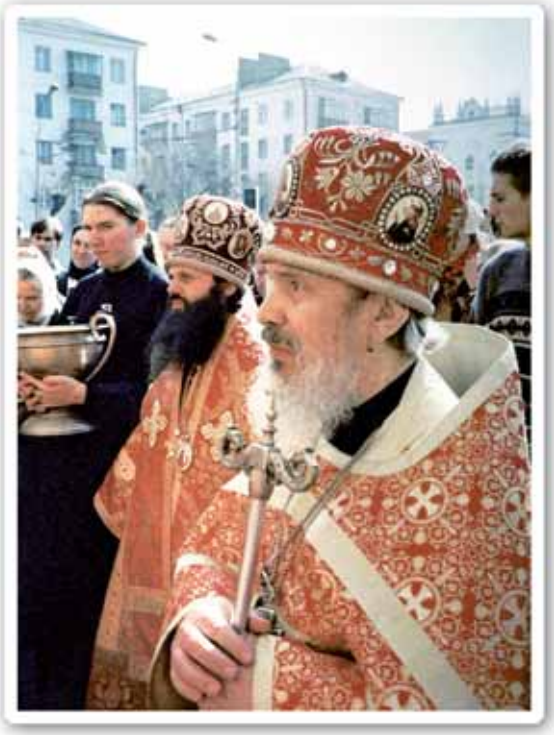
Прошло некоторое время, отец заболел, в Дивеево они не прописаны, и врача нет. Она ко мне подходит: «Батюшка, вот так и так. Помогите. Как быть?» – «Тебя научил священник. Ты поступила так, как он сказал. Тут уж – как он тебе скажет... Только глупая ты глупая. Пусть бы отец сидел в квартире, в Рязани. А ты бы уж ездила, раз работать не хочешь. Случись что – теперь и отцу некуда деться! Что, в землянке будешь отца держать? Ни врача, ничего. Как тебе не стыдно за свои неразумные поступки! Какое же это спасение? Ты спокойна? Нет. И отец не может жить спокойно».

Вот такие бывают истории...»

«...Очистить себя, убрать накипь с души – больно, тяжело, сколько надо потратить сил. А тут пришел и сразу получил наставления...»

«...Я иногда иду и смеюсь: «Что же вы проходу мне не даете, пока я иду? Тому – сыну хорошую работу, тому – чтоб дочка удачно замуж. Что ж никто не скажет – как мне душу свою спасти? Никто про это не думает. Дом, квартиру, там все...»

Вот вчера, в воскресенье, женщина просила: «Помолитесь за моего сына» и назвала имя. «Ты же мать, если у него какие недостатки, то ведь это твои плоды. Ты должна исправиться и его исправить. Я что буду молиться? Я его не знаю, не представляю. Когда человека знаю, тогда...» – «Его невинно посадили, помолитесь, чтоб его отпустили». – «Нет, я так не буду. Что ж я буду Господу указывать – Ты неправильный суд допустил: человека обвинили, а он



тут не виноват. Господи, сделай так... Нет, я не буду». – «Он у меня хороший». – «Для тебя хороший, а что он на стороне делает, ты, выходит, и не знаешь».

«...Как святитель Феофан служил?

Он так служил: «Я иногда про себя читал молитвы, иногда – вслух». Келейник только приходил, приносил ему вино, хлеб для литургии, потом уходил. Уж он сам – что читком, что нараспев, что про себя. Он мог даже на чем-то задержаться... Ведь он даже и советует: «Допустим, читаешь молитву, казалось уж, сколько раз читаешь, а какие-то слова – как в первый раз читаешь. Остановись, дай душе насытиться. А мы ту-ту-ту...»

Святитель Феофан мог читать когда медленно, а когда и остановиться, мог быть, допустим, полчаса в созерцательной молитве. Он один, никто не смущает. И потом – ближе к сердцу.

Вот человек что-то делает (допустим, читает или пишет), и во время работы приходит желание помолиться. «Ну вот я сейчас допишу, и тогда помолюсь...»

Нет, говорит, ты оставь. Потому что тут уж ангел тебя зовет, помолись с ним. А когда ты допишешь, ангел отойдет. Самому будет трудно без ангела-то молиться. Как говорят – когда аппетит, тогда и надо... к духовной пище приступать».

«Как-то раз я не служил, а причащался. Вышел через боковую дверь – подходит женщина, говорит: «Батюшка, благослови меня исцелять людей». – «А Вы медицинское образование какое-нибудь имеете, кто Вы?» – «Никакого». – «Ну а как же Вы? Исцелять людей?» – «А я вот силой из космоса». – «Милая, а в космосе там сила-то не Божия». – «Как так?» – «Вот когда

человек умирает, душа проходит мытарства в космосе, называется – мытарства, там и бесы блуда, бесы пьянства, бесы другие». – «Ну как же? Вы выходили с того кабинета (это она алтарь-то кабинетом назвала), к Вам люди подходили, а Вы так вот делали и у вас из пальцев свет излучался». – «Нет, милая, нет. Я не могу тебе дать благословение, и даже не приведи Бог тебе в руки попасть».

Она как-то с сердцем: «Все-таки мои духи, а не ваши – вот сила...»

Ну сила, ну и что... Она пошла, а это было Великим постом, поскользнулась и упала. Люди-то слышали, стояли возле храма, они и говорят: «Ну что ж тебя эти духи не поддержали?»

Когда человек причащается, он светел лицом. Вот почему она свет видела. Во мне уж крошка была Христова, она и светилась. Само слово причащаться значит соединиться. С кем? Со Христом. Это великое счастье. Поэтому, если в этот день умереть, это самый счастливый день, день причащения».

«Когда обременен властью, это очень трудно. Всегда я мыслил: «Господи, умудри, Господи».

Вот вроде человек, я его не знаю, он ничего мне не сделал – ни хорошего, ни плохого, а вот такой вопрос: как доверять?

Был вот случай, когда у нас в Рязани я служил. Там Великим постом тысячами люди причащались. Стоишь, называешь: «Марья, Дарья...» Потом подходит женщина, я перед ней причащал, а тут у меня руки как-то так вот... Не могу рукой сделать движение. Думаю: «Господи, почему?» Причащать не могу, а пауз нет.

Я ее спрашиваю: «А ты готовилась к причастию-то?» – «Да, готовилась». – «Ты утром не ела ничего?» – «Нет, я только кофейку выпила утречком». Я и понял почему.

«В следующий раз приходи и кофе не пей».

Однажды причащал и тоже так спросил. «Нет, я ничего не кушала, натощак». – «А ты исповедовалась?» – «Исповедовалась».

А у нас трехпрестольный храм и там справа исповедуют, я спрашиваю: «В каком ты приделе исповедовалась?» Если скажет справа, значит, была, а если слева, значит, не исповедовалась. Она говорит: «Я у порога исповедовалась».

А там стоят женщины, у которых были аборты. Значит, аборт сделала, пришла, священник молитву прочитал, в храм зашла. А тут не то, что... Я говорю: «Нет, я тебя причащать не буду. Приходи после службы, все обсудим».

«Руки-то сзади не держат! Вообще грех руки назад и в храме, и вообще. Что вы, коммуниста из себя изображаете? Начальника? Они – только придут, все руки назад и ходят, как в музее. Правда, народ-то все-таки был у нас благочестивый. Они и в этом усматривали такой смысл: мы пред Богом, все обращение должно к Богу – вперед, справа Ангел Хранитель, а бес-то нас преследует. Вот бес-то все слева и сзади. А люди, которые руки сзади держат, вроде показывают за спиной: «Я мол с тобой, с демоном-то, я с тобой солидарен».

Нехорошо – так-то».

«Видите, что рассказывают – не всему можно верить. Один человек так видит, а другой – по-другому. По одному рассказу – совсем святой. По другому – бес. Самому себе и то не нужно доверять, своему первому впечатлению, потому что лукавый хитер.

Когда уж вот помолишься, вот тогда...

Почему святые отцы запрещают следовать быстро какому-то своему желанию? Пришло какое-то желание – вот что-нибудь сделать, надо повременить, помолиться. Если укрепится – тогда творить. А если не укрепится – поймете, что это ни к чему.

Подождать, помолиться, чтобы Господь укрепил, тогда делаешь смело.

Опять урок владыки Димитрия. Еще когда я мальчиком был, он говорил (он по имени никогда не называл, все «ангел мой»): «Ангел мой, вот если ты задумаешь сделать что-нибудь такое приятное, хорошее, доброе, что Богу угодно, жди искушения. Бес или сам на тебя нападет, такую бурю в душу вложит, что будет свет не мил. А то человека на тебя научит, чтобы человек тебе плохо сделал. А ты все равно делай, Бог сильнее».

Легко ничего не делается. Легко только в ад идти. Там дорога широкая, все семафоры открытые. Блудить – пожалуйста, пьянствовать – пожалуйста, убить сейчас – и помощь найдется, помощников дадут, все будет. Только давай, греши. Люди идут на блудилище, так он их пугать не будет, он, наоборот, им все устроит, чтобы все удалось».

«Был случай: в храме в течение дня находился. Входят мужчина и женщина, не молоденькие, но не старики. Пальцы в перстнях. «Сколько у вас в монастыре предстоит работы». – «Да-да, много». – «А мы могли бы вам помочь». – «Если у вас есть возможность, есть желание, вот в кружку опустите,

а Иоанн Богослов, я уверен, что он вас за это возблагодарит». – «Нет, мы хотели бы лично вам в руку деньги дать».

У меня прям сердце екнуло: «Ну это уж неспроста...»

«Ну, хорошо. Если вы мне эти деньги, а я что тогда вам?» – «Да, нет, мы вот пожениться хотим, повенчаться». – «Вы не по адресу, потому что в монастырях браки не совершают, это не приходский храм». – «Это мы знаем. Только за советом. Если вы одобрите, благословите, мы уж договорились с батюшкой, в таком-то селе нас будут венчать».

Я посмотрел на него: «А у тебя дети-то есть, жена померла, что ли?» – «Нет, мы с ней разошлись». К ней обращаюсь: «Муж-то у тебя еще жив?» И здесь также – разошлись...

«Если вы пришли ко мне за советом, я сейчас дам такой совет – вы помолитесь Иоанну Богослову, пусть он от вас отгонит беса блуда». – «Мы впервые настоящее чувство нашли».

Я снова говорю: «Помолитесь, чтобы Господь отогнал от вас беса блуда. У тебя есть жена, дети, у тебя есть муж, дети. И вернитесь к ним: семьей и детьми нужно дорожить».

«Их любовь – это не любовь, это плотская страсть. Любовь – это когда человек все готов отдать, только чтобы человеку сделать добро. Вот это любовь! И вот человек будет не любовник, а будет называться почтительно – любящий».

«Вся ваша краска, помада – одни только грехи. А грехов этих полно.

Многие из вас себе задают вопрос: «За что меня Бог наказывает?» Нет, вы лучше скажите так: «За что Господь носит меня по земле? Как подо мной земля-то не разверзнется по моим грехам?»

Бог никого не наказывает, никого. Он нас любит, он нам всем Отец.

Вот кто-то из вас мать, кто-то отец, но вы можете быть жестокими. Вы можете детей бросить, убить. Недавно по телевизору рассказывали, как мальчика шестилетнего уморили бабка и дед, а мать гулять пошла, развратом заниматься.

Как же это можно? Когда еще был молодым и служил в храме рядовым священником, к нам приходили и крестить, и молитву разрешительную получать.

Вот стоят женщины с младенцами. На них смотреть приятно. И стоят другие, накрашенные и без ребенка. К ним полное презрение, к этим людям: разбойницы с большой дороги.

Вот спрашиваю одну: «Зачем пришла?» – «Как зачем – молитву брать. У меня вот жетон есть!»

А тогда еще было так: коммунисты заставляли – покупай жетон, пять рублей заплати. А старосты все ставленники были безбожной власти. Староста-то с духовенством не больно считался. Он деньги получил, жетон выдал, пусть хоть кому, хоть любому разбойнику – ему деньги нужны.

«Вот у меня!» – «А что ты мне показываешь?» – «Я заплатила».

Я-то думал, мало ли чего, может, был выкидыш, может, ребенок умер. А тут – аборт. А она: «Это не беда». – «Как не беда? Человек, а ты убила! Кого? Мышь, что ли? Ты человека убила, своего собственного ребенка!»

И вот я вам опять говорю, что Бог никогда никого не наказывает. Бог мог бы сделать так, чтоб мы не грешили. Только мысль плохая пришла бы кому-то сказать обидное слово, а у вас язык бы отняло! Только лишь руку поднял, хотел бы кого ударить или чужое взять, рука бы отнялась! А Бог не сделал... Почему?

Тогда мы будем не чада Его возлюбленные, свободные, а овцы. А Он не хочет, чтобы мы были овцы. Он нас создал себе подобными, бессмертными, свободными, разумными. А теперь с разумом вы поступайте, выбирайте – или добро, или зло.

Господь сам сказал о двух путях. Один путь широкий, ведущий к погибели вечной. И другой узкий, тернистый путь, ведущий в Царство Бога. Вот – выбирайте».

«Расскажу два примера, которым… я сам был очевидец.

Вот в одном пригороде, в одной семье, родился мальчик. И он не рос. Уж сколько ему было лет, а он все маленький и не понимал ничего. Как кукла лежит, и все.

Жила старушка, она слепая родилась и она была с детства Богу предана. Святой человек, праведница была. Так мы ее после поминали.

Родные мальчика устали и пошли к ней. Уж она видит, что они намучались. И мать, и отец, и бабка – все намучались. Она и говорит: «Вы уж постарайтесь какого-нибудь батюшку попросить, чтобы он приехал к вам, причастил этого ребенка. А там Господь сам знает».

Попало так, что их бабка пришла в тот день, когда был мой черед причащать больных. И я поехал.

Мать с отцом на работе, бабка меня принимала. Я причастил ребенка, а она и говорит: «Может, ты со мной чайку попьешь?»

Ну, а я отслужил раннюю обедню, потом поехал к ним, а потом мне еще по другим адресам нужно причащать… Ну, что ж, чашечку чаю выпить можно. Сели, а она, как барыня, как помещица. Вижу, у нее на столе и ватрушки, и пироги, и рыба. Всего у нее много, все богато.

«Вот уж живем хорошо, хорошо живем. А почему у нас мальчик такой больной? Ведь он святой у нас мальчик».

Бывает, когда Господь выбирает в такие годы. Подумал, может быть, это действительно раб Божий, ради кого-то Господь хочет весь город спасти. Спрашиваю: «А что, кому-нибудь видение было? Или какой-то блаженный человек сказал, что этот мальчик святой?» – «А как же, он родился вместе со Христом ведь в первый день Рождества!» – «Какая же вы неразумная. Так что ж, он и зачался вместе со Христом в Благовещение, Великим постом-то?!»

Она как за голову схватилась: «Ах, дура я старая, что ж я раньше-то не поняла! Это они что же? Постом, да под Благовещение зачинали его? Потому-то он и родился такой!»

Вот нам всем и наука…»

«Ну а другой случай такой…

В то время я был мальчик… Соседка была важная такая – председатель сельсовета. Все ее величали, а она не здравствовалась со всеми-то. В партию поступила, про всех писала: этот вот такой, этот враг народа. Сколько она людей оклеветала невинных! Напишет – враг народа, ну и ей верили.

Требовала, чтобы церковь закрыли. Закрыли. Настояла, чтобы церковь взорвали. Взорвали.

Началась война, в каждом доме скорбь, повестки с фронта.

Верующие знали, что я в церковь всегда ходил, тем более в праздник. У нас храм раньше был в честь Тихвинской иконы, и этот праздник чтили. Вот они говорят мне: «Ты батюшку попросил бы, может, он к нам пришел бы на Тихвинскую, послужил бы молебны о тех, у кого живы. А у кого погибли, тем панихидку к празднику».

Я говорю: «Хорошо». А как батюшке стал говорить, он в ответ: «Милый мальчик, я ведь самовольно не могу. Если ваши власти сельские разрешат, я с удовольствием приду».

Ну перед самим праздником зашел к соседке, а она на кухне что-то готовила. Выскочила. Я говорю: «Теть Кать, вот наши желают, чтоб батюшка пришел. Ведь у нас сегодня праздник Тихвинской иконы Божией Матери, чтоб он пришел у кого-то молебен, у кого-то панихидку там послужить».

А она рогачем на меня: «Ах ты, такой-сякой, какая Тихвинская?! Я тебе вот дам!»

«Теть Кать, меня рогачем бей, только не упоминай Матерь Божию, только не ругай ее», – и ушел.

Прошло много времени. Я вырос, стал священником. Как-то приехал домой, иду, а она сидит на крыльце, видит меня. Подозвать она не решилась, боялась, что я к ней не подойду. Сделала вид, что ей нужно срочно на другую сторону улицы перейти. И так вот рассчитала, чтобы мы с ней нос к носу встретились.

«Здрасьте». – «Здравствуйте».

Она и говорит: «Вот я хотела тебя спросить: какому бы мне святому помолиться, чтобы беды нас миновали?» Я отвечаю: «Теть Кать, наверное, молись Ленину, он по-твоему всемогущий. У тебя другого Бога нет. А у нас Бог один, один Господь и одна Пречистая Владычица Богородица. Но так как она являла свои лики в разных местах и явила свой лик и на реке Тихвинке, называется Ее икона Тихвинской. И храм наши предки построили, и сколько было чудес в нем. Ты его разрушила. Ты надругалась над Царицей Небесной. Теперь что ж ты хочешь-то? И какого Бога теперь ищешь? Бог у нас один. Если ты осознаешь, что ты перед Ним виновата, то плачь и рыдай, проси у Него прощения».

...А как у нее получилось. Одна дочь, невеста, умерла внезапно. Другая дочь замуж вышла, родился убогий ребенок. Вот уж лет двадцать с ним мучались, потом в Москве отдали его в какой-то институт, где изучают таких людей. Там его в два счета умертвили, делали на нем какие-то опыты.

Третья дочь – Дарья, Даша, ровесница моя, мы с ней учились вместе. Хорошая была. Вышла замуж тоже за хорошего парня. Ребенок родился, тоже хороший мальчик. Вырос. В армию взяли. Уж вроде одну Господь помиловал. А потом мальчик уж кончал службу и вдруг с ума сошел.

И вот дочери матери говорят: «Будь ты проклята, из-за тебя Господь гневается на нас. Мы все из-за тебя несчастны».

Вот каково грешить-то!

«Куда ж теперь деться?» – спрашивает. «Куда деться? Я б тебе сказал, куда деться. Надо бы не краситься, а надо бы золой себя мазать. Как вот царь Давид согрешил – он пеплом посыпал себе голову и рыдал: «Господи, я не человек, я червь».

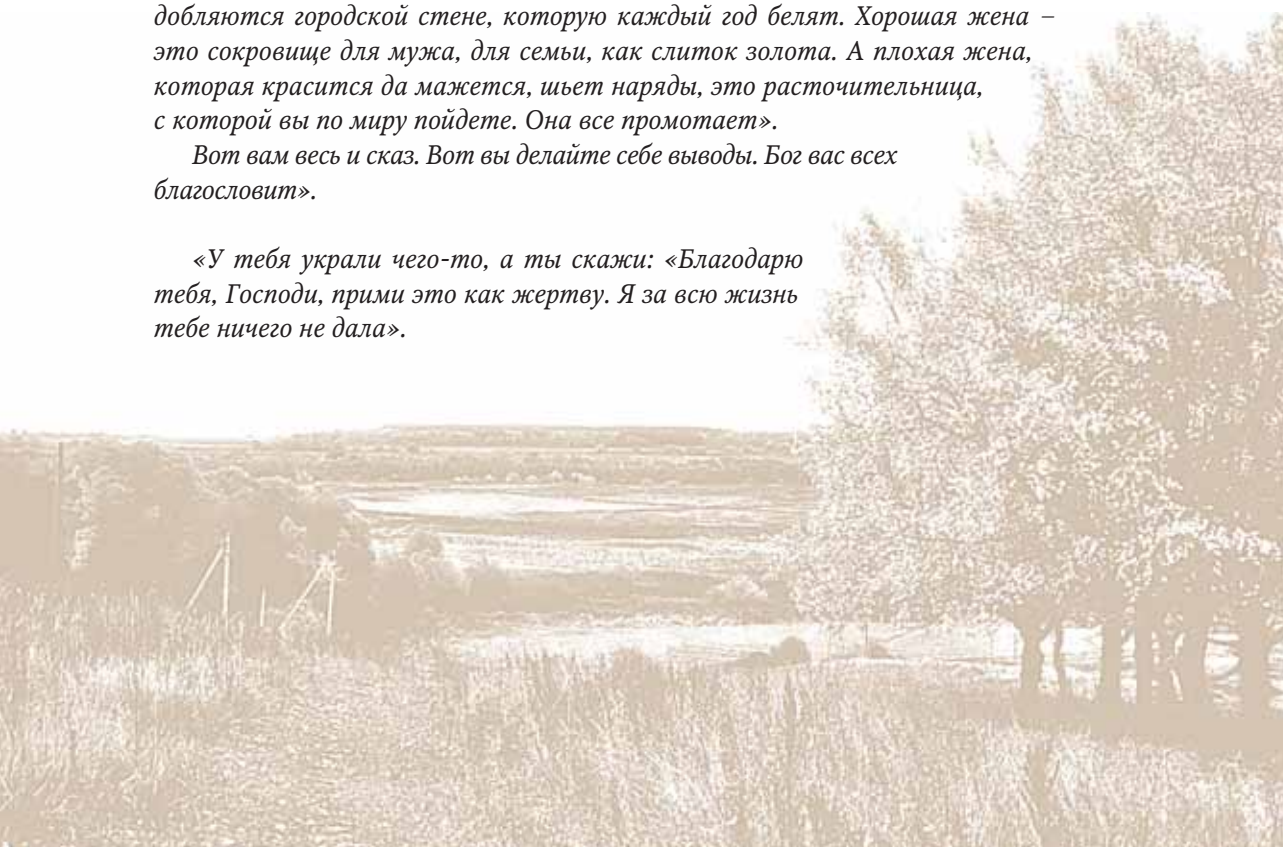
Иоанн Златоуст говорит, женщина должна себя украшать добрыми делами, добротой сердца, любовью к мужу и к детям. А не краситься, не мазаться, чтоб кому-то еще понравиться.

Господь сказал, если кто посмотрит на другое лицо с вожделением, он уже в сердце своем прелюбодей, он грех уже сотворил. А когда красится, мажется, значит, кому-то хочет понравиться. Мужу и так хорошо, если будешь хорошая жена. И обед ему приготовишь, и ласковая будешь, и кроткая, и детей будешь любить, он и так тебя ценит.

Иоанн Златоуст говорит: «Те женщины, которые красятся, они уподобляются городской стене, которую каждый год белят. Хорошая жена – это сокровище для мужа, для семьи, как слиток золота. А плохая жена, которая красится да мажется, шьет наряды, это расточительница, с которой вы по миру пойдете. Она все промотает».

Вот вам весь и сказ. Вот вы делайте себе выводы. Бог вас всех благословит».

«У тебя украли чего-то, а ты скажи: «Благодарю тебя, Господи, прими это как жертву. Я за всю жизнь тебе ничего не дала».



«Матерь Божия, Она нас не оставит. Вот если мать так любит свое дитя, ведь нехорошо дитю капризничать – хочу, хочу! Мать сама знает, что надо. Так и Матерь Божия все слышит.

Надо каяться на исповеди и причащаться. Даже пособороваться. Христиане, они все постом соборуются.

Мне один священник старый рассказывал. Когда он был совсем молодой, только после академии духовной, позвали его причащать больную женщину. Он ее исповедовал, причастил и уехал. Тогда каждый хозяин на лошадях приезжал за батюшкой.

А дорогой вспомнил, что она каялась, а он не прочитал ей разрешительную молитву, не разрешил, не простил грехи ей. Если вернуться, то сейчас же пойдет по селу слух, что батюшка неопытный. Молился, говорит, весь вечер, всю ночь: «Господи, сделай так, чтоб мне под каким предлогом быть в том конце села. Я бы зашел ее навестить и прочитал бы ей разрешительную молитву. Как бы поправил все дело».

Вдруг утром лошадь подъехала, выскочил муж этой женщины. Священник подумал, что она умерла, а он грехи ей не простил. А она каялась, искренне каялась... «Что такое?» – «Да моя жена просила вас приехать. Она забыла какой-то грех, а ночью вспомнила».

Вот видите, как Господь устроил. Батюшка-то молился всю ночь. А Господь ей так вот устроил: она уж как бы готова, но, чтобы батюшку успокоить, какой-то там маленький грешок вспомнила.

Священник поехал и Святые Дары взял. Епитрахиль на ее голову положил и молитву прочитал. Повернулся к столу за чашей-то, а она уже мертвая...

А мы все... Бог у нас как приказчик. Мы молимся ему – вот я это хочу, это хочу! А что, Господи, Ты хочешь?

Я физически не могу за вас всех молиться. Я молюсь: «Господи, здесь Твоя воля. Ты все знаешь, каждого человека знаешь. Если можешь кого помиловать – помилуй всех. Я не прошу дать мне здоровье. Я не молюсь, чтоб Ты продлил мне жизнь...»

Только уж когда лежал на операционном столе, просил: «Господи, перед тобой открыто все знание. Если я Тебе еще нужен на земле, если польза есть, пусть будет так. Нет – хоть сейчас бери. Я не хочу жить без пользы».

И когда молитву читаю «Отче наш», я всегда говорю: «Господи, мало ли что мне в голову придет, даже если хорошее. Пусть будет так, как Ты хочешь!»

Я желаю всем спасения. Как спасаться? Вот к батюшке Амвросию Оптинскому ходили и спрашивали, как спасаться, а он говорил: «Живи – не тужи, никому не досаждай, никого не осуждай. И всем мое почтение».

«Ну, милая, я тебе так скажу: надо быть готовым ко всему. Подготовься, покайся».

«Вот лет пять тому назад, может побольше, как-то в будничный день никого в церкви не было, литургия шла. Гляжу, зашли мужчина и женщина, молодые, около сорока лет. Прилично одетые. Стоят. Я вижу, что они просто не знают, что им делать. Я к ним подошел и говорю: «Вы здесь проездом, что ли? Ну, так, может, что сказать, что рассказать». – «Нет, – говорят, – мы приехали целенаправленно, чтобы исповедаться, причаститься». Я говорю им: «Через два дня пост Успенский (это было перед Успением), вы уж подождите два дня. Два или три денечка попоститесь, и будут уж все люди исповедоваться и причащаться, и вы приходите». Мужчина говорит: «Батюшка, у нас нет времени, мы не можем». – «А что такое?» Может, его куда отправляют? А он прямо при ней и говорит: «У нее рак в последней стадии. И врачи уж отказались лечить, но мы уж все-таки упросили, дали расписку,

что если умрет во время операции, то врачей упрекать не будем. Приехали исповедаться, причаститься, она ведь может и умереть, а мне – чтобы помог Господь принять это в сердце». Я говорю: «Не отчаивайтесь, Господь может помочь и в таком деле. Исповедаетесь, причаститесь, а уж насчет смерти мы подождем, потому что это только Бог властен, кому когда помереть».

А потом мужчине и говорю: «Слушай-ка, раз после операции ты будешь около нее находиться, возьми водичку с собой. Пить там не разрешают, будешь ей губы мочить святой водой. И будет кто-то в монастырь собираться, передай как-нибудь, как прошла операция». Они пообещали.

Проходит неделя, две, три, четыре – никаких известий. Ну, думаю, наверное, она умерла.

И тут идут они оба. У меня даже не хватило терпения, когда они подойдут. Я к ним навстречу пошел, к порогу: «Ну как, как у вас дело-то?» А они смеются и говорят: «Батюшка, никакой операции не было».

«Как это, я не пойму вас». Говорили, значит, что уже в последней стадии, врачи не соглашались, а теперь раз операции не было, что ж тогда смеяться-то? Они должны быть опечалены, а смеются. «Что, не стали делать?» – «Не стали делать, только по другой причине: не нашли у нее опухоли». – «Как это?» – «А так!» Вот ее причастили, он ее и повез. И в тот же день повторно сделали снимок, чтоб уж послезавтра оперировать. На снимке аппарат не показал опухоль. Врач, который ее вел, специалист, он говорит, наверное, аппа-

рат испортился. Обзвонили всю Рязань, нашли больницу, где такой же аппарат, врач повез ее в ту больницу. И другой аппарат ничего не показывает!»

«У Бога в природе ничего нет лишнего, ничего нет вредного. Все полезно. Крапива – и та нужна. Вот грибы, мухоморы. А, слушай, пусти скот в лес, коровы – прямо на мухоморы. Едят с большой охотой! Они лечатся. Я уж не знаю, организм, наверное, чистят».

«Раньше с родными общались через письма. Каждый писал не просто «пришлите мне денег», «пришлите мне то да это», а начинал «дорогие родители, папа, мама, как вы живете?» Так, что все-таки письмо развивало человека. А сейчас что? По телефону... В миру говорят, учиться никогда не поздно. А в духовном смысле – это до самой смерти. Так заповедано Отцом Небесным, что все время нужно подниматься. «Священное Писание Вы когда-нибудь читали?» – «Да, читал (читала)». – «Но ты хлеб вчера ел (или ела), а сегодня опять будешь, и не один раз, так и слово Божие...» Допустим, если подойти к нашей колокольне, кроме стены ничего больше не увидишь. Когда на колокольню будешь подниматься, на один пролет поднимись – чего-то увидел, выше – еще. А потом – полный горизонт, все тебе открылось. Так и наука, и духовное познание! Когда человек восторгается Божиим миром, красотой, гармонией, величием, он сам чувствует, какой он счастливый, что может все видеть, понимать. Не все это ценят».

«Вот я был свидетелем такого случая. Ко мне подошла одна женщина в Рязани, я еще тогда в монастырях не был, служил в храме Бориса и Глеба. Подошла женщина ко мне в слезах вся: «Батюшка, батюшка, мне с вами нужно поговорить!» Я думал, что она отпевать, и говорю: «Милая, ты обращайся к здешнему священнику, я нездешний. Я только пришел литургию совершить. Я никаких треб не буду совершать, ни отпевать, ни крестить, ничего». Она говорит: «Нет, нет, батюшка, я знаю, кто вы, и знаю, что вы из храма Бориса и Глеба». Я остановился: «В чем дело?» Оказалось, у нее два сына и муж.

Сыновья – подростки, но почти взрослые. И вот они купили телевизор. Тогда только в моду входили телевизоры. И поставили они телевизор в угол святой, где висела икона Святителя Николая и лампадка висела. А потом стали ворчать матери: «Ты бы уж иконы отсюда взяла. Лазаешь, зажигаешь, масло можешь пролить, может испортиться там все». Как раз тогда сделали два выходных, все субботы стали выходные. И женщина из-за любви к мужу и сыновьям не стала ходить ко всенощной. Потому что если уйти ко всенощной, муж куда-нибудь уйдет к приятелям или пьянствовать будет. Сыновья тоже куда-то уйдут к приятелям, может, какими плохими делами будут заниматься. Решила она быть дома, на кухне готовила праздничный ужин. И тут приходит сын и говорит: «Мама, икона перевернулась к стенке». «Пришла, – говорит, – икона перевернута». Еще подумала, что они ее разыгрывают. Я никак не мог понять, как это смогла икона повернуться. Переспрашиваю: «Слушай-ка, ты пришла, икона уже повернута была?» – «Нет!» – «Она что, может, оборвалась и, когда падала, перевернулась?» – «Нет. Мы все – я, муж и двое сыновей – стояли, смотрели, икона медленно-медленно поворачивалась к стенке. И отвернулась!» Женщина плачет: «Что мне делать?» Я говорю: «Милая, я бы с тобой вместе поплакал, если бы не радость. Поблагодарить надо Бога и Святителя Николая. Он если бы обиделся, он бы совсем от вас ушел. Но он остался с вами. Только он показал, насколько неприятно ему все это видеть». – «А как же теперь быть?» – «Как икона висела, вы поправьте и лампадку зажигайте. А для телевизора-то другой угол найдите. Для него не обязателен святой угол». Прошло некоторое время, а я как-то уж опять об этом думаю. Может, у нее были галлюцинации, может, ей это все показалось, может, эта женщина психически больная? Тут наступили Святки и пришли ко мне певчие из Скорбященского храма славить Христа, а потом сели чай пить. Я и рассказал им этот случай. Говорю: «Может, этой женщине показалось, может, ничего и не было?» А певчие уверяют: «Нет, батюшка, нам семья эта знакома, мы каждый год ходим к ним на Рождество Христово. Праздновать они приглашают. И муж хороший, и женщина хорошая, и сыновья хорошие. Это все было истинно». Вот ведь как... А у вас теперь идолы на первом месте. Евангелие читать некогда, молитву прочитать вечером некогда, сидят у телевизора до темноты. И старухи сидят, смотрят. А не думают, что если смерти наступит момент, то Господь в чем застанет, в том и судить будет».

Б.Н. Кузык с семьей в гостях у батюшки накануне свадьбы старшего сына

Архимандрит Авель с Александром Солженицыным

Архимандрит Авель с художником Александром Чашкиным и его помощниками, выполнившими роспись алтаря Богословского храма

Архимандрит Авель с космонавтом Аксеновым. Крайняя слева – директор областного архива Татьяна Петровна Синельникова

Слева – академик РАН Д.С. Львов, справа – член-корреспондент РАН Б.Н. Кузык

С дважды Героем космонавтом Аксеновым

Глава 2

Слово о батюшке

Епископ Иваново-Вознесенский и Кинешемский Иосиф:

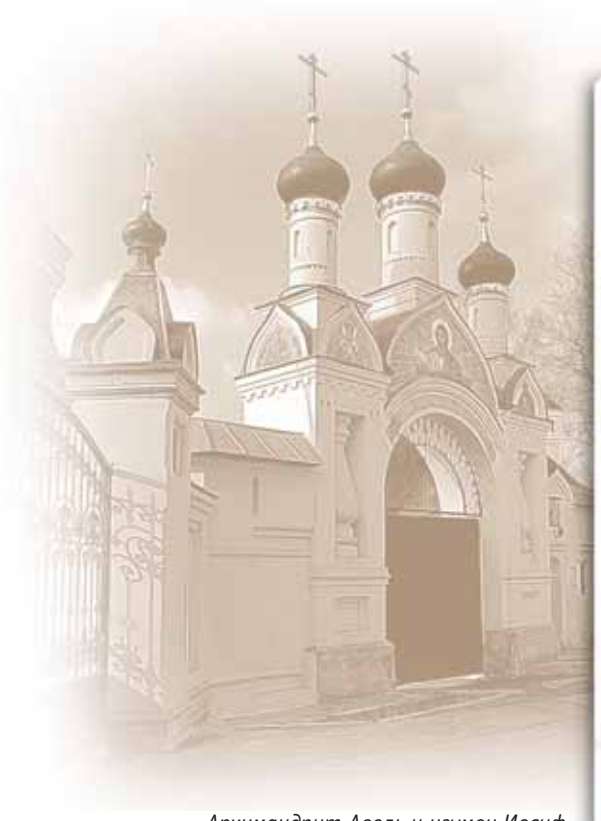
«Воспоминания об отце Авеле»

Вся моя жизнь неразрывным образом связана с отцом архимандритом Авелем.

Я родился и прожил в доме, разделенном на две половины: в одной части жил отец Авель вместе со своей родной сестрой и двумя монахинями, в другой половине – наша семья – мама, папа и мы с сестрой. Все эти годы я имел возможность почти ежедневно лично общаться с батюшкой, за исключением периода его пребывания на Святой Горе Афон и моего служения в Вооруженных Силах, когда разговор между нами осуществлялся через переписку.

Будучи мне родным дядей, батюшка находил возможность окружать меня таким вниманием, заботой и любовью, что для меня он был поистине отцом, с которым я советовался буквально во всем, и его мнение всегда было для меня определяющим. И сегодня, по прошествии шести месяцев со дня его блаженной кончины, я ловлю себя на мысли, что все эти полгода я как бы заново учусь жить в условиях, когда отсутствует возможность идти по жизни, опираясь на его духовную и житейскую мудрость и укрепляясь его любовью.

В период нашего совместного 15-летнего проживания в монастыре у нас с отцом Авелем была договоренность: в дни личных праздников не произносить друг другу официальных поздравлений. Все знали нашу родственную и духовную близость, и поздравления выглядели бы, говорил отец Авель, как в известной басне: «кукушка хвалит петуха...» И сейчас, приступая к записи воспоминаний об отце Авеле, я испытываю определенные затруднения: с одной стороны, мне хочется рассказать о самом



Архимандрит Авель и игумен Иосиф

близком мне в этой жизни человеке, который для меня был всем, с другой стороны, я боюсь, чтобы это не выглядело как естественная похвала родному человеку.

Мои первые посещения храма Господня начались в раннем детстве, когда батюшкина родная сестра, а моя тетя Антонина Николаевна брала меня на службу в Борисоглебский или Скорбященский храм города Рязани. Меня обычно ставили на левом клиросе (вместе с певчими до молитвы «Отче наш»), а затем кто-то из церковнослужителей вводил меня в алтарь.

Отчетливо вспоминаются отверстые Царские врата и отец Авель в облачении и митре, выходящий на амвон...

В доме, где жил отец Авель по негласному благословению епархиального архиерея (время тогда было тяжелое), был устроен домовый храм, где батюшка часто совершал Божественную литургию в те дни, когда не нес богослужебную череду в соборе. Мы с родителями и сестрой иногда причащались за этими службами.

В 1970 году отец Авель был направлен на Святую Гору Афон для несения послушания в Русском Свято-Пантелеимоновом монастыре. В момент его отъезда в Грецию мне было шесть лет, я готовился пойти в школу.

Очень живо сохранился в памяти день расставания. Владыка Борис (см. стр. 539) прислал за отцом Авелем свой автомобиль с водителем. Батюшка взял с собой меня и своего брата (моего отца). Мы сначала поехали в Борисоглебский кафедральный собор, где отец Авель приложился к святыне и попрощался с храмом, в котором служил долгое время, а затем мы отправились на железнодорожный вокзал. Здесь на перроне, в ожидании поезда, отец Авель спросил меня, что привезти мне из Греции. Я ответил, что ничего мне не надо. Хочу только одного, чтобы он сам скорее вернулся назад.

Наверное, по своей младости я не запомнил этого диалога. Но батюшка воспоминание об этом пронес через всю свою жизнь и вновь рассказывал мне об этом в момент нашей предпоследней встречи.

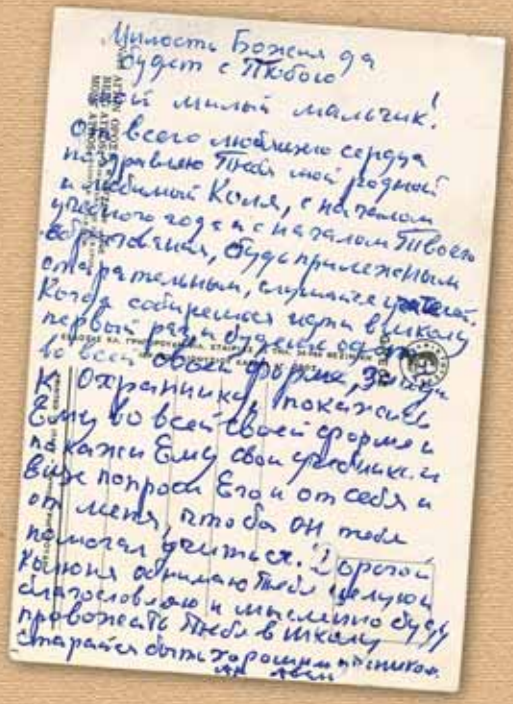
Сейчас передо мной лежат письма, написанные мною в первые годы пребывания отца Авеля на Афоне. Тогда я, будучи учеником первого и второго классов, пытался с помощью почти каракулей и коротких предложений сообщить батюшке о том, что у нас дома все хорошо, что мы

очень любим его и ждем домой. Эти письма отец Авель сохранил и вернул мне в последние месяцы своей жизни.

Нужно сказать, что в период своего пребывания на Святой Горе Афон отец Авель вел обширную переписку со всей нашей многочисленной родней, не забывая поздравить каждого с его личным праздником. И это была не просто переписка, это было настоящее духовное водительство. Адресуя свое письмо к каждому из наших родственников, батюшка не просто поздравлял его с личным праздником, но всегда касался вопросов духовной жизни и с присущей ему деликатностью напоминал о его христианском долге по отношению к Церкви и к людям. И хотя по отношению к своим братьям и сестрам он находился на правах не старшего брата, но отца, так как в свои 16 лет после смерти обоих родителей стал их воспитателем, все же он никогда не вторгался в личную жизнь своих братьев и сестер, но всегда находил возможность вразумлять и наставлять их на истинный путь. Поэтому для каждого из нас полученное от отца Авеля письмо с Афона было весьма важным и личностным явлением, заставлявшим о многом задуматься.

Молитвенное обращение в сторону России с балкона Покровского храма

Коля Македонов.
Первые школьные дни.
Октябрь 1970 года



Письмо батюшки с Афона
племяннику накануне 1 сентября:

Милость Божия да будет с Тобою, мой милый мальчик!

От всего любящего сердца поздравляю Тебя, мой родной и любимый Коля, с началом учебного года и с началом Твоего образования, будь прилежным, старательным, слушайся учителей.

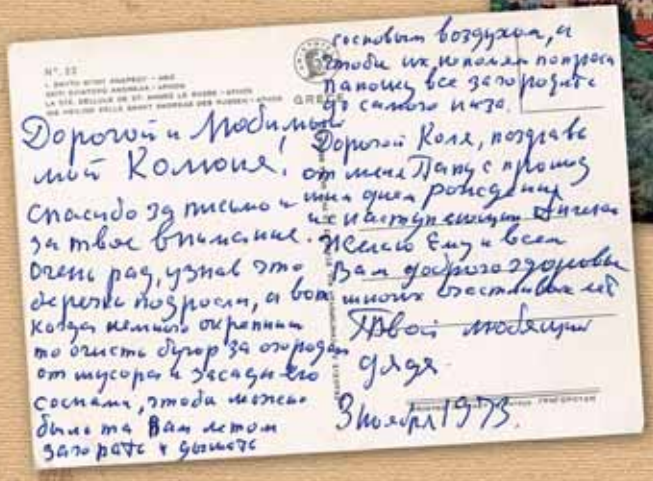
Когда соберешься идти в школу первый раз и будешь одет во всей своей форме, зайди к Охраннику*, покажись Ему во всей своей форме и покажи Ему свои учебники, и еще попроси Его и от себя и от меня, чтобы Он тебе помогал учиться. Дорогой Колюня, обнимаю Тебя, целую, благословляю и мысленно буду провожать Тебя в школу. Старайся быть хорошим учеником.

Ар. Авель

**Архимандрит Авель имеет в виду старинную деревянную резную фигуру Святителя Николая Мир Ликийских чудотворца в полный рост, стоявшую в домовом храме. Копия бронзовой фигуры при храме в Мирах Ликийских, она была спасена отцом Авелем (как и другие святыни) при разорении храмов. Писать в открытой форме об этом архимандрит Авель не стал по вполне понятным причинам.*

Фигура Святителя Николая архимандритом Авелем завещана Николо-Ямскому храму в Рязани (подворье Свято-Иоанно-Богословского монастыря), где специально организуется подобающее место.

Игумен Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрит Авель



Дорогой и Любимый мой Колюня!

Спасибо за письмо и за твое внимание.

Очень рад, узнав что березки подросли, а вот когда немного окрепнут, то очисть бугор за огородом от мусора и засади его соснами, чтобы можно было там Вам летом загорать и дышать сосновым воздухом, и, чтобы их не помяли, попроси Папочку все загородить до самого низа.

Дорогой Коля, поздравь от меня Папу с прошедшим днем Рождения и наступающим Ангела.

Желаю Ему и всем Вам доброго здоровья, многих счастливых лет.

Твой любящий дядя.
3 ноября 1973

Кроме родственников батюшка писал письма многим священникам и монашествующим Рязанщины, других мест страны и даже зарубежья.

Сегодня, хорошо представляя особенности жизни отца Авеля на Святой Горе в этот очень сложный для русского монастыря период – на протяжении первых трех лет ему из-за малочисленности братии приходилось ежедневно утром и вечером самому совершать богослужение, а днем заниматься монастырскими делами и принимать гостей, – я не могу понять, как мог отец Авель удерживать в памяти дни рождения или дни Ангела каждого из нас и успевать писать письма. Наверное, только необыкновенная живость его ума, отличная память и великая любовь к каждому давали ему возможность исполнить это.

В сентябре 1978 года отец Авель приехал с Афона на похороны митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, своего друга детства. Для отца Авеля это была огромная утрата, которую он ощущал в течение своей последующей жизни. Он много вспоминал о владыке Никодиме как о самом близком человеке, с которым был связан с самого раннего детства братскими узами.

Ему предложили пройти медицинское обследование в московской клинике. Результаты оказались неутешительными: состояние сердца не позволяло ему впредь нести послушание на Афоне с его сложным жарким и влажным климатом. Батюшка остался жить в Рязани и был назначен в Борисоглебский кафедральный собор почетным настоятелем, в котором он служил до отъезда на Святую Гору.

В этот период я закончил восьмой класс и, посоветовавшись с батюшкой, поступил в Рязанский техникум электронных приборов. Это был период моей жизни, когда я имел возможность ежедневно общаться с отцом Авелем. Наши встречи проходили в доме на его половине или в саду, где он любил прогуливаться. Иногда эти беседы продолжались часами, и тогда родная сестра отца Авеля, Антонина Николаевна, шла в сад на поиски батюшки.

Очень часто отец Авель приходил на нашу половину дома, обычно это было вечером, и подолгу оставался у нас. Батюшка был отличным рассказчиком, его можно было слушать часами. Он обладал отличной памятью и очень живо интересовался отдельными темами. Одна из таких тем – это родственные связи нашей фамилии. Батюшка хорошо знал не только всех из рода Македоновых до пятого-шестого колена, но и тех, которые состояли с ними в родстве.

Архимандрит Авель в кругу родных. Никуличи. 1987 год

Отец Авель хорошо знал историю села Никуличи, в котором родился и вырос, в котором жили его предки на протяжении более 200 лет, знал историю храма в честь Тихвинской иконы Божией Матери, в котором его крестили и возле которого находились могилы его родителей и всех его родных. Храм был взорван в 30-е годы XX века, и на его месте долгие десятилетия царило запустение. Старанием отца Авеля на месте разрушенного храма был построен и освящен небольшой храм, в котором в определенные дни совершается Божественная литургия. Батюшка знал историю рода наших никуличенских помещиков Кублицких, поддерживал связь с их потомками, сохранил много фотографий из архива этого семейства.

Отец Авель много рассказывал о Святой Горе Афон, о традиции монашеской жизни святогорцев, истории из жизни подвижников. Он любил рассказывать о явлениях людям Божией Матери и иконах Царицы Небесной. Одной из его любимых книг были «Жития святых» святителя Димитрия Ростовского, и он по тому или иному поводу приводил примеры из жизни святых.

Батюшка, сидя в кресле, много вспоминал и рассказывал, а мы, затаив дыхание, его внимательно слушали. Отличительной особенностью отца Авеля было то, что он, начиная рассказ на любую тему, незаметно сводил ее

Служба в домовом храме во время одного из приездов с Афона в Рязань. Никуличи, середина 70-х годов

Молебен с водосвятием в надкладезной часовне. пос. Никуличи

Крещение внучатого племянника архимандрита Авеля в домовой церкви. пос. Никуличи

на тему духовную, и поэтому его слушатели всегда приобретали от таких бесед большую пользу для души. Услышанное глубоко западало в сознание и надолго сохранялось. О себе могу сказать, что все слышанное от отца Авеля запомнилось на всю жизнь и сегодня в разных жизненных обстоятельствах всплывает в памяти необыкновенно живо.

Вспоминается такой момент. По достижении мною 16-летнего возраста в день моего Небесного покровителя Святителя Николая 19 декабря после занятий в техникуме я приехал в Борисоглебский собор на всенощное бдение. По окончании богослужения я остался ночевать при храме в настоятельском кабинете отца Авеля.

В тот вечер батюшка исповедовал меня. Это была содержательная беседа и обстоятельная исповедь, которая буквально потрясла меня и заставила по-другому посмотреть на многие вещи.

Крестовоздвижение. Обнесение креста вокруг монастыря.
Момент стояния у стен Успенского собора напротив дома наместника.
Молитва с обращением взоров в сторону Рязани

На следующий день после окончания Божественной литургии и причащения Святых Христовых Таин мы вместе с отцом Авелем вернулись домой. Батюшка до самых последних дней своей жизни вспоминал об этом праздничном дне и дороге домой. Несмотря на декабрь, в этот день шел дождь, дороги все обледенели, машины не ходили и мы шли с ним вдвоем под дождем по скользкой дороге, поддерживая друг друга...

Думаю, что именно эта исповедь сыграла ключевое значение в моей жизни и спустя десять лет я, оставив свое мирское служение, пришел в монастырь, после чего мы были всегда неразлучны с отцом Авелем, так и шли по жизни, как в тот памятный день, рядом, поддерживая друг друга.

В 1988 году государством был передан Церкви первый на Рязанской земле монастырь, им стала обитель апостола Иоанна Богослова. Отец архимандрит Авель был назначен ее наместником. Монастырь был полностью разорен, не было никаких условий для совершения богослужения и для проживания братии. И поэтому архиепископ Рязанский и Касимовский Симон, назначая отца Авеля на эту должность, пояснял, что отец Авель ввиду отсутствия элементарных условий для нахождения в обители

может по-прежнему проживать в Рязани в своем доме, а в монастырь приезжать только в воскресные дни и великие праздники. На что отец Авель ответил, что в таком случае ему не удастся собрать в обители братию и возродить монашескую жизнь, что он готов постоянно пребывать в монастыре, и если есть Божие благословение и владыка будет молиться о нем и братии, то все вскоре устроится.

Так и произошло.

Вначале братия временно ночевала в комнате сельской больницы, затем выкупили небольшой ветхий дом на территории бывшего монастырского сада и в нем устроили келии и трапезную. Затем была построена временная трапезная из щитовых домиков и у братии появилась возможность всем вместе собираться на трапезу по монастырскому уставу.

В ветхом домике из трех комнат и печки отец Авель прожил шесть лет, из них четыре года мы жили с ним вдвоем в соседних комнатках. В тот период я имел возможность более тесного общения с батюшкой, часто мы вместе шли на службу и возвращались вдвоем по окончании богослужения, днем вместе пили чай. Перед сном, испрашивая благословения у своего старца, я отходил ко сну, а утром испрашивал благословение на день предстоящий.

Архиерейская хиротония епископа Иосифа

Первые годы жизни в обители отец Авель старался не только не пропускать ни одного богослужения, но и сам совершал все службы, начиная с утреннего братского молебна и заканчивая вечерним правилом. После Божественной литургии он вместе с братией шел в трапезную, по окончании которой всегда обращался к братии с коротким словом назидания и давал пояснения уставщику относительно построения службы.

Уникальность жизни отца Авеля в Свято-Иоанно-Богословском монастыре и его огромная заслуга заключались в том, что всесторонняя жизнь обители организовывалась им по подобию Свято-Пантелеимонова монастыря Святой Горы. Огромный след в сознании отца Авеля оставил последний игумен Пантелеимонова монастыря схиархимандрит Илиан. Приехав на Афон, отец Авель имел возможность в течение почти года ежедневно общаться с этим удивительным старцем, представителем той, дореволюционной, братии. Отец Авель каждый день провожал отца игумена после богослужения до его келии и имел возможность беседовать с ним, жадно впитывая в себя все услышанное от него о монастыре, братии и монастырской традиции.

Батюшка запомнил несколько случаев из жизни отца Илиана, которые свидетельствовали о высоте его духовной жизни и прозорливости. Отец Авель на протяжении всей своей жизни вспоминал об этом общении.

Схиархимандрит Илиан рассказал об одном священнике, который приехал на Афон, чтобы там умереть, но Господь судил иначе. Он благословил этому священнику вернуться назад в Россию.

Отец игумен очень часто рассказывал отцу Авелю об этом случае, и батюшке начало казаться, что отец Илиан, наверное, забывает, что уже неоднократно говорил ему об этом. И лишь когда отцу Авелю пришлось вернуться на Родину, он понял смысл этого повторения*.

Сегодня, оценивая происходящее, становится совершенно очевидным, что по промыслу Божию отец архимандрит Авель, оказавшись на Святой Горе и впитав в себя весь образ святогорского монашества, перенес его на Рязанскую землю в самую древнюю обитель апостола Иоанна Богослова.

Поддерживая друг друга

20 мая 1989 года состоялось освящение монастырского Богословского храма. Накануне велись напряженные работы по водружению креста на куполе. Работы закончились буквально за несколько часов до приезда архиепископа Симона, который в сослужении наместника монастыря и священнослужителей освятил престол храма и совершил на нем первую Божественную литургию. Но к этому моменту в храме еще не были установлены двери и часть окон, и поэтому после того, как проводили владыку, отец Авель, вместо того чтобы идти отдыхать, остался сидеть в храме, охраняя престол от случайных прохожих, сельских коз и овечек, которые тогда свободно бродили по территории возрожденной обители.

* Архимандрит Авель составил некролог о почившем схиархимандрите Илиане, как и о других скончавшихся на его руках старцах Святой Горы (см. стр. 542).

Дом наместника в Свято-Иоанно-Богословском монастыре. Домовый храм в честь иконы Божией Матери «Знамение»

Отсутствие монастырских стен, полуруинированные храмы, братский корпус, занятый под склады областного УВД, не пугали отца архимандрита. Потянувшиеся в обитель первые экскурсанты и паломники видели перед собой разруху и задавали вопрос: «Отец Авель, неужели Вы и впрямь верите, что это возможно восстановить?!» И когда слышали из уст батюшки слова полной уверенности, что с Божией помощью все будет восстановлено, то сами начинали верить, что так и будет.

Именно уверенность отца Авеля в восстановлении монастыря и привлекла в обитель первых помощников и благотворителей. Многие из них до сего дня продолжают помогать монастырю и каждый часто вспоминает свою первую встречу с отцом Авелем и то впечатление, которое произвела на них живая вера отца Авеля в Божий промысл и будущее обители.

Возможность с юных лет общаться с архиереями, священниками и монашествующими еще дореволюционного поставления дала возможность отцу Авелю не только воспринять от них ту особую атмосферу жизни и служения Церкви, но и получить из их рук множество святынь – икон и святых мощей, которые сохранялись потом в его домовом храме. Это старое поколение священнослужителей и монахов, видя в юном иеромонахе

Авеле ревностного и благоговейного служителя алтаря Господня, вверяло ему святыни, которые хранило долгие годы.

Впоследствии эти святыни во множестве были переданы в открывшийся Иоанно-Богословский монастырь.

Хочется отметить особую любовь отца Авеля к мощам святых угодников Божиих, к которым он относился трепетно, благоговейно и которые бережно хранил в течение жизни. По просьбе батюшки мне приходилось нередко заказывать на церковном предприятии «Софрино» отдельные ковчеги для частиц мощей какого-либо из святых. Именно благодаря отцу Авелю сегодня в Иоанно-Богословском монастыре находится большое количество ковчегов с мощами святых.

Особенностью характера отца Авеля было его безразличие к вопросам быта. Любой разговор на общие темы отец Авель всегда переводил на темы духовные, которые его никогда не утомляли. Он мог часами, когда позволяло время, разговаривать с собеседником, если видел в нем человека, действительно интересующегося спасением своей души.

Чин умовения ног. Фото 2001–2002 года

Во время полиелея на всенощном бдении в Свято-Иоанно-Богословском монастыре

При этом отец Авель будто оживал, хотя был не совсем здоровым и, как правило, очень уставшим человеком, и полностью предавался разговору, стараясь всего себя отдать собеседнику. И люди, слушавшие его, это очень хорошо чувствовали.

Весь он был человеком церковным, оставался священником и в повседневной жизни. Очень любил иконы, особенно иконы Божией Матери, и знал все их названия. Входя в незнакомый храм, он мог издалека, взирая на образ Пресвятой Богородицы, сказать, какая это икона, затем подолгу находился в храме, внимательно рассматривая каждую икону в иконостасе и киотах.

Многие люди, хорошо знавшие отца Авеля, отмечали в нем присущую ему особенность – во время совершения богослужения он всегда был предельно сосредоточенным и даже казался строгим и неприступным. Но в обыденной обстановке он был настолько добр и приветлив, что, казалось, перед ними совсем другой человек, не тот, которого только что видели облаченным в священнические одежды, совершающим богослужение. Это очень хорошо ощущали и мы, родные отца Авеля. Даже в повседневной обстановке он для каждого из нас оставался служителем Божиим и духовным наставником.

Отец Авель неоднократно просил меня, чтобы я перестал называть его на «Вы». «Ты же знаешь мою особую любовь к тебе. Ты мне как сын, у меня нет никого роднее тебя». Но именно это благоговейное чувство, которое я испытывал к отцу Авелю, к человеку, который для меня был больше, чем отец, так и не позволило мне исполнить просьбу батюшки. Ни разу в жизни я так и не смог назвать на «ты» самого близкого мне человека, который воспитал меня, от руки которого я воспринял иноческий, а затем монашеский постриг, который молился в храме в момент моей священнической и архиерейской хиротонии.

Заканчивая свое воспоминание об отце Авеле, могу сказать, что милость Божия ко мне состоит уже в том, что я имел возможность быть в продолжении большей части своей жизни рядом с этим удивительным человеком. Сожалею лишь о том, что часто недооценивал возможность этого общения, которого мне сегодня очень не хватает.

Через всю свою жизнь отец Авель пронес любовь, благоговейное и трепетное отношение к своему духовному отцу владыке архиепископу Димитрию (Градусову), в схиме Лазарю, и своему другу и брату митрополиту Никодиму (Ротову), к своим родителям Николаю и Феодосии. Батюшка ежедневно молитвенно поминал и много рассказывал о них. И часто в минуты грусти об утрате самого близкого мне человека я все же радуюсь тому, что теперь батюшка имеет возможность общаться с теми, любовь к которым пронес через всю жизнь.

Я же сегодня, исполняя назначенное мне до этого послушание, на новом месте очень живо ощущаю батюшкино присутствие и силу его молитв обо мне.

Царствие ему Небесное и вечный покой.

Епископ Люберецкий Вениамин, викарий Московской епархии:

«Воспоминания об архимандрите Авеле (Македонове)»

В 1973 году я стал иподиаконом Преосвященнейшего Симона (Новикова), епископа Рязанского и Касимовского. От него я часто слышал об архимандрите Авеле (Македонове), возглавлявшем в то время Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афонской Горе. Владыка Симон часто вспоминал свои встречи с отцом Авелем в Ярославле. Иподиаконы владыки Симона также оставили вспоминания о приснопамятном отце, так как архимандрит Авель с 1970 года был настоятелем Борисоглебского кафедрального собора города Рязани, а после своего возвращения с Афона в 1979 году стал его почетным настоятелем.

Отца Авеля все в Рязани помнили и любили. Он в своих письмах рассказывал о жизни Святой Афонской Горы, этой древней монашеской республики, о ее подвижниках, святынях, длительных богослужениях. Это было очень интересно, ведь в то время любую новость о церковной жизни можно было получить только изустно, так как в печати практически ничего не сообщалось.

И вот однажды владыка Симон, епископ Рязанский и Касимовский, сообщил, что к нам приедет архимандрит Авель. Стали готовиться к встрече; была послана машина за отцом Авелем в Москву, в Серебряный Бор, в резиденцию Высокопреосвященнейшего митрополита Никодима (Ротова), с которым батюшка был дружен с детства.

Встреча архимандрита Авеля была весьма проста, хотя и исполнена самых торжественных чувств. Из машины вышел загорелый человек среднего роста,

в монашеской одежде афонского покроя. Его лицо выражало радость встречи с родными краями, с православными людьми Русской земли, столь любимыми им. Владыка Симон взял благословение у отца Авеля как у своего бывшего духовника, а батюшка взял благословение у владыки как у архипастыря, облеченного святительским саном и архиерейским достоинством. Это была очень трогательная встреча. Я впервые увидел подвижника, святогорца, игумена Афонской обители, имеющей мировую славу.

Архимандрит Авель

Вслед за этим было всенощное бдение в соборе. Служба была спокойной, неспешной, но при этом очень торжественной. Владыка Симон благословил отцу Авелю возглавить литию, а сам остался молиться в алтаре. Отец архимандрит с двумя наперсными крестами и панагией, облаченный в архиерейскую мантию, вошел в сопровождении клира собора в притвор.

Удивительно было настроение людей, присутствовавших на богослужении. Когда отец Авель читал молитву, в соборе стояла поразительная тишина. Чувствовалось полное внимание молящихся, единение о Христе, благочестие! А ведь людей было очень много. В праздничные дни храм не мог вместить всех желающих, хотя во все дни совершалось по две Божественные литургии. Но народ стремился к службе Божией, людей приходило столько, что однажды во время богослужения в тесноте был сломан архиерейский жезл владыки Симона.

Всех объединяла общая молитва, которая не знает расстояний. Подобное состояние трудно выразить и передать словами, его можно только лишь ощутить сердцем, которого таинственно касается божественная благодать. Такие службы запоминаются на всю жизнь. И в таких обстоятельствах слова архимандрита Авеля «Благословение Господне на вас...», обращенные к рязанской пастве, были почтены особой благоговейной тишиной и приняты как благословение от Святой Афонской Горы.

Причастившись Святых Христовых Таин по окончании Божественной литургии, отец Авель постоянно вычитывал определенное количество Иисусовых молитв. При этом никакие внешние обстоятельства, разговоры или действия не отвлекали его.

После службы отец Авель одаривал нас дорогими для сердца подарками. Кому-то досталась небольшая иконка со Святой Горы греческого письма, кому-то – литография с видами Афона, кому-то – грампластинка с греческими песнопениями. Для отца архимандрита эти предметы были частью его святогорской жизни, а для нас в те годы все это было необычным, неповторимым, восхитительным отголоском жизни древних монастырей.

Отец Авель хранил у себя много святынь – чтимых икон и ковчегов с частицами святых мощей. Каждый старался встретиться с батюшкой, чтобы исповедоваться, получить духовное наставление или совет и, конечно же, приложиться к святыням. Неоднократно мы, совсем еще молодые, приезжали к нему, и он радушно принимал нас.

На таких встречах батюшка нередко рассказывал и о себе. Мне запомнился следующий случай из его жизни. Будучи еще ребенком, Николай (так до монашества звали отца Авеля) ходил молиться в церковь во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», единственный в то время открытый в Рязани храм. Возвращаясь домой после всенощной под праздник Святителя и Чудотворца Николая, он попал в сильную пургу и сбился с пути. Юноша долго ходил из стороны в сторону, ища правильный путь и выбиваясь из сил, он начинал уже замерзать. Вдруг он увидел неожиданно появившегося дедушку, который довел его до родной деревни и так же неожиданно исчез. Отец Авель всегда считал, что этот необычный спутник был Святителем и Чудотворцем Николаем, его небесным покровителем, имя которого он получил в Святом крещении. В этом чудесном событии он усмотрел особое действие всеспасительного промысла Божия. От юности Николай определил для себя жизненный подвиг в служении Богу и людям на иноческой стезе и всем говорил: «Я буду монахом!»

В 1989–1990 годы мне посчастливилось нести вместе с отцом Авелем послушание в Свято-Иоанно-Богословском монастыре в селе Пощупово Рыбновского района Рязанской области. Я был экономом-строителем обители, а отец Авель – наместником монастыря. Это были нелегкие годы. Обитель только открылась, и объем работ по восстановлению представлялся весьма значительным. В таких обстоятельствах особо запомнились первые монастырские службы и радость освящения вновь открывшегося монастыря.

Необходимо сказать, что отец Авель любил молиться. Благодаря его заботам в обители появилось много мощей святых угодников Божиих. Люди стали стремиться на службы в этот монастырь. Общий строй богослужения напоминал афонский. Все совершалось неспешно, мерно, с особой торжественностью. Во всем ощущалась благость, хотя первые месяцы жизни в обители были, пожалуй, самыми трудными.

Проповеди батюшки не были продолжительными, да и вообще он не любил обращаться к широкой аудитории. Но каждому приходящему к нему уделял внимание, находил мудрое слово, растворенное любовью. Люди, чувствуя отеческую заботу и пастырскую любовь к себе приснопамятного отца архимандрита, приезжали к нему со всех концов страны, ища духовной поддержки и благодатной помощи.

В первую очередь отец Авель заботился о внутренних монашеских делах братии, а как наместник не забывал и о внешнем благолепии. Он обладал хорошим вкусом. В монастыре поддерживали порядок и чистоту, приличествующие всякому святому месту. Летом обитель утопала в цветах и зелени. С каждым годом все более украшались восстановленные храмы, привлекавшие народ Божий своей красотой. Кто-то приносил пожертвования на возрождение монастыря, кто-то сам трудился, принимая непосредственное участие в этом богоугодном деле. Но для всех отец Авель был объединителем, обымающим каждого приходящего к нему любовью и помогающим в земном приобретать небесное.

Поистине, это был человек Божий, сумевший вобрать опыт православной аскетики, на деле исполнить Евангельские заповеди, подражая деланию Святых Отцов. Когда сегодня говорят об отсутствии преемственности поколений, хочется сказать, что это не совсем так. Мы имели перед глазами живой пример богообщения. Отец Авель был человеком, который сохранил преемство монашеских традиций. Он выбрал спасительный царский путь, идя по нему и не уклоняясь ни вправо, ни влево. Он не любил ни крайне строгих постов, ни послаблений, молился не много и не мало, а в меру. Его идеал молитвы – всегда помнить, что Бог рядом и все видит. Этот образ непрестанной молитвы, о котором говорит святитель Василий Великий, был начертан на сердце приснопамятного батюшки.

Отец Авель посещал и Николо-Угрешский монастырь вместе с отцом Иосифом, ныне Преосвященным епископом Иваново-Вознесенским и Кинешемским. Особо мне запомнилось совместное служение Божественной литургии 21 августа 1997 года в день явления иконы Святителя Николая святому благоверному великому князю Димитрию Донскому. Это было

поистине духовное торжество, день посещения обители многочисленными гостями и паломниками. Именно в такие моменты необычайно ярко сознается единение людей в Таинстве Евхаристии, именно в такие мгновения видишь, как Господь объединяет нас всех в Единый Богочеловеческий организм.

В июне 2006 года состоялась наша последняя встреча. Посещая любимые сердцу места, я приехал и в Богословский монастырь. Обитель за предыдущие годы значительно преобразилась, появились новые постройки. Отрадно было видеть, что в этом монастыре теплится свеча молитвы, что совершает свой монашеский подвиг иночествующая братия. Но еще отраднее было осознавать, что первые молитвы, совершенные на этом святом месте после долгих лет запустения, не остались бесплодными и не канули в небытие, но, наоборот, они были многократно облагодетельствованы щедрыми Божиими милостями и благодатными дарами.

После того, как мы приложились ко святым иконам и мощам в храмах монастыря, нас принял досточтимый отец архимандрит. Хотя батюшка был уже в почтенном возрасте, однако в нем явно виделся духовный подъем, бодрость и ясность ума. В юности, не имея возможности получить цельное образование, отец Авель смог восполнить неполноту знаний природной пытливостью ума. Он знал наизусть много тропарей, песнопений, духовных стихов, мог часами рассказывать о жизни святых людей и подвижников благочестия. Несомненно, это дар Божий, который архимандрит Авель получил за свою ревность о Господе, благочестивую и добродетельную жизнь.

Батюшка пригласил меня и братию на чай, говорил немного и по делу. После беседы преподал свое благословение и наставление угрешской братии. Каждый, как было в обычае у отца Авеля, получил от него в подарок на память иконы и книги об обители святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

Несмотря на физическую слабость, отец Авель вышел на крыльцо настоятельских покоев, чтобы проводить нас. Была сделана памятная фотография. Умиротворенный взгляд старца, спокойная речь, неторопливые движения – все говорило о том, что блаженный авва давно оставил этот мир с его непрестанными заботами и ожидает того часа, когда христолюбивая душа освободится ветхой телесной храмины и соединится с Источником всех благ и Подателем жизни, внидет в радость Господа своего.

Память об отце Авеле живет в наших сердцах. Братия нашего монастыря постоянно молится о нем – и на богослужениях, и частным образом.

Отец Авель в домовом храме в честь иконы Божией Матери «Знамение»

Не прекращается общение с миром горним. Так сбываются слова Священного Писания, что память праведника живет вечно.

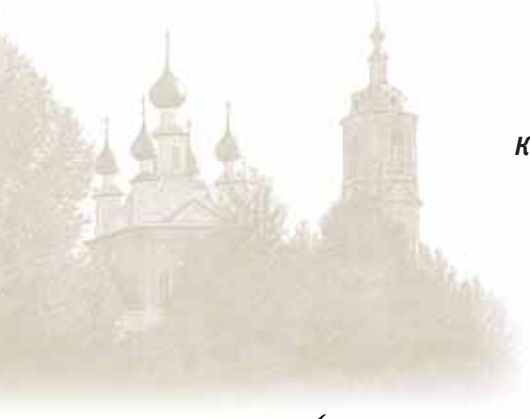
Сегодня, поминая этого ревнителя монашеской жизни, мы молимся об упокоении его души в обителях светлых, в селениях праведных вместе с прочими нелицемерными делателями иноческого подвига. Ради его молитв Человеколюбивый Господь соделал и нас наследниками Его благ, уготованных от сотворения мира.

Дай Бог, чтобы светлое имя архимандрита Авеля не забывалось нами, а память о нем сохранялась и приумножалась, чтобы мы с вами, движимые духом христианской любви, совершая о нем молитвы, стремились к единению во Христе Иисусе Господе нашем.

Вечная память досточтимому архимандриту Авелю! Да упокоит Господь его с праведными и вселит на земле живых!

Протоиерей Павел Красноцветов*, настоятель кафедрального Казанского собора, Санкт-Петербург:

«Отец Авель оставил в нас любовь к Житиям святых»



Как живописец, всматриваясь в изваяния, картины,
переносит в свое произведение все прекрасное,
так и Боголюбец, всматриваясь в жизнь святых,
все доброе усваивает себе:
у Иосифа – целомудрие, у Иова – терпение,
у Давида и Моисея – кротость.
Древние иноческие уставы

Я окончил Московскую Духовную Семинарию в 1955 году. После года службы в сибирском приходе возвратился в Москву и получил направление в Ярославскую епархию. Приехал в Ярославль с отцом Афанасием Кудюком в сентябре 1956-го (см. стр. 534). Он потом стал архиепископом Пермским.

В Ярославле нас встретил владыка Исаия (Ковалев) (см. стр. 538), управляющий Ярославской епархии, епископ Угличский, человек интереснейшей судьбы. Он был из речных капитанов, водил теплоход, плавал по Волге много лет. На этом теплоходе в 1946 году Святейший Патриарх Алексий впервые прошел по Волге из Москвы до Астрахани.

* Красноцветов П. Дорога к храму. Сайт Казанского собора: http://www.kazansky-spb.ru/

Митрополит Никодим (в центре), отец Авель (справа)

Святейший разговорился с капитаном, и тот пригласил его к себе в каюту. Когда Святейший зашел, то поразился: вся каюта была увешана иконами. Капитан был православным, верующим.

При прощании Святейший пригласил капитана в гости: «Будете в Москве – приходите ко мне. На Чистый, пять».

Капитан приехал в Москву. Святейший предложил ему монашество, потому что капитан так и не женился, был воздержанный. Будущий владыка уже был в возрасте. Святейший рукоположил его во священники и назначил в Ярославль, в Феодоровский кафедральный собор.

Почему я о нем говорю? Потому что он потом станет владыкой Исаией и будет общаться с владыкой Димитрием и с отцом Авелем...

Отец Авель родился в селе Никуличи под Рязанью, рос с будущим владыкой Никодимом (Ротовым), митрополитом Ленинградским. Мальчиками они прислуживали в храме. Тогда в Рязани был замечательный архиепископ Димитрий (Градусов). Впоследствии он стал схиархиепископом Лазарем, во имя Лазаря Четвородневного. Отец Авель был старше отца Никодима, который учился на первом курсе педагогического института. И оба приняли монашество в 18 лет.

Архиепископ Димитрий, 1953 год*

Будущий владыка Димитрий до революции окончил юридический факультет Демидовского лицея, стал юристом, адвокатом. Был в Москве на Соборе 1917–1918 годов на выборах Патриарха представителем от одной из епархий. Спустя год принял сан священника и служил в Ярославле. И вот в течение одного года умерли его матушка и дочка. Он ушел из мира, принял монашество.

С 1944 года он стал владыкой Рязанским, в 1947-м его перевели в Ярославль. Интересно, что в Ярославле недалеко от Феодоровского собора до революции располагалась площадь Градусова. Семья была в городе известная, богатая, у них там были собственные дома (когда мы ходили по Ярославлю, слышали разговоры местных жителей: «Куда поехал?» – «На Градусова!»).

Владыка Димитрий при переходе из Рязани в Ярославль взял с собой своих иподиаконов: и отца Никодима, и отца Авеля. И они оба получили назначение на приходы. Отец Никодим – в Давыдково, а отец Авель – в Углич, вторым священником. Первым был отец Николай Кононов, больной пожилой человек, отсидевший десять лет в лагерях.

Вскоре владыка обоих перевел в кафедральный Феодоровский собор Ярославля. Они служили в соборе, отец Авель был келейником владыки Димитрия, а отец Никодим был назначен секретарем епархии. Потом он настоятелем собора стал, окончил академию.

Отец Авель не учился в семинарии, но был начитанным, очень хорошо знал Священное Писание и Жития святых. Житие почти любого святого мог рассказать. Когда вспоминаешь что-нибудь, он всегда готов был подсказать – где жил, когда страдал, какие были его подвиги. Вот это было у него интересно. Он помнил многих-многих святых. Любовь к Житиям святых отец Авель и оставил в нас.

* Опасаясь за слабое здоровье молодого монаха, владыка Димитрий в ранние годы тайно постриг его в схиму с именем Серафим (в честь Серафима Саровского). В переписке часто возникают отголоски этого события.

ГРАМОТА

Церковь Димитрия на крови
(г. Углич. Угличский Кремль)

Каменный, пятиглавый, с ярусной колокольней красно-белый храм Димитрия-на-Крови построен в 1692 году по указу царей Ивана и Петра Алексеевичей на том месте, где, по преданию, 15 мая 1591 года погиб царевич Димитрий. В память об этом сначала построили часовню, а затем деревянную церковь на средства жителей города.

В церкви хранятся реликвии, связанные с событиями 1591 года.

Престолов два: во имя благоверного царевича Димитрия Угличского и Московского и во имя мучеников Кирика и Иулитты.

Особенно почитались: древняя икона царевича Димитрия; малая икона царевича Димитрия с одним стразовым камешком из ожерелья, которое, по преданию, было на царевиче в последний день его жизни.

Расписан в 1800-е годы, в 1986 году живопись отреставрирована. Храм никогда не закрывался.

Никольский храм города Ярославля, в котором в 1955–1960 годах служил отец Авель

Отец Никодим был человеком исключительной памяти. Он знал по календарю каждый день – какие святые. Мог всех перечислить, полностью полагался на свою память. Говорил, что стоит ему хоть раз прочитать – и он запоминал.

В 1956 году в Ярославле остался только отец Авель. Отец Никодим окончил академию и уехал в Иерусалим секретарем Иерусалимской Миссии. Владыку Димитрия я не застал, он скончался к тому времени.

Мне в Ярославле повезло встретить интереснейших людей.

Священник Димитрий Смирнов вернулся после десяти лет лагерей. Ему было тогда 60 лет, а он уже был дряхлый. Мне сейчас 75 лет, я еще не считаю себя старым, а он уже был немощный. Десять лет в тюрьме не прошли даром. Он был послушником Павло-Обнорского монастыря, у него была икона из этой обители. Монастырь-то закрыли, и он икону отдал на сохранение женщинам в деревне рядом. Вернулся из лагеря, и ему вернули икону Павла Обнорского из Павло-Обнорского монастыря. Как-то отец Авель и я были у отца Димитрия дома. Он один жил. Показал-то икону и говорит: «Павел Обнорский мой святой. Отец Павел, как только помру, я тебе ее завещаю».

Когда я встретил отца Авеля, он был уже игуменом. Там же встретил отца Николая Дятлова. Назначение я получил в Феодоровский собор. Его настоятелем был отец Афанасий Кудюк. Он окончил Московскую академию, стал кандидатом богословия. Очень хороший был священник и иеромонах.

Моя семья осталась под Москвой, жена жила у матери. Я получил место, и надо было готовить жилье, дом где-то нанимать.

На первое время меня оставили у владыки. И отец Авель меня опекал, звал завтракать, обедать. Я был беден. У меня коричневый подрясничек такой дешевенький был, и худой я был. Что же, мне было всего 24 года.

Владыка смотрел на меня и говорил: «Авель, смотри какой он худой, надо его кормить». И все подкармливали.

Потом нашел я полдомика, сдала бабушка одна. Туда и перевез семью.

Естественно, череда. Отец Авель тоже вел череду. Он был келейником владыки Исаии, жил в архиерейском доме при епархиальном управлении. Там была у него комнатка.

Мы с отцом Николаем часто к нему туда заглядывали. После службы мы шли домой и, конечно, заходили к нему и посидеть, и поговорить.

В 60-е годы наступили очень сложные времена, началось хрущевское гонение, появлялись всякие статьи. Была очень гадкая статья в «Северном рабочем» про меня и про отца Николая. Что молодые, да вот такие-разэтакие, домов накупили себе. А мы ссуду взяли с отцом Николаем в епархии и купили по полдомика. У него же трое детей, и у меня трое было. Обо всех надо было заботиться. И отца Авеля в той статье облили грязью. И он уехал в Рязань.

Этот период – незабываемое время. Четыре или пять лет всего я с ним общался в Ярославле, и он был очень добр ко мне. Мы обычно справляли дни Ангела друг у друга, друг друга приглашали в гости. Жили-то все около собора, недалеко. Общение было и в храме, и после службы. Братское, дружеское общение. Конечно, он был постарше, поэтому с его стороны было такое руководство.

Я окончил семинарию, но опыта еще не было, хотя я из духовной семьи. У меня отец священник, дед священник, прадед священник. Дед-то был в 37-м расстрелян. Он был священником в Тюмени. Я пошел по стопам своих дедов. С 14 лет работал в храме Димитрия Солунского штатным пономарем. В школе я уже не учился, не на что было жить. Нас было восемь человек детей. Отец – диакон, доходы совсем малые. Поэтому я должен был работать, и брат старший работал.

У иеромонаха Пимена (потом он стал священником) было полное собрание «Жития святых» Димитрия Ростовского в издании Маркса. Замечательные такие большие тома. Я у него на месяц брал том и читал Жития святых.

Жили мы в трудных условиях, я зимой спал в холодной кухне. Под одеялом со свечкой читал Жития святых. Ну негде больше было. Там, где мать с отцом спали, было трое маленьких детей. А мы старшие в этой холодной кухне спали. Плиту протопишь, а она за ночь остынет. Алтайский край, 50 градусов ниже нуля зимой. Бедно, голодно, холодно.

Когда я встретил отца Авеля, то он мне все Жития от корки до корки по памяти наизусть прочитал. Я же читал, я же помню! Спрашиваю:

«Слышь, отец Авель, ты же все подряд и наизусть». А он отвечает: «Вот, все запомнилось».

И еще одно. Он любую икону Божией Матери мог назвать и описать. Любую икону, а ведь у нас почти триста икон Божией Матери. Каждую икону он знал. В Ярославской епархии много икон было. Старый город, старое место, старый храм. Когда ездили служить, иногда владыка Исаия какую-нибудь икону брал с собой. Я смотрел и не мог понять, какая икона. А отец Авель тут же правильно называл. Он все иконы знал.

А мы плохо разбирались: Казанскую знали, Владимирскую отличали, остальных и не помнили. Потом отец Авель влиял на нас своим таким монастырским духом.

Владыка Димитрий стал в схиме Лазарем. И вот мы каждый год, когда были в Ярославле, все вместе на Лазареву субботу ездили на могилку к владыке Димитрию, пели общее воскресение. Отец Авель эти поездки всегда организовывал. В соборе была машина. Он говорил: «Братья, поедем к владыке».

Потом, когда назначили в Ярославль владыку Никодима, мы с ним также каждый раз на Лазареву субботу ездили к владыке Димитрию на могилку. Ездили и к владыке ярославскому Агафангелу. На Соборе 1917–1918 годов митрополит Агафангел был одним из претендентов на патриарший престол.

Могила архиепископа Димитрия (Градусова), в схиме Лазаря, близ храма святой мученицы Параскевы Пятницы на Туговой горе в городе Ярославле

Святитель Агафангел, исповедник, митрополит Ярославский

Могила митрополита Агафангела была на Леонтьевском кладбище в склепе под храмом

Ныне мощи святителя Агафангела находятся в Казанском монастыре

Его ссылали, но он в Ярославль вернулся, умер в Ярославле и его похоронили на Леонтьевском кладбище. Там был храм в честь святителя Леонтия Ростовского, и он был похоронен внизу, в крипте.

После Ярославля я с отцом Авелем встречался редко: он в Рязани, а я на послушании у митрополита Никодима. Затем уехал в Берлин и пробыл там до 1970 года. В 70-м приехал в Ленинград, а отец Авель уже на Афоне. Потом я уехал в Австрию на четыре года.

Мы встречались каждый год на день Ангела владыки (это на жен-мироносиц), когда владыка Никодим был жив. Отец Авель приезжал, и мы общались. Я был настоятелем, приезжал на день-два. У владыки за обедом сидели, говорили, вспоминали... Потом стали собираться на день смерти митрополита Никодима...

Мой сын Григорий Красноцветов – священник, настоятель храма в Роттердаме. В 2006 году был в Москве, поехал в Рязань, и ему сказали: «Там монастырь замечательный Иоанна Богослова, поезжайте. Архимандрит Авель там». И он поехал, застал отца Авеля перед смертью.

Приехал, а ему говорят: «Архимандрит Авель никого не принимает». – «А вы доложите». Они доложили, так отец Авель сам вышел на улицу, встретил, обнял его. Отец Авель не раз держал на руках еще маленькими моих детей, там, в Ярославле.

Протоиерей Николай Дятлов, настоятель храма во имя святых мучеников Адриана и Наталии, Москва:

«Такой, как отец Авель, – это редкость»

Мы отвечаем за духовный покой других.
Старец Паисий Святогорец

Ты получишь великую награду, если через тебя какая-либо душа спасется.
Святитель Афанасий Великий

С отцом Авелем я познакомился в 1953 году. Считайте уже 54 года тому назад!

Я учился в Ленинграде в семинарии, а владыка Никодим (тогда еще отец Никодим) часто приезжал в Ленинград из Ярославля, так как учился в семинарии заочно. Он был секретарем владыки Димитрия и в 1953 году пригласил меня в Ярославль. Владыка дал согласие на рукоположение меня в отдаленное село. Считали, там уже старенький батюшка, боялись, как бы не закрыли храм. Я и поехал служить в Татищево, на Ростовский погост.

В первый же день в Ярославле у владыки Димитрия мне довелось познакомиться с отцом Авелем. Он служил тогда в селе Федоровском, недалеко от города.

Смоленский храм села Федоровское (Ярославская епархия),
в котором отец Авель являлся настоятелем в 1950–1955 годах

Архиепископ Димитрий с клиром Ярославской епархии и прихожанами Феодоровского кафедрального собора. В первом ряду – монахини разоренных монастырей, возвращавшиеся в те годы из ссылки

21 июня в Ярославле меня рукоположил владыка Димитрий. Феодоровский собор был закрыт, а рядом с ним действовал маленький Никольский зимний храм, в нем и была совершена хиротония.

В тот же день я был на Подосеновской у владыки на аудиенции. Там покои-то владыки были. Вот тогда я с отцом Авелем поговорил. Молодой, а уже игумен. Он принял меня очень хорошо, любезно: «Вот, батюшка молодой. Поздравляю». Он сразу расположил к себе, бывает такое. Потом в Ярославле была совершена хиротония отца Никодима.

С отцом Авелем мы сначала встречались, только когда я приезжал в епархию, к владыке. А в 1954 году меня в ярославский кафедральный собор перевели. Правящим архиереем стал владыка Исаия, а владыка Димитрий был выведен за штат в том же 1954-м по возрасту. Он уже болезненный

был. Уж такой владыка был хороший, такой духовный. Отстаивал все и всех. Может быть, это властям и не понравилось. Кто ж знает?

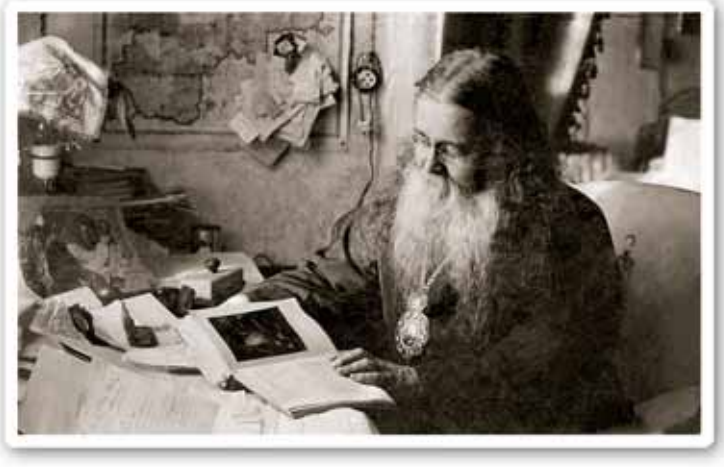
Архимандрит Исаия был настоятелем Феодоровского собора. В 1954 году 28 ноября состоялась его хиротония и стал он епископом Угличским, управляющим Ярославской епархией.

А в 1955 году в кафедральный собор и отца Авеля перевели из села Федоровского. Вот мы с ним вместе служили в Феодоровском соборе. Он третьим, я четвертым священником. У нас там было шесть-семь священников, три диакона. И мы вместе так же череду несли. Так же все исполняли – и требы, и всё-всё-всё, как и положено приходскому священнику.

Ну при владыке Исаие я встречался с отцом Авелем часто, он жил при владыке. Владыка меня приглашал туда в праздники на обед. А когда у меня в 1956-м сын родился, отец Авель крестным был. Назвали сына Серафимом. Отец Авель Серафима Саровского очень почитал. Он в схиме был Серафим, но не распространялся об этом, а я знал.

Крестник отца Авеля мой сын Серафим живет в Саратове.

С отцом Авелем мы часто ездили к владыке Димитрию на дом, в деревянный домик на улице Чайковского. Я никогда не видел, чтоб владыка очки носил. У него всегда пенсне. Он очень любил отца Авеля. «Ах ты мой хороший!» – говорил владыка проникновенным голосом. Духовный отец и духовный сын. Отец Авель был келейником владыки. Они и по епархии ездили с отцом Авелем.



Владыка Димитрий

Архиепископ Ивановский и Кинешемский Венедикт
и архиепископ Ярославский и Ростовский Димитрий

В 1956 году 10 апреля умер владыка Димитрий, в схиме Лазарь. Его отец Авель постригал в схиму. Отпевал владыку Димитрия архиепископ Ивановский Венедикт (архиепископ Ивановский и Кинешемский Венедикт (Поляков) управлял епархией с 1948 по 1956 год) (см. стр. 531), отпевание было монашеское. Когда я бываю в Ярославле, всегда на могилку владыки прихожу. Вот так мы вместе с отцом Авелем служили в Ярославле, пока он не уехал в Рязань.

Одно время нападки были на нас, молодых священников, особенно на отца Авеля. Как же, молодой, а уже игумен. Конечно, отец Авель переживал. Мы тогда в Ярославле попали все в газету. В «Советской России» была статья, 59-й или 58-й что ли год. Потом в ярославском «Северном рабочем» опубликовали статью «Тайны архиерейского двора». Нас троих там пробрали. Писали, что Дятлов живет под Москвой, имеет шикарную дачу... Не было ничего!

Об отце Авеле так писали: «Молодой монах, отец Авель, ходит, духами от него пахнет...» Ну ведь не водкой, не табаком, не бензином пахнет... Отца Павла тоже в той статье прописали. Может быть, «уполномоченные» продвижения хотели по своей службе? 58-й и 59-й были, знаете, какие?

Как отслужили, помолились, храм заперли – и домой. Всё! Нам выступать... говорить – и то нельзя было! Попробуйте соберитесь: живо пришьют попытку агитировать. Сегодня из храма выходят бабушки, тетушки, они к нам подходят, спрашивают, мы им объясняем, а тогда даже остановиться поговорить нельзя было! Два-три дня пройдет – вызовут к «уполномоченному», да и начнут: «Что такое?! Что такое?!»

Налоговые нас душили, ох как душили. А потом перевели нас на зарплату, и за храмы стали отвечать старосты. А налог мы платили 81%.

Фотографии ярославского периода служения отца Авеля

Слева направо:
игумен Исаия, будущий епископ Угличский;
архиепископ Димитрий (Градусов);
игумен Авель (Македонов);
иеродиакон Никодим (Ротов), будущий митрополит

После той статьи владыка сказал, что, видимо, отцу Авелю не быть в нашей епархии. Мне труднее было бы уехать, семья у меня. А отца Авеля перевели. Дали отпускные, и он уехал в Рязань. Но я с ним уже не порывал никогда.

А в 60-м и я уехал из Ярославля. Домой, в Москву. Я уехал в среду, а владыка Исаия умер в пятницу. Он болящий такой был уже. И назначили на ярославскую кафедру владыку Никодима.

Владыку Симона, будущего митрополита Рязанского, я тоже хорошо знал. Он ярославский, в 51–52-м поступил в Московскую семинарию.

Когда я служил, он учился в академии, но приезжал к нам – пел, читал, прислуживал. А потом в 1960 году я переехал в Московскую епархию. Служил в Воскресенске и к отцу Авелю часто ездил на машине или поездом. Там недалеко до Рязани.

В Никуличи к нему ездил, домой, и в Борисоглебский собор, где он был настоятелем. В кафедральном Борисоглебском соборе я служил с отцом Авелем и владыкой Симоном на праздник святителя Василия Рязанского.

С отцом Авелем я и в Москве служил, когда он приезжал в Москву. 53 года я с ним знаком. Очень хорошо он ко мне относился, и я его любил. Здесь, в Москве, я вот уже 33 года служу в храме мучеников Адриана и Наталии.

С моего рукоположения в 1953-м и до 1978-го у меня духовником был митрополит Никодим. Когда умер владыка Никодим, я к владыке Ювеналию пришел: «Как же мне с духовником быть?» Он: «К отцу Авелю». Я у него

Архиепископ Рязанский и Касимовский Симон (справа) в алтаре кафедрального собора г. Рязани. Архимандрит Авель – крайний слева

Митрополит Ювеналий, на втором плане справа за свечами – архимандрит Авель

и так исповедовался, когда он у нас в соборе гостил. А тут владыка назначил официально. Уже 29 лет как он мой духовник.

Такой духовник, как отец Авель, – это редкость. Я всегда шел к нему со всеми своими горестями. Отец Авель – когда похвалит, а когда и поругает. Но всегда, всегда и утешит: «Что ты, миленький, батюшка... Ты уж не расстраивайся, у тебя-то легче, еще таких-то нету грехов, как у других-то есть, уж я-то знаю».

Двенадцать лет я служил в городе Дмитрове. Ко мне отец Авель туда тоже приезжал. Он иногда ездил в Углич через Дмитров. Ходил такой поезд Москва–Углич через Дмитров. Иногда приедет, побудет денечек или два и едет дальше в Углич.

Архиепископ Рязанский и Касимовский Симон (в центре), архимандрит Авель (справа)

Когда задумали Иоанно-Богословский монастырь восстанавливать, они с владыкой Симоном поехали смотреть монастырь и меня с собой аккурат взяли. Подъехали, а там грязища страшная. Не подойдешь! Собаки, милиция, все разрушено, повалено...

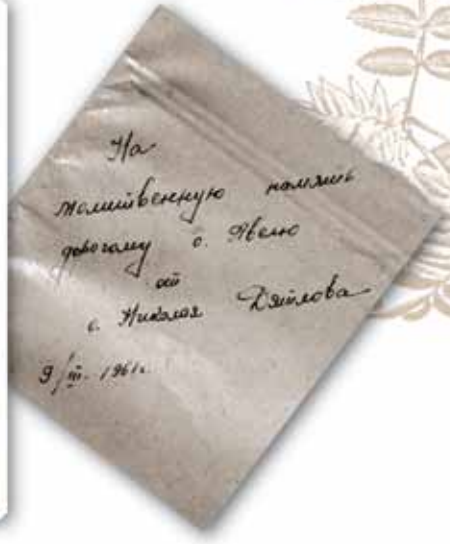
И вот с 89-го я к нему в монастырь ездил. Внизу под холмом были два домика деревянных, где скотный двор. Приехал как-то со станции, подошел к монастырю, а туда пройти невозможно. Грязь такая! Что ж делать? Целлофановые пакеты у меня были. Надел на ноги, веревками завязал и прошел. А отец Авель удивился: «Ну, надо же, додумался!»

У него была такая комнатка – чуть посильнее на улице ветер, так в комнате лампадочка гаснет. Такой сквозняк гулял!

Удобства? Печка, как буржуечка, топилась – тепло, нет огня – холодно. Крысы и мыши бегают чуть ли не по тебе! А ведь он – наместник, батюшка! Как же так?

Вот так он восстанавливал монастырь. Конечно, если бы не отец Авель со своим авторитетом, со своей молитвой, так быстро не восстановить монастырь. Заслуга его большая. К нему же ехали: «Отец Авель, помолитесь!» Он, батюшка, такой молитвенник! Много людей исцеление получали по его молитве. К нему шли, шли и шли. Он человек духовный был.

Архиепископ Симон и архимандрит Авель в саду



«На молитвенную память дорогому о. Авелю от о. Николая Дятлова».
9 марта 1961 года

И так уж он читал эти молитвы! Когда литургию служил, он как будто уходил в молитву. Когда он молился, от всего отходил, особенно когда Евхаристический канон...

Исповедовал – добрый был. А бывали такие случаи, что и попадало. Иногда строго так: «Не подходи, нечего тебе! Иди-иди!»

Он действительно чувствовал. Он же действительно от роду монах. Монах! К Церкви, как родился, так и прилепился. Вот они два друга были прям монахи с детства: владыка Никодим и архимандрит Авель. Владыка Никодим – светильник был. Сгорел, сгорел владыка Никодим на службе, на работе...

В 50–60-е годы мы мало фотографировались. Фотографии делали, только если что-то нужно для дела. А так нам и в соборе не разрешали, и владыка не разрешал. Поэтому так мало фотографий тех лет. Изредка лишь попадется в архиве маленькая фотография с надписью на обороте «На молитвенную память...»

Вот одна из немногих фотографий тех лет. В соборе Феодоровском. Молодые, у меня тогда борода еще не росла! Это я, это настоятель Алексей Скобей, это отец Авель, а это отец Павел Красноцветов. Сейчас он настоятель Казанского кафедрального собора в Санкт-Петербурге. Мы с ним дружим. Он тоже с отцом Авелем служил.

Епископ Угличский Исаия, управляющий Ярославской епархией (в центре), с клиром кафедрального Феодоровского собора: настоятелем собора отцом Максимом Кроха, будущим архиепископом Могилевским; ключарем собора протоиереем Николаем (Понгельским), протоиереем Димитрием Смирновым, протодиаконом Филиппом Машно и др.

Вот еще – ярославские. Это 56–57-й год. Владыка Исаия в центре, справа от него – настоятель Максим Кроха (потом стал владыкой Тульским, потом архиепископом Могилевским). Он был настоятелем Феодоровского кафедрального собора в Ярославле. Это ключарь Феодоровского собора отец Николай Понгельский*. А это отец Димитрий Смирнов, духовник в нашем соборе**. Его отец Авель очень любил.

* Протоиерей Николай Понгельский в качестве секретаря епископа Угличского владыки Исаии вел переписку по поводу прошения Павла Александровича Груздева (впоследствии известного старца, архимандрита) принять его в церковный клир и по вопросам снятия судимости и реабилитации. 8 марта 1958 года протоиерей Николай Понгельский привел к присяге Павла Александровича Груздева, который на следующий день был рукоположен Преосвященнейшим Исаией, епископом Угличским, в сан диакона.

** В прошении Павла Александровича Груздева принять его в церковный клир отец Димитрий Смирнов указан им своим духовником, «с которым я забран был и судимы по одному делу». Перед рукоположением ставленника Павла Александровича Груздева в приготовленных документах протоиерей Димитрий Смирнов записал: «По испытании совести, препятствий к рукоположению не встречается».

Отец Димитрий Смирнов был рядовым священником. Еще мальчиком он был послушником Обнорского монастыря. У него домик был в Тутаеве родительский. Как-то раз зашел в магазин, пошел домой, а ему навстречу кто-то по улице идет и спрашивает: «Где тут у вас магазин?» – «Да там вот! Но что в магазин идти – нет там ничего, пустой магазин». Прошло немного времени, пришли и его забрали. По 58-й статье десять лет дали.

Отец Димитрий отсидел десять лет. Пришел в Тутаев, к себе на родину, домой. И только тут узнал, за что же ему дали десять лет. Надежные люди передали. Оказывается за то, что он сказал про магазин.

Вот как это было, года-то какие...

После возвращения он служил в церкви, потом рукоположился, и в собор его назначили. Его тоже рукополагал владыка Димитрий.

А в Обнорском монастыре он был хорошо знаком с отцом Павлом (Груздевым), впоследствии известным архимандритом. Он в Тутаеве умер...

А это на фотографии (см. фото на стр. 233) протодиакон знаменитый – Филипп Машно, голосистый, у нас в соборе был первым. А это Иван Яковлевич, уж не помню его фамилию, тоже протодиакон Феодоровского собора. А это Герасимов Паша. Он потом управлял хором в Питере, в Александро-Невской Лавре.

Архиепископ Мелхиседек (в центре) и архимандрит Авель (слева)

На этой фотографии отец Авель и отец Василий (Лебедев), впоследствии владыка Мелхиседек Брянский и Севский (см. стр. 535). Он сейчас на покое. Они с отцом Авелем с мальчиков еще знакомы. Он родом из-под Егорьевска.

Они трое подростками были знакомы – владыка Никодим, отец Авель, владыка Мелхиседек. Дружили еще с Рязани, с детства, когда прислуживали в храме владыке Димитрию.

Его тоже владыка приглашал в собор служить в Ярославль. Он не пошел, он служил около Подольска, в Молоди*. В 60-м храм, где он служил еще отцом Василием, закрыли. Люди отстаивали храм, но подходили автобусы, людей прямо из храма вытаскивали, кидали в автобусы и увозили. Храм закрыли.

Отец Василий часто к отцу Авелю ездил, мы встречались. Отец Авель тоже его духовником был.

Между прочим я даже был у отца Василия на именинах и в этот день служил в Молодях.

Игумен Авель со студентами семинарии. г. Ярославль

Здесь на обороте написано: Ярославль, иподиаконы. Молодые совсем! Это диакон Николай Назаров... Нет, Сережа Стригунов... Не похож? А здесь, по-моему, отец Борис (Жернов), тоже любимец отца Авеля. Неужели Владимир с Сергием Стригуновым? Лицо знакомое, а не помню... Сергий у владыки Ювеналия был потом в Новодевичьем протодиаконом. Он был

* В августе 1572 года возле села Молоди (примерно в 50 километрах от Москвы между Подольском и Серпуховом) состоялось грандиозное сражение, которое историки иногда называют «неизвестное Бородино». Всем известна Куликовская битва, однако на следующий год – в 1382 году – татары вновь напали на Москву и сожгли ее. Только после сражения у села Молоди, в котором была уничтожена 120-тысячная крымско-астраханская орда, набеги татар на Москву прекратились навсегда. Здесь полег весь цвет крымской армии, лучшие ее воины. А турецкие янычары были истреблены полностью. Крымско-турецкая агрессия против Русского государства была остановлена. Героем сражения стал главнокомандующий земский воевода князь Михаил Иванович Воротынский (ок. 1510–1573).

иподиаконом при мне в Феодоровском соборе. Владыка его потом к себе в Москву взял... Я Сергия венчал.

У владыки Никодима я каждый год бываю на могилке. Всегда панихидку служу там. Огромная заслуга владыки Никодима, что у нас с Афоном стали складываться отношения. Это были 60–70-е годы, когда председателем Отдела внешних церковных сношений был владыка Никодим. Хоть и говорили про него невесть что – то он католик, то он коммунистический. Не понимают люди простые, что надо было работать, спасать.

Мне мама говорила: «Ты особенно к Никодиму не ездий, а то он с католиками и тебя переведет». – «Какой католик, мам?! Ты человек православный, верующий, что ты ерунду такую говоришь! Бабки, тетки какие-то тебе нашепчут...»

Когда владыка был управляющим, решили академию в Ленинграде закрывать. Все уже! Я аккурат был у владыки Никодима, когда делегация немцев приехала. Да, действительно, он приглашал иностранцев читать лекции в академию. Это были специалисты мирового уровня по истории, по библейской археологии. Академию отстояли. И в Ярославле многие храмы отстояли, когда владыка Никодим был на Ярославской кафедре.

Игумен Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрит Авель

Видите, у отца Авеля достоинства игумена Афонского – панагия и два креста. Он, как уехал на похороны митрополита Никодима, так больше и не возвращался.

Собирался еще раз на Афоне побывать, да не вышло. А сейчас – деньги есть, куда хочешь пустят. В космос – пожалуйста, плати и лети.

Отец Авель хорошо знал отца Иоанна Крестьянкина (см. стр. 547) по Рязани. Он так и называл его – Ваня-рязанский. Он говорил, у него фамилия рязанская. Они так называли друг друга: Ваня да Авель. Когда отец Иоанн из ссылки пришел, ему разрешили служить

в Рязанской епархии. На дороге в Пощупово, налево, написано «Летово». Вот там служил отец Иоанн Крестьянкин. Это рядом с монастырем. Он в Летово служил долго...

Отец Иоанн (Крестьянкин)

Прослужить 54 года, как я, – это порядочно... Вот я ездил в Татищево в 2003 году, когда 50 лет служения стукнуло. Аккурат 6 июля я начал там служить. В этот день я и приехал в Татищево. Попросил сына с матушкой на машине меня отвезти.

Приехал. Храм закрыт. Служат нарядом то тут, то там, в соседнем селе. Хороший храм, старинный, красивый...

Я поспрашивал, никто меня не помнит. Одна бабушка только напротив храма меня признала: «Ой ли, это отец Николай? Молодой? Это о котором говорили «райком прислал»? О помню, помню!» Когда я двадцатилетним приехал в Татищево, люди все старенькие были, не знали, что молодые батюшки есть. Они так и говорили – «райком прислал». Если бы не поехал в Татищево полвека назад, не стало бы храма. Мне уж как жалко храм было, приехали с этого прихода ко мне в семинарию, добрались ведь: «Батюшка, уж приезжайте!»

Храм в Татищеве постройки XVIII века. Граф Татищев был послом в Вене. Здесь его имение было. Он умер в Австрии, а похоронили его на родине, в Татищеве.

Брат у меня тоже священником был, также в Ярославле рукополагался. 46 лет отслужил, умер два года назад. Отца Авеля хорошо знал.

Предки мои из Костромы – дедушки, прадедушки. Все по фамилии были Троицкие. Родители потом поменяли на Дятловых. Дедушка был городовым в Москве. Брат моего деда служил в Осташкове священником.

В детские годы жил в Осташкове, там 15 метров от дома до храма. Отдельно стоят в стороночке четыре дома и храм. С малолетства в храм ходил, всегда и прислуживал. Меня так и звали – Колька-монах.

Молодежь в кино собирается, гулять, зайдет за мной. «Он не пойдет, сегодня праздник. Он на всенощную пошел...» Так вот и прилепилось – монах, монах.

Каждый человек должен свое пострадать, свое претерпеть, свои труды принять на себя.

Мы приехали на отпевание утром раненько, а народу уже много было! Первым с владыкой Иосифом поздоровался. Владыку Иосифа я знаю, когда он был еще мальчиком, даже еще раньше – как только родился в Рязани. Приехал владыка Ювеналий. Я его хорошо знаю. Владыка Ювеналий – хороший владыка. Он ярославский, даже помню его дом на Нагорной улице. Ну не дом, а часть деревянного дома. Я у владыки спрашиваю: «Наверное, там, на родине, уж ничего нет? Дома на Нагорной улице сносят. Как, чего, что там затеют?» Дачи-передачи, а это все-таки его родной дом, его родина.

Родительский дом отца Авеля – это Никуличи. Там у него в домовом храме я всегда служил, как приезжал.

У отца Авеля пристрастие было, я это заметил, когда еще в Ярославле служили. Он любил иконы. Знаете, такие намоленные, древние. Он очень разбирался в иконах.

Тогда на дом священники ездили причащать, соборовать, отпевать. Так было до 60-го года, я застал еще. На дому только крещение не разрешали.

Вот, бывало, на отпевании увидит где хорошую икону, приметит. Люди-то разные, наследники потом иконы куда-то девали, некоторые выбрасывали. Он когда увидит хорошую икону, подойдет обязательно, скажет: «Вы уж не отдавайте эту икону в случайные руки». Многие и говорили: «Вот, отец Авель, возьмите икону, берегите ее».

Отцу Авелю многое доверяли. Ведь он как ходить стал – сразу в храм, воспитывался так с трех-четырех лет. Многое приносили ему спасенное из разоренных храмов – иконы, святыни, мощи...

У него была удивительная фигура из дерева, резная, Святитель Николай в полный рост. Она один в один повторяет фигуру в Мирах Ликийских. Только там металлическая.

Святыни он собирал всю жизнь, а потом, когда стали восстанавливать храмы, стал дарить – в храмы, в монастыри. К нему многие приезжали, благодарили.

Что в нашем храме мощи есть, все мне отец Авель дал. Он говорил, что ему владыка Димитрий завещал.

Отец Авель, он все собирал, берег.

Про отца Авеля можно говорить только хорошее, только хорошее. Я его вспоминаю как доброго пастыря. Молитвенник, светильник... Сколько у него было наград!

Восемь лет на Афоне, восемь лет на Святой Горе возле святынь. Как тогда было трудно туда попасть – невозможно сегодня представить! Он многое сделал для возрождения русского духа на Афоне. Но как уехал на похороны митрополита Никодима, так больше на Афон и не возвращался...

Вы знаете, я сейчас служу, начинаю читать: «...врачеватель душ наших...» Такая молитва специальная, читаю... И у меня из сердца идет: «...болящего архимандрита Авеля!» Да что такое! Вот уж привык его как болящего поминать, так само и идет.

Я поминаю в молитвах и отца его, и мать, Николая и Феодосию, и всех его братьев и сестер. Начинаю остальных поминать, а его не помянешь, и уже сбиваешься... Так привык, знаете...

Смоленская церковь села Федоровское Ярославской епархии

Протоиерей Владимир Мустафин, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии:

«Не много таких было, как отец Авель, чтобы буквально с детских лет в Церкви»

Наливающий на руку свою елей,
чтобы помазать слабого,
сам прежде принимает сладость от елея;
так и молящийся за брата
(и вообще заботящийся о пользе ближнего
и делающий ему добро),
прежде, нежели принесет ему пользу,
сам получает пользу.
Древний патерик

Познакомились мы с отцом Авелем в Москве. Я работал в Отделе внешних церковных сношений, его возглавлял митрополит Никодим (Ротов). Отец Авель как-то заехал повидать своего друга детства митрополита Никодима. Так мы и познакомились...

Я из Питера. В 1963 году митрополитом Ленинградским стал владыка Никодим. С 1964 года я учился в семинарии, которая организовалась в 1964 году его трудами и заботами. Он меня рукополагал и в диакона, и в священника. Служил с 1967 года – диаконом был, и в Лавре чтецом был.

Потом в академии учился, в аспирантуре учился, в Москве в отделе у владыки Никодима работал.

А потом вернулся и теперь преподаю курс основного богословия в Санкт-Петербургской Духовной Академии.

Несколько лет спустя после нашего знакомства, в 1976 году, я был на Афоне в составе делегации Русской Православной Церкви, возглавлял ее архиепископ Среднеазиатский Варфоломей*. Отец Авель уже несколько лет был в братии Свято-Пантелеимонова монастыря, там и довелось свидеться. Я провел на Афоне всю Пасху...

У меня сохранились старые фотографии. На Афоне оказался какой-то немец 65 лет, он фотографировал всех участников, насельников монастыря. А потом прислал всем фотографии.

Там и отец Авель... Сколько ему тогда было? Он с 1927 года – значит, 50 лет? Потом, годы спустя, при встречах отец Авель улыбался, вспоминал Афон.

Игумен Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрит Авель

Трудно было из России в монастырь попасть. Отец Авель был в числе первых, попавших из Советского Союза на Афон после революции. Помню, за месяц до нас приехали из Советского Союза два монаха. Одному было тогда 47 лет, моложавый такой, из Псково-Печорского монастыря. А второй – молодой монашек, тенором хорошо пел. Он месяц пробыл, и ему уже страшно не хотелось оставаться. Он подходил ко всем членам

* Архиепископ Варфоломей (Гондаровский) (1927–1988) управлял Ташкентской и Среднеазиатской епархией в 1972–1987 годах.

делегации, думал, они чем-нибудь помочь могут, и ко мне тоже подходил. Молодого монаха томила обстановка: климат другой, жара, влажность, горы, кругом дикий камень.

Впечатление от монастыря у нас незабываемое: все эти службы, трапезы, читали Жития святых. Мы там читали и по-гречески. Я мог только читать, но не говорить по-гречески.

Отец Авель был очень рад нашему приезду. Он отдавал себе отчет, где находится. Он говорил: «Здесь все святыни православные, здесь земной удел Божией Матери». Но в душе он так и остался рязанцем. Хоть и был он уже игуменом Афонского монастыря, а домой в родные места все-таки тянуло его сильно.

Административный пост тяготил отца Авеля, были трения с греками. В монастырской братии были и греки, и русские. Со стороны непонятно, какие были причины взаимного раздражения. Но видно, что проблемы имелись.

В 1978 году ушел митрополит Никодим. Отец Авель приехал на похороны в Александро-Невскую Лавру, читал разрешительную молитву, потом поехал навестить родственников в Рязань – они не виделись почти девять лет за время его пребывания на Афоне.

И совершилось так, что отец Авель оказался там, где хотел быть, – на родине.

Он почувствовал свое предназначение: быть ему здесь. Осознал, что всеми разрозненными, казалось бы, событиями жизнь его подводила к самому главному. Предстояло возрождение Русской Православной Церкви, возрождение России, и он со своим опытом должен был помочь землякам.

И вот я услышал, что отец Авель в Рязани, что он настоятель кафедрального Борисоглебского собора. Ну вот и хорошо, ну и слава Богу!

Встречались мы много лет от случая к случаю. Он знал, что я в отделе, а я знал, что он в Рязани, в монастыре – первом возрожденном в земле Рязанской. С афонскими традициями и уставом.

В те времена не много таких было, как отец Авель, чтобы буквально с детских лет в церкви. Я не думаю, что много таких. Время-то какое лихое было!

Конечно, когда отец Авель был жив, было приятно знать, что живет человек еще той эпохи. Он был связующим звеном.

Помню в семинарии, в академии были преподаватели с дореволюционным стажем. Я, конечно, слышал их. Но это влияние интеллектуальное. А духовное... Это поискать специально надо было. Столичные преподаватели... они же осторожные на язык-то были, понятное дело: натерпелись.

Отец Авель – духовник прирожденный, этому обучить нельзя. Конечно, он от кого-то брал, слушал старых людей. У старых людей не часто, но встречается такая мягкая манера, уклончивая.

На эту тему теоретизировать невозможно. Примеры есть, понятно, как тот или иной стиль общения воздействует на собеседника. Но как это можно развить в себе?

Человек он мягкий такой, душевный, внимательный. Симпатичный, церковный. Церковных сейчас очень мало. Потому что церковный человек должен воспитаться в детстве и возлюбить это. А он как раз таким и был.

Сейчас много говорят о старчестве. Живет человек, а про него говорят – старец, вот он – старец.

Русское старчество – это XVIII–XIX века. Старец – авторитетный человек, мудрый человек святой жизни, исповедник. К нему ходили, спрашивали совета. Были и в наше время пожилые люди, которые в жизни много претерпели. Опыт-то какой: до войны – страдания и гонения, потом война, потом после войны гонения. Они даже многое и скрывали, ничего не говорили о своем прошлом: кое-кто сидел в тюрьме, страдал в лагерях.

Старец – это все-таки исключительность, редкий дар Божий. Старцев сравнительно мало должно быть. Кто имеет такой авторитет среди простых людей, о ком бы шла такая слава? Скажем, вот отец Иоанн Крестьянкин. Ему, слава Богу, 90 лет было. Вот это один из последних... Ну вот, отец Кирилл Павлов, в Москве. Потом отец Николай на острове, на Псковщине. Он, по-моему, лет пять как умер. Ну вот и все. Это все настолько зыбкая ткань, рассмотреть невозможно. Где-то там по провинциям, может быть, но единицы же.

А в наши дни много самозванцев. Есть такое явление младостарчество, когда люди присваивают себе звание старца и стилизуются под старца. Много молодых сравнительно людей, которые хотят, чтобы их за старцев принимали. Присваивая себе какой-то вымышленный авторитет, способность учить кого-то. Но это просто самообольщение. Какие это старцы? Какие исповедники? Надо пожить, пострадать...

Вот, взять, отец Авель – какую жизнь прожил! Война, остался подростком без родителей, на руках четверо малышей братьев и сестер. Служба на приходах в отдаленных местах. Холод и голод. Гонения на Церковь в хрущевские времена. Спасение с риском для жизни святынь из разоряемых храмов, икон, мощей. Контакты (отнюдь не поощрявшиеся властью) с возвращавшимися из ссылок и лагерей старыми священнослужителями. Восьмилетнее служение на Афоне. Возрождение из руин монастыря. Какая жизнь!

Игумен Кирилл (Костиков), настоятель Серпуховского Высоцкого мужского монастыря:

«Мои воспоминания о добром пастыре авве Авеле»

Православная вера существенно отличается от всех прочих христианских конфессий тем, что она имеет развернутое и подлинное учение о крестоношении. В православии нет стремления к перемещениям гор с места на место силою веры, к исцелениям, к предсказаниям, к творениям знамений и прочим чудотворениям или удивительным делам.

В нашей вере есть стремление идти путем, которым прошел Сам Христос, – путем Креста, и только Крест приводит христианина ко Христу и ко спасению. Спаситель указал нам единственно верный путь – путь Креста, чтобы мы распяли на нем свою греховную волю, свои страсти. На Крестный путь становимся послушанием, от которого рождается смирение, от смирения же обретается бесстрастие, утверждающее в человеке главные христианские добродетели веры, надежды и любви, коими получаем надежду на спасение. Мы часто забываем об этой простой истине, и потому наше личное христианство часто превращается в язычество. По этой же причине в нашем современном мире есть проблема младостарчества, впрочем, множество и других духовных проблем, которые перечислять здесь нет никакой надобности.

Кто же нам укажет подлинно православный христианский путь? Конечно же, его нам указывает Сам Христос Спаситель во Святом Евангелии. Только наша немощная человеческая сущность требует еще живого наставника, живого примера жизни во Христе, живого разъяснения евангельских

истин. Такими наставниками и примерами являются для нас пастыри, которые в своей жизни идут путем Христа – путем Креста. Тех пастырей, которые учат нас этому спасительному пути, иногда называют старцами.

Именно таким пастырем и старцем был для всех, кто его знал, архимандрит Авель (Македонов). Вся его жизнь была для него Голгофой по примеру Спасителя. Батюшка добровольно взошел на нее и добровольно распял себя на Кресте. Его жизнь не принадлежала ему, он положил ее на жертвенник служения Богу, Церкви и народу Божию. Живя в мученический период нашей Церкви, он прошел свой христианский путь как добрый, отважный воин Христов и к подножию Креста Христова принес свою жертву добродетелей веры, надежды и любви.

Мне посчастливилось близко общаться с моим дорогим аввой. Его жизнь для меня вся свята. Не однажды был я свидетелем явной прозорливости отца Авеля. Он никогда не пытался чем-то удивить или поразить, он всегда имел только одну цель для собеседника – утешить, наставить и поддержать на Христовом пути. Как добрый пастырь он не только произносил наставления, но главным образом в своих молитвах всегда ходатайствовал пред Богом о всех, кого когда-либо знал. Он всех помнил, о всех страдал, за всех

Архимандрит Авель и игумен Кирилл, настоятель Высоцкого монастыря (г. Серпухов)

переживал. Бывали случаи – задержишься на время со своим посещением, вовремя не позвонишь, он переживает, не случилось ли что? Всегда во всех обстоятельствах чувствовались родная отеческая любовь, забота, сострадание, сопереживание. Хотя мое близкое общение с отцом Авелем было недолгое относительно человеческой жизни, но мое ощущение было и остается до сих пор – он был со мной рядом моим родным отцом с моего детства.

Множество поучительных воспоминаний осталось в памяти. Эти воспоминания всегда приходят на память именно в те моменты жизни, когда они потребны в разных обстоятельствах. Да, его беседы всегда были со смыслом поучения, пользы для души. Он всегда так интересно рассказывал, что его невозможно было не слушать.

Когда он был еще во утробе матери, ей приснился сон: будто подошел к ней святой старец, каких изображают на иконах, и подал ей рулон черной материи, ножницы и сказал, что это пригодится ее сыну. На утро его мама рассказала сон родственникам, и они поняли, что родится мальчик. Но зачем рулон материи и ножницы? Может быть, он будет портным? Много лет спустя отец Авель понял, что во сне его маме являлся святой апостол Иоанн Богослов, ножницы были нужны для пострижения монахов, а черная материя – для монашеских одежд. Так с самого рождения жизнь отца Авеля была под покровительством святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, который привел батюшку на жизненном пути в свой Иоанно-Богословский монастырь в то самое время, когда возможно стало возрождение монашеской жизни в сей святой обители после богоборческого периода. Родившегося мальчика назвали Колей. Он часто плакал, но, когда проходили мимо часовни, замечали, что ребенок успокаивался. Тогда одна из родственниц посоветовала его маме повесить в кроватке на четыре стороны святые иконы, и маленький Коля успокоился. Сам батюшка шутя называл свою детскую кровать часовней.

С раннего детства в церковь его водила бабушка. Она всегда была его защитницей. В юности он остался без родителей: когда Николаю исполнилось 16 лет, у него умер отец, а мама умерла еще раньше. Он был старший из пятерых детей. Самому младшему братику было три года. И он должен был стать вместо мамы и папы для своих братьев и сестер. Шла война, кругом голод, холод, а нужно было как-то всех прокормить. Батюшка вспоминал о том трудном времени: «Угостит кто-нибудь конфеткой, а я не мог ее съесть. Откусишь с краю и несешь малышам, чтобы и они попробовали, как это сладко. Я не мог, чтобы я ощутил что-то хорошее и этого бы не ощутили другие». Отроком он стал иподиаконствовать у архиепископа

Тихвинская икона Пресвятой Богородицы, перед которой был совершен монашеский постриг отца Авеля

Димитрия (Градусова), правящего архиерея Рязанского. Владыка Димитрий искренне полюбил юного Николая, называл его «ангел мой».

Вспоминается рассказ о чудесном монашеском постриге отца Авеля. Однажды отправились они с владыкой служить в одно село Рязанской епархии. Там жили инокини закрытого и разоренного Дивеевского монастыря. Они попросили владыку Димитрия постричь их в малую схиму, в мантию. Владыка послал Колю в церковь приготовить архиерейское облачение для совершения монашеского пострига.

Отец Авель рассказывал: «Меня охватили ропот и обида, почему владыка хочет постригать в монашество этих инокинь, которых первый раз видит, а меня, несколько раз уже прислуживающего владыке и желающего пострига, даже и не думает постричь? Проходя в церкви мимо чтимой храмовой иконы Пресвятой Богородицы, я увидел, что Матерь Божия повернула ко мне Свой пречистый лик. Я подошел к иконе, но Ее лик смотрел как всегда. И тогда я обратился к образу с тем же меня смущающим помыслом, но тут же покаялся. И уже со слезами молился Матери Божией, чтобы Она простила меня за такие греховные помыслы, ведь владыка так сильно меня любит. Как я мог такое подумать? Когда возвратился к святителю, он усадил меня, обнял и сказал, что сегодня будет постригать в мантию меня.

Я стал говорить: «Что Вы, что Вы, я не хотел такое думать про Вас, простите меня за мой греховный ропот». Но владыка сказал, что, пока я отсутствовал, Матерь Божия приказала ему совершить мой монашеский постриг и он не может ее ослушаться».

Так в 18 лет иподиакон Николай стал монахом Авелем. Владыка Димитрий в монашеском постриге его нарек в честь праотца Авеля, согласуясь с добродетелью кротости святого и с кротостью своего духовного чада. Впереди были диаконская и иерейская хиротонии и служение Церкви Христовой в официально богоборческой стране. Сколько ему пришлось претерпеть от той власти, на этих страницах трудно описать. Его называли на страницах газеты «шарлатаном XX века». Уполномоченные по делам церкви НКВДэшники лишали его так называемой регистрации и не разрешали ему совершать богослужения, запрещали заходить в алтарь, пытались скомпрометировать его в словах, чтобы назвать «врагом народа» и таким образом разделаться с молодым иеромонахом.

И сколько еще разных скорбей и трудностей претерпел отец Авель, знает только Бог. А впереди его ждал Крест возрождения Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, пришедшего к тому времени в упадок по причине невозможности поступления новых послушников из России на протяжении всего советского периода.

Мое знакомство с отцом Авелем произошло в паломнических поездках в конце 80-х годов в Иоанно-Богословский монастырь, когда он только начинал возрождаться трудами этого старца. Со временем, когда в сердце возгорелось пламя к монашеской жизни, мне захотелось в эту тихую сельскую обитель, где жил святой авва. Но духовный отец благословил направить свои стопы в Серпуховский Высоцкий монастырь, и, как известно, благословения не обсуждаются, а исполняются. Позже я понял, что это была воля не моего духовного отца, а воля Божия. В третий раз мы приезжали уже с настоятелем Высоцкого монастыря архимандритом Иосифом, теперь епископом Биробиджанским. По отъезде от архимандрита Авеля один из наших иеромонахов был под сильным впечатлением, рассказывал нам о том, что он смущался надевать бывший у него нательный крестик со святыми мощами угодников Божиих, чувствуя свое недостоинство святыни, и что он только что получил утешительное разъяснение своего недоумения. А произошло

следующее. В беседе с нами отец Авель как бы случайно рассказал нам сон своей молодости. Будто стоит он в толпе людей, находящихся под стражей, и палачи выбирают, кого казнить. Старший из палачей, указывая на отца Авеля, говорит: «Берите этого и казните». Палачи сделали попытку взять его, но не смогли подойти. Тогда старший стал ругать их, но они объяснили, что не могут схватить его, потому что на нем мощевик со святыми мощами и благодать Божия, действующая через святые мощи, опаляет их.

Таким образом будто невзначай отец Авель утешал и вразумлял многих. Я сам был свидетелем многих подобных случаев. Приедешь к батюшке с вопросом, в разговоре не успеешь еще его задать, как он уже рассказывает какой-нибудь случай или притчу, дающие ответ на мое недоумение. О подобных случаях свидетельствуют многие собеседники отца Авеля. После каждого посещения отца Авеля чувствовались пополненные духовные силы для прохождения своего христианского пути. Он умел подвигнуть на новые добрые дела, примером своей жизни вдохновляя кротко преодолевать жизненные трудности.

Добрый и горячо любимый мой пастырь отец Авель! Вы говорили, что и при жизни всегда молитесь о нас, Ваших чадах, и по отшествии из сего мира всегда будете помнить и молиться о нас. На Вашу отеческую любовь мы отвечаем всегдашними своими молитвами о Вас, а также паки просим поминать нас, всегда нуждающихся в духовном общении с Вами.

Игумен Виталий (Уткин), секретарь Епархиального управления Иваново-Вознесенской епархии:

«Духовник должен быть прозрачным для Бога...»

На Светлой седмице 1993 года я высказал своему духовнику архимандриту Даниилу из Свято-Данилова монастыря желание вступить в какую-либо обитель для подготовки к монашескому постригу. На тот момент в России было уже около двухсот монастырей. Однако ответ отца Даниила меня поразил: «Есть только три монастыря – Троице-Сергиева Лавра, Псково-Печорский и Иоанно-Богословский. В какой из них ты пойдешь?» Архимандрит Даниил, говоря так, имел в виду возможность полноценного духовного окормления, старческого водительства над новоначальным. Мне не хотелось идти в многолюдную известную обитель, и я решил отправиться в Иоанно-Богословский монастырь. Так моя жизнь оказалась в соприкосновении с жизнью великого русского старца архимандрита Авеля.

Через отца Авеля мы, монашествующие и священники, которые по великой милости Божией проходили свое служение возле него, получили возможность соприкоснуться с непрерывным потоком церковной традиции, восходящей к поколению новомучеников и исповедников российских и далее ко всей русской церковной истории. Это очень редко в наше время, для которого характерен как раз разрыв традиции, мучительный поиск православной идентичности, болезненные уклонения в сторону от чистоты церковного пути.

Для меня отец Авель всегда был олицетворением и выражением церковности. В полной мере он воспринял ее от своего аввы – известного русского

Архимандрит Авель беседует с иеромонахом Виталием (Уткиным)

архипастыря архиепископа Димитрия (Градусова), в схиме Лазаря. Вся жизнь батюшки – выражение и воплощение этой церковности.

Об этом, в частности, свидетельствуют обстоятельства монашеского пострига отца Авеля. Он был совершен 23 ноября 1945 года в городе Чаплыгине в храме Архистратига Божия Михаила перед чудотворной Тихвинской иконой Пресвятой Богородицы. Тихвинская икона до закрытия Петропавловской Ранненбургской пустыни являлась главной святыней этой известной иноческой обители. Ранненбургский монастырь стал местом монашеского подвига многих подвижников. Здесь развивались традиции мудрого старческого окормления. Матерь Божия через свой Тихвинский Ранненбургский образ явила много милостей страждущим. После закрытия обители духовная жизнь сосредоточилась в Михайловском храме города Ранненбурга, переименованного в годы советской власти в Чаплыгин. Здесь собралась большая иноческая община, ядро которой составляли монахини из закрытого безбожниками Дивеевского монастыря. Сюда же была перенесена чудотворная Тихвинская икона.

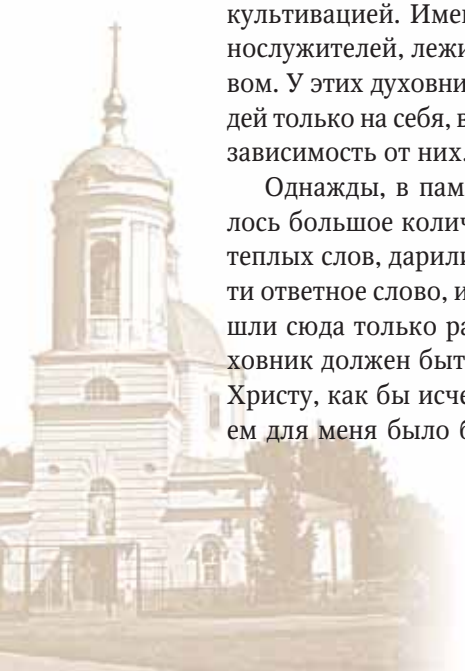
В ноябре 1945 года сюда для совершения иноческих постригов прибыл архиепископ Рязанский Димитрий (Градусов) в сопровождении своего иподиакона Николая Македонова, будущего архимандрита Авеля.

Батюшка вспоминал, что он очень желал иноческого пострига, а владыка Димитрий не предпринимал никаких видимых шагов, чтобы это желание

благочестивого юноши осуществилось. Когда они прибыли в Чаплыгин, будущий архимандрит Авель стал горячо молиться перед Тихвинским чудотворным образом, словно жалуясь Царице Небесной на своего авву. Николаю Македонову казалось, что владыка Димитрий приехал в Чаплыгин «постригать старух», но никак не хотел постричь в монашество именно его. Владыка в это время уединился в доме при храме для того, чтобы молитвенно подготовиться к совершению пострига. Неожиданно владыка позвал своего иподиакона. «Ангел мой, – сказал он, – мне явилась Матерь Божия и повелела исполнить твое желание». – «Какое желание, владыка?» – «Ты же просил сейчас Царицу Небесную, чтобы она сподобила тебя монашеского образа? Вот и готовься – сегодня будет твой постриг».

Так чудесным образом по воле Пресвятой Богородицы совершился монашеский постриг будущего старца архимандрита Авеля. Это событие стало зримым выражением соединения нескольких духовных потоков: здесь и его духовный отец архиепископ Димитрий, и монашеская традиция Ранненбургского монастыря, и связь с Дивеевской обителью, основанной глубоко почитавшимся батюшкой преподобным Серафимом Саровским. Здесь и видимое предстательство Матери Божией через Ее чудотворный Тихвинский образ. Это событие глубоко закономерно, так как Тихвинская икона, которой был посвящен храм в Никуличах, родном селе отца Авеля, занимала в его жизни совершенно особое место.

Полнота церковной традиции, унаследованная отцом Авелем, делала его духовническую практику достаточно необычной для нашего времени. Современные священники, берущие на себя функции духовников, иногда сознательно, а чаще неосознанно начинают заниматься собственной самокультивацией. Именно здесь, вне зависимости от возраста таких священнослужителей, лежит корень проблемы, часто называемой младостарчеством. У этих духовников готов ответ на любой вопрос, они ориентируют людей только на себя, вовлекая своих духовных чад во все большую и большую зависимость от них. Совершенно иной была позиция отца Авеля.



Однажды, в памятный день батюшки, в монастырской трапезе собралось большое количество гостей. Чествовали отца Авеля, говорили много теплых слов, дарили подарки. Отец Авель встал для того, чтобы произнести ответное слово, и сказал нечто совершенно неожиданное: «Если вы пришли сюда только ради меня, я – самый несчастный человек на свете. Духовник должен быть прозрачен для Бога. Он должен приводить людей ко Христу, как бы исчезая, растворяясь при этом. Самым большим утешением для меня было бы, если бы вы, любя меня, еще больше любили Бога

и старались жить по Его заповедям». Именно в этом приведении людей ко Христу и был смысл жизни отца Авеля. Только такая позиция духовника и является по-настоящему церковной.

Для меня отец Авель был высшим выражением духовной свободы. Больше всего на свете он любил богослужение. Оно было подлинной стихией жизни батюшки. Он стремился воплотить в полноте церковный богослужебный устав. Однако эти уставные нормы срастались с его собственным существом. Они вовсе не были какой-то внешней довлеющей силой.

Он глубоко переживал каждый богослужебный момент. Полным выражением Церкви, церковной жизни в Боге для отца Авеля была Евхаристия. Все время, пока я имел возможность наблюдать жизнь батюшки в монастыре, он ежедневно посещал Божественную литургию и причащался Святых Христовых Таин.

Глубочайшая вера во Христа была с детства присуща батюшке. Именно эта вера спасала его в годину самых тяжких скорбей и искушений. Вспоминается один случай, рассказанный отцом Авелем. Мальчиком он часто ходил к богослужению в рязанский Скорбященский храм пешком из села Никуличи. Однажды, уже ночью, в пустынном месте его окружила свора бродячих собак. Они яростно бросались на будущего старца, но не решались его трогать. Юноше показалось, что пройдет еще несколько секунд и он будет разорван на части. Тогда он повернулся к храму, из которого шел, перекрестился и стал молиться, готовясь к смерти. И в этот момент заметил, что собачья свора исчезла.

Только храм, только богослужение, только молитва были основой, крепчайшим фундаментом всей жизни батюшки. Именно этому он учил и нас, своих постриженников и воспитанников. Батюшка считал, что сейчас, когда Господь открыл для Своей Церкви в России возможность свободной проповеди, необходимо стараться привести как можно больше людей к Богу, занимаясь для этого самой активной социальной деятельностью. Он поощрял миссионерский порыв монастырской братии как в стенах обители, так и вне ее. Однако при этом отец Авель всегда подчеркивал, что без Евхаристии, без молитвы, без церковной жизни любая социальная деятельность будет просто невозможна. Он учил, что важнейшим критерием любого дела должен быть ответ на вопрос – делается оно для Бога или для себя, из любви к ближним или для того, чтобы потешить свое самолюбие.

Я глубоко благодарен Господу за возможность соприкоснуться с церковной традицией через отца архимандрита Авеля. Эта возможность – великий дар Божий, который нужно стремиться реализовать в своей жизни, стараясь подражать ему в главном – в его укорененности в Церкви.

Игумен Мефодий (Илюточкин):

«Батюшка учил людей, как надо жить по правде»

Игумен Мефодий

Батюшка учил и воспитывал, но никогда не читал никаких лекций специально. Даже если его очень попросишь: «Батюшка, расскажите!», он никогда не расскажет тебе от А до Я, структурно. Он всегда рассказывал прибаутками, присказками, историями. И чаще начинал рассказывать в тот момент, когда ты не спрашиваешь, не ждешь. Вроде бы неожиданно, а получается ответ на глубинные, потаенные поиски твоей души.

Начинал он так, между делом: «А вот я помню...», «Я однажды пришел...»

Мы как-то беседовали, и батюшка вдруг говорит: «А дай-ка мне акафист». Я принес. «Листай, листай и вот тут читай, читай!» Я стал читать. «Дальше, дальше читай. Вот, стоп, вот это читай.

Нет, давай я прочту, дай мне очки. Вот здесь лежат, на тумбочке, дай мне очки. Слушай: «Яко чистота в воздержании и молитве сердечной угоднии тебе паче хвалы единою точию уст».

Прочел эти слова и заплакал: «Вот, запомни, не только красивое пение, не только благолепие в храме. Не только это приятно. Но в первую очередь Матери Божией приятны молитвы сердечные и чистота. Самое главное – чистота и воздержание».

Эти слова, эти строки из акафиста могут быть эпиграфом к рассказу о батюшке. Он всегда учил, что самое главное – это внутренняя молитва и внутреннее содержание в любом человеке. Хотя, конечно, он никогда не умалял и внешнего благолепия.

Архимандрит Авель

Батюшка редко рассказывал какие-то длинные истории. Лишь иногда, когда это было связано с каким-то событием, он мог по два часа в подробностях рассказывать о чем-то. А в основном я слышал от него какие-то небольшие рассказы. Или даже прибаутки – и все, а там как хочешь, так и понимай.

Первый раз я увидел отца Авеля в 1991 году. У нас умерла бабушка (она была духовной дочерью отца Авеля), и мы с мамой решили навестить батюшку и сообщить ему эту весть, а с другой стороны, познакомиться, потому что я никогда его не видел, хотя бабушка много про него рассказывала, показывала его фотографии.

Это было Успенским постом в 1991 году. Приехали накануне Успения, вечером. Сказали, что уже поздно, он не принимает. Отправили ночевать в гостиницу со всеми паломниками довольно далеко от монастыря. Там были ужасные условия. Помню, все спали вповалку на полу по сорок человек в помещении. На одном этаже мужчины, на другом женщины. Мне 12 лет, впечатления для меня совершенно новые.

Толком не выспавшись, утром пошли в церковь.

Батюшка служил. Я запомнил очень хорошо свое первое впечатление от встречи с ним. Архимандрит в красивом облачении, отец Авель казался

очень строгим. И вдруг, когда он вышел к нам после службы, он меня поцеловал и сказал: «Как я рад! Оставайся у нас, погостишь».

Я был потрясен. Он меня первый раз видит, откуда такая доброта к человеку? Ладно, есть родители, какие-то близкие люди, а здесь человек меня в первый раз видит и такая искренняя радость. Я не мог себе представить, что ребенок и взрослый человек могут установить какие-то отношения... И мне, конечно, захотелось немножко побыть в монастыре.

Батюшка предложил надеть стихарь. И мне запомнилась вот эта его опека, он стал заботиться обо мне. И это относилось, конечно, не только ко мне. Это относилось ко всем, кто приезжал в монастырь. Но я понял это много позже.

Да, я был крещеным, ходил в церковь, даже пономарил. Я был воцерковленным, но не знал жизнь церковную изнутри, тем более жизнь монастырскую. Никогда до этого не посещал монастыри, ходил только на приходскую службу.

Меня в тот же день поселили в братском корпусе. Я был очень удивлен таким отношением ко мне. Конечно, мне очень понравилось в монастыре.

Когда мы уезжали, случилась смешная история. Я первый раз понял, что такое благословение.

Мы собрались уезжать, а батюшка сказал: «Оставайтесь, переночуете, а завтра с утра поедете. Что ж уезжать-то на ночь глядя? Сегодня такой праздник! Давайте сегодня мы отслужим, а завтра с утра и поедете».

Мы сказали – нет, спасибо, батюшка, мы поедем. Маме на работу утром нужно... Батюшка сказал: «Вы уж все решили, запланировали все...» Это его слово «запланировали» запало в память. И что же? Мы очень долго добирались до Рыбного. Когда все-таки добрались до станции, там не оказалось билетов на Москву, и мы поехали в Рязань. В Рязани ближайший проходящий поезд шел в половине второго ночи. Он шел откуда-то из Азии. Мы приехали в Москву уже ближе к утру. Конечно, не спали всю ночь.

Вот тогда и поняли, что, конечно, было бы лучше ехать с утра на обычной электричке. Надо же понимать, что такое благословение, надо стараться все-таки не по своей воле ехать, а понимать, что на все есть воля Божия.

Это был первый маленький пример, данный мне, но потом я не раз убеждался, что если прислушиваться и жить по благословению, то в жизни будет меньше неприятностей.

Потом были поездки на каникулы в монастырь. Каждый раз я все больше начинал понимать батюшку. Ну конечно, с возрастом я больше начинал задумываться.

Храм во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова

Я уже раза три побывал в монастыре, у меня возникло желание бросить все и уйти в монастырь. И я в первый раз обратился к нему с этим. Но батюшка... Я думал, он обрадуется, обнимет меня и я сразу стану монахом. Раз я так хорошо знаю батюшку, а он меня знает! А случилось обратное...

Батюшка насторожился и сказал, что это очень скоропалительное решение, что надо получить образование, а потом уже будет видно. С тех пор я понял, что надо стараться взвешивать свои решения, тем более такие серьезные.

Во время моих приездов в монастырь, конечно, я познакомился с братией. Все братья так или иначе были связаны с отцом Авелем, все были его постриженники и все пришли в этот монастырь, зная о нем.

Люди шли в монастырь. Во-первых, в то время монастырей было мало. Но большую роль в том, что к нам тянулись люди, играл авторитет отца Авеля. Его знали как человека, который много лет был на Афоне, у которого можно чему-то научиться. Понимали, что он воссоздает монастырь не на пустом месте, а на основе каких-то традиций. Он не изобретает велосипед – он знает духовную жизнь святогорцев. Поэтому иноки приходили именно к нему. И он всех постригал.

У нас есть традиция, она сохранилась до сих пор: в нашем монастыре живут только постриженники нашего монастыря, это условие. В семье бывают приемные дети, а бывают родные. Вот у нас только родные, только свои. Мы не берем взрослых, созревших монахов. Мы берем только в послушники. Это правило было железным для отца Авеля.

Я помню, у него даже были споры на этот счет с владыкой Симоном. Владыка Симон просил его кого-то принять, приезжал какой-то игумен или архимандрит и просил кого-то принять. Но отец Авель был неумолим даже в те годы, когда не хватало людей и была острая нужда.

Мы не раз убеждались, что правило отца Авеля было очень важным. Например, человек служил на подворье и вроде бы косвенно нам принадлежал. Когда это подворье переформировывалось в обычный храм, мы не могли человека не взять в монастырь. Нам приходилось его брать. Потом мы убеждались, что лучше бы мы этого не делали...

Правило отца Авеля было очень важным. И вот, так или иначе, братия была связана с отцом Авелем, но у каждого человека с ним были особые отношения, то есть каждый по-своему строил с ним свои отношения. И это было очень хорошо.

Отец Авель, конечно, никого не выделял, никогда не пытался всем угодить, быть для всех добрым, всех ублажать. Он смотрел в первую очередь на пользу души, я это помню еще по 90-м годам.

Как лучше к человеку относиться? Бывало, скажет строго. Бывало, видит, что человек начинает унывать, он его подбодрит. Иногда он делал вид, что не заметил кого-то, и тот сразу с неба на землю опускался.

Батюшка иногда действительно бывал к кому-то очень строг: «Вот... вразумись!», и это было как удар. А кого-то, наоборот, приласкать мог.

Со стороны совершено невозможно было понять, почему так происходит. Кажется необъяснимым, но он действительно видел человека насквозь, понимал его до самого-самого.

Конечно, он очень переживал за братию. Некоторые вещи понимаешь только сейчас. Например, он обижался, если к нему не придешь, не расскажешь, что с тобой произошло. Часто это удивляло: ну почему он обижается, нам же некогда, у нас же дела. А это исходило из его чувства отцовства. Он чувствовал, что мы его дети. И его расстраивало, что мы как-то не нуждаемся в нем, будто бы его забываем. Не от того это происходило, что это было ему нужно в силу какого-то честолюбия; ему хотелось, чтобы мы были одной семьей и чтобы мы всегда с ним советовались.

Это было очень важно, действительно очень важно – его духовное руководство.

Он никогда не выпячивал себя, не любил каких-то похвал, не любил, когда ему начинали льстить, восхищаться им. Это его действительно раздражало. Был строг к этому, говорил: «Прекратите, зачем это?»

С первого дня возрождения обители внутри образовался костяк, ядро монастыря. Несколько человек до сих пор пребывают в монастыре.

В 90-х годах, когда только открылся монастырь, отец Авель, архимандрит Вениамин (нынешний епископ Люберецкий, наместник Николо-Угрешского монастыря) и игумен Иосиф (нынешний архимандрит, наместник Соловецкого монастыря) втроем жили на краю монастыря, в деревянном домике. Потом к ним стал приезжать Николай, будущий владыка Иосиф. И когда он пришел в монастырь, принял постриг, то поселился в этом же доме с батюшкой.

Отец Авель каждое утро приходил на братское правило – сначала в семь, потом в пять. Только в последние несколько лет он уже не мог физически это исполнить. А так он каждый день приходил и начинал службу.

Братия возле храма с архимандритом Авелем и епископом Иосифом

Братия с архимандритом Авелем возле дома наместника

Эти службы запоминались. Они были очень легкие, было легко молиться. Все как-то шло само собой. Не было напряжения.

Батюшка очень любил литургию, и чувствовалось, что она вошла в его жизнь, что ему очень легко на литургии. На одном дыхании все как-то проходило. Очень любил отец Авель и проповеди. Он их стал проводить, когда уже братии было достаточно. Но прежде чем заставлять кого-то проповедовать, он в течение целого года все праздники проповедовал сам, показывал пример. С возрастом, конечно, ему стало уже тяжело, но все равно на большие праздники, я помню, он выходил на кафедру и рассказывал какую-то историю или поучение.

Всегда, когда он приходил в храм, было видно оживление среди людей.

По субботам, после братской литии, когда все спускались в нижний храм, где он сейчас погребен, он служил как наместник. Потом, уже даже не будучи наместником (обремененный тяжестью лет, архимандрит Авель оставил пост наместника монастыря в 2004 году), он как первый священнослужитель служил литию по почившим братиям. И затем обращался к народу.

Обычно съезжалось много паломников. Он обращался к народу, рассказывал, проповедовал. Это было внизу, в небольшом храме. В помещение набивалось неимоверное количество людей, люди стояли на улице...

Проповеди были очень интересные, хотя и очень простые. Это была, конечно, не академическая речь, а такое просторечие, которое очень трогало, потому что исходило от сердца. Чувствовалась необыкновенная теплота. Многие начинали плакать, и это действительно были слезы покаяния, раскаяния.

В 1991 году в монастыре будущий владыка Иосиф принял постриг от батюшки на праздник Серафима Саровского. С первого дня он был во всем на послушании у отца Авеля. В период восстановления монастыря очень тяжелые труды легли на плечи будущего владыки Иосифа, но эти труды он нес с отцом Авелем (будущий владыка Иосиф был назначен благочинным Свято-Иоанно-Богословского монастыря 20 февраля 1992 года, а 1 сентября 1993 года – помощником наместника монастыря).

Батюшка задавал тон, он был вдохновителем: «...а хорошо бы нам сделать вот это». Отец Иосиф уже думал, как сделать, приносил батюшке проект. Батюшка внимательно смотрел, показывал, где и что не так: «Ну, как же, вот бабулька подойдет, как она будет прикладываться? Она же не сможет приложиться. Ей надо решеточку здесь поставить, чтобы она держалась, а здесь ступенечку. А здесь надо лампадку повесить. Не здесь, а чуть дальше. Как же они, головой будут об лампадку биться? Так нельзя! А это некрасиво... Ну, как же, такая икона – и в таком простеньком окладе. Это же непочтение к Матери Божией...»

И все-то он примечал! У него был большой опыт церковной жизни и на Афоне, и приходской, и он удачно совмещал все.

Перед началом службы приходил уставщик и спрашивал: «Отец Авель, какую службу благословите? Вот этому или тому святому?»

Батюшка отвечал: «Ну вот рассуди. Этот святой, он ведь греческий? Греческий. У них в Греции празднуют? Празднуют. А у нас? Если мы не будем русским святым праздновать, кто им будет праздновать? Некому. Вот я про то и говорю. Надо русскому святому править. Они наши, они ближе нам».

Епископ Иосиф и архимандрит Авель

Так обычно он беседовал с отцом Паисием, уставщиком. При этом батюшка вспоминал, что так наставлял его еще владыка Димитрий, архиепископ Рязанский: «Когда я был маленький, он меня учил, что надо русским святым обязательно службу править».

Конечно, батюшка почитал и греческих святых, вселенских. Особенно почитал он Святителя Николая.

Для отца Авеля богослужение было всё. Он был готов часами находиться в храме. Конечно, из-за болезни в последние годы он приходил только с утра. Ну еще на вечерние праздничные службы, всенощные. Но литургия для него была всё. Каждый день причащался.

Очень следил за ходом службы и ругал, если что не так или не ту стихиру пропели, или неправильно прочитали. Он за этим следил. Любил, чтобы все было по уставу.

Ему было важно, что люди чувствуют праздник. Он любил, чтобы народ участвовал в празднике, устраивал крестные ходы с иконами, чтобы потом икону поднимали и под ней все проходили, любил окропление.

Батюшка любил вспоминать свое прошлое. И всегда старался донести какую-то пользу для собеседника из разговора. Разбирал тонкие оттенки нравственного положения и говорил: вот – запомни, вот – учти, и ты вот так же делай. Причем для каждого он рассказывал то, что будет ему полезно, а не одно и то же.

Больше всего ему нравилось, когда спрашивали про Афон. Он охотно подхватывал эту тему. «Батюшка, а как сейчас на Афоне?» – «Ну, там... Сейчас сколько времени? Ну, вот сейчас там у них отошла обедня, да. Уже отошла. У них же там рано начинается». И начинал рассказывать про Афон. «Я помню, как мы там начали служить...» – и дальше шли дорогие его сердцу воспоминания.

Часто батюшка вспоминал: «А на Афоне сегодня торжество, там ведь престольный праздник... Помню, ездили в тот монастырь...» И начинался рассказ про монастырь, про икону, про путешествие.

Батюшка переносил традиции Афона сюда, к нам. Говорил, что вот, например, сегодня по афонской традиции служат целую ночь. Или иконы афонские чествовал. Ему все, связанное с теми годами на Святой Горе, было очень дорого. Хотя он и говорил, что, когда жил на Афоне, выходил на балкончик и смотрел в сторону России. Вместе с тем и здесь, в России, он тоже тосковал – по Афону.

Над местом, где он сидел, всегда висела маленькая иконочка – Матерь Божия игуменией стоит над Афоном. Потом уже сделали большую копию, повесили. Он ее очень любил, всегда к ней прикладывался.

Архимандрит Авель и иеродиакон Дионисий

Интересно было видеть, как братия с ним общалась и как батюшка терпеливо направлял, наставлял. Его заслуга в том, что он сделал самое сложное. Можно иметь талант и делать все самому. А можно иметь талант и научить другого, передать свой опыт. Ученик уже сам будет развиваться и не только воплощать идеи учителя, но и свой собственный опыт творчества наращивать. Мы видим, он смог передать свой талант, свой опыт владыке Иосифу.

Батюшка передал глубокое чувство любви к молитве, церковность. Посмотрите, это беда нашего времени: многие люди ходят в церковь, но не имеют церковности, они воспринимают только внешнюю сторону церкви, обрядовость.

Помните, наверное, как послов князя Владимира впечатлила внешняя сторона византийского богослужения в храме? Храм святой Софии в Константинополе поразил размерами, пышностью отделки, торжественностью церемонии богослужения. В преданиях сохранились их слова о том, что они не знали, на каком свете находятся. Можно подумать, что язычников блестками впечатлили. Но с этим можно поспорить: наши предки были не глупее нас, нельзя приписывать им только поверхностное суждение. Они не только красоту воспринимали.

Батюшка старался передать любовь к Уставу, к службе, привить чувство любви к церковной красоте. Несмотря на то что батюшка вырос в приходских церквах в трудное время и не видел там какого-то изящества, он был ценителем прекрасного. Он рассказывал про тяжелую послевоенную жизнь, про картонные киоты и бумажные иконы, про холод и голод. Но вместе с тем он всегда учил, что надо искать лучшее и ориентироваться на ту красоту, которая была раньше в храмах, до гонений на Церковь.

Батюшка ценил знания и стремился к ним. Он говорил: «Вот у меня не было такой возможности, а вы должны использовать возможность и получить образование». Он настаивал на том, что надо учиться. И владыка Иосиф, и многие другие, в том числе иеромонах Паисий, игумен Сергий, иеромонах Николай, получили духовное образование по настоянию батюшки.

Вот и я, когда пришел после школы к нему, получил наставление: «Иди учись!» Когда я вернулся из армии, он опять мне сказал: «Иди учись!» Я не поступил несколько раз, и все равно он настаивал, что надо идти учиться, нужно получить образование. Я пытался ему возражать: «Батюшка, мне самое главное – спасение души. Зачем монаху образование? Я должен отречься от мирского мудрования и посвятить себя служению Богу». – «Ах, какой ты! А как будешь людей наставлять? Как ты им будешь объяснять веру? К тебе придут светские люди, им надо будет светским языком все объяснять. Поэтому иди-ка, милок, учись».

Я ему за это очень благодарен.

Батюшка никогда не настаивал на чем-то категорично. Никогда не говорил, что «будет так, как я сказал». Он всегда облекал свои слова в форму предположения: «Вот так было бы, конечно, неплохо. Но ты сам смотри...» Были случаи, когда он видел, что человек погибает, что его нужно остановить. Тогда он пытался действовать радикальным методом и мы слышали: «Я запрещаю!» Когда он видел крайние, безысходные ситуации, тогда он уже пытался применить свой авторитет.

Братия ходила к нему исповедоваться, но в последние дни, когда он тяжело болел, ему это было тяжело. Появился духовник. Раньше не было духовника, батюшка одновременно был и наместником, и духовником. Но когда появился духовник, тогда уже приходили к батюшке исповедоваться только в крайнем случае.

В 1998–1999 годах он очень тяжело перенес болезнь. После первой болезни батюшка учился заново говорить, ходить. Это был очень тяжелый период. Он ведь был еще и епархиальным духовником. К нему приезжала вся епархия исповедоваться два раза в год. Все священники Рязанской епархии. Вы можете себе представить, сколько это было людей. Плюс еще мы, братия. Да еще духовные чада, люди жаждущие. Конечно, ему было очень тяжело.

И все равно, если к нему кто-то обращался, он всегда исповедовал, всегда был рад, если к нему приходили.

Он старался быть строгим, потому что понимал: прояви мягкость – и человек даст слабинку, даст себе расслабиться, может где-то увильнуть, где-то немножко себе что-то позволить. Поэтому он старался братию держать в строгости в духовных вопросах. Но был очень мягок на исповеди.

Вроде бы противоречие – административно быть строгим, а на исповеди всегда быть мягким и не налагать никаких епитимий, каких-то взысканий.

Но это кажущееся противоречие. Все объяснялось его великой любовью. Он всегда был очень милостив, он говорил, что надо молиться и Господь простит. Мы должны надеяться на Божие милосердие.

Батюшка никогда не использовал какие-то способы, какие-то санкции. Был внимателен в выборе послушников, трудников, смотрел внимательно на человека. Он мог определять, он читал людей, как книгу...

Если кто-то хотел остаться, то должен был подойти к нему за благословением. Если человек приезжал больше чем на три дня, он подходил и говорил: «Батюшка, благословите, я у вас еще поживу, помолюсь».

Было замечено, что батюшка никогда не ошибался. Иногда просто так говорил: «А зачем тебе? Тебе не надо здесь находиться, езжай!» А другому говорил: «Ты уж поживи у нас».

Бывало, люди просто заезжали. Так, заезжали проездом. Планировали ехать в другой монастырь, а батюшка их оставлял, и они задерживались на несколько десятков дней. Было даже так, что они принимали постриг, хотя планировали совсем в другое место поехать.

Когда батюшка отошел от дел и настоятелем стал владыка Иосиф, отец Авель говорил: «Идите к владыке Иосифу, он вас благословит!» Он не хотел, чтобы было какое-то двоевластие, не хотел ставить людей перед выбором. Он уступал высшей власти.

Батюшка очень много занимался владыкой Иосифом, он его выпестовал. Все ему рассказывал, возил его постоянно с собой. Батюшку очень обрадовало, что его племянник решился принять монашество. Он рассказывал: «Я его спрашивал, может быть, ты у нас просто будешь работать?» – «Нет, я хочу посвятить себя служению Богу». Батюшка был этому очень рад, ценил это.

В истории России есть такие примеры, когда родственники приходили в монастырь – и братья, и племянники...

Батюшка был очень привязан ко всем нам. Владыка куда-то уедет, батюшка спать не ложится, ждет.

Однажды, помню, владыка меня, еще маленького, взял с собой куда-то в гости. Поехал в Рязань и взял меня кому-то показать. Потом ему нужно было куда-то уехать и он завернул в Никуличи, отдал меня отцу Авелю: «Как раз заодно посмотришь наши Никуличи».

Думал владыка вернуться через час, а что-то не получилось. Мне батюшка показал храм, иконы показал чудотворные, уже все рассказал, а владыки Иосифа все нет и нет. Батюшка стал волноваться: «Где же он пропал, что же делать? Надо помолиться».

В домовом храме в честь иконы Божией Матери «Знамение»

Встали на молитву, открыли канон: «Я думаю, все будет хорошо». И действительно, начали мы читать, дошли до третьей песни, и входит владыка Иосиф. Батюшка говорит: «Вот, я тебе говорил! Так и ты всегда поступай».

Отец Авель очень любил делать подарки всем на праздники. Или сладости, или свои какие-то подарки. Постоянно всем напоминал, чтобы знакомые, паломники, прихожане не остались бы без подарка на праздники. А если, не дай Бог, не накормят гостя, не разместят, он очень за это ругал: «Да как же ты его не накормил? Он с дороги! А тебя бы так? Ну-ка, иди быстро накорми». Он всегда очень переживал по этому поводу.

На службе в храме к батюшке обязательно должна была подойти вся братия. Когда все подходили по чину, он со всеми здоровался, спрашивал каждого: «Как у тебя дела? А что ты сегодня такой хмурый, что у тебя случилось? А где этот? Почему его нет? А где Паисий? А Кирилл куда пропал?» – «Батюшка, он уехал». – «Куда он уехал?» – «Он на подворье». – «А, ну да. Это да. А где этот?» – «Он уехал учиться». – «А что у него там? Экзамен? Ну помолимся, помолимся».

И вот он так всех расспросит, на всех поглядит.

Все подходили к нему: «Батюшка, благословите». Не приходило на ум никого другого назвать батюшкой. Батюшка был один. И когда говорили «батюшка», было понятно, про кого это. Так было, когда он еще был наместником. «А ты у батюшки спроси», «а ты у батюшки спроси благословение», «вдруг батюшка благословит». Так всегда было. Неписаное правило.

В храме он обычно сидел на своем месте. Когда служил, приходил пораньше, потому что у него всегда было очень много записочек, он всех поминал.

Память у него была удивительная, он помнил множество событий, людей, подробностей. Особенно помнил он даты – даты смерти, дни рождения, день хиротонии. Сначала он сам все писал перед службой, а потом, когда стал стареньким, звал меня: «Так, тихо. Иди сюда, бери ручку, пиши: «Раба Божия Василия. В 57-м, помню, служил в Ярославле. Она сегодня

умерла. Помню, тучи были, как мы пришли в храм. Отпевание, а потом ее вот туда перенесли». И вот он рассказывал как, что, где...

И все по памяти!

«Да, она в 13-м родилась, 15-го числа. У нее еще баба Груня была сестра. Ее сын священник, служил в том-то городе. Да, да, он сейчас служит еще, да. Он в 72-м родился, 13 января. И вот этот вот...» Он начинал рассказывать про одного, потихоньку переходил на второго, на третьего и такие удивительные вспоминались вещи!

Например, случай на день смерти владыки Димитрия. «Однажды я сплю, а мне снится – приходит владыка Никодим и говорит: «Ты по владыке Димитрию сегодня панихиду отслужи». Ну я проснулся. Надо же, день его памяти, а я думал, что еще дней через десять, через пятнадцать. Вот он мне и напомнил...»

И вот так он рассказывал, вспоминал. Всех-всех помнил – и родственников, и знакомых. Всех, с кем он сталкивался в жизни. Всех их помнил и поминал. Он поминал их всех – вы можете это себе представить?

Очень он любил богородичные праздники. Чтобы икона в центре цветами украшенная, чтобы цветы живые и чтобы пение в этот день было особенное. Чтобы все потом помнили. Он все это очень чтил!

На святом источнике в крещенский мороз

Конечно, часто он расстраивался, и это можно понять: монастырь переживал трудный период восстановления, неустроенности, хозяйственных дел было невпроворот, и получалось подчас, что не все выходили на службу. Мы, конечно, не понимали и действительно считали, что нереально все совмещать. Ведь не все хозяйственные заботы братии можно переложить на чьи-то плечи. Но батюшка всегда подчеркивал, что братии надо молиться и молиться: «А кто же молиться-то в храме будет? Надо сначала помолиться». Батюшка всегда говорил, что надо молиться, а все остальное – сложится. Он действительно отдавался полностью воле Божией...

Батюшка очень любил наш источник, поначалу ходил, потом ездил. На Крещение источник посещал неукоснительно. Он молебны там служил и воду освящал, когда еще помоложе был.

Купался, обливался. Даже последний год жизни, хотя тяжело болел, ездил на источник. Конечно, он пешочком уже не мог ходить, вначале его на санках возили. В последний раз он прослезился и сказал: «Это я в последний раз. Все, больше не буду купаться».

Но даже потом он просил, чтобы ему воду приносили из источника попить. Людям воду из источника раздавал: «Так, мне пять баклажек принеси, вот я раздам всем».

Он любил традиции, жил традициями. Они были для него не какой-то пустой формой, они наполнялись смыслом, духовностью, историей. На Рождество пекли из теста ягнят, он всем раздавал по ягненку. Любил дарить подарки!

Вообще он все принимал очень близко к сердцу – и радость, и боль, и обиду. Конечно, он понимал немощь, он был наделен особым чувством сострадания.

Не лишен был батюшка и чувства юмора, любил шутку.

Как-то так получилось, что я стал помощником наместника монастыря. Все потихоньку шло, шло. То одно послушание, то второе... Наверное, батюшка и владыка давали поручения и как-то смотрели: потянет – не потянет...

Отец Авель вообще все делал взвешенно, обдуманно. И владыка Иосиф всегда с ним советовался. Они часами могли сидеть, обсуждать, думать, решать, как лучше и кто сделает.

Помню, уже потом, когда я стал исполнять обязанности наместника, пришел к нему, сказал: «Вот, батюшка, как же я, такой молодой, как же у меня все получится?» А он в ответ: «Это все по воле Божией, но ты не забывай...»

Эти слова меня не успокоили, показались слишком простыми: «Батюшка, может, я недостоин, и вообще...» И стал как-то плакаться... А он строго-строго на меня посмотрел: «Ты это брось! Поставили – тяни! Без тебя разберутся, достоин – не достоин».

Он очень серьезно относился к послушанию. Это было для него действительно сакральное. Помню, он, будучи наместником, собирается, одевается в лучшее. Старый уже, после болезни, тяжело ему. А тут надо ехать к архиерею... «Батюшка, да Вы

Шествие братии в трапезную. Пасха. Свято-Иоанно-Богословский монастырь

Отец Авель с братией в трапезной

устали». – «Долг, я обязан». Для него долг был превыше всего, он всегда этому нас учил.

Бывало, придешь к нему, говоришь: «Вот, батюшка, что-то закрутился...» А он отвечает: «А как же ты хотел? А как я на Афоне служил? Три года. Нет никого, всё сам, сам. Бывало придешь, замочишь одежонку в тазу, а тут ко мне гости приезжают. Постирать-то и высушить не успеваешь. Надевал мокрую, не высохшую, и носил».

Он действительно через многое прошел. И в послевоенное время, и на Афоне, когда там все только возрождалось. Конечно, он мог многому научить, сама его жизнь была примером. Он много видел, много пережил и поэтому имел моральное право учить и воспитывать нас.

Он говорил, что никогда нельзя себя жалеть, никогда. Это самое страшное – саможаление, когда человек начинает себя жалеть и рассчитывать свои силы, свои возможности. Надо жить для людей, для своего дела. Я его слова, его науку с благодарностью вспоминаю.

Было бы очень интересно съездить в те места, где батюшка служил, – в Углич, в Ярославль, в Питер на могилу митрополита Никодима, поклониться в Ярославле могиле архиепископа Димитрия... У нас некоторые братья на Афон ездили посмотреть своими глазами то, что вспоминал батюшка в своих рассказах. Это очень важно!

Нередко бывало, батюшка выходит после службы, кого-то увидит, и начинаются воспоминания. Оказывается, приехали из старых мест служения к нему, передают какие-то подарки, поклоны, начинают делиться впечатлениями, он рассказывает им, что он помнит. Батюшка никогда не прерывал общения с теми храмами, в которых служил. К нему постоянно приезжали даже дети, внуки тех людей, которых он знал. Представляются ему – мой отец, моя бабушка вас знали, вот и я к вам приехал. Вообще, к батюшке ездили обычно семьями, то есть если кто-то из семьи узнавал батюшку, то вся семья приезжала, и уже устанавливалась связь с несколькими поколениями. Это было поразительно!

Конечно, со временем, с возрастом батюшка старался как-то уйти в тень, предоставить всю полноту власти владыке Иосифу. Уже с 1998 года он старался не вникать в организационные дела монастыря, а больше предоставить возможность владыке Иосифу проявить себя. Здесь чувствовалось смирение, мы это ценили. Он старался смириться.

Батюшка очень много рассказывал про владыку Никодима. Часто молился за него. Он был для батюшки очень близким человеком. Когда про владыку Никодима рассказывал, окрылялся. Но, с другой стороны, он не афишировал свои отношения со многими известными людьми, которых знал, с духовными чадами, с иерархами Церкви.

Очень интересно складывались у батюшки отношения с отцом Тихоном (он в 1993 году к нам пришел). Его батюшка всегда выделял за то, что он тихий, спокойный. Но вместе с тем никогда не делал из человека любимчика, не допускал никаких вольностей. Ко всем одинаково относился. Всегда это соблюдал.

Но после болезни к Тихону очень привязался. И отец Тихон очень часто с батюшкой беседовал, часто исповедовался. Особенно отец Тихон к батюшке прилепился, потому что батюшка мог дать наставления в вопросах духовной жизни. Отец Тихон в последнее время возил батюшку на колясочке.

Архимандрит Авель и монах Тихон.
3 августа 2006 года

Монах Тихон пробует новые колокола перед их освящением

В день престольного праздника Иоанно-Богословской обители архиепископ Рязанский и Касимовский Павел в сослужении епископа Шацкого Иосифа совершил освящение новых монастырских колоколов. 21 мая 2006 года

Батюшка очень ценил искренность, любил, когда человек к чему-то стремится. Если были у кого какие-то таланты, старался как-то поощрять их, развивать. Отец Тихон специально не учился колокольному искусству. Как его батюшка благословил, так он сам потихонечку и научился. Батюшка выезжал слушать колокола. На колясочке выедет вечером, сидит слушает.

Старые колокола сохранились в описаниях, то есть все знали, какие образцы были ранее на колокольне до разорения монастыря. Но восстановить былой набор колоколов – как-то это было нереально. Все прекрасно понимали – труды великие. И однажды за чаепитием сидели владыка Иосиф, отец Авель и Борис Николаевич Кузык. Услышали удар колокола. И батюшка говорит: «Вот старые колокола, вот они – да-а-а-а, они, конечно, были...» Борис Николаевич спрашивает: «А почему бы и нет?» Батюшка отвечает: «Ну, куда уж...» Батюшка, конечно, хотел, но он даже не мечтал. И когда отлили новые колокола – это такая была радость! «О, это как в старину, это как до революции». Для него это была высшая похвала.

Если иногда человек гнался за внешней красотой, отец Авель говорил: «А что, тебе нравится это?» – «Да». – «Так ведь это же современное. Это же все стекляшки и фольга. А вот старинное – это намоленное, это святыня». Он подходил ко всему с точки зрения святости, намоленности, духовности.

К архимандриту Авелю в дом наместника приезжало много гостей, духовных чад – на исповедь, за духовной поддержкой и благословением

Очень он ревностно относился к молитве, хотел, чтобы всех поминали поименно: «Чтобы все, как в старину. Тогда всех поминали, и сейчас надо тоже».

Он старался, чтобы все было как полагается. Однажды пришел и говорит: «Надо, чтобы свечи все горели. Иоанн Златоуст – надо, чтоб горели. Что уж, мы не сможем? Не оскудеем!» Вот так потихоньку он вводил традиции, которые он сам, может быть, и не знал, но изучал, читал. Он не стеснялся, что чего-то не знает, никогда не комплексовал по этому поводу. И если ему действительно доказывали убедительно, то он признавал: «Да, я был не прав».

Батюшка очень любил, когда приезжали дети. Он всегда просветлялся. Дети привозили какие-то стихи батюшке, подарки, сделанные своими руками. Для него это было очень важно. Это было частью его жизни. У батюшки было много знакомых монахинь, многие к нему приезжали и даже нашли пристанище рядом с нами.

Конечно, болезнь его подкосила. Но он всегда пытался взбодриться. Особенно сокрушался, что не мог больше служить.

Он говорил: «Не жалейте себя. Вот я сейчас готов все дела делать, а не могу. Цените время, дорожите им. Пока есть здоровье, пока есть силы – не ленитесь».

К нему приходило очень много людей, и в домике он принимал огромное количество народа. Бывало, с утра до вечера идет и идет поток... Мы никогда не записывали, кто к нему приезжал, какие известные люди. Он вспоминал: «Академик... ну ты помнишь, приезжал к нам. Писатели ехали на съезд, приезжали». Он их поразил рассказом, как исповедовал мать Сергея Есенина...

Как-то проезжали мимо поворота на Рыбное. «Видите трактор на постаменте?» – «Да». – «О, это на всю страну известная трактористка. А я ее исповедовал и причащал перед смертью».

Игумен Мефодий встречает митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, прибывшего на отпевание архимандрита Авеля. 9 декабря 2006 года

Он знал очень многих. Из Рязани, из Москвы, из Питера, со Святой Горы, из-за рубежа – со всех концов к нему приезжало огромное количество людей. Я знаю, что приезжали из Австралии, Америки, Германии, Франции. Приезжали из французского скита, из Парижа, из Лос-Анджелеса. Приезжало много людей с Украины – из Киева, Киево-Печерского монастыря.

Конечно, монахов и священников не упоминаю, это само собой. Огромное количество священнослужителей посещало его. Конечно, все священнослужители Рязанской епархии, он был долгие годы духовником епархии. Владык много у него побывало.

Владыка Ювеналий часто приезжал к нему. Ну многого, конечно, я не знаю и всех не помню. Вообще-то неудобно было спрашивать про посетителей.

В покоях батюшки много портретов дорогих ему людей. Некоторые с трогательными надписями, датами. Портрет владыки Никодима, тогда еще митрополита Ленинградского. Портрет рядом – подарок владыки Ювеналия. Он знал батюшку с детских лет (он младше лет на восемь–десять), его мама будила: «Беги быстрее, батюшка Авель уже служит».

В зале для приема посетителей.
Свято-Иоанно-Богословский монастырь, дом наместника

А это парадная фотография, юбилейный Собор 1988 года. Батюшка стоит третьим в третьем ряду сразу за центральными фигурами. Да-да, это было очень почетно. Здесь же митрополит Антоний Сурожский.

Батюшка сохранил папку этого Собора и пригласительные билеты на все мероприятия.

Портреты в келии архимандрита Авеля: архиепископ Димитрий (два портрета слева) и архимандрит Иоанн (Крестьянкин)

Архимандрит Авель.
Парадный портрет

Часть наград отца Авеля

Посох
владыки
Димитрия
и посох
афонский

Иконы в келии отца Авеля

Храм в честь иконы Божией Матери «Скоропослушница»

Из самых дорогих батюшке икон – икона Пресвятой Богородицы «Утоли моя печали». Здесь есть надпись дарственная: «Сия святая икона была преподана по благословению схиархиепископом Лазарем в пятьдесят третьем году ныне здравствующему архимандриту Авелю. Лазарева суббота. 1953 год». Батюшка ее очень любил.

Вот «Благовещение», вот икона Иоанна Богослова, тут Царственные страстотерпцы – он их тоже почитал. Еще он почитал икону «Споручница грешных». Написана живописно, но она чудотворная. Вот портрет священномученика Ювеналия, написан вскоре после расстрела, а после канонизации пририсовали нимб. Канонизация была недавно.

Корсунская икона Божией Матери, «Спас Нерукотворный», иконы Никона Сушкинского, Серафима Саровского – это все подарки.

У него много икон преподобного Серафима Саровского... На престоле писаный образ, это точная копия с Корчемной иконы Божией Матери.

В основном иконы здесь все дареные. То батюшке, то монастырю, вот икона вместе с мощами.

Любимая икона батюшки – великомученика Феодора Стратилата, в этот день он родился. Эта икона связана с его днем рождения. Батюшка очень чтил этого святого.

Нельзя сказать, что какую-то икону он выделял особенно. Они все ему были очень дороги.

Есть икона Иоанна Русского. Это греческая икона, ее очень почитают в Греции. Ему на Афоне многое дарили, но в основном все эти иконы в храме. Даже мощи он все передал в храм Скоропослушницы.

Многого я не знаю, к сожалению. Владыка Иосиф, несомненно, рассказал бы больше.

Икона Пресвятой Богородицы «Утоли моя печали»

Старец Никон Сушкинский

Святая великомученица Екатерина

Чтимые иконы Божией Матери

Святой Георгий Победоносец

Преподобный Афанасий Высоцкий

Икона Пресвятой Богородицы «Калужская»

Батюшка много помогал людям, люди получали помощь по его молитве. Но он никогда не делал этого напоказ, не афишировал. Люди приезжали, были конкретные случаи, они сохранились в памяти. Было много очень интересных случаев, но... ловишь себя на мысли, что рассказать не сможешь, не сумеешь. Может быть, владыка Иосиф найдет слова...

Мы чувствовали, что рядом с нами необыкновенный человек. Его молитвы чувствовались. Он постоянно молился, и мы даже замечали: когда он уезжал из монастыря, то было не так спокойно, как тогда, когда он был в монастыре.

Людей приезжало очень много, благодарили, передавали даже через кого-то «спасибо за молитвы», «спасибо за молитвенную помощь», «за молитвенную поддержку». Всегда перед какими-то событиями к батюшке приходила братия: «Батюшка, помолитесь, благословите». Братия видела постоянно его в молитвенных трудах и постоянно просила молитвенной поддержки.

Я часто думаю: возможно ли как-то сформулировать духовные заветы батюшки, какие-то принципы, которые он оставил братии?

Помню еще подростком я его спрашивал: «Как, батюшка, жить?» Он говорил: «Надо молиться и, самое главное, всех любить». Он нас учил: «Самое лучшее надо отдавать бедным, надо в первую очередь думать о других, надо неукоснительно выполнять все, что тебе поручено, быть ответственным в послушании своем. И больше посвящать времени молитве».

Это очень строго нам все время говорил. Не забывайте молиться, не забывайте про храм, не забывайте про службу, не ставьте это на второе место. Службы не будет – ничего не будет.

Еще он говорил братии: «Будьте едины, не распадайтесь». Конечно, это важно очень.

Батюшка сокрушался современным обществом, современной молодежью: «Как же так вот их не воспитали, как нас, их же не учили любить других и переживать за других».

«Главное – это внутренняя молитва и внутреннее содержание в любом человеке»
Архимандрит Авель

Молитвенное уединение во время освящения храма во имя Бориса и Глеба архиерейским чином. Свято-Иоанно-Богословский монастырь. 3 августа 2006 года

В монастырь приходят и приходят люди, вспоминают батюшку, на могилку приходят. Духовных чад у него было много, очень много и разных. На отпевании, когда они все собрались, меня это поразило. Насколько разный спектр людей и по профессиям, и по возрасту...

Он учил людей, как надо *жить по правде*, вел по жизни. Я верю, он нас не оставит и сейчас без своей мудрой поддержки. Батюшка говорил: «Вот я уйду, умру, но вы не думайте, что меня не будет с вами рядом. Вы приходите ко мне на могилку, мне все скажите, я буду слышать».

В гостях у батюшки.
Борис Николаевич Кузык
с супругой Татьяной Васильевной
и сыном Павлом.
Пасха. 2005 год

Протоиерей Анатолий Лазарев, священник Вознесенского храма Рязани:

«Мои воспоминания о батюшке Авеле»

Думаю, не ошибусь, если скажу, что самым известным и авторитетным среди рязанского духовенства последние 30 лет был отец архимандрит Авель (Македонов).

Мое первое знакомство с отцом архимандритом, причем заочное, произошло в 1976 году. Случилось это так. На четвертом курсе Московской Духовной Академии при чтении лекции по патрологии профессор К. Е. Скурат рассказал нам, студентам, о паломничестве патриарха Пимена на Святую Гору Афон. Константин Ефимович, участвовавший в этой поездке, поделился с нами своими впечатлениями. Тема для нас оказалась очень интересной, и мы, естественно, закидали профессора массой вопросов. В конце беседы он предложил нам написать письмо игумену Русского Свято-Пантелеимонового монастыря, отметив при этом его отзывчивость и доброту. Мы так и сделали. В письме мы восхищались подвигом святогорцев, желали им помощи Божией в монашеском подвиге вдали от Родины и, конечно же, просили святых молитв за себя и своих близких. Отец игумен Авель не замедлил с ответом. Он пожелал нам успешно завершить учебу, заверил в своих молитвах и к нашей общей радости прислал в благословение от афонской братии каждому из нас по две небольшие иконки – Божией Матери «Скоропослушница» и «Иверская».

Моя первая встреча с батюшкой произошла спустя два года, когда я был назначен на служение в Борисоглебский собор, а отец Авель посетил родную

Рязань, приехав ненадолго в Россию с Афона. Помню первое (для меня первое) богослужение с его участием. Мы, соборные священники и диаконы, вышли встречать афонского игумена, как архиерея. Батюшка в сопровождении церковнослужителей и ктитора вошел в храм с панагией и двумя крестами на груди, с посохом в руке и, облачившись в архиерейскую мантию, благословил нас крестом. Рязанские богомольцы хорошо знали своего пастыря, поэтому с радостным оживлением передавали друг другу: «Афонец прибыл, наш афонец будет сегодня служить».

После восьмилетних трудов на Афоне батюшка по состоянию здоровья был вынужден вернуться на родину. По благословению Священноначалия он был назначен почетным настоятелем Борисоглебского кафедрального собора и епархиальным духовником.

Проходя совместное служение в соборе, я ближе познакомился с отцом Авелем. Вскоре батюшка пригласил меня с семьей к себе домой. Он радушно принял нас и дал возможность прикоснуться к святыням, бережно им хранимым. В свою очередь 6 мая 1980 года на мои именины и мы принимали отца Авеля как дорогого и желанного гостя у себя дома. Тогда он благословил наш дом и сердечно поздравил меня с исполнившимся десятилетием служения у Престола Господня.

Надо отметить, что отец Авель очень ответственно относился к своим обязанностям. Обычно он участвовал в архиерейских службах или при отсутствии владыки возглавлял праздничные службы. Батюшка любил богослужение, тщательно готовился к нему и приходил в алтарь часто раньше диаконов. Богослужение, совершаемое им, отличалось торжественностью и молитвенностью. Он был наделен от Бога даром молитвы, и мне не раз доводилось быть свидетелем его слезной молитвы.

Батюшка часто трудился наравне с рядовыми соборными собратиями. Бывало перед праздником Святой Пасхи он сам просил включить его в график на освящение куличей, причем в такие часы, от которых другие отказывались. Так же он поступал и в Крещенские праздники, когда почти двое суток в церковной ограде беспрерывно освящалась вода. В родительские субботы отец архимандрит обычно сам без сослужащих совершал литургию, так как остальные священники в это время были заняты заказными поминаниями с большим количеством просфор.

Отец Авель был очень опытным духовником. Он поддерживал, утешал и вразумлял своих духовных чад. Но, когда требовалось, он проявлял и строгость к ним; например, к тем клирикам, которые забывали очищать свою совесть таинством покаяния. Зная авторитет и рассудительность епархиального духовника, владыка Симон, сам бывший его духовным чадом, часто посылал отца Авеля на приходы улаживать возникавшие конфликты и недоразумения.

Проповеди архимандрита Авеля отличались простотой и доступностью. В них он объяснял Евангельские истины, значение церковных праздников, а также обличал негативные явления современной жизни. Например,

он удерживал православных прихожан от посещения сборищ, устраиваемых западными миссионерами и экстрасенсами, и призывал церковных чад хранить веру отцов. В начале 90-х годов отцу Авелю пришлось не раз успокаивать мятущиеся души земляков от мнимых страхов эсхатологии, то есть близкого конца света. Батюшка лично знал и почитал блаженную Пелагию Захаровскую, поэтому неоднократно обличал одного рязанца, который приписывал ей хулу на церковную иерархию и духовенство.

Справа от архимандрита Авеля – ректор Московской Духовной Академии архиепископ Евгений. Слева – протоиерей Анатолий Лазарев. Рязань. 1998 год

Батюшку Авеля отличало христианское отношение к встречавшимся скорбям и болезням. Помню, когда однажды в начале 80-х годов отец Авель серьезно заболел, владыка и соборная братия направили меня в Никуличи навестить его. Я застал отца архимандрита на одре болезни. И что меня удивило: в его немощном теле был бодрый дух, не было и тени уныния или ропота. Он сказал, что монаху полезно поболеть, но желательно не быть в тягость окружающим. Старец благодарил всех за внимание к нему, просил не волноваться, а молиться о его выздоровлении.

Отец Авель был непременным участником общецерковных и епархиальных событий и торжеств. Он представлял рязанское духовенство на Поместных Соборах 1988 и 1990 годов. В 1989 году нам с батюшкой довелось сопровождать владыку Симона на торжества по случаю 400-летия установления патриаршества в Русской Православной Церкви и участвовать в них. И я был очевидцем, как многие иерархи и церковные работники с радостью и любовью встречались с отцом архимандритом и общались с ним. Как старейший клирик епархии отец Авель при митрополите Симоне и архиепископе Павле неизменно принимал участие в заседаниях Епархиального Совета.

Мне посчастливилось служить с батюшкой Авелем в одном храме около десяти лет. В 1989 году он был назначен наместником Свято-Иоанно-

Богословского монастыря, который был разорен. Меня же вскоре назначили восстанавливать Вознесенский храм и приходскую жизнь в нем.

Это теперь Иоанно-Богословская обитель благодаря трудам первого наместника, собранной им братии и благотворителей находится в прекрасном состоянии. А поначалу батюшке с несколькими насельниками пришлось жить в небольшом щитовом доме без удобств, в котором при каждом шаге все скрипело и дребезжало. Помню, я спросил тогда отца Авеля, почему он в преклонных уже годах и при слабом здоровье согласился на столь тяжелое послушание? Он ответил, что после Афона Священноначалие предлагало ему возглавить какой-либо монастырь, но он не согласился, так как не желал оставить родную Рязань. А теперь, когда открылся первый монастырь на родной земле, у него нет причины отказываться.

И еще батюшка мне рассказывал, что он запомнил, как в раннем детстве весной мама носила его на руках именно в Иоанно-Богословский монастырь, и в его памяти сохранилось тогда половодье. А когда Коля (так звали отца Авеля по крещению) подрос, то думал, что это было сновидение.

Но мама подтвердила, что она именно с ним была в святой обители, так как тогда был благочестивый обычай: родители приносили детей после года на причащение в монастырь святого апостола Иоанна Богослова.

Служа в разных местах, мы с батюшкой поддерживали духовную связь. В трудных обстоятельствах я приезжал к нему за советом и на исповедь, вместе с прихожанами и с семьей мы не раз совершали паломничество в монастырь. А 21 июля 1994 года отец Авель возглавил наш храмовый праздник в честь иконы Божией Матери «Казанская». В то время Вознесенский храм только начинал восстанавливаться из руин. Тогда мне запомнились батюшкины слова: «Мое сердце обливалось кровью при виде разоряемых святынь, и как я рад теперь, что Господь сподобил меня грешного дожить до сего светлого времени духовного возрождения и принять в этом посильное участие».

Известно, что паломники ищут в монастырях благодатные святыни, уставное богослужение, благолепные храмы, а главное – старца-наставника, который может дать правильный совет в сложной жизненной ситуации. В этом отношении братии Иоанно-Богословского монастыря повезло – в течение 17 лет они и паломники имели в лице отца Авеля своего мудрого духовного руководителя.

Последний год жизни батюшка часто болел и редко посещал Рязань. Мне по немощи тоже не удавалось посетить обитель, хотя душой я стремился встретиться с духовником. Во время освящения 4 декабря Введенского придела в Николо-Ямском храме игумен Серафим сообщил мне, что отец Авель совсем плох. Я решил, не откладывая, в ближайшие дни посетить болящего наставника. К глубокому сожалению, я не успел. 6-го утром я получил телеграмму от наместника о кончине архимандрита Авеля.

Как истинный монах, батюшка помнил о своем смертном часе, и переход в вечность не пугал его. Он заранее указал место своего погребения. И кончина его была поистине христианской. Проводить его в последний путь собралось много близких, друзей, почитателей и духовных чад. Молитва о его упокоении возносится во многих храмах от Рязани до Афона.

По-человечески, конечно, печально, что ушел от нас в вечность духовный старец-руководитель. Но в то же время я благодарен Господу Богу, что мне довелось встретить на жизненном пути батюшку Авеля – Человека высокой духовной жизни.

Мария Васильевна Зверева*:

«У него была удивительная способность – человека наполнять радостью»

Необходимое условие для образования крепкой христианской семьи – найти будущим супругам хорошего духовника.
Старец Паисий Святогорец

Кто нашел добрую жену, тот нашел благо и получил благодать от Господа.
(Притчи 18, 22)

Вся наша семья особо чтила батюшку Авеля. Нас многое связывало... Я и мой муж еще до нашего знакомства знали батюшку и любили его. Мы познакомились с отцом Геннадием у владыки Никодима, когда он был келейником владыки. Он был последним келейником владыки.

Мы оба из Рязани, оба знали отца Авеля, но ранее не были знакомы и не знали ничего друг о друге. Еще старшеклассником мой будущий супруг говорил отцу Авелю о своем желании стать монахом и поехать на Афон. Отец Авель, вернувшийся с Афона, посоветовал тогда школьнику

* Супруга протоиерея Геннадия Зверева, настоятеля Софийского собора в Царском Селе.

не торопиться с ответственным выбором, а пройти армию, пойти поучиться, – если уж душа лежит, – в семинарию. А там видно будет.

Возможно, что какие-то эмоции и мечты были связаны с тем, что у отца Геннадия бабушка была очень набожная. И когда он к отцу Авелю с этим пришел, батюшка был совершенно прав. Он сказал: «Милый мой, с бухты-барахты на Афон, да еще монахом! Поучись сначала...»

Отец Авель интересовался его службой в армии и, видимо, рассказал о нем своему другу детства владыке Никодиму. Владыка управлял Ленинградской епархией, а Гена Зверев служил неподалеку. И вот как-то раз в воинскую часть пришел от владыки Никодима человек: так начались их общение, переписка.

Слева – будущий протоиерей Геннадий Зверев, справа – Вячеслав, пел в хоре Борисоглебского собора

Потом было поступление в Ленинградскую семинарию, причем владыка Никодим устроил так, что сдавал приемные экзамены Гена Зверев сразу после армии, хотя набор на первый курс был уже формально закончен.

Первый год учебы был страшный, заучивать приходилось просто гигантские листы, и он говорил, что непонятно, где силы брались. Владыка Никодим заметил его старание. И потом взял к себе в келейники, в последний год перед смертью.

Жора, мой брат, бывал у владыки Никодима (владыка – крестный моего брата и мой крестный). Я была до замужества Царева, и владыка Никодим Жору называл царевичем. Он окормлял его по жизни как-то очень правильно. Помню, одно время мама очень боялась, что Жора может принять монашество в силу того, что владыка Никодим оказывает на него влияние. Не дурное влияние, конечно, а просто показывает ему ту жизнь. Сейчас-то я смотрю на это совсем другими глазами.

Как-то Жора приехал и говорит: «Знаешь, у владыки Никодима сейчас новый келейник, Геночка, очень приятный». А Жора мой был уже женат,

Геннадий Зверев в юношеские годы. Фотография, хранимая отцом Авелем

его жена и говорит мне: «Слушай, там такой красивый мальчик появился из Рязани».

Он на самом деле был такой большой, броский, красивый. Мы с ним увиделись первый раз в Серебряном Бору, у владыки Никодима, когда я заезжала в гости к крестному. А потом как-то он приехал в Рязань, и мы совершенно случайно на улице встретились. Вроде лицо знакомое... «Ах да, Гена! Да, я помню...» Какой-то разговор завязался. И как-то у нас начались какие-то отношения тогда в его приезд, в Рязани.

Очень хорошо помню, что мама (она всегда советовалась с отцом Авелем) в разговоре с ним обмолвилась обо мне. Разговор был о том о сем: «Как детки? Что?» Мама тут и сказала, что Маша встретилась с мальчиком, который служит у владыки Никодима. «Я очень рад, – сказал батюшка, – я очень рад, пусть встречаются».

Все дело в том, что отец Авель, владыка Никодим и моя мама были очень дружны. Их связывали воспоминания детства, которое прошло вместе. Когда бы мы с ним ни виделись, отец Авель все время говорил: «Ты знаешь, я так благодарен твоей бабушке за то, что всегда в ее доме мы находили тепло, уют и лишнюю корку хлеба, которая делилась просто на всех. Времена были тяжелые, военные годы. Но когда бы я ни заходил и если там делилось порциями на каждого, то у меня была целая порция».

У меня семья была очень теплая, всегда дом полный народу. Трапеза порой была очень скудная, но всегда для гостей устраивался стол, было чаепитие. Я девочкой тогда была, но помню. Владыка Никодим приезжал редко. Если отец Авель был в Никуличах, то мы собирались за большим столом и это было такое счастье! Я там что-то понимала, что-то не понимала.

Они что-то вспоминали, хохотали. Отец Авель смеялся совершенно потрясающе. И владыка Никодим тоже заразительно смеялся.

Они буквально два слова скажут и начинают смеяться. С мамой моей какие-то моменты вспоминали из далекого детства. Боже мой, как это здорово было! Ничего больше не надо, никуда не хотелось уходить, ничем другим не хотелось заниматься.

У нас где-то есть фотография тех времен: я, маленькая девочка, владыка Никодим, отец Авель, Вера Михайловна (бабушка, она строгая у нас была), мама, папа. Меня батюшка Авель обнял, и я так приникла к нему. Господи, какое же это было время! Состояние счастья и покоя, вот я теперь понимаю это. Если ребенок в детстве получит такую любовь, то он будет счастливейшим человеком.

Я не была рядом с этими людьми все время по жизни. Но ощущение того, что эти люди всегда с тобой, всегда помнят о тебе, всегда молятся за тебя – это ощущение постоянно присутствовало. Сейчас я это понимаю.

Мы с мамой редко бывали в Никуличах, потом батюшка был на Афоне, потом я училась в Рязанском пединституте.

Как-то батюшка пригласил нас с мамой на службу в Никуличи в воскресенье, в домашний храм. Там были только свои. Тетя Тося была, помнится.

Я училась на первом курсе института, у нас преподавали старославянский язык. Год прошел, заканчивался первый курс, я вся такая самостоятельная. Старославянский язык? Давайте мне, все прекрасно понимаю!

Батюшка Авель знал об этом, мы общались, он спрашивал, как идут дела. «Ну вот у нас старославянский преподают!» – «О, это хорошо, читать будешь когда-нибудь».

И вот я вся такая самостоятельная на службу пришла, уже что-то там понимаю, как взрослый человек. Службу мы отстояли, все замечательно, и тут благодарственная молитва.

Вот батюшка мне так тихонечко говорит: «Читай!»

А читала до этого какая-то пожилая женщина, и она куда-то отошла. Вот батюшка мне и говорит: «Так, Маша, читай!»

Я замерла, Господи помилуй, что же делать-то?

Подхожу. Молитвы с детства на слуху, но я понимаю, что я сейчас ничего не соображаю. Не понимаю! Это было так стыдно! Мне, «взрослому человеку», пришлось читать чуть ли не по слогам, как первоклашке...

Где-то ближе к середине я все-таки вырулила и постаралась читать громко. Думаю, раз уж не одним, то другим точно возьму.

Прочитала, потом матушка меня сменила.

Митрополит Никодим (слева) и архимандрит Авель (на втором плане в центре)

Митрополит Никодим (слева) и архимандрит Авель (справа)

Чин умовения ног совершает митрополит Никодим

После службы сидим за столом, стыдоба невероятная. Думаю, Господи, сейчас батюшка спросит, что ж ты такое там учишь? И чему же тебя там учат? И что же ты такая нерадивая?

Насколько же он мудрый был! Он ругал ведь иногда, а иногда чувствовал, что нужно поддержать.

Конечно, он почувствовал мое состояние. Сижу – от страха глаза боюсь поднять. Они с мамой о чем-то говорят, чай пьют. Батюшка меня боковым зрением видит и через стол громко спрашивает: «Матушка, а кто же у нас сегодня так хорошо читал?»

Я готова была просто провалиться. Ну он же мне сам сказал: «Читай». Понятное дело кто читал. Говорю: «Батюшка, я так ужасно читала, и вообще все было так плохо, так плохо...»

Видимо, моя гордыня была попрана, потому что до этого мне казалось (да и на лице, наверное, было написано) – я все знаю, я все хорошо умею, я уже взрослая.

Вдруг слышу: «Машенька, ты очень хорошо читала. Я видел и слышал, как ты стараешься. Вот это – самое главное».

Он так меня утешил, что в тот момент сразу выросли крылья. И вот эта радость детская, о которой я говорила, захлестнула полностью. У него была удивительная способность – человека наполнять радостью.

Недавно открыла семейный альбом и сразу наткнулась на фотографию. Рукой моего покойного папы помечено: владыка Димитрий, отец Авель и монах Никодим, 1948 год.

У меня мало что от папы осталось, и я всякие записочки его собираю. Он долго болел... Открываю альбом, сразу в глаза бросается эта фотография, и я думаю: ну вот ведь – наследие, на самом деле – наследие!

У моей мамы хранились письма, переписка бабушки и владыки Никодима, когда он был в Иерусалиме. Эти письма сохранены. Есть письма батюшки Авеля с Афона.

Сейчас думаю, Боже мой, ведь было же такое счастье, такое время, когда ты могла ловить каждое слово! И вот как-то расточалось все, хотя, с другой стороны, это то, что сцепляло вообще твою жизнь, давало тебе радость жить, существовать. Радость помнить то, что батюшка всегда есть, всегда поймет, всегда молится за тебя. Я всегда это четко ощущала. Я его всегда поминала в молитвах, я всегда чувствовала его внимание к моей жизни.

Он далеко, но вдруг кто-то приехал от него и обязательно: «Маше поклон». Коротенькая фраза, но за этим величайшая любовь, потому что к нашей семье он относился очень тепло.

Иеромонах Авель, иеродиакон Никодим с архиепископом Димитрием. 1948 год

Фактически ведь это отец Авель привел моего батюшку, отца Геннадия, к вере, к Церкви. Отец Авель был тем человеком, который его очень правильно вел по жизни. Владыка Никодим и отец Авель были для него авторитеты абсолютно непреложные.

Отец Геннадий часто ездил в Рязань к отцу Авелю. Иногда как-то неожиданно соберется: «Вот, еду, нужно к отцу Авелю. Великий пост – мне нужно исповедаться отцу Авелю». Отец Авель вел его по жизни, иногда мог и сильно поругать. Мой батюшка не был бы таким, если бы не наш любимый отец Авель.

Ну вообще с отцом Авелем никогда не надо было изображать из себя там чего-то. Это совершенно было не нужно. Он все видел. Какая-то фраза, и все, ты понимаешь, что он тебя видит.

Он любил наших детей, очень любил Никитку, маленького Никитку. Ульку жаловал меньше, она у нас такой шальной была. Шумноватый ребенок, поэтому, может быть, ее суета батюшку сдерживала: «Ох, Ульяна, Ульяна!»

Никитка был помягче. У него такие голубенькие глазки, голубенькие брызги. А Улька была жесткая девочка, у нее в глазах порой озорной блеск стоял.

Батюшка приезжал к нам, но приезжал нечасто. Как-то раз получилось, что батюшка приехал с сестрой, Антониной Николаевной, и они несколько дней у нас жили. Ульяны не было, может быть, она у моих родителей была, в Рязани, я уже не помню. Но был Никитка.

Как сейчас помню, голубенькая курточка, шапочка с беленькой и голубенькой полосками, помпончик, вот эти голубенькие глазки... Батюшка мне и говорит: «Ты с Никитой-то гулять идешь? Ты уж делами займись, а мы сходим, погуляем сами».

Он понимал, что и готовить нужно, и места у нас было не очень много. Как-то хотелось, чтобы все было достойно – вот он и предложил погулять с Никиткой.

Возвращается батюшка с прогулки и смеется от души. «Батюшка, что случилось?» – «Ничего не случилось. Просто теперь у нас любимый образ – Баба Яга. Как только вышли из дома, уж не знаю, почему, он ко мне с вопросом: «А ты знаешь сказку про Бабу Ягу?» – «Знаю». – «А расскажи!» Сколько гуляли в парке – все вопросы были только про Бабу Ягу». Шли они где-то по тропинке парка, а Никитка палочку поднял, дал батюшке и говорит: «А нарисуй мне, какая она?» – «Кто, Никитка?» – «Баба Яга!»

Вот эта Баба Яга вспоминалась и на нашей последней встрече. «А Никитка-то, помните? Ха-ха-ха. Баба Яга-то, что за образ? Может, я ее представил не такой уж и страшной?»

Отец Авель ведь удивительно много знал. И мог потрясающе интересно рассказывать про какой-нибудь цветочек.

Я помню, Никитка был совсем маленьким, ему года еще не было. И как раз приехал батюшка отец Авель на годовщину памяти владыки Никодима.

Он нас навестил, может, ночь у нас переночевал – уже не помню. И вот мы сидим за столом, в гостях еще кто-то был. А у меня плошечки с медом были к чаю. Кто-то обронил фразу по поводу меда, как это вкусно и полезно. Так батюшка Авель часа полтора с упоением рассказывал о жизни пчел! Какие они славные, как мед и воск получается. Мы просто опешили от того, с какими тонкостями батюшка Авель об этом рассказывал, с каким знанием дела.

Я запомнила этот удивительный рассказ. Никитка сидел у меня на коленях, и мы с ним вместе батюшку слушали.

Отец Авель обязательно приезжал в Петербург на годовщину владыки Никодима, и все ученики владыки собирались за столом 5 сентября. Владыка Симон Брюссельский, владыка Лев Новгородский, много учеников его

собиралось. Отец Авель во главе стола сидел. А батюшка мой, отец Геннадий, снимал на видео. Шел неспешный разговор, а я туда-сюда, то на кухню, то к гостям. У нас записи сохранились. Там какие-то размышления, воспоминания и живой отец Авель, его голос. А вокруг все те люди, которые давно и хорошо его знают.

Санкт-Петербург. Александро-Невская Лавра. Могила митрополита Никодима. В центре – владыка Кирилл. Крайний справа – архимандрит Авель. Рядом с ним – отец владыки Никодима Георгий Иванович

У него была отличная память, он помнил много подробностей. Речь зайдет о чем-то, и он мог с легкостью перечислять храмы, святыни. Он знал историю каждого храма, причем он фамилии настоятелей помнил. И я думала потрясенно: Господи, как же нужно любить, собирать этот материал, чтобы потом так вот просто, легко в разговор включить серьезную тему об истории нашей. Не для того, чтобы блеснуть, нет. Просто речь зашла о какой-то улице Ямской, и сразу открывается пласт истории: там такие храмы, монастырь был такой, и сразу речь идет о духовности, о вере, о наших корнях.

Вы знаете, я слушала краем уха, потому что всегда хозяйством занималась. Батюшка приезжал, хотелось ему угодить, встретить так же, как он нас встречал. И так это из кухни, где посуду моешь или что-то там режешь, ухом одним только... Там стояла и слушала...

Как-то, еще до начала восстановления монастыря, мы оказались в Рязани. На машине приехали. И мой батюшка говорит: «Мне как-то рассказывал отец Авель, что где-то здесь есть монастырь Иоанна Богослова, что там бьет источник. Пытались и закопать дорогу к нему, и закрыть этот источник плитой. Никак не получается, люди все равно к нему ходят».

А одна знакомая, с которой мы учились, оказалась при этом разговоре: «Я знаю это место. Правда, ориентировочно». Она работала где-то неподалеку. И ей тоже об этом месте рассказывали.

Батюшка мой и говорит: «Покажи, давай поедем туда». На следующий день мы отправились рано утром. Я поразилась запустению, в котором все там пребывало. Развалины, какая-то тракторная станция. Первое впечатление – жутко. Январь, после Рождества. То ли Святки?.. Не помню. Но это был январь, очень холодно, много снега.

Знакомая показала: «Вот там, где-то в тех местах. За водой ходят туда». Батюшка спросил: «Ну что, пойдем?» Я ответила: «Давай мы пока в машине посидим. Ты посмотри, а потом... Все-таки неизвестно, где точно это...» И он ушел в эти снега.

Мы сидели долго, я уже начала дергаться. Может быть, там тяжело выйти? Сейчас все закрыто снегом. Да нет, там заблудиться нельзя. Прошло еще какое-то время, и он пришел с букетиком цветов! Маленькие такие синенькие, беленькие, вот эти самые-самые первые!

«Как? Откуда? Господи, там минус двадцать!» – «Я ведь нашел это место, откуда бьет источник. И ты не поверишь, вокруг этого места цветут цветы».

Я очень хорошо помню этот очень эмоциональный рассказ: «Я! Вот! Нашел! Там! Цветы!»

После поездки батюшка Авель нас похвалил: «Молодец, что нашел. Да, это то самое место. Господь даст – монастырь будет».

И спустя какое-то время стали делать первые шаги по восстановлению монастыря...

Зимой я в источнике не купалась никогда. А Никитка мой купался. Вот, например, когда были сильные морозы прошлой зимой. Они с ребятами ездили на Крещение туда, они виделись с батюшкой Авелем, он их благословил. С владыкой Иосифом они немножко больше пообщались. Ну народу было много на праздники, все понятно. Но они поспели вовремя, приехали как раз на службу. Никита рассказывал: «Мама, был такой страшный мороз. Идет владыка кропить святой водой, и на лету замерзает водичка. Окропил он меня, и я чувствую просто ледышечки на лице».

С моей мамой они были очень дружны. Батюшка звонит: «Как, меня примешь сегодня?» – «Ой, Авель, да, конечно, приходи». И могли часами вспоминать о детстве. Сейчас понимаешь, Господи, ну что же это? Ведь надо же было все это записывать!

Мама заболела раком. Получилось так, что она лежала у брата в Рязани. А папа, который тоже болел раком, лежал у меня здесь, в Питере.

Мама была уже очень плохая. Брат мой, ныне покойный, Царствие ему небесное, вечный покой, он с батюшкой Авелем договорился, что батюшка будет приходить маму причащать раз в неделю или как сам батюшка посчитает нужным.

Мы с братом часто разговаривали по телефону и с мамой разговаривали: «Как дела?» – «Да вот, сегодня батюшка приходил. Ты знаешь, так хорошо!» После посещения батюшки мы начинали верить, что вот немножко конец подальше отодвинется, мама больше поживет. Хотя, по словам врачей, дело было двух-трех месяцев...

15 февраля – Сретение, а я почему-то была внутренне уверена, что 15-е будет днем, когда она уйдет. Маме стало хуже, она плохо говорила. Звоню накануне, как раз батюшка отец Авель в этот момент ее причащает. Обычный день на неделе. Жора берет трубку и говорит: «Хорошо, что ты позвонила. Как-то вот в очень правильное время. Батюшка пришел причащать маму, и вот буквально твой звонок».

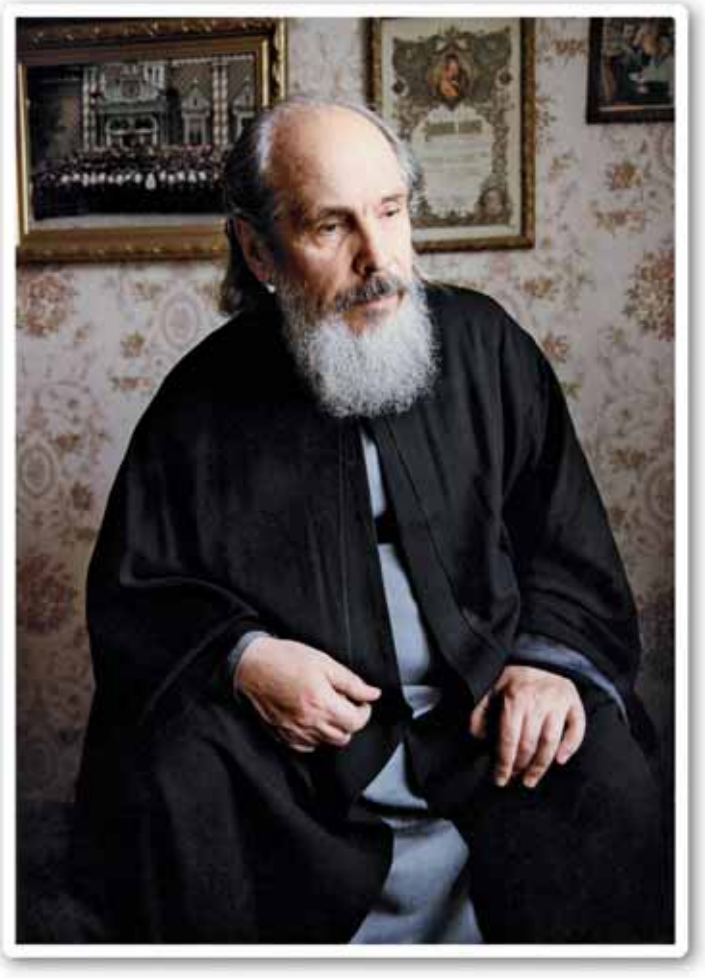
Мама отдавала распоряжения. Она чувствовала, что все уже – конец. И батюшке говорила, какие иконы из дома кому останутся после ее смерти.

Жора мне и говорит: «Знаешь, давай немножко попозже перезвони. Сейчас батюшка причащает маму. Мамочка слабая, ей не очень хорошо. Давай попозже поговорим».

Видимо, батюшка услышал, что я звоню. Слышу: «Жора, Жора, дай мне трубочку». Берет трубку: «Машенька – он меня Машенькой все время называл, – ты не представляешь, какая ты умница, что позвонила именно сейчас. Ведь мама, я вот ее сейчас причащаю, и вот Господь... вот ты знаешь, мы все вместе. Такое ощущение, что вы все собрались. И Жора здесь, и ты здесь. Ты так далеко, а ведь Господь управил, мы разговариваем, мы все вместе. Имей в виду, мама тебе оставила такой подарок, что ты даже не представляешь. Она тебе оставила икону «Сретение».

Вы знаете, я была просто в шоке от того, что на самом деле вот все настолько правильно сложилось. Конечно, потеря мамы, но вот ощущение того, что батюшка благословил ее буквально перед смертью, причастил, из ее рук принял икону и потом мне передал, когда мы приехали на похороны... Он на самом деле всегда рядом, мы всегда под его молитвенным покровом.

Я батюшку Авеля всегда считала своим духовником, хотя у него редко исповедовалась, не было такой возможности. Но я всегда молилась за него, как за своего духовника. Была уверенность, что он все знает про тебя, вот он все понимает про тебя, он всегда покроет своей молитвой. Это совершенно определенно.



Батюшка Авель

У меня икона мамина висит в самом нашем теплом и хорошем месте, в библиотеке. Когда туда поднимаюсь, вижу – иконочка небольшая, фотография батюшки с козочкой. Что бы ни случилось, какие бы события ни происходили, какие бы ямы ни встречались, вот туда посмотрела, к иконе приложилась, и все встает на свои места. И уже в жизни ничего не страшно.

Я батюшку даже сейчас вспоминаю как духовника, молитвой, как живого. А потом думаю, что это я? Как за усопшего надо молиться! Но не получается, идет молитва как за живого.

Мама умерла, мы поехали на похороны в Рязань, потом на 40 дней поехали еще раз. А папа уже лежал здесь. И опять-таки ничего не предполагало, что он может уйти в ближайшее время. Но на 45-й день после мамы он умер.

Я не думала, что папа уйдет так быстро. Мы поехали в Рязань, и батюшка меня поддерживал. У него манера общения была очень теплая. С ним удивительно тепло было, удивительно. Пожалуй, ни с кем мне так тепло не было. Покрывалось все его любовью.

В последний раз я виделась с батюшкой Авелем летом 2006 года. Гостили мы у наших знакомых в Москве, жили у них на даче. И я батюшке своему предложила съездить в Рязань на могилки. Отец Геннадий пригласил наших знакомых съездить вместе к батюшке, они согласились.

Отправились на машине. Дождливый, неприятный день, когда небо серое над самой головой. А мы еще мечтали искупаться и по монастырю погулять. Батюшка мой говорит: «Ну ничего. Просто попробуем попасть к отцу Авелю, может быть, получится. Хотя я не уверен, в монастыре ли он? Может быть, он в Никуличах? Батюшка себя неважно чувствует, мы с владыкой Иосифом недавно разговаривали. Ну, как Господь управит».

Вошли в монастырь, не надеясь, что сможем попасть к батюшке Авелю. Когда подошли к домику, отец Геннадий говорит: «Батюшка здесь, слава Богу!»

Нас впустили, отец Авель отдыхал. Перед тем как войти, мы решили: если батюшка Авель сможет нас принять – мы счастливейшие люди. Все зависит от того, как он себя чувствует. Мой батюшка вошел к нему в келью. Дверь была немножко приоткрыта, и я видела: он подошел, наклонился, батюшка отдыхал, но не спал.

«Батюшка, вот приехали мы с Машей. Оказались в Рязани. Еще вот с нами пара. Как Вы? Может быть, Маше просто войти, благословение взять?» – «Нет-нет!» Оживился, хотя голос очень слабый: «Я встану». – «Ну, может быть, не стоит вставать?» – «Нет, я встану!»

Какое-то время прошло, нас провели, мы на диванчик сели. Батюшка вышел, я к нему под благословение. Он как-то меня приобнял, я обняла его. До сих пор я помню его объятие...

Мы сели, стали беседовать. Батюшка много рассказывал, вспоминал, как они с Геночкой познакомились давно-давно.

Я все время боялась, думала, мы утомляем его. Физических сил, в общем-то, было маловато. Голову откидывал, и мне казалось, что он чувствует себя неважно. Прошло полчаса. Жалко батюшку Авеля, я батюшку своего ножкой толкаю, и вот он говорит: «Ну мы уж не будем больше Вас задерживать,

Вы нас благословите. Мы вот сейчас пойдем...» – «Да-да-да. Сходите обязательно на источник, в храм зайдите обязательно. И уж потом поедете».

Встаем, слово за слово. «Но вы садитесь, садитесь», – говорит нам отец Авель. Мы сели. Еще полчаса воспоминаний, и, вы знаете, лицо просто преображается на глазах. «Геночка, а вот ты это помнишь? А вот это ты помнишь? Вот это же там...»

Его лицо, его выражение глаз, его интонации – удивительным образом говорили: батюшка не уставший, не больной. Это был тот самый батюшка Авель, которого мы все помним, любим и которого с радостью обнимаем.

Часа два с половиной продолжалась беседа, хотя мы пытались встать и откланяться несколько раз. Поднимаемся, доходим до дверей, он что-то вспоминает: «Нет уж, давайте сядем!»

Сейчас я вспоминаю эту встречу, и у меня такое ощущение, что не хотел отпускать, потому что понимал: наверное, это в последний раз.

Когда прощались, он меня так хорошо обнял, поцеловал. Сказал: «Спасибо тебе за все». – «Батюшка, да Вы что? За что ж спасибо?» – «И мамочке твоей спасибо, и бабушке спасибо».

Он перед этим рассказывал вот этой нашей паре, нашим знакомым, про Елизавету Михайловну, мою бабушку, и про мою маму. Как все мы были вместе, как было тепло тогда, несмотря на тяжелые годы – военные и послевоенные. Он вспоминал какие-то дорогие ему ситуации. Как было трудно, но был дом близких людей. Дом, где всегда можно было найти тепло, покой и где тебя накормят.

Благословил нас в дорогу и к батюшке моему обратился, посмотрел на него так довольно строго: «А ко мне приедешь на похороны».

Ну как обычно это воспринимать нужно, так и мы. Мой батюшка говорит: «Да что Вы, отец Авель, мы еще с вами... Вот в Питер приедете, мы в Павловске погуляем, еще, может быть, и порыбачим, на рыбалку сходим». А отец Авель и говорит: «Приедешь, приедешь на похороны, приедешь».

Вот и все.

Наши знакомые в первый раз в монастыре были, и батюшку они видели в первый раз. И я в первый раз увидела обновленный, восстановленный монастырь. И в доме наместника я была в первый раз. Батюшка Авель провел в свою домовую церковь, благословение мы получили.

Вышла я оттуда не просто окрыленная. Это было такое состояние, когда в жизни ничего не страшно, что бы ни случилось. Было настолько сильное ощущение полноты, правильности того, что сложилось!

Мы могли его не застать, нас могли не принять по каким-то причинам, но все сложилось. До сих пор знакомые, которые были с нами, вспоминают поездку как какую-то судьбоносную ситуацию в своей жизни. Что-то в их жизни произошло, что-то поменялось.

Батюшка Авель сам вывел нас из зала, где мы сидели. Мы встали в коридорчике, минут 15 прощались, он нам что-то рассказывал, прислонившись к стеночке...

Эта картина мне крепко запомнилась: стоим, у нас зонты уже приготовлены, потому что на улице моросил дождик. Батюшка, прислонившись, нам в дорогу напутствия произносит.

«Батюшка, ну все, мы поедем».

Он открыл дверь, на дворе моросил дождик. Мы вышли, а он на крыльце стоял долго-долго. Все кивал, а я оборачивалась и оборачивалась.

Ветер сильный, холодный. Я боялась за него: «Господи, жалко, слабенький, простыть может...»

И пока мы шли до храма, он все стоял и нам кивал, благословлял, молился и благословлял.

Мы вовремя приехали. Нет теперь ощущения того, что не успела, что-то не сделала, не сказала, не услышала, не простилась.

Ирина Борисовна Камбарова (Фефелова), племянница архимандрита Авеля:

«Мне казалось, что отовсюду на меня смотрел Серафим Саровский...»

Учение чрез поступки и жизнь
есть самое лучшее учение.
Святитель Иоанн Златоуст

Открываю альбом – старая фотография, на обороте моим детским почерком написано: «Мои самые близкие люди». И действительно, крестного я считала своим первым или вторым отцом.

Батюшка Авель – мой крестный. Антонина Николаевна, тетя Тося, моя крестная. Вот кто может рассказать очень и очень многое о жизни батюшки Авеля. Она же с ним все время была, с батюшкой. Утро, вечер, день, ночь – как иголочка и ниточка.

Я маленькая была, когда он на Афон уезжал. Помню только, как писала ему письма и любила получать от него открыточки с видами. А на обороте такие теплые слова. Мы с сестрой перечитывали этим летом, читали и плакали.

Он потом рассказывал, как любил получать рассказанные детским языком новости: какие котята у кошки родились, что, где и как.

Семья Македоновых. 23 июня 1992 года

Конечно, я не понимала, как переживала крестная, когда батюшка Авель уехал на Афон. Насколько тяжело ей это было. Только сейчас она невзначай обмолвилась: думала тогда, что уже не увидит его совсем. Что это чудо, что он смог вернуться. Она думала, что уже не вернется...

Тогда же положение такое было: уехал из страны и все – обратной дороги нет... На Афоне надо было принять гражданство, получить паспорт греческий. Мы смогли увидеть крестного только благодаря владыке Никодиму, его молитвам за нас.

Но для нас, детей, его возвращение было естественным.

Нас было шестеро племянников.

Крестный после смерти своих родителей остался старшим, они крепко держались друг за друга. Их было пятеро, и они настолько были близки, настолько ощущали тепло от того, что они все вместе...

Так и мне всегда казалось, что нас шестеро. Когда спрашивали, сколько у меня братьев и сестер, я отвечала: «Нас шестеро».

Ощущение одной большой семьи. Я не представляла, как это у других двоюродные – и не знаются, не знают друг друга или не общаются. Мы все как родные жили! Конечно, сейчас у всех свои судьбы. Но все равно

Агриппина Лазаревна, крестная архимандрита Авеля, со своими внуками

ощущение тепла и детской любви осталось. Оно сцементировано отношениями крестного, крестной, этим большим столом, где усаживались все запросто, огромной толпой – как на свадьбу.

Однажды крестный привез ананасы, они тогда в диковинку были. Он всегда любил всех порадовать чем-нибудь. И вот мы, шесть человек, племяши, получили по дольке и пошли в сад. Представляете, из дома дорожка в сад идет.

Крестный рассказывал после: «Я наблюдаю картину – идете шеренгой по росту с этими дольками ананаса. Идете, идете, идете и, видимо, съедаете, останавливаетесь, разворачиваетесь и топаете обратно такой же шеренгой. Приходите и говорите: «А есть еще... то, что обезьянки кушают?» Даю еще по дольке, и опять вот так шеренгой по росту в сад... Сами как обезьянки!»

Конечно, крестный никогда никого без подарков не оставлял.

Помню, когда в художественном училище училась (я по профессии преподаватель рисования, деток рисовать учу), он подарил мне джинсовый костюм. Представьте, это в 70-е годы! И я в нем упала. Написала крестному: «Ногу-то я сломала – ерунда. А вот джинсы порвала! Других-то у меня не будет...» Он тогда очень смеялся: «Какая же ты глупая: из-за какой-то тряпки переживаешь».

Когда-то в молодости (представьте сейчас эти голодные, трудные годы) крестный попробовал пирожное, вафельную трубочку с кремом. И так ему

Вокруг архимандрита Авеля два брата и две сестры

понравилось, что он решил: вот будет у него много денег, он обязательно купит много-много трубочек и всех угостит. Ведь он с войны остался в семье старшим и все время думал о младших братьях и сестрах, всю жизнь заботился.

И вот, он уже в Борисоглебском кафедральном соборе служил (а может быть, не в соборе, не могу точно сказать), вдруг увидел эти трубочки. Скупил их, наверное, все – сколько было! Шел по Никуличам и всех встреченных по дороге приглашал на чай. Зашел к бабе Груне, своей крестной, и ее пригласил.

Дома сказал бабе Мане: «Баб Мань, у нас сегодня гости будут. Я всех на чай пригласил. Ты будь в курсе, чтоб уж стол накрывать».

Когда крестный рассказывал историю с трубочками, всегда в этот момент даже в лице менялся: «Каково было мое разочарование, когда я надкусил эту трубочку и понял, что не смогу доставить вот того самого удовольствия людям. Это совсем не те трубочки, которые были в детстве!» Может быть, они и были вкусными, но ощущения, память – не совпали. И он очень был расстроен.

Крестный всегда говорил нам, что вот «ешь, пока живот свеж». Выражение такое было. Ешьте, пока вам нравится, пока это вкусно. Ешьте, потому что через несколько лет, может быть, деликатесы на столе у вас стоять будут, но они вам радости не доставят.

Одна из картин в келии батюшки Авеля – «Серафим Саровский кормит медведя»

Сейчас связываю отрывки воспоминаний и понимаю многое. Я, маленькая, сплю в его постели: перина, подушка, пуховое одеяло голубое, коврик мягкий-мягкий. Крестная меня туда укладывала, я там спала. Куда ни посмотришь, почему-то мне казалось, что отовсюду на меня смотрел Серафим Саровский. Картины, иконы. Здесь Серафим Саровский на камушке, здесь Серафим Саровский такой, здесь – другой. Я все время думала, как крестный любит Серафима Саровского, везде у него Серафим Саровский!

Довольно долго я не знала, что мой крестный, батюшка Авель – схимонах Серафим. Я даже сейчас не могу понять, как можно было скрывать, что крестный еще в молодые годы принял схиму.

Потом он просил Володю, моего мужа, написать большую картину «Серафим Саровский кормит медведя». Она у него в келье, при входе.

Только теперь я узнала, что он лет в 19 принял схиму. Крестный всегда молчал об этом. Я и крестную спрашивала: «Вот говорят, что крестный схиму принимал, и как теперь поздравлять его в день Ангела? На Серафима Саровского?» Она отвечала: «Ну и поздравляй на Серафима Саровского, беды не будет». Но ничего не рассказывала.

Меня спрашивали в школе: «У тебя дядя священник, он, наверное, тебя в церковь заставляет ходить? Или там что-то такое делать?» Никогда он нас не заставлял, он нас приглашал. Приглашал нас в гости: «Приезжайте в выходные». И в маленьком домашнем храме служил. Такое чувство, что он специально для нас служил в выходные, потому что мы – одни дети – стояли. Мы там причащались. В этом храме всегда орешки, конфетки для нас, маленьких, были.

Стояла матушка, стояла крестная Антонина Николаевна, читали. А крестный служил.

Там все очень маленькое, то есть ты практически как в алтаре находишься. И с детства сложилось ощущение, даже не ощущение, а знание: запрет – вот туда нельзя...

Я с детства была как ветер. Поначалу сколько раз лампадки задевала, подсвечники роняла. Только был запрет, туда входить нельзя.

Помню, как мы, дети, бегаем во дворе. Все шишки – все наше. По двору, по саду носимся, носимся, все такие чумазые, ни секунды не останавливаемся, все бугры и кочки облазим, а в храм входили, я все время смотрела на Колю и удивлялась: вот стоит как свечка, даже ногами не перетаптывает. Не то что там на одной ноге, а вот встал как вкопанный, так и стоит как свечка.

И как мы так умудрялись? Я сейчас смотрю на детей в храме... и вспоминаю, и сравниваю.

Мы приходили, приезжали к крестному, выкладывали все свои беды, а уходили светлые и лучистые от того, что крестный нас обогрел, приласкал. И конечно, не думали, сколько потом сил будет на нас тратиться. Келейник Сережа как-то сказал: «Он после вашего ухода три часа за вас всех молился. А ему же утром на службу!»

Нам просто было не понять, сколько он за нас сил своих отдал.

Македоновы. Молодежь вокруг батюшки Авеля. Никуличи. Май 1983 года

Приезжаю как-то и говорю: «Крестный, я хотела бы вот так поступить, так сделать. Какое ваше мнение?» Он говорит: «Делай так». Я выслушаю, подумаю и потом говорю: «Крестный, ну а почему? Может, как-то надо не так?» Он объясняет: «Ты приехала, ты же не спрашиваешь меня, как поступить? Ты пришла со своим каким-то мировоззрением, ты придумала и хочешь так. Вот так и делай! А если ты придешь и спросишь: как мне быть? Тогда я буду думать, как тебе быть. Придумала – делай, а потом посмотрим».

А потом улыбнется: «Я знаю, что бы ты ни придумала, будет правильно, потому что я в тебя верю. Конечно, если это уж совсем не противоречит здравому смыслу, тому, как должно быть».

Но если что не так, скажет: «Запрещаю». Бывало и такое!

Так воспитывал нас крестный. Только потом, спустя годы, я начинаю понимать, что такое благословение, что такое ум, что такое воспитание...

Ко всему, к каждой мелочи, с которой мы приходили, он очень трепетно, очень внимательно относился. Помню, я еще маленькая была, говорю-говорю, рассказываю крестному что-то, а у него губы шевелятся, шевелятся, шевелятся. Интересно так. В общем-то, как будто меня не слушает и что-то такое происходит внутри. Я тогда не понимала, а он мне говорит: «Продолжай, продолжай!» «Вы же меня все равно не слушаете!» (Так сложилось, что с крестной мы были на «ты», а с крестным – всегда на «вы».) И только потом я поняла, что он и меня слышит, и разговаривает, да еще и молитву творит.

Я никогда не слышала, чтобы крестный когда-нибудь что-нибудь ругал. Никогда! Всегда только все замечательно, всегда все здорово. Приезжаем к нему в монастырь – кругом разруха, все надо восстанавливать. Домик такой маленький, одна комнатка на всех, печечка и кроватка. Но он говорит: «У нас всегда тепло, печка натоплена, всегда вода свежая из источника, у нас все всегда замечательно». Я детям своим в пример ставлю его любовь к жизни, жизнерадостность.

Дети его невероятно любили, просто невероятно к нему тянулись. Такие шустрые, к нему со всех ног, а он держится с ними ласково. Моя Ксюша его исключительно дедушкой, больше никак не называла: «Потому что если он тебе крестный отец, значит, он мне крестный дедушка, дедушка Авель».

Когда крестный благословлял Колю, моего сына, художеству учиться, он рассказывал, что его тоже благословляли учиться художеству, но он

Отец Авель любил детей, и они к нему тянулись

выбрал другую дорогу (кстати, почерк у него интересный, аккуратный, красивый). Батюшка благословил и сказал: «Молитесь Иоанну Богослову, так русские иконописцы издавна поступали».

Мой путь определился просто. Я ходила в художественную школу, потом тут же в художественное училище поступила, а потом вышла замуж за художника.

Крестный на брак благословлял нас. А потом сам венчал в домашней церкви. В то время исповедь была в храмах общая. Когда священник громко читает, все говорят хором: «Каюсь!» Потом накрывают тебя епитрахилью и отпускают. А крестный меня отправил к «Скорбящей» и наказал, что обязательно туда идти к батюшке и там исповедоваться. Когда я пришла, то поняла почему: там батюшка строго спрашивал и выслушивал каждого. И мне тогда страшно было исповедоваться. Стоишь, а сердечко, как птичка, трепещет в груди. Мы тогда там с мужем исповедовались, потом приехали в Никуличи и крестный нас венчал.

Как я мечтала венчаться в Борисоглебском соборе! Прямо видела себя там: стою я такая красивая-красивая – и венчает батюшка. Все уж в мечтах продумала, вот так, так и так. А когда крестный благословлял венчаться, тут и сказал: «Венчаться будете в Никуличах, в домашней церкви».

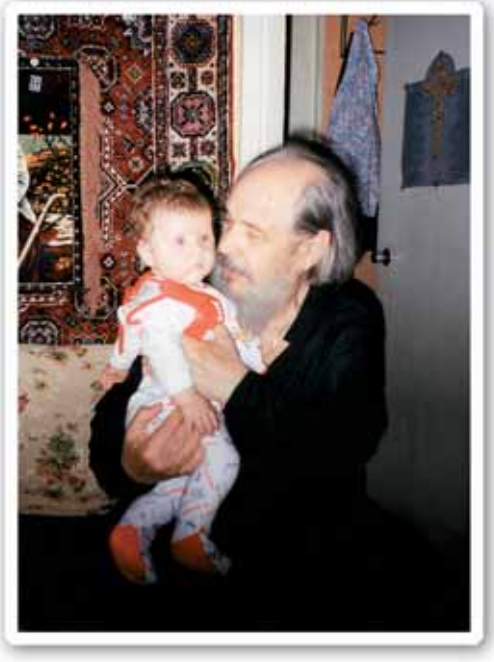
«Крестный, я хочу в Борисоглебском соборе, крестный...» Он помолчал сначала, а потом сказал: «Нет, Иринушка, здесь будешь венчаться». – «Ну ладно...»

Потом уж он мне объяснил: «Завтра же в художественном училище будут все знать, что вот такой-то преподаватель венчался в церкви. Будут всякие неприятности у него. Я думаю, что вам это ни к чему».

И он нас обвенчал дома.

Так что он меня и крестил, и венчал. Поэтому я и говорю, что он для меня не просто дядя и не просто крестный отец, а отец в буквальном смысле и духовник. Конечно, я не могла исповедоваться ему всякий раз, но вот самое-самое, когда, как говорится, рвалось, с ним обсуждала. Приезжаешь, а он: «Успокойся-успокойся, все будет хорошо». И действительно, все было по его молитвам, все было хорошо.

«Вот тебе конфетка, я ее взял на могилке у Иоанна Кронштадтского. Съешьте с Вовкой пополам». Крестный все о нас знал, все наши с Володей заботы (детей у нас не было). Как крестный сказал, так все и случилось. Когда ждала малыша, у крестного спросила: «А если это будет мальчик, можно назвать его Николай? Как?» Он вздохнул и сказал: «Ну...»



Я тогда все о своем, да о своем думала. У меня тогда не отложилось, что и Иоанн Кронштадтский, и Иоанн Богослов... и что, наверное, надо было имя такое спросить.

А мне очень хотелось Колю. Я и думала: дедушка Коля, крестный отец Авель – в миру Николай, владыка Иосиф – до монашества Николай. Пусть будет еще Колюнька. И крестный понял меня, сказал, что пусть будет Колюнька. Если сын, значит, Колюнька. Но крестить ты его будешь в Никольском соборе. А если девочка, то Ксюша – Ксения Блаженная.

Вот так у меня все сложилось, теперь все есть – и Коля, и Ксюша.

Крестного я видела в разных ситуациях и всегда поражалась. Ведь он не менялся ни на йоту, ни на капелюшечку. Он такой же в разговорах и с нами, с детьми,

Отец Авель и Антонина Николаевна в день ее 50-летия

и с бабушками. Интонация, слова – те же. Мысли, может быть, темы другие, но ведь он никогда не играл, не подстраивался ни под какую ситуацию, ни под какую беседу. Он всегда был самим собой. Он всегда был естественным!

Запомнился мне такой пример. Крестный говорит: «Вот интересные вы люди! Приходите, спрашиваете совета, просите помощи: деток у вас нет. Вот маленькой своей племяннице купил я пластилин. Дал и сказал: лепи человечков. А она взяла этот пластилин и весь по асфальту размазала. Потом пришла ко мне и говорит: я человечков хочу! Объясняю: вот я тебе купил пластилин, а ты его весь об асфальт размазала. Из чего ж ты теперь будешь человечков лепить, тебе не из чего.

А вы что ж думаете, у Господа пластилин этот, как говорится, без счету? Вам все дай и дай! Вы сначала делаете аборт, а потом человечков вам дай!»

...Как это образно! Причем так просто-просто. Но пробирало, аж до дрожи.

Вот замечательная фотография. Здесь крестная, тетя Тося, смеется. Весело и в то же время смущенно. Пятидесятилетие у нее. Крестный к ней присел на скамеечку, улыбается. Его улыбка – это что-то удивительное!

Владыка Иосиф собрал сведения и составил родословную нашей семьи. Затея-то была крестного, владыка помогал. Получается, в роду у нас священников не было. А теперь архимандрит Авель, владыка Иосиф.

Как Коля пошел в военные – не знаю. Для меня было удивительно, что он пошел в военные. А когда я узнала, что он принял священство, я была просто счастлива.

Я была счастлива настолько, что готова была отдать все, что есть. Бывает такое ощущение счастья, когда ты хочешь всем, что есть, поделиться. У крестного была любимая фотография – Коля, будущий владыка, с синяком под глазом. Фотография так на стене и висит...

Бывало, приедешь к крестному – день ли, ночь, а первый вопрос: «Покормили?» Голодные, не голодные: «Вот афонский салат с крапивкой. Кушай, Иринушка! (Единственный человек, который меня так называл.) Кушай, Иринушка, пироги с гречневой кашей». Я про себя думаю, как бы так сказать батюшке, что я не хочу есть и с гречневой кашей не буду. Он любил пироги с клевером и называл их «пироги с гречневой кашей».

Он говорил: «Съешь маслинку и белый хлебушек. А косточку проглоти – очень полезно». После батюшки многие стали тоже всем говорить о том, что косточку глотать очень полезно.

Вспоминаю, как мы купались на святом источнике, когда еще не было ни купальни, ни часовни – ничего.

Отец Иосиф, крестный и мы пошли туда. Как купаться? Крестный дал нам ведерко: «Вот, нальете ведерко и по три ведерка на себя выльете». Представляете, три ведерка студеной ключевой воды! Ведерко надо налить, вылить, потом момент проходит, когда ты еще зачерпнешь, и вот так три раза. Это запоминается надолго!

На веранде, где стоит его креслице деревянное, качалка, ласточки гнезда свивали. Большой белый кот ел из его рук черный монастырский хлеб. «Смотри, смотри, какие у меня здесь птички! – говорил он мне. – Посмотри, там солнце! Обязательно сходи туда! А какой у нас будет иконостас в храме! Я еще не видел, но вот такой он будет красивый. Как в Борисоглебском соборе. Такой простор будет!»

Очень жалко, что не все может вместиться в книгу.

Я еще не встретила ни одного человека, который сказал бы что-нибудь пренебрежительное о крестном ни словами, ни тоном. Некоторые говорят: «Ой, священники... знаете, бывают всякие». Я отвечаю, что не знаю, какие всякие. У меня есть один, который для меня пример во всем. Хоть и говорят – не сотвори себе кумира, но вот он – образец во всем.

Отец Авель с внучатыми племянниками. Никуличи. Май 2006 года

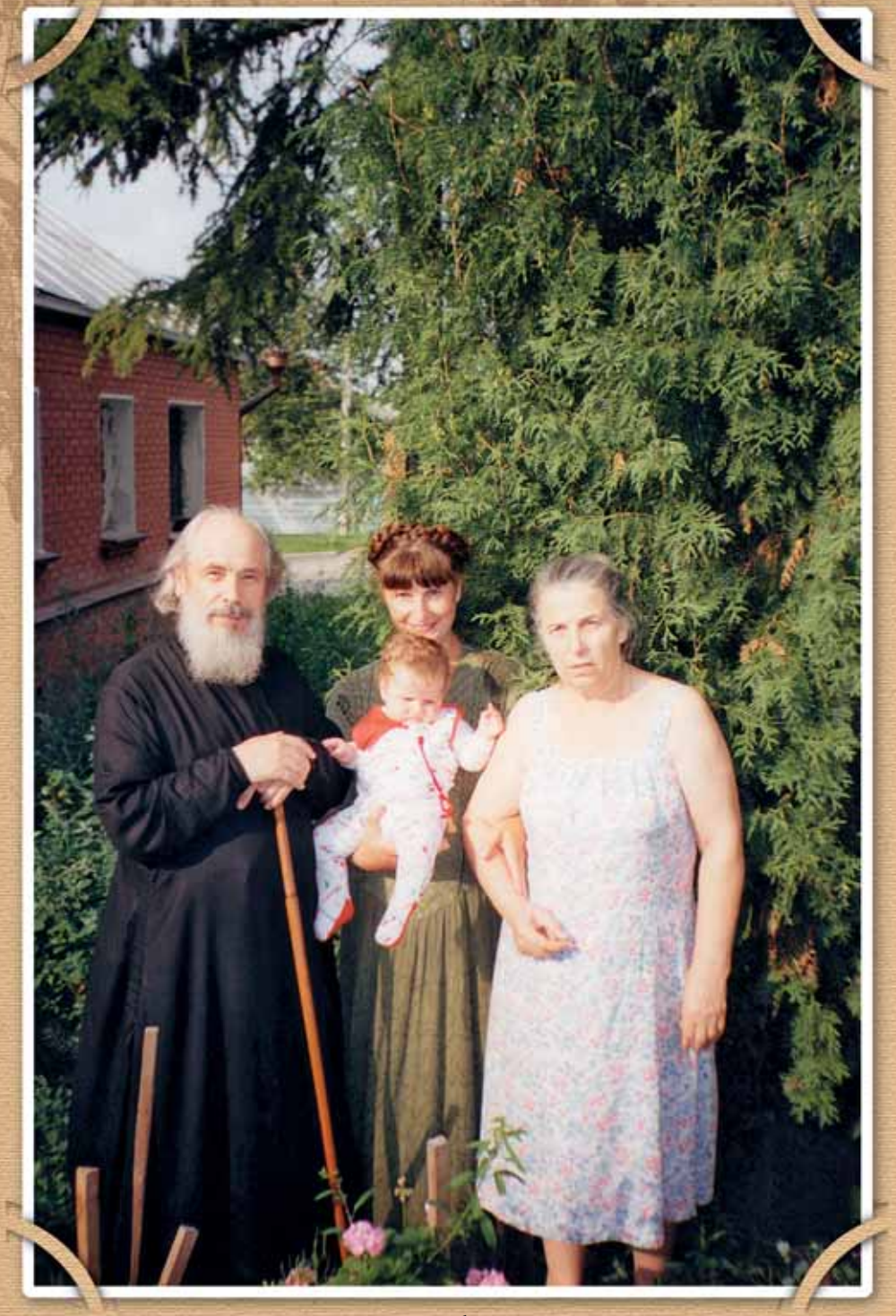
Даже в том, как последние дни прожить. Другой человек в таком положении разговаривать, вставать не будет, принимать не будет. А он вставал с постели, превозмогал страшную боль, разговаривал с тобой, до последнего рубежа доходил, чтоб попрощаться с тобой. Мог бы, и дальше бы пошел...

Когда мы уезжали от него, он всегда выходил на дорогу. Мы уже далеко на машине, а он все еще стоит на дороге, все еще благословляет и его взгляд чувствуется долго-долго...

А когда в монастыре в последние годы провожал, у забора стоял, у калитки. Куда он мог с тобой дойти, туда он и доходил. Куда мог тебя взглядом проводить, туда и провожал...

Действительно, через всю жизнь мы пронесли ощущение тепла, добра и вот этого молитвенного покрова. Всегда-всегда и сейчас ни на секунду не сомневаюсь: крестный все о нас знает, молится за нас. Бывало даже так, что мысленно с ним разговариваешь и ответ получаешь.

Все, что у нас есть, все, чего мы достигаем, это только его молитвами.



С крестным отцом батюшкой Авелем
и крестной Антониной Николаевной

Никуличи. На фоне дорогих портретов (слева направо: владыка Димитрий; отец; мать; сестренка, умершая во младенчестве)

Батюшка в гостиной дома наместника. Свято-Иоанно-Богословский монастырь

Наталья Викторовна Рюмина-Македонова, племянница архимандрита Авеля:

«Батюшка – это запах мандаринов и розового масла»

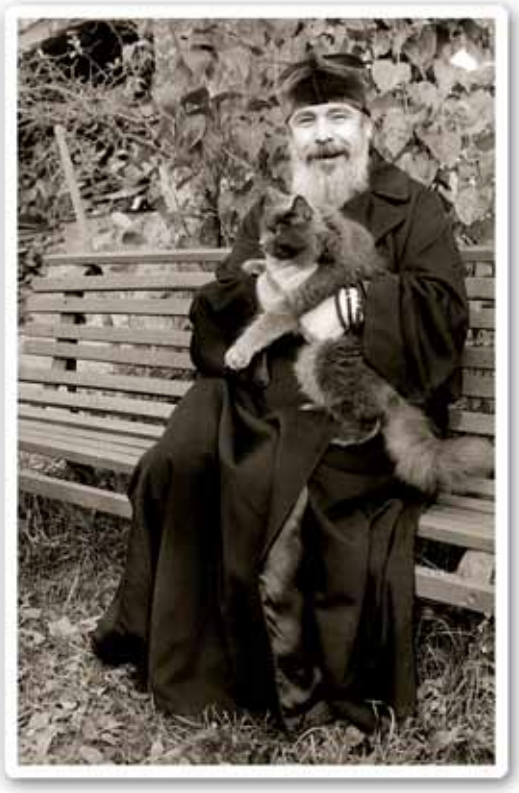
Мы с родителями и старшим братом жили в Никуличах, а в другой половине дома жил отец Авель с сестрой и двумя старенькими монахинями.

В то время батюшка служил в Борисоглебском соборе и вечерами, после службы, заходил к нам. Заинтересованно и искренне расспрашивал нас с братом о том, как прошел день, что нового в школе. Он никогда не приходил с пустыми руками. Часто приносил мандарины или лесные орехи, иногда грецкие.

В дни, когда батюшка не был занят на службе и приходил на нашу половину, мы долго, временами по нескольку часов, сидели и обо всем разговаривали. Бывало, засиживались допоздна, и тогда моя тетя Антонина Николаевна приходила разыскивать своего брата.

Батюшка был удивительным рассказчиком и обладал необыкновенно тонким чувством юмора. Как-то ненавязчиво, тактично он умел переводить все наши бытовые, житейские разговоры в духовное русло. Незаметно разговор сводился к примеру из жизни святых подвижников веры.

Сегодня для меня, матери двоих сыновей, особенно ценным оказался пример батюшки – как он приучал нас к посещению храма: ласково, не принуждая. Впервые от отца Авеля, будучи маленькими детьми, мы с братом услышали слова: «Бог – это любовь. Надо не бояться, что Бог накажет, а надо бояться огорчить Бога».



Живя в монастыре на Святой Горе Афон, батюшка просил в письмах подробно рассказывать ему обо всем: что у нас дома происходит, как поживает и учится мой брат Коля, который ленился часто писать письма на Афон, как дела у наших родителей, как поживают домашние питомцы – кот, собака, птички. Подробные письма я ему писала часто, и в дальнейшем в школе у меня не только не было затруднений с написанием сочинений, но мои работы отличались от работ других учеников по стилю изложения, что отмечали многие учителя. И здесь сказалось влияние батюшки.

Отец Авель не любил бездельников и уважал трудолюбивых людей. Когда мама, выйдя на пенсию, завела домашнее хозяйство (двух коз, кур, гусей, индюков), батюшка сразу поддержал ее в этом начинании вопреки мнению других родственников. Батюшка настолько заинтересованно расспрашивал маму обо всей живности, что ей приходилось обстоятельно рассказывать ему о поведении питомцев. Отец Авель мог подолгу сидеть в саду и любоваться, например, курицей с выводком цыплят. В такие моменты он говорил: «Не мешало бы некоторым людям поучиться у птиц и животных, какими надо быть матерями».

Батюшка любил всех животных, особенно кошек. Жалел и любил батюшка собак и всегда подкармливал не только нашу собачку, но и бродячих, уличных. И животные к нему тянулись. В его доме всегда жили кот или кошка. Обычная картина – кот развалился на батюшкином диване, а отец Авель рядышком на стульчике сидит: «Уж так сладко спит Барсик, что будить жалко».

Для гармоничного развития ребенку кроме родителей нужны дедушка и бабушка. У нас с братом была жива только бабушка Соломония (мамина мама). Но она жила далеко в селе и к нам в гости приезжала редко.

Бабушку и дедушку нам заменил отец Авель своей безграничной любовью, терпением к нашим детским шалостям, своими рассказами и историями. Благодаря ему мы с детства хорошо знали историю нашего рода, имена наших родственников, в том числе и уже покойных.

Отец Авель обладал феноменальной памятью на даты. Батюшка никогда не забывал поздравить всех нас, несмотря на многочисленность нашей родни. Он помнил все дни смерти родственников. Типичная картина из детства – служба у батюшки в домовом храме, огромное количество синодиков и записочек, которые мы, дети, читаем вместе со взрослыми.

В роду Македоновых отец Авель являлся примером хранения семейных традиций. За большим рождественским или пасхальным столом на тетиной половине дома собиралось до 30 человек. Причем батюшка настоял, чтобы за одним столом сидели взрослые и дети. Эта традиция поддерживалась даже тогда, когда батюшка был на Афоне. Тогда мы, дети, вместе со взрослыми устраивали праздничные концерты. Тетя Тоня записывала наши выступления на магнитофон, чтобы батюшка по возвращении на Родину мог послушать эти концерты. По окончании детского концерта мы как бы от отца Авеля всегда получали подарки.

Выйдя замуж, я стала жить с семьей в отдельном доме. Батюшка жил в монастыре, а тетя была уже в преклонном возрасте, и ей стало трудно собирать гостей у себя в праздничные дни. И вот тогда батюшка благословил меня продолжать традицию семейных праздников, собирая у себя родственников.

Больше всего батюшка любил праздник Рождества Христова, так как это еще и детский праздник. Он был рад возможности посмотреть детский концерт, а главное – подарить детям подарки. Он любил дарить подарки и необыкновенно радовался, когда видел, что доставил человеку удовольствие. Радоваться и доставлять радость другим было удивительной чертой характера батюшки.

Сегодня, в силу своей профессиональной деятельности, я говорю родителям, что надо чаще вспоминать себя в детстве, уметь посмотреть на ситуацию глазами ребенка. И мысленно добавляю: «Так, как это всегда делал отец Авель».

Батюшка особенно трепетно относился к детям. Общаясь с ними, он будто весь светился, излучал необыкновенную доброту и терпимость к детским шалостям. Но он мог быть и разумно строгим. Видя родителей, ругающих

своих детей, батюшка назидал: «А вы-то сразу были такими разумными да правильными? Вы сами-то живите как надо, по-Божьи. Тогда придет время, и они такими станут».

Вся моя жизнь с детства неразрывно связана с отцом Авелем. Учась в школе, техникуме, двух институтах, я каждый раз накануне экзамена приходила к батюшке за благословением и рассказывала, как боюсь сдавать экзамен. На что он с теплотой отвечал: «А ты не бойся – ты позови с собой на экзамен Святителя Николая и Иоанна Богослова. Вот и не страшно будет». Экзамены в таких случаях я сдавала на пять.

Первая мысль после сообщения о смерти батюшки была: «Как же теперь жить?» Я не могла и представить себе жизни без батюшкиного духовного руководства. Отец Авель венчал меня с мужем, крестил наших сыновей и именно по его просьбе дети носят двойную фамилию – Рюмины-Македоновы.

Но уже через короткое время вспомнились слова батюшки: «Ты, Натенька, не плачь и не бойся, как без меня жить будете. Если Господь судит мне стоять у Его Престола, то я там за ваше семейство молиться буду».

Прошло время после смерти дорого нам отца Авеля, и вся наша семья все больше и реальнее чувствует на себе молитвенное воздыхание батюшки за всех нас.

Антонина Николаевна Македонова, сестра отца Авеля:

«Отчий дом. Он любил бывать здесь»

Добрый человек
из доброго сокровища сердца своего
выносит доброе…
(Лк. 6, 45)

Коля, он мне брат родной был – отец Авель-то. У нас десять лет с ним разницы. Дома с ним разговаривала – нормально. А как приду в церковь в селе, когда маленькая была, к нему подойти боюсь. Страх берет. Облачение надел – совсем другое дело. Ему 24 было, мне 14.

Самое первое назначение батюшки – это село Городище. Недалеко от станции Рыбное. Он служил здесь диаконом.

Когда служил в Ярославле, то приезжал домой всегда на святителя Василия Рязанского, 23 июня. А я постоянно к нему ездила на школьные каникулы.

Хорошо помню церковь села Федоровское за Ярославлем. Сказывали, у них там военный завод недалеко был. Какой завод – не знаю. Знаю, что военный.

Архимандрит Авель – крайний справа (фото из домашнего архива)

Сергей там работал. Они с батюшкой познакомились, и стал Сергей к нему в храм ходить. Потом был регентом у батюшки несколько лет. По его благословению попал в семинарию, батюшка ему испросил рекомендацию у владыки.

Батюшка его и в академии поддерживал как духовный отец. Когда Сергей в академии учился, написал: «Батюшка, помоги, у одного в семинарии туберкулез нашли, его выпроводили домой помирать». Батюшка ответил: «Пусть приезжает ко мне». Сам водил его к одному врачу, к другому, молоком поил. У них там молоко парное. И поправился семинарист, и служил! И сколько батюшка таких выходил...

Многие к нему приезжали. Сергей стал потом митрополитом Симоном.

Владыка Никодим меня знал с самого раннего детства и бывал в этом доме. Сколько раз в Никуличах митрополит Ювеналий бывал у нас, чаем угощались.

После Ярославля батюшка переехал служить обратно в Рязань. Собрался и уехал из Ярославля в 24 часа.

Батюшка впоследствии говорил об этом, что статью опубликовали, гонения были в 60-е годы. Я сама ту статью не читала. Пришла в храм, а мне одна матушка и говорит: «Ты читала газету ярославскую? А ты слышала, там про него пишут?» – «Я не знаю». – «Как же так?» – «Я живу в Рязани, а статья ярославская. Я не представляю, что там написали».

Это было на Святителя Николая, я прямо ночью поехала в Ярославль узнавать, в чем дело*. Время было тревожное. Батюшка сказал: «Не пугайся, ничего страшного». А потом ему посоветовали в 24 часа выехать из города.

* В 60-х годах при Хрущеве началась новая волна гонений. На всю страну с экрана телевизора глава государства пообещал народу построить коммунизм и «показать последнего попа».

Архимандрит Авель в гостях у духовных чад. Москва

Батюшка приехал сюда, в Рязань. Владыка Николай (Чуфаровский) его очень хорошо знал. После недолгой службы на сельском приходе владыка его взял в собор: «Я давно мечтал, чтобы у меня монах был».

И десять лет до Афона батюшка служил в Борисоглебском кафедральном соборе Рязани. А в 70-м он уехал на Афон.

И вернулся сюда же почетным настоятелем спустя восемь лет, в тот же Борисоглебский собор, и десять лет еще отслужил.

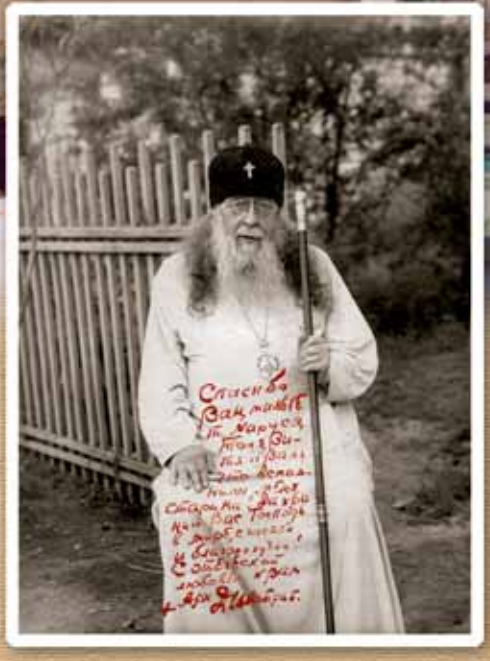
Собор был закрыт долгие годы. Открывали его уже после войны, и на открытии были архиепископ Димитрий и отец Авель с ним. Владыка Димитрий там все и начинал.

В «Журнале Московской Патриархии» написали, как он был открыт, когда, кто присутствовал, про владыку Димитрия написали.

После Афона он жил здесь, в Никуличах. Когда батюшка был на Афоне, я пристройку сделала. Вот его кресло. Когда он приехал, я ему купила новое кресло. Но он сказал, чтобы убрала его обратно, а ему то кресло оставила, старое.

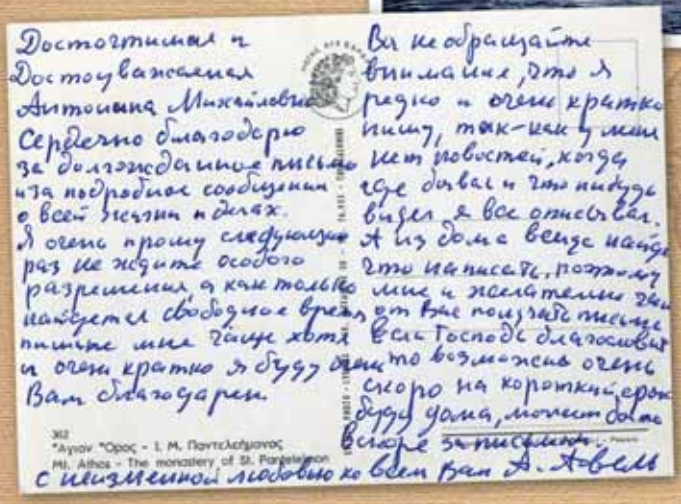
В Никуличах все осталось таким же, как прежде. Отчий дом. Он любил бывать здесь...

Покои батюшки в родном доме в Никуличах



Спасибо Вам, милые т. Маруся, Таня, Витя и Валя, что вспомнили меня старика! Да хранит Вас Господь в мире, счастье и благополучии!
С отеческой любовью к Вам
Арх. Димитрий

Архимандрит Авель в саду монастыря на Афоне

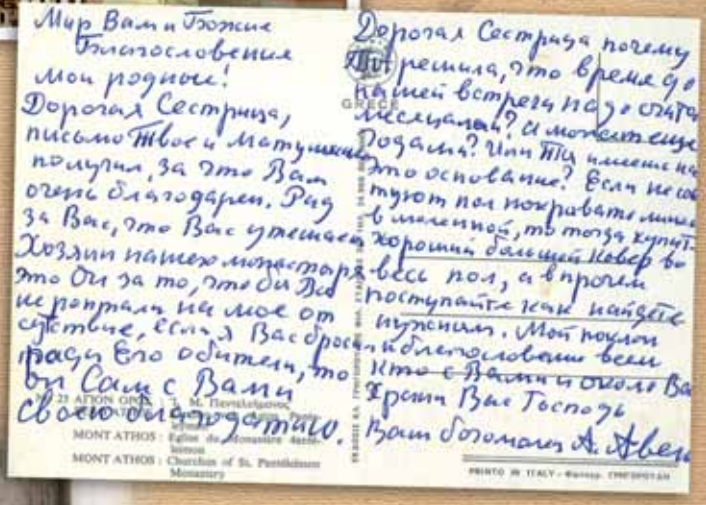

Досточтимая и
Достоуважаемая
Антонина Михайловна!
Сердечно благодарю
за долгожданное письмо
и за подробное сообщение
о всей жизни и делах.
Я очень прошу следующий
раз не ждите особого
разрешения, а как только
найдется свободное время,
пишите мне чаще, хотя
и очень кратко, я буду
Вам благодарен.
Вы не обращайте
внимания, что я
редко и очень кратко
пишу, так как у меня
нет новостей, когда
где бывал и что нибудь
видел, я все описывал.
А из дома всегда найдется
что написать, поэтому
мне и желательно
чтоб от Вас получать письма.
Если Господь благословит
то возможно очень
скоро на короткий срок
буду дома, может быть
вскоре за письмом.
С неизменной любовью ко всем Вам А. Авель
Ἅγιον Ὄρος - Ι. Μ. Παντελεήμονος
Mt. Athos - The monastery of St. Panteleimon

Досточтимая и Достоуважаемая Антонина Михайловна!

Сердечно благодарю за долгожданное письмо и за подробное сообщение о всей жизни и делах. Я очень прошу: следующий раз не ждите особого разрешения, а как только найдется свободное время, пишите мне чаще, хотя и очень кратко, я буду очень Вам благодарен.

Вы не обращайте внимания, что я редко и очень кратко пишу, так как у меня нет новостей – когда где бывал и что-нибудь видел, я все описывал. А из дома всегда найдется, что написать, поэтому мне и желательно, чтоб от Вас получать письма. Если Господь благословит, то, возможно, очень скоро на короткий срок буду дома, может быть, вскоре за письмом.

С неизменной любовью ко всем Вам А. Авель


Мир Вам и Божие
Благословение
мои родные!
Дорогая Сестрица,
письмо Твое и матушкино
получил, за что Вам
очень благодарен. Рад
за Вас, что Вас утешает
Хозяин нашего монастыря.
это Он за то, чтобы Вы
не роптали на мое от
сутствие, если я Вас бросил
ради Его обители, что
Он Сам с Вами
Своею благодатию.

Дорогая Сестрица, почему
Ты решила, что время до
нашей встречи надо считать
месяцами? А может
годами? Или Ты имеешь
это основание? Если не со
туют пол покрывать лино
в маленькой, то тогда купит
хороший большой ковер во
весь пол, а впрочем
поступайте как найдете
нужным. Мой поклон
и благословение всем
Кто с Вами и около Ва
Храни Вас Господь
Ваш богомолец А. Авел

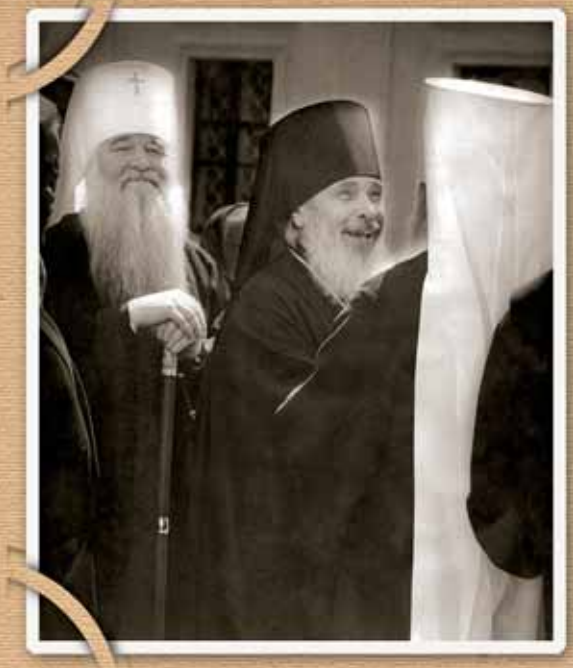
Мир Вам и Божие Благословение, мои родные!

Дорогая Сестрица, письмо Твое и матушкино получил, за что Вам очень благодарен. Рад за Вас, что Вас утешает Хозяин нашего монастыря. Это Он за то, чтобы Вы не роптали на мое отсутствие, если я Вас бросил ради Его обители, что он Сам с Вами своею благодатию.

Дорогая Сестрица, почему Ты решила, что время до нашей встречи надо считать месяцами? А может, еще годами? Или Ты имеешь на это основание? Если не советуют пол покрывать линолеумом в моленной, то тогда купите хороший большой ковер во весь пол, а впрочем, поступайте, как найдете нужным. Мой поклон и благословение всем, кто с Вами и около Вас.

Храни Вас Господь.

Ваш богомолец А. Авель



Слева – владыка Герман, митрополит Волгоградский и Камышинский

Фотографии разных лет из домашнего архива

Тамара Михайловна Гаврилина (Серова), одноклассница отца Авеля:

«Он с детства был глубоко верующим»

Так случилось, плохо мне по жизни пришлось. Как моя племянница говорит: «Ну что же к нашей семье всякая беда липнет?»

С сыном дело было очень плохо – пластом лежал...

Мать есть мать: на все пойдет. Поехала к отцу Герману в Троице-Сергиеву Лавру сына отчитывать. Первый раз приехала к нему – он отчитал, да надо три раза. Поехала другой раз... знаете, вот не могу до сих пор без слез вспоминать! Добралась, а отца Германа нет, заболел. Сказано было, никого не будет. А отец Наум, старец, принимает только выборочно. А народу к нему полным-полно...

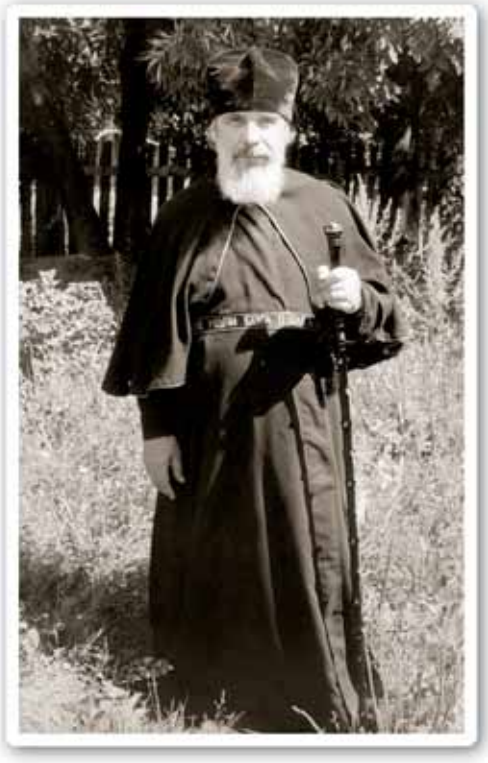
Спрашиваю: «За кем мне быть?» Отвечают: «Ничего у тебя не получится. Тут надо молитвы читать, а ты не читаешь! Читай!» У меня в голове нет никаких молитв. Я только смотрю на образ Богородицы и мысленно к ней обращаюсь: «Пожалуйста, огради, покрой Своим Покровом, сбереги моего сына!»

Женщина рядом со мной и говорит: «Ха, и ты хочешь, чтобы тебя принял отец Наум, когда ты ТАК молишься? Не примет он тебя!»

Вдруг легкий ветер, будто шелест, шелест какой. Шепоток пробежал – идет отец Наум. Его ожидали человек 50, а когда явился, еще народу прибавилось.

Он подходит к одному – ты вот это, к другому – ты вот так. Подходит к центру, стал ко мне он боком и разговаривает, а я тихо и говорю: «Отец Наум, горе меня к вам привело, если можно, уделите мне немножко времени!»

Вижу, он от меня развернулся куда-то. Ну, думаю, на все воля Господа! Видно, ничего не получится... Вдруг отец Наум на 180 градусов делает поворот ко мне и говорит: «А вы поезжайте к отцу Борису в скит, он поможет». А той



женщине, которая говорила, что не примет меня отец Наум: «Вы проводите ее! Кто хочет собороваться, поезжайте с ней к отцу Борису».

Так я поехала в скит. Женщина – та, которая говорила, что отец Наум со мной и говорить-то не будет, – нас довела, у меня прощения попросила. Я говорю: «Господь простит. Вы правы, я плохо молилась. Другие молитвы вычитывают, а я... только «Господи, спаси, Господи, прости!» Наверное, у меня душа молилась».

Приехали. Со мною человек десять. Сразу явились к отцу Борису: «Я только сейчас из монастыря от отца Наума, он к вам прислал! Вы меня извините, что я вам сразу представляюсь, но мне еще в Рязань возвращаться...» «Отец Наум? Ко мне прислал?» – удивился отец Борис. Затем говорит всем: «Вы подождите, пожалуйста, я ее приму первой, ей еще до Рязани добираться».

Я все рассказала, отец Борис меня исповедовал, а потом и говорит: «Что я могу? Я только могу молиться... А что же вы сюда приехали, когда у вас в Рязани такой человек – отец Авель, и вы от него сюда приехали? Его у нас так почитают, а вы сюда приехали?»

«Мы, – отвечаю, – с ним друзья с первого класса, учились вместе и до сих пор видимся. Вернусь домой, и к нему поеду».

Съездила я к Троице, помощь хорошую получила. А после, думаю, поеду к отцу Авелю, ведь с ним на эту тему я не разговаривала.

Есть у меня подруга, мы всю жизнь вместе, с первого класса. Даже сейчас я у нее «Том», а она у меня «Люсь», хотя обеим под 80 – и ей, и мне. Но ничего не поделаешь – привыкли. Эта привычка подчас и мешает, и смущает. Люся привыкла отца Авеля по имени называть – Колей.

У нас троих отношения были очень простые и сердечные, они как сложились тогда, в раннем детстве, такими и оставались до самых последних

дней. Помню как-то раз, еще по молодости, моя Люся и говорит: «Коль, а ведь говорят, ты святой?» – «Люся, ты что, с ума сошла?»

Мы втроем учились вместе с первого класса. Жили в Рязани. Когда пришло время – пошли учиться в школу № 1 на улице Горького. Его родители там работали: матушка уборщицей, а отец истопником и на все руки мастером. Жили они тогда не в Никуличах, а при школе.

У них было какое-то там помещение рядом с кочегаркой. Они там жили всей семьей. Братья и сестры его малышами еще были, а Коля старший. Иконы у него были за дверью, чтобы никто не видел.

Матушка у него очень добрая была. Он приглашал нас в переменку к себе домой. И матушка нас всегда принимала, никогда, ни разу не отвернулась. А время тяжелое было, голодное...

Вы знаете, каким он был в школе? Никого не обзовет, ни на кого не накричит, никогда никого за косички не дернет. Ну очень хороший парень был!

В нашем классе было 42 человека. Сейчас молодежи трудно понять, чем могла обернуться дружба, гостеприимство в то время: мы были семьей репрессированных. Брата моего, секретаря комсомольской организации на крейсере, арестовали по 58-й статье. Он был спортсменом, считался хорошим работником, его награждали грамотами. Взяли его в армию, во флот, на Балтику. И вдруг как эпидемия пошла волна репрессий в армии.

Тухачевского, Егорова, Блюхера забрали. А они все в учебниках по истории партии! И вот все книги с их упоминанием собрали – и в топку. Брат не был кочегаром, к топке он никакого отношения не имел. Случайно оказался возле, и захотелось ему посмотреть, кто такой Тухачевский, что он собой представляет...

Не один он листал книги, предназначенные к уничтожению. Кто-то доложил на всех. 28 человек арестовали, брат сел ни за что, за любопытство. Дали десять лет. Он подавал прошение, чтобы его послали на войну. Не отпустили, работать там надо было, золотые прииски играли большую роль. Золотом платили за поставки вооружения американцам.

Папа ездил к Вышинскому, скостили брату срок на пять лет. И он вернулся, приехал весь сломанный. Рассказывал, как он в лагерях сидел, там все политические были. Рассказывал про концерты Руслановой.

Дедушку моего раскулачили. У него было три сына, прадедушка еще был жив. Семья была огромной, и все работали. Село Лощинино под

Касимовым. Кстати, помните Романова, был первым секретарем обкома в Ленинграде? Его семья оттуда, мы вместе там жили. И вы знаете, Романовы ужасно бедно жили. Правда! Такая беднота была невозможная!

Дедушка всегда по воскресеньям (это же праздник, частичка Пасхи!) миску муки давал бедным, и вообще по праздникам всегда давали бедным что-то из овощей. Теперь это трудно оценить, но тогда после революции и до самой войны голодали на селе страшно.

И вот, когда пришли арестовывать, когда хотели расстрелять дедушку как зажиточного, народ на колени встал перед этими, кто приехал и хотел его расстрелять: «Он наших детей спасал от голодной смерти! Пожалуйста, не трогайте его!» Только благодаря заступничеству всего народа его не расстреляли, а так уж было поставили к стенке.

Мой отец работал в Рязани, от обиды уехал из родного села, забрав все, что можно. Главное – забрал нас, пять человек детей.

А ведь род мой идет от святителя Феофана, затворника Вышенского. Это корни моего отца. У святителя Феофана были и братья, и сестра, как у отца Авеля. У меня и книги есть старые, и иконы. Вот икона Божией Матери «Милостивая». Мой внук говорит: «Я подхожу к ней, а она то строго смотрит на меня, то добродушно. Бабуля, при жизни завещай ее мне!» Я так и сказала всем: «Икону – Виталию! Он еще только идет к Богу, через скорби...»

Вот, я все-таки веду разговор к отцу Авелю. Он с детства был верующим, глубоко верующим. Рассказывали, что он, когда маленьким был, еще дошкольного возраста, играл в священника. Какое-то самодельное кадило брал и «Со святыми упокой» шел, отпевал. За ним подружки, ребята шли.

И в школьном возрасте – я это хорошо помню – Коля предлагал: «Давайте играть?» Мы: «Давайте!» Он брал кадило и «Со святыми упокой»...

У них дома были старинные иконы, правда, они стояли не на видном месте. Это сейчас свободно, а тогда за веру строго спрашивали. И на Колю Македонова донесли, что он в церковь ходит! И на учительницу его донесли, что с учеником не справилась, не объяснила. Вызывали... Он – ни в какую, тут хоть что с ним делайте, хоть из школы исключайте. Но учительница его отстояла: семилетку надо парню закончить.

1941 год нас разлучил. До шестого класса мы были все время вместе. Началась война, школу закрыли. В Рязани осталось очень мало народу. Можно пройти один, другой квартал и человека не встретить. Уже немец

подошел к Рязани: занят Михайлов – это все рядом! Уже и войсковая немецкая разведка была на Рязани-2. Бомбили город, и это было страшно.

Родители Коли уехали жить в Никуличи, теперь это Рязань, а тогда считались пригородом. А мы никуда не уехали. Отцу объявили, что мы будем отходить из Рязани вместе с войсками. Помню, собрали котомочки: у меня котомочка, у мамы, у сестры, у папы. Никаких чемоданов – только небольшие котомочки! Хлеб-сухарики, смена белья и обувь, в общем-то, и все.

Папа с утра говорил: «Будьте наготове!» И шел к Кремлю, к храму Успения Пресвятой Богородицы, там внизу была пристань на Трубеже. Ему отвечали: «Нет, пока отставить!» Он возвращался домой, а часа через два опять шел на пристань. И опять – пока подождать...

Мы встречались тогда с Колей на службе в нашем храме Всех скорбящих Радость. Он единственный остался действующим, при городском кладбище. Для рязанцев этот храм много значит.

И вот отчетливо помню: наступил последний день – всё, завтра Рязань сдадут. В церкви народу почти никого нет, только мы, кто живет рядом, и Коля – всего человек 10–11. Вдруг открывается дверь церкви и входит женщина, вся такая растрепанная, как будто нищенка или беженка. Обнимает колонну и плачет: «Не бойтесь! Я сейчас видела нашего святителя, Василия Рязанского, и он сказал: Рязань никогда врагу не будет сдана. Ни сейчас, ни потом. Никогда Рязань не будет сдана! Настанет время такое на земле – будет мало воды. А Рязань никогда не останется без воды. Я его видела, он передо мной встал и говорит: не бойтесь!»

С испугу подумали, может, она с ума сошла? А она прямо обвисла на колонне. Стоит на своем – видела святителя Василия, не будет Рязань сдана! И что вы думаете? На следующий день пришли войска, появились сибиряки

на маленьких лошадках. Поздняя осень – начало зимы, погнали немцев! Рязань не была сдана!

У нас в Кремле там, где Успенский храм, Христорождественский собор, были большие склады. Оружие и припасы хранились. Кремлевский вал был окружен войском, туда было не пройти. И вот один человек рассказывал, да не один-то видел: стоит на валу старец и смотрит на запад. Откуда здесь старец? Молится! Часовые к нему – какой-такой человек? Откуда? А он – раз, и все, нет его. Там, где вход с улицы, были мощи святителя, вот туда старец и скрывался. И так несколько раз его видели рязанцы. Вот каков наш святитель Василий – защитник, молитвенник!

Он упокоился возле Борисоглебского собора. Потом его мощи в Кремль были перенесены, а сейчас находятся под спудом. С отцом Авелем мы разговаривали на эту тему, когда приезжал в Рязань первый раз Патриарх Алексий II.

Люди, имеющие благодать, знают, что придет время и он сам откроется, и тогда обретут его мощи для поклонения. Как это написано – исполнится мера времени и произойдет то, что положено...

С 1944 года я работала в редакции газеты «Ленинский путь». Вы знаете военный мемориал у Скорбящей? Здание райкома было рядом с кладбищем, и в подвальном помещении райкома размещалась наша редакция. Я там принимала последние известия, сводки Информбюро. Приходилось и ночами работать.

Иду на работу или иду с работы, а тут хоронят. Ведь у нас же пединститут, первая школа, седьмая школа и еще много других зданий – все были под лазаретами. Военный госпиталь там и тут, столько было раненых с фронта!

Как входишь на кладбище, начинается асфальтированная дорожка вдоль кладбища, у стены, вот как раз тут, где заасфальтированная дорожка, и до самого низа, где ленинградцы похоронены, был большой глубокий ров. Тут были захоронения раненых ребят. Положат их штабелем – один, два, три – и подсыпают опять. Каждый день несколько подвод, человек по тридцать, если не больше.

Когда первый ров наполнили, отрыли второй, точно такой же большой. Там, где сейчас памятник секретарю обкома.

Ну почему вдруг взяли и заасфальтировали поверх могил, ну почему так построили мемориал? Я ни разу не прошла там, по этой дорожке, ни разу не прошла. Не могу идти. Сколько я плакала по этим ребятам, которых захоронили там. Красивые ребята! Помню: зима, их везут, волосы русые развеваются, а лежат, как дрова. Лежат в чистом нижнем белье...

Сколько я проплакала... мне их всех жалко было...

Вот и говорю батюшке Авелю: «Ну почему так сделали? Почему так поставили мемориал?» А он и отвечает: «Ну, матушка, во-первых, меня здесь тогда не было, а во-вторых, кто нас спрашивал-то, кто?»

Тогда, в военные годы, я Матерь Божию видела въявь. Отцу Авелю рассказала: «Ты хоть меня расстреляй, все равно скажу: видела Божию Матерь въявь». Он сказал: «Это хорошо, что ты так уверовала».

Я работала возле Скорбящей. Ночью страшно работать, очень страшно одной ночью работать. Я еще девчонкой была, мне только 16 лет исполнилось. Война, нечем даже зашторить полуподвал. Иногда работаешь, глянешь в окно, а там морда собачья или еще что-то. Страшно! Не поймешь – то ли это собака, то ли какая нечисть. Я боялась.

Сон берет свое за полночь, и хочется лечь. Я печку затопила и легла на три стула возле стола, на котором я записывала, принимала сообщения Информбюро. Просыпаюсь, а надо мной женщина какая-то. Красивая-красивая женщина, в черном. Стоит и напряженно куда-то смотрит. Я прямо сразу так и села. «Не бойся, не бойся! – гладит меня по голове. – Ложись, ложись, поспи. Я с тобой». Ну вот, я легла. А потом встала, да где же она?

Думаю, неужели у меня двери были ночью открыты? Прошла, все закрыто, заперто все. Прихожу домой с работы, а мама у меня глубоко верующей была, необыкновенно доброй, мало таких. Прихожу, рассказываю – мам, так и так. Она говорит: «Это Матерь Божия, «Скорбящая» Божия Матерь». Так меня это поразило! Я до сих пор это помню...

Когда наши пути разошлись, мы продолжали с отцом Авелем встречаться в храме. Где-то, как-то... Потом он уехал на Афон. Он должен был остаться там навсегда, мы знали об этом, и было грустно. Но когда умер владыка Никодим, отец Авель возвратился к нам в Рязань. Смерть владыки Никодима его вернула нам, спасла для нас. Он остался на родине. Неведомым образом потерялся греческий паспорт. Слава Тебе Господи, мы так были рады! Потерялся, ну и ладно.

После возвращения с Афона мы общались чаще.

Он был необыкновенный человек, обладал чувством юмора. Вот мы с Люсей стоим на службе, он идет с кадилом, увидел нас, и в службе пауза. К нам подходит, целует троекратно: «Слава Богу, вы здесь!» И идет дальше. Весь народ удивляется: «Что это за бабки с ним целуются?»

В праздник иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» он обязательно приезжал в памятную всем нам церковь на кладбище. В этот день он всегда здесь был. Вокруг него вечно стоял народ. Даже когда владыка

Симон был в храме. И я всегда под благословение шла к отцу Авелю. Эта любовь рязанцев к нему была настолько очевидной, что даже ревность со стороны владыки Симона проявлялась. Ну, конечно же, так, не взаправду – они друзьями старинными были.

Как-то пошла на праздник иконы «Всех скорбящих Радость». Гляжу, он стоит, беседует, народ его обступил, к нему не пробиться! Я же не могу нахрапом сквозь толпу идти. Он увидел меня (я поняла, что увидел!) и опять со всеми разговаривает. А потом и зовет: «Тамарушка, подойди, я не могу отсюда выйти!» Тут уж меня пропустили к нему.

Недавно я в Рязани фотографии на выставке смотрела, о восстановлении Богословского монастыря. А я это не по фотографиям видела, я это въявь видела.

Отец Авель за это дело принимался, а там такая разруха была: конь о четырех ногах и то ноги мог переломать. Такое запустение, что страшно было смотреть. Они все в избушке маленькой жили.

«Тамарушка, ты знаешь, ведь вот идешь в туалет, а туалет-то на улице. А народ стоит, ждет, когда я выйду из туалета. Ну каково это? Здесь света нет, там воды нет, там тепла нет, ну а это вообще как будто землянка...» Жил трудно, это правда. Но народ к нему шел и шел: монах с Афона приехал, монастырь рязанский начали восстанавливать.

Помню, приехала в монастырь, когда мужа похоронила. Он стоял со священником. А ведь он, батюшка, очень внимательно вокруг всегда смотрит. Увидел меня, священника отпустил и ко мне: «Ты чего?» Я говорю: «Ты знаешь, не хочется жить...»

«Тамарушка, ты что, ну-ка пойдем». Сидим, разговариваем, потом говорит: «Никуда не уходи». Ну ладно, думаю, продолжим разговаривать. Уже закончилась служба, он выходит одетый: «Ты сегодня мой гость, пойдем в трапезную». – «Мне неудобно, ну что ты. Я не пойду».

Он всем объясняет: «Это моя сестра по духу, мы с ней учились с первого класса. Люблю ее до последнего, прямо до последнего...»

Два года тому назад мы с Люсей, у нее еще был муж жив, приехали к нему в обитель. Отец Авель служил уже мало, плохо себя чувствовал. Храм был полон. Я стояла возле свечной лавки с мужем подруги, а она, такая пробивная, пошла по храму к иконам прикладываться.

Тут вышел отец Авель из алтаря и заметил ее: «Люся, ты здесь?» – «Да, и Тома здесь». – «И Томочка здесь?» Он меня всегда Томочкой или Тамарушкой звал. Пошел по храму: «А где ж Томочка-то?» Ладно, раз так обернулось, то я скорее – к нему. «Томочка, ты здесь?» Тут я и подошла...

В Рязани у меня приятельница, глубоко верующий человек. Дочка ее подруги вышла замуж в Москве, муж работал при храме. Они приехали к отцу Авелю, а жена и говорит: «Вот, нет у нас детей». Отец Авель отвечает: «У тебя родится мальчик и назовешь ты его Серафимушкой, Серафимом». – «Почему Серафимом?» – «Беленький, светленький будет».

Опять они из Москвы вдвоем к нему приехали. Отец Авель идет им навстречу: «А вот и Серафимушка ко мне приехал!» А мужу посмотрел в глаза и сказал: «Это твой сын». Откуда он узнал, что ребеночек родился? У них не было с собой ребенка. Откуда он узнал, что муж сомневался? Сам чернявый, а жена у него русая, и младенец на мать похож... Серафимушка с родителями приезжали на похороны из Москвы...

Отец Авель, он благодатный был, это точно, я в этом уверена, я это знаю по себе.

Когда ему стало совсем плохо, мы два раза ездили и говорили с ним перед самой его смертью. Один раз мы говорим: «Ну прости ты уж нас, пожалуйста. Мы тебя беспокоим, ходим, тебе бы лежать, а мы еще со своими визитами». А он сказал: «Вы для меня сестры. Ведь из всего класса, из сорока человек, я выбрал только вас двоих. Вы для меня – духовные сестры. Я за вас молюсь».

Звоню ему: «Можно приехать-то?» – «Конечно, приезжайте!» – «К тебе-то не прорвешься, не пропускают к тебе...» – «А вы скажите, что я вас жду».

Мы приехали, пришли. Вышла Тоня, младшая сестра отца Авеля. Она знает нас. Не раз видела, как мы с ним христосовались.

Мы с Тоней поговорили, посидели. Она в основном там и жила, когда ему стало плохо. Спустя какое-то время она пошла и спросила. Батюшка и сказал: «Да, пусть придут». Вошли, он и говорит: «Я за вас молюсь». Я ему: «Ты живи и как можно больше, в добром здравии. Ты нам так нужен!» А он отвечает: «Матушка, как Господь решит, как Господь...»

Лет сорок тому назад он ездил к одной старушке в районе, к Полюшке. Она ему сказала: «Ты проживешь еще сорок лет, у тебя все будет хорошо. И умрешь ты в мой день...» Смерти или рождения, вот не помню сейчас уж. Да, да! Так вот, 4-го числа это был тот самый день, и он собрался умирать. Да, так это было, он сам все знал.

Он ведь собрался 4-го умирать-то, а Сережа-келейник вам рассказывал? Подошел к нему и говорит: «Батюшка, ну что Вы, ведь завтра такой праздник светлый...» И услышал в ответ: «Ну тогда отложим...» Значит, он и там что-то мог...

Необыкновенный человек! Необыкновенный молитвенник.

Когда я встаю на молитву, то начинаю с него, всегда начинала. «Господи, дай ему доброго здоровья на долгие годы». И когда он умер, я говорю: «Господи, кто же теперь за нас будет молиться? Кому же я свою душу открою?»

Батюшка Авель – он идеал священника. Он ничего от людей не требует, только живите по правде, ходите в церковь и делайте все по чести.

Он очень хорошо понимал людей, их проблемы.

Вот с обменом паспортов бабки-то говорили: «Батюшка, да нам, наверное, не надо новый паспорт брать?» Он спрашивает: «А почему?» – «Но как же, там число 666». – «А как вы будете пенсию получать?» – «Не будем получать». – «А на что вы хлебушек купите? Скажете: «Батюшка, накорми нас!» Ну тебе один раз дам, тебе дам, ну там в другой раз... А всем где батюшка возьмет? Это документы, и нечего об них вести разговор. И если нас записали, то мы уже записаны. Нас будет судить Господь за наши дела. По нашим делам будет судить и нас принимать. А вы думаете – что? По документам?»

...Такие рассуждения все на свое место сразу ставили.

Вспоминаю, как он мне показывал свое любимое плетеное кресло на крылечке, которое смотрит на сад, на Оку. Над ним, прямо под козырьком крыши, ласточки свили гнездо. Он так радовался: «Смотри, птички! Смотри, какая благодать! Цветы, луга!» Любил кормить всех – птиц, козочек, кошек, настолько эти доброта и любовь в нем всегда присутствовали! Отец Авель всегда гостя сначала за стол усадит, покормит, чаем напоит, только потом расспрашивать станет. И в дорогу гостинцев даст обязательно.

Когда он умер, я не могла ничего с собой сделать: плачу и плачу. Подошла к новому священнику в нашем храме и прошу: «Снимите с меня этот грех великий, скорбь снимите». Я не могу забыться, для меня это дорогой человек, он мне дорог как друг детства, он мне дорог как духовный врач. Кому теперь я душу свою открою? Хотела бы сказать, а другому не могу. А ему я могла ну все сказать, и он выслушает и подскажет. Это необыкновенной души человек, необыкновенной!

Людмила Николаевна Макова, одноклассница отца Авеля:

«Он за всех нас молился»

Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам.
(Иак. 4, 8)

Мы с Колей Македоновым знакомы с первого класса. Это 35-й, наверное, год. Мы с 27-го, пошли в школу с восьми лет. Вместе с первого класса по шестой, в седьмом уже началась война.

В Рязани до войны было, наверное, жителей тысяч сто. Да нет, и ста тысяч не было! Тут всего-то было восемь школ на всю Рязань.

Первая школа находилась на улице Горького. Она и сейчас первая. На здании мемориальная доска висит: «Здесь учился Герой Советского Союза...» Класс большой был, человек сорок. Тогда мальчика с девочкой сажали, была дисциплина. В шестом классе мы с ним сидели за одной партой.

Я отчетливо помню день, когда мы подружились. Дело в том, что он поверил, что я верующая, из верующей семьи. Этот момент он мне сам напомнил: «А помнишь, Люсь, ты бежишь к церкви. И я бегу. Твой первый вопрос был: «Ты зачем здесь?» Тогда и я тебе задаю вопрос: «А ты зачем здесь?» И ты сказала, что пришла с папой, с мамой в церковь, здесь похоронен дедушка».

Он увидел, что мы стояли на службе в церкви, и поверил, что я из верующей семьи.

Мы дедушку похоронили в 1935 году на Скорбященском кладбище, единственная была в городе церковь Скорбящая*.

Наверное, в классе втором-третьем он вдруг говорит мне: «Люсь, пойдем, я тебе чего покажу!» Он жил при школе, у него отец был истопником. Внизу была котельная. Там комната была, где жили Колины родители, их семья. Чтобы пройти в котельную, надо было спуститься по ступенькам. Лестница с боков досками забрана. И дверь открывалась так, что часть досок закрывалась. Дверь не вплотную к стене открывалась, там что-то стояло, и дверь не могла коснуться стенки.

И вдруг я увидела у него там, в укромном месте, лампадки стоят, иконки стоят, даже кадило было. Уж откуда он его взял, я не знаю. Зажег лампадку: «Видишь – у меня церковь здесь!» Это мне врезалось в память: казалось бы, ну чего там – еще десять лет всего!

А в седьмом классе первая школа под госпиталь пошла. Коля уже переехал в Никуличи. В Никуличах школа была в бывшем доме, в имении моего дедушки. Мой дедушка, Тихановский, окончил теперешнюю Тимирязевскую академию в 1876 году. В том же году женился. Он был членом Академии наук и почетным гражданином Рязани.

С Колей встречались часто. Как-то раз к нему пришла совета попросить. Мы жили на улице Свободы, сегодня это улица Маяковского. Большой двухэтажный дом, где сейчас книги продаются, – бывшая

* Церковь на городском кладбище во имя иконы «Всех скорбящих Радость» особо почитается рязанцами. В течение долгих лет она оставалась единственной не закрытой богоборческой властью. Кладбище – последний рубеж, который не смогли сокрушить. В устной речи можно услышать варианты названия церкви – Скорбящая, Скорбященская. На карте города можно найти топоним – Скорбященское кладбище.

Мальцевская богадельня. Это был дом моего дяди, папиного родного брата. Он юристом был, видным человеком в Рязани. Дядю Пашу арестовали в 1937 году по 58-й статье, но дом не отняли, он был записанным на тетку, на Макову.

Мой муж – Вильгельм Оскарович Лютер-Мозер. Это немецкая фамилия. Здесь его дед имел колбасную фабрику. Но умер он еще до большевиков. Сыновья его не пошли по этой линии. Вилин отец окончил университет, не стал ни купцом, ни промышленником. Ну потом все отняли, что могли. Мой муж хоть и крещеный, за 15 рублей по паспорту стал Василием, но в 1947 году нельзя было принимать его фамилию, и я осталась Макова.

Когда хотели по работе нам дать трехкомнатную квартиру, местные власти ее никак не давали. Вот пришла я к нему и откровенно говорю: «Помолись за меня, чтоб нам квартиру дали». Он говорит: «Не беспокойся, все будет». И нам через два дня выдали ордер. «Хрущевка», но тогда это была мечта многих.

Перед тем как уехать ему на Афон, мы как-то с ним встретились. Долго беседовали. Может быть, это не надо писать, но решение уехать навсегда на Афон было для него непростым.

Ему очень хотелось туда поехать. Святые места, святыни православные в древнем монастыре. И надо помочь спасти русский монастырь, куда после революции из России не выпускали и где жизнь постепенно затихала: «Люся, это мой долг, я должен туда поехать».

Но, с другой стороны, принять решение уехать навсегда было непросто. В годы войны погибли родители, остались у него на руках четверо малышей. Он ощущал всегда ответственность за семью – он был старшим. А там он должен был принять гражданство, потому что такие условия были на Афоне.

Он очень долго там был. Уже после его возвращения, когда я переехала в эту квартиру, мы к нему поехали, и я спросила: «Ты мне квартиру освятишь?» Он ответил: «Ну конечно, Люсь, ну как же». И приехал.

Мы долго беседовали здесь. Я его спросила: «Как же ты в Рязани остался-то?» Он и говорит, паспорт затерялся его. Он прилетел с Афона на похороны владыки Никодима, заглянул ненадолго из Ленинграда в Рязань, навестить родных. Столько лет не виделись! Ему так обрадовались! И тут заграничный паспорт потерялся. Как, где? Неясно.

Греческого паспорта нет, нашего паспорта нет, что ему делать – непонятно. Пока все как-то решилось, конечно, непросто ему пришлось. Но все, что ни делается, делается к лучшему.

Он мне про монастырскую жизнь на Афоне долго рассказывал. Это ведь сейчас там много уже народу, а тогда почти что не было монахов. «Знаешь, Люсь, вот пасхальная служба идет. Восклицаю в пустой храм: «Христос воскрес!» И никто не отвечает, потому что монахи старые да больные по кельям лежат, не могут прийти. Вот это очень тяжело».

Я ничего этого не знала, не знала, что там гонения были на русских монахов, какие-то конфликты с греческими властями. Но вот эти его слова – «храм был пустой» – меня потрясли.

Многое можно вспомнить и рассказать. Вот поразительный случай, запомнившийся нам всем. Как-то раз едем, везем его на своей машине из Никуличей. И вот, где бывшее здание НКВД, Госбезопасности значит, стояла на тротуаре женщина. И хотя машина проехала от нее очень далеко, эта женщина резко отпрянула назад! Олеська была за рулем и говорит: «Что это с ней? Можно подумать, она машины испугалась». Отец Авель говорит: «У меня же мощи в кресте! Вот видите, нечистая сила!» У него был крест-энколпион, в нем мощи лежали. Мы все видели, как она неестественно сильно отпрыгнула. Я сама видела, и дочь моя видела. А батюшка повторил: «У меня мощи в кресте, вот она от них и отпрыгнула».

Довольно-таки часто я к нему ездила в Никуличи. У него очень красивые иконы были, подсвечники, которые ему владыка Никодим подарил.

Когда мои внуки пошли в первый класс (сейчас им уже 18 лет) мы поехали в Пощупово, чтобы он их благословил, а он здесь, в Никуличах, находился. Вот мы в Никуличи приехали, у него в беседке тоже иконы, он нам там молебен и отслужил. Летом же было дело.

Потом, помню, как-то я к нему приехала, он мне яблок с собой надавал. Я едва эти яблоки увезла на машине... Он любил делать подарки, любил на дорогу давать что-то.

Мы по телефону с ним часто говорили. Когда у меня умер муж, я позвонила. Он в ответ: «Люся, не волнуйся, я его записал. Василия твоего записал. Не волнуйся, я о нем молюсь». Вот так, он за всех нас молился.

Приезжал в Рязань обязательно 6 ноября на праздник в храм Скорбящей Божией Матери. Утром служил архиерей, а вечером всегда служил он. И вот, вы понимаете, когда с кадилом храм обходит (а он уж знал, где мы с Томой стоим), остановится, расцелует нас, благословит и идет дальше.

Когда встречали архиерея, мы всегда старались около него встать, и он говорил священникам, которые приезжали из других церквей: «Это вот две сестренки мои». Вот так и говорил – «сестренки мои». Он всегда, когда, бывало, служит, нам по просфоре приготовит.

Помню, когда начинали монастырь восстанавливать. Там все было разрушено, все! Что про это говорить? Это кошмар был просто. Помню, привезли масла туда литра четыре, что ли. Мы его спросили: «Тебе привезти маслица?» Он ответил: «Привезите». Трапезная была у входа, временная. Келий не было, чтобы каждый отдельно бы жил. Икон было очень мало. И было очень мало монахов. Но народ шел! Из отдаленных мест шел!

Я работала в строительном управлении треста, и у нас было пять строительных управлений в подчинении. И каждое управление строило себе дачи. У всех огороды, сады, а мы там жили: я, мама и дети мои. Казенная дача на берегу, рядом дом отдыха «Сосновый бор», может быть, знаете? Все говорили «дача Маковых».

Рядом – дорога в монастырь. Когда проходили мимо паломники, я всегда спрашивала: «Куда идете?» Передавала денежки и просила: «Передайте. Только прямо отцу Авелю передайте».

Отец Авель интересовался судьбами людей, особенно его интересовали судьбы семей священников. Он собирал сведения, переписывался...

В Николо-Ямском храме (рязанское подворье Свято-Иоанно-Богословского монастыря)

Мы были у него перед его смертью. Когда мы с Томой приехали, я спросила: «Как он себя чувствует? Примет или нет?» Его келейник Сережа сказал: «Пойду сейчас спрошу». Вышел: «Идите, идите, ждет!»

Он не смог сам повернуться. Ему келейник помог. Я встала к его подушке на колени и заплакала. А он: «Не смей! Не смей!» И вот все меня держал за руку, Тому и меня. Все нас благословлял.

Давно еще как-то ему говорю: «Слушай, говорят, ты святой?» Он: «Ну ты-то чего, соображаешь? Совсем, что ли с ума сошла?» Я ему говорю: «Да от тебя свет какой-то хороший исходит! Как мы у тебя побываем, так нам хорошо, так хорошо!»

Очень многие приезжали его хоронить: из Рязани, из Ярославля, из Москвы, из Петербурга, из глубинки – со всех рязанских храмов приезжали. Народу было очень много.

Евгения Алексеевна Точилина, внучатая племянница архимандрита Зосимы, настоятеля Свято-Иоанно-Богословского монастыря:

«...отец Авель посмотрит, и все суетное отлетит сразу...»

Блажен, кто просиял верою в Господа,
как ясный светильник на высоком подсвечнике.
Преподобный Ефрем Сирин

Я познакомилась с отцом Авелем несколько лет тому назад, когда узнала, что братия возрожденного монастыря разыскала могилу архимандрита Зосимы и с почестями перенесла его гроб в монастырь, поместив в церковь под алтарем Иоанно-Богословского собора.

Приехала в монастырь, был какой-то праздник. Шла служба, я вошла в храм, у свечного ящика кому-то из монахов представилась, сказала, что хотела бы видеть настоятеля. Монах ушел. Знаете, у меня гордость была: я правнучка отца Зосимы, последнего настоятеля обители перед ее закрытием. А монах вернулся и сказал, что отец Авель сейчас занят и что он просит меня поставить свечку. И все...

Я сильно расстроилась! Вышла и думаю: «Боже мой, куда это я со своими амбициями, гордыней? Идет служба! Кто я такая? Ну и что, что я правнучка?..»

Наверное, года полтора я не была в обители. А потом поехала. Пришла, служба уже закончилась, отец Авель вышел, вот тут-то я его впервые и увидела. Он разговаривал с кем-то, я подошла и представилась. Он со мной поздоровался. Я смиренно испросила благословения.

Архимандрит Авель

Вы знаете, все лишнее куда-то ушло, вот все ушло! Мы с ним долго-долго ходили по территории монастыря. Шла реставрация церкви Успения, везде кипела жизнь. Это было так замечательно после стольких лет запустения! Он мне показал, что успели сделать, что собираются делать дальше. Отец Авель был строг. Человек достойно нес свой сан. Но в то же время я с ним разговаривала как с обычным человеком, мудрым, внимательным.

Впоследствии я к нему приезжала очень часто. Он мне так много всего рассказывал. Про свой род, про то, как он стал священником, как впервые служил в Городищенской церкви. Я его спросила: «Когда Вы начали служить?» И, услышав ответ, поразилась. Боже мой, в этот год как раз крестили моего брата! Бабушка моя пешком ходила на службу со Старого Веселево, это сколько до Городища-то! Ходили пешком к девяти часам, она нас всех вела туда на службу.

Отец Авель рассказал, как он разыскал святыню рязанскую – икону «Знамение» Корчемная. Он в деталях помнил, как, через каких людей

узнавал, в каких руках она была. Как он ходил к этим людям. Как обещали отдать икону в церковь и каждый раз были какие-то препятствия. Икона не могла к нему попасть, и он молился, молился. «Я думал, наверное, это перст Божий, что она ко мне не попадет». Но в конце концов она оказалась у него в монастыре. Когда отец Авель открыл мне эту икону, я запомнила его лицо в тот момент, его глаза... «В следующий раз приедете, я Вам дам такую икону, большую», – пообещал он мне.

Отец Авель был человеком, от которого шла какая-то благодать. Он был обычный и в то же время он был необычный. Вот приезжаю вся в делах, в работе, закрутилось все в голове и дома там что-то... Все время бегом, все время на машине. Выйдет отец Авель, посмотрит, и все суетное отлетит сразу: «Поживите здесь, я Вас приглашаю, летом приезжайте, мы с вами сходим на пасеку. У нас такая пасека!»

Я уходила от него изменившейся, у меня был особый путь – я это понимала после встречи с ним. Я получала облегчение, успокоение, благословение, я обязательно брала с собой воду на Святом источнике.

Запомнилась последняя встреча. Я не была довольно долго, не могла выбраться. Он вышел из алтаря желтый, и я его не сразу узнала. Подошла

к нему. Он смотрит на меня и как бы сквозь меня. «Батюшка, Вы меня узнали?» – «Да, я Вас узнал». И я поняла, что он уже не здесь. Как будто застала его собравшимся туда, как будто приехала к последнему дню, попрощалась с ним. Ему тяжело было, и его после службы уже увозили на колясочке. Помню, на него налетели женщины со своими проблемами. У одной дочь не так замуж вышла, у другой еще что-то со взрослыми детьми.

Он сказал с сердцем: «Вы виноваты в том, что ваши дети такие! Вы виноваты в этом, вы их воспитали так... Вы с ними нянькались, когда они маленькими были. А теперь, когда они выросли, вы с них стали требовать то, что вы им в общем-то и не дали!»

Его авторитет был высок. Понимаете, это был действительно служитель Церкви. Он ничего не требовал, только молитесь и живите, как положено, живите по правде. И больше не навязывал ничего и никому. Не хочешь чего-то – не надо. Это твое право. И вот от того, что он давал тебе свободу осознанного выбора, в этом была его сила. Он действительно был наставник. Молюсь – каждый раз его вспоминаю. Конечно, жаль, что он рано ушел.

Когда приехала к нему во второй раз, подошла и говорю: «Батюшка, у меня рак, уже шесть лет прошло, как нашли... Батюшка, говорю, вот у меня такая беда». А он на меня посмотрел: «Сколько, матушка, тебе лет?» Мне как раз было тогда 70. «Все то, что свыше 70, надо встречать с радостью и благодарить Бога, что он дал еще года пожить. А ты закручинилась – радоваться надо!» И я подумала: действительно обнаглела. Тебе 70 лет, и ты насчет чего-то какие-то планы строишь. Каждый год после 70 – это благодать. Это Господь Бог дает, радоваться надо!

Родной брат архимандрита Зосимы Прокопий (по словам родных, они были очень похожи). Фотографии архимандрита Зосимы, к сожалению, не сохранились

Теперь об архимандрите Зосиме (см. стр. 540). Род Мусатовых несколько необычный. Все были очень смуглые, чернявые, особенно мужчины, высокие, худощавые, поджарые все были, немножко нос с горбинкой. Я пыталась найти корни этого рода. Мне представляется, там могут быть какие-то примеси татарской крови. Хотя поговаривали о болгарской, но я не знаю, на чем основывались такие разговоры. Как мне рассказывала бабушка, у Артамона (до Артамона я не знаю родословной) были сын Алексей, сын Прокопий, была дочь – впоследствии монахиня Зосима.

Алексей был старшим. В 18 лет по обычаю его просватали. Как бабушка моя рассказывала, должны были на следующий день ехать сватать невесту, все уже были готовы, а он ушел ночью, и куда ушел – никто не знал. Не оставил никаких записок, ничего – ушел. И очень долго никто не знал, где он. Пытались его найти. В конце концов стало известно, что он послушник в Иоанно-Богословском монастыре.

Артамон поехал в монастырь, чтобы попытаться его уговорить вернуться домой. И когда, как мне рассказывала бабушка, Алексей увидел, что едет лошадь знакомая, он пришел к настоятелю и попросил послать пахать поле (а дело было по весне) где подальше, куда-нибудь далеко-далеко, чтобы не встретиться с отцом. Он боялся, что отец начнет уговаривать, а он может не устоять.

В конце концов Алексей получил постриг, стал монахом Зосимой. Архимандрит Зосима умер в 1934 году. Мама моя его застала. Они часто ездили к нему в монастырь. Отец Зосима был очень добрый, очень ласковый. Он уже был старенький, плохо видел. Мама просила, чтобы ее рано будили. Жили они где-то не в самом монастыре, а рядом. И утром надо было успеть получить просфору. Отец Зосима обязательно даст просфору!

Его родная сестра стала монахиней Коломенского монастыря. В Коломне был Успенский Брусенский женский монастырь, он по древности своей чуть-чуть уступает Иоанно-Богословскому. Из семьи Артамоновых ушли двое в монастырь, а бабушкина родная сестра Дарья тоже ушла в монастырь, стала монахиней Нимфодорой, это я уже очень хорошо помню.

В 21-м Брусенский монастырь закрыли, монахинь разогнали окончательно в 1929 году. Монахиня Зосима и тетя Нимфодора приехали в деревню. Матушка Зосима приехала в Ходынино, там оставался родной бабушкин брат дедушка Афоня, Афанасий Прокопьевич, у которого и остановилась мать Зосима.

Ах, как необычно складываются судьбы! Я рассказывала отцу Авелю многое про нашу семью. Ему все было интересно. Когда Иоанно-Богословский монастырь закрыли и монахов сослали, пострадали и монахини, жившие неподалеку от монастыря. Мать Зосима и тетя Нимфодора оказались в ссылке в Казахстане. И вызволил их – кто бы мог подумать? – один из благотворителей монастыря.

Егорьевский фабрикант Хлудов многое сделал для монастыря перед революцией. Егорьевск тогда входил в Рязанскую область. В Егорьевске жил и другой известный фабрикант и благотворитель Никитин. Интересно, что основать свое дело ему помог Хлудов, предоставив кредит. Впоследствии семьи даже как-то породнились. После революции ткацкими фабриками надо было управлять, для этого нужны были образованные люди. Фабрики в годы Гражданской войны не работали, надо было все восстанавливать. Промышленники Егорьевска, хотя и лишились собственности, но остались в качестве технических специалистов. Кое-кто потом уехал во Францию, а Никитина перевели в Москву в наркомат легкой промышленности, где он продолжал заниматься техническими вопросами.

Вот Никитин и помог. Выхлопотал разрешение и вернул из Казахстана монахинь. Предлогом была болезнь жены Никитина, за которой надо было ухаживать. А в действительности монахини тихо и мирно жили в Подмосковье на даче. Я это время помню, помню, как гостила в Москве. Никитиным хорошо была знакома обитель в Коломне, Брусенский монастырь. Среди монахинь был кто-то из их дальних родственниц. Интересно, что в бывшем особняке Никитиных в Егорьевске теперь размещается историко-художественный музей.

Когда я приезжала в монастырь, батюшка Авель всегда говорил, чтобы я подошла к иконе и сходила на могилку к отцу Зосиме.

Я хожу по монастырю, разговариваю с отцом Авелем, я спокойна. А подхожу к раке архимандрита Зосимы – у меня слезы. Опускаюсь на колени, и я вся в слезах. Не знаю, чем объяснить. Я его правнучка, я к нему подхожу и мысленно говорю: «Господи, мы настолько грешны, молись за нас!»

Наши родственники все похоронены у Летовской церкви. Это недалеко от Богословского монастыря. Там бабушка похоронена, дядя, брат, все. Священник церкви был знакомым моего двоюродного брата, который был председателем сельсовета, бригадиром был. Брат очень хорошо знал отца Авеля. В монастырь породистых коров дал. Вот они с отцом Авелем и нашли могилу отца Зосимы.

У нас была фотография архимандрита Зосимы. Хорошо помню: он сидит в белом облачении, у него несколько наград, сам седой и борода седая. Эта фотография была у моей тетки, которая всю жизнь прожила в деревне. А бабушка ездила в Иерусалим, была во Святой земле с архимандритом Зосимой. В семье хранились ее четки и кувшинчик-чайник с надписью «Иерусалим».

Кто у нас в Пощупово в монастырь чаще всех приходит? Вы сами видели: бабушки, простой народ. Они в батюшке Авеле души не чаяли, они его любили, для них он был все. Они к нему шли. Так же и я приезжала и за него держалась. Обниму, и мне кажется, что его тепло ко мне приходит. Только сейчас понимаю масштабность его личности. Общаясь с отцом Авелем, вы ее не почувствуете, это простой человек, он кажется обыкновенным. А на самом деле он необыкновенный. Он сыграл большую роль в судьбах многих людей. И каких людей! Монастырей, которые возрождаются духовностью, можно по пальцам пересчитать.

Надо сказать, что отец Авель не был добреньким, он бывал очень строг. Разговаривает, разговаривает, но если вдруг что-то, у него лицо и глаза становились такими, что ты вытягиваешься по стойке «смирно». Сразу чувствуешь, что ты делаешь что-то не так. Помню, как в первый раз я приехала в монастырь с большой долей самомнения. Первому встреченному мною монаху я сказала, что я внучка отца Зосимы и хочу поговорить с настоятелем. Каково же было мне услышать, что батюшка посоветовал сходить помолиться в храм, к иконам, потом спуститься в усыпальницу,

поклониться отцу Зосиме, а о личной встрече – ни слова. Я сразу осела. Меня поставили на место, да, но, думаю, как же тебя, милую, понесло! Хочу видеть настоятеля, и все тут...

Потом, после первого знакомства, приезжала к отцу Авелю как любая женщина со своими делами, со своими болями. Да даже не в том дело, что я о себе говорила, я его слушала. Мы с ним просто беседовали, но как много это значит... Как-то приехала и говорю: «Вы знаете, батюшка, мне, наверное, надо уходить с работы...» Он посмотрел на меня: «А силы есть работать?» – «Да, силы есть, но все-таки уже неприлично: восьмой десяток, столько лет генеральный директор...» – «Говорят, чтобы уходили?» – «Нет». – «Тогда работайте». – «Хорошо, буду работать».

Я шла интуитивно, что-то вело к нему. А есть люди, которые понимали его значимость.

Приехала поклониться памяти батюшки Авеля. Очень, очень много было цветов! Какая-то женщина подошла – теперь уж не знаю, кто она такая, но не монахиня, – и мне сказала: «Возьмите на память сухие веточки...» – «Давайте...»

Поставила дома к иконам, а они распустились...

Константин Эмильевич Лайкам, заместитель руководителя Федеральной службы государственной статистики:

«Он производил на людей очень сильное впечатление!»

Принеси свет, и тьма отступит сама.
Эразм Роттердамский

Познакомились мы с отцом Авелем в 1990 году. Я тогда занимался бизнесом, и Володя Калашников (мы были с ним партнерами) предложил поехать в Пощупово, посмотреть, не нужна ли им помощь. По-моему, кто-то в мэрии подсказал.

Приехали, действительно руины. Склады, которые были там, уже освободили. Монахов и послушников было человек десять. Храмы не действовали, служили только на первом этаже в колокольне. Соорудили что-то временное из фанеры и досок.

Мне всегда нравились церкви, храмы только как архитектурные сооружения. А вот с людьми первый раз тогда столкнулся, впервые вообще столкнулся со священниками.

Не забуду того первого впечатления. Люди полностью посвятили себя служению – замаливать наши грехи, обрекли себя на жизнь совершенно без удобств. Неустроенность, грязь, пост, жесткий устав... К тому же молятся, службы длинные день и ночь. Это сильное впечатление произвело.

Архимандрит Авель

Сразу же познакомились с батюшкой, он был не просто как родной отец, а как родной дедушка – очень доброжелательный.

Ну и с того момента из атеиста через уважение к слову этих людей пошло потихоньку движение навстречу.

Это было настолько далеко от меня! Обычный пионер, комсомолец. Немного разбирался в технических науках, материалист.

Меня больше сначала интересовала история монастыря. Ну и личность батюшки. О нем много говорили в Рязани: монах с Афона! Он вообще производил на людей очень сильное впечатление.

Помощь наша монастырю была сначала небольшой. А потом мы стали приезжать к батюшке и помощь стали оказывать больше.

Хочу рассказать, что всегда происходило что-либо удивительное. Надо ехать в монастырь на какой-то праздник или по случаю, и никогда нет возможности что-то сразу взять на подарок. Ни разу не было такого – всегда надо что-то преодолевать. Или в долг залезть, или еще что-то такое придумывать. А организация была маленькая на тот момент, по тем временам крошечная компания была (это потом мы выделились, подросли). На самом деле приходилось както там перебиваться.

Поразительная вещь: спустя неделю-две вдруг на тебя сваливался контракт или еще что-то такое, на что ты не рассчитывал, например кто-то рассчитался с долгами.

У нас главный бухгалтер, женщина в летах, ей где-то за 65 лет было, она просто поражалась! Ей приходилось искать какие-то ресурсы, хоть какие-то деньги. И через довольно короткий промежуток времени все возвращалось сторицей, всегда. Это было поразительно. У нас, у прагматиков, вера приходит через опыт, и этот опыт был нам предоставлен.

Архимандрит Авель с келейником Сережей в трапезной монастыря. Пасха. 2006 год

Я рассказывал на поминках совершенно особый случай о силе его молитвы.

Случилось так, что меня стали выдвигать в депутаты Госдумы. 1993 год. У меня никогда не было и мысли на этот счет. Ни по призванию, ни по складу характера я в политики не годился. Тем более я прекрасно понимал, что предприниматель с немецкой фамилией, даже не ученый, не интеллигент шансов не имеет. Я родился в Северном Казахстане, у меня отец немец, в Казахстане долгими путями оказался. Потом в 70-х годах мы переехали, его перевели в Рязань.

Вокруг меня в политике только коммунисты, Рязань – красный пояс, серьезные люди. Идет 1993 год. Рязань стоит, предприятия не работают.

И вдруг вносят в списки на выборы Володю Калашникова, Воронина. Потом выяснилось, что это по недоразумению, что кто-то поверил, будто это все реально. Я бы никогда не принял предложение выдвигать мою кандидатуру, если бы не было там человек 20 в списке. Ну для массовости и я дал согласие.

Потом 10 человек сняли свои кандидатуры, потом еще – и в конце концов остался я один.

Говорю: «Ребята, ну не бывает чудес, деньги зря, расходы зря, ну что смешить народ, нереально это. В Рязани этого не может быть по определению».

И тут произошло абсолютное недоразумение, которое прояснить до сегодняшнего дня я не могу: настояли – все, идти мне на выборы.

А тут еще я стал каким-то там руководителем Ассоциации предпринимателей или Союза предпринимателей Рязани. В Союзе предпринимателей была формулировка о поочередном замещении руководящих должностей, и на тот момент я стал руководителем.

Полный ужас, конечно, но что остается делать? И поэтому абсолютно серьезно мы поехали в монастырь попросить благословения.

Приехали к отцу Авелю. А жил он тогда в небольшом монастырском домике. Зима, все занесено, пролезть негде, ветер. Зашли в его домик. Стоят иконы.

Он как-то ко мне очень по-доброму относился, незаслуженно, но всегда очень по-доброму. «Ну давайте вот Богу помолимся. Ну давайте помолимся, а там видно будет, если суждено, так суждено, там видно будет. Конечно, я благословение дам на хорошее дело, давайте помолимся Богу», – вот такую форму выбрал.

Мы еле-еле зашли, вы же представляете, Володя Калашников – такой богатырь, Ирина Жукова и я. Короткая молитва, поехали обратно.

Через неделю стало ясно: молитва дошла до Бога. Я ни с того ни с сего стал депутатом Госдумы. С того момента пришлось прекратить предпринимательскую деятельность.

Восстановление монастыря шло буквально на глазах. Один за другим оживали храмы, большую колокольню привели в порядок. Восстановили ограду, братский корпус.

Конечно же, я помню всех, кто помогал на начальном этапе. Это мой замечательный друг Володя Калашников, люди с нефтезавода, потом подключились строительные фирмы.

В бытность мою депутатом Госдумы я представлял интересы Рязани в Москве, выбивал деньги на проекты. На мое депутатство пришлось 900-летие Рязани и 100-летие Есенина. Удалось добиться выделения средств, и наш рязанский «Автодор» получил контракт на строительство современной развязки и моста через Вожу. Тем самым мы улучшили дорогу на Константиново, родину Есенина.

Я попросил дорожников, которые работали недалеко от монастыря, чтобы они сделали планировку территории, заасфальтировали дорожки и подъезды. Тогда «Автодор» очень помог, это реальное дело было.

Я многим рекомендовал в монастырь обращаться. Место воистину уникальное, яркая личность отца Авеля, древняя история обители.

И вот случай был.

Была у нас волевая, авторитетная женщина первым заместителем министра труда и социального развития. Очень моторный человек, энергичный. Превосходно работала, пользовалась глубоким уважением. Попала в министерство из депутатов, из Совета Федерации. Побывали в Рязани, заодно и в монастырь заехали.

У нас образовалась большая компания: рязанская служба занятости, социальная защита, еще кто-то, я тогда был заместителем министра. Мы поездили по Рязани, посмотрели, чем помочь по детским программам отдыха, усыновления детей.

Заодно и в монастырь заехали. Нас было человек шесть, наверное, и мы пришли в этот новый домик к батюшке. Я представляю людей... И вдруг отец Авель обращается к ней: «И как же так? Мы на своем опыте убедились – встретились с огромными трудностями, когда пытались открыть школу для сирот, приют. Всем чинят препятствия в таком деле!»

Наши рязанцы попытались оправдаться, что это не к нам, что это не социальная защита, это по линии образования, в Рязанский комитет образования, в их ведении детские дома. «К вам, не к вам, не знаю, разбирайтесь!»

Архимандрит Авель с братией Свято-Иоанно-Богословского монастыря встречают епархиального архиерея

Я думал порадовать человека, мы выходные потратили, заехали под занавес, перед возвращением в Москву. И тут получили отповедь при стечении народа. Первый заместитель министра оказалась волевой женщиной. Нормально вела себя всю дорогу в Москву.

Это был совершенно необычный случай, поскольку я батюшку Авеля никогда таким не видел. Он в отношении со мной всегда благостный, необыкновенно мягкий. А тут такая жесткость.

Но оказалось, это все было на пользу, потому что буквально через месяц-два она стала вице-премьером. Может быть, он очистил ее? Я не знаю...

Я часто приезжал к отцу Авелю. В последний год мы долго беседовали в июле, он в хорошем был состоянии, ничего не предвещало скорого конца. Понятно, что был болезненный, но выглядел хорошо и мысли были свежими.

Мы проводили сельскохозяйственную перепись, я ее курировал. Первую неделю ездил по Московской области, а во вторую неделю поехал в Рязань. Думаю, в Пощупово заеду – посмотрю, как перепись проходит, и за благословением к батюшке загляну. Нам целый месяц сведения собирать, а потом еще предстоит обработка.

Приехал. Беседуем, слово за слово, и я спрашиваю: «А как Вы относитесь к переписи? У нас есть благословение Святейшего Патриарха...» Монастырь – в сельской местности. Как, с какими чувствами здесь относятся к переписи? Я вижу, он как-то просветлел весь. Отец Авель и так-то необыкновенно обаятельный, а тут прямо лицо просветлело! Я не могу понять: «Что такое? Что Вас так обрадовало?» Он и говорит: «Дорогой мой, как я рад, что ты проводишь перепись! Запомни, никогда Православная Церковь не будет возражать против переписи». – «Наверное, потому, что верующие законопослушные?» – «Нет, ты не понял. Потому что православие началось с переписи. Христос родился во время переписи».

Я рассказывал этот случай на поминках по отцу Авелю.

Этот ответ меня поразил...

Владимир Петрович Харченко, директор РНЦ рентгенорадиологии, академик РАМН:

«Отец Авель был просто уникальным человеком»

В сердце, которое распахнуто настежь,
может находиться целая вселенная.
Д. Мейси

В 2000 году ко мне обратились из одной организации с просьбой проконсультировать. Обратились люди, для которых отец Авель много сделал своим участием в их делах. Естественно, батюшка сам-то не занимался этими проблемами, он выступал как духовный помощник во всех делах, особенно как помощник руководителя этой организации, которого я знал много лет.

Когда я батюшку осмотрел, сразу стало ясно, что речь идет об опухоли. У него уже проявились симптомы, он был ослаблен, было нарушено питание, патология была явной, нужно было только разобраться в распространенности опухоли, нет ли выходов в другие органы, и решить вопрос: как помочь ему?

Отец Авель был госпитализирован в клинику с его помощником – послушником. После обследования и уточнения диагноза стало ясно: единственное, что может помочь, – это операция.

Особенность опухоли в кишечнике такова, что пациент быстро слабеет, теряет силы. Все биохимические показатели, возраст – все говорило: операция несет в себе определенный риск.

Несмотря на тяжелое заболевание, отец Авель был очень сильным человеком, сильным духом. Он вообще ни на что не жаловался. Я думаю, что он не жаловался не потому, что у него не было клинических симптомов. При таком заболевании, на такой стадии и при таком большом размере опухоли все клинические симптомы бывают налицо. Просто он все в себе держал, скрывал, он никому не жаловался.

Как обычно ведут себя пациенты – каждый день какие-то новые жалобы. Но батюшка держался очень мужественно. У него никогда никаких жалоб не было. Я приходил, его осматривал – он всегда сначала интересовался моим здоровьем, как я себя чувствую. Прежде чем я у него спрошу, он говорил: «Нет, позвольте, сначала я узнаю, как Ваше здоровье?»

Архимандрит Авель на крылечке дома наместника Свято-Иоанно-Богословского монастыря

Безусловно, когда видишь такого сильного духом человека, то стараешься сделать все, что только возможно, чтобы помочь ему. Это при том, что отец Авель был не могучего телосложения, не какой-то там крепкий богатырь, а очень скромный щупленький старичок и вместе с тем такой вот силы духа человек. Он очень располагал к себе.

Операция, безусловно, несла в себе риск, но прошла, слава Богу, благополучно. Послеоперационный период он тоже перенес, я бы сказал, легко. И в послеоперационном периоде батюшка также ни разу не сказал, что у него есть боль, ни разу не сказал, что его что-то беспокоит. Он меня всегда успокаивал, когда я приходил на ежедневный обход, говорил, что все хорошо идет.

В этом отношении отец Авель был просто уникальным человеком.

Он выздоровел, выписался. Все эти годы батюшка периодически к нам приезжал, это обычное дело – мы наблюдаем онкологических больных. В назначенные сроки он всегда приезжал на контрольное обследование. Несмотря на операцию (была удалена опухоль вместе с частью кишечника, а это сказывается на питании человека), отец Авель соблюдал все посты.

В связи с тем, что он соблюдал посты, ему периодически надо было проводить небольшой курс реабилитации, что и делалось нами. Будучи у нас, он ездил в московский храм, даже самостоятельно совершал там богослужения.

Когда он находился здесь, очень многие интересовались его здоровьем, и я понял, что отец Авель известен на очень высоком уровне. Все отзывы, которые я слышал о нем, подтверждали, что это уникальный человек.

Я с ним часто встречался, беседовал. Батюшка много рассказывал о своей судьбе, о годах гонений, которые он перенес, о том, как принял постриг в 17 лет... Очень много интересного рассказывал и о годах жизни на Афоне.

Отец Авель приезжал на реабилитацию и пользовался большим уважением среди сотрудников клиники, которые навещали его. Можно сказать, беседы всегда заканчивались небольшими проповедями.

Он много рассказывал, что сейчас происходит в современной жизни с моралью, этикой, много говорил о воспитании молодежи. Интересный был собеседник, очень интересный.

Несмотря на то что архимандрит Авель был человеком высокого уровня в нашей Православной Церкви, он был очень доступным. Первое впечатление – это был простой провинциальный священник, сельский батюшка. Но простота в поведении присуща людям, которые высококультурны, высокообразованны и занимают высокое положение. Они осознанно так себя ведут. Я это чувствовал, когда посещал монастырь. В его покоях – там все очень скромно...

Батюшка много рассказывал о восстановлении монастыря. Мы говорили о религии, истории. Я познакомился с его племянником, ныне владыкой Иосифом. Мне представляется, батюшка вложил в него много сил, он его готовил себе на замену в деле служения Церкви.

Сегодня не так-то часто встречаешься с людьми, которые посвятили всю свою жизнь без остатка Церкви, православию. Поэтому было интересно коснуться в разговоре самых разносторонних проблем, жизненных ситуаций. Я получил очень много полезного – ответы на вопросы, которые давно в общем-то стояли передо мной, выяснил и некоторые вопросы, касающиеся православия. Батюшка помог понять мне многое из того, что еще было неясно и непонятно. Это невозможно было выяснить при посещении церкви, при присутствии на богослужении. Нужно было именно поговорить глубоко по душам с человеком, который посвятил Церкви всю свою жизнь.

В этом плане батюшка был человеком, которого переоценить невозможно. Отец Авель действительно нес в сознании добро. Он был отмечен необыкновенным даром умения организовать вокруг себя людей разного уровня, самых разных профессий. К нему тянулись все! А мы знаем много священников, которые в общем-то не имеют такого широкого круга духовных чад, единомышленников. И это при том, что отец Авель находился в удаленном монастыре, не где-то в крупном городе.

Его сила духа, сила убеждения, его отношение к христианству, к Православной Церкви, все это притягивало людей, и он пользовался очень большим авторитетом. Когда я был у батюшки в монастыре, видел: к нему приходили десятки молодых людей и все просили его благословения. Молодые! Это показатель серьезный, учитывая то, что сейчас настроения большой части нашей молодежи, их поступки далеки от русских традиционных, от православных...

Я считаю: мне в жизни очень повезло, что я встретил такого человека. Несмотря на то что я выступал в роли врача и, казалось бы, встреча с батюшкой произошла случайно, я думаю, что нет, не случайно пересеклись наши пути...

Я счастлив, что смог помочь этому человеку, что жизнь его на долгие годы была сохранена и он очень много принес людям добра за семь лет, прошедших после операции. Кстати, прогрессирования опухоли у него не было. Просто его генетически запланированные возможности, видимо, были исчерпаны, и организм, видимо, ресурс свой выработал.

Он очень сердечно ко мне относился до последних дней. То, что мне выпала честь так близко общаться с таким человеком, это важное событие в моей жизни...

Одной из тем наших с ним бесед было его почитание святителя Луки Войно-Ясенецкого, великого хирурга, который последние годы возглавлял Крымскую епархию. Я сам родом из Крыма, учился в Симферополе в мединституте как раз в те годы, когда архиепископ Лука, если можно так сказать, был в зените славы как ученый и хирург и искренне любим народом как священнослужитель. И все это несмотря на то, что в 50-е годы (я окончил институт в 1960-м, а святитель Лука умер в 1961-м) партийный контроль над всеми сторонами жизни общества был очень силен. Архиепископа

Керчь. Церковь Иоанна Предтечи – старейшая из действующих церквей в Северном Причерноморье (X–XI века, построена на фундаменте более раннего храма VI века).
Мемориальная доска в память святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа Симферопольского и Крымского, выдающегося хирурга

Луку, конечно, притесняли сильно. Не лично, а, так сказать, опосредованно. Закрывали церкви, партийные органы переманивали на свою сторону неустойчивых священнослужителей. Все это служило цели снизить роль Церкви, уничтожить дух Церкви.

Но архиепископ Лука все равно налаживал так дело в Крыму, что в деревнях общины были. Разрушали церкви, а молитвенные дома все же были. И население все так же отмечало религиозные праздники.

Конечно, многое ушло в подполье, потому что был налажен контроль. Кто ходил в церковь, кто крестил детей – за это наказывали, исключали из партии родственников и родителей. Несмотря на это, люди тянулись к религии, крестили детей.

Когда учился, я знал о деятельности архиепископа Луки. Помню, ходили слухи, что он преподавал в Симферопольском медицинском институте на кафедре анатомии. Однако я думаю, что он не был там в составе преподавателей, не занимал официально должности профессора. Но просветительскую деятельность он вел, это несомненно. И его известность, его влияние в среде студентов-медиков были огромными.

Профессор Войно-Ясенецкий был хирургом в госпитале в Ташкенте. У него в операционной икона висела, и он всегда молился перед операцией.

За веру он пострадал сполна: прошел ад тюрем, ссылок и лагерей. Его посылали с одного места на другое – то в Архангельский край, то в Туруханский край, за Полярный круг.

Я всегда очень интересовался судьбой великого хирурга святителя Луки Войно-Ясенецкого. У меня собрано все, что издано о нем и у нас, и за рубежом. Представьте, с каким трепетом я узнал, что судьба свела меня с человеком, хранившим посох святителя Луки!

Я приехал к батюшке в монастырь, я держал посох в руках...

Как рассказывал батюшка, посох передал ему знакомый, который с Войно-Ясенецким встречался в Сибири, когда тот был в ссылке. Потом этот знакомый, бывший с отцом Авелем в хороших отношениях, и передал ему посох. Батюшка Авель очень почитал святителя Луку...

Все в нашей жизни не случайно! И то, что батюшка более восьми лет был игуменом на Афоне в монастыре целителя Пантелеимона, тоже не случайно! Для меня и моих коллег, для нашей клиники очень важна эта связь: ведь батюшка Авель освящал наши помещения – хирургию, реанимацию и многие другие. Он подарил иконы, которые мы бережем и почитаем.

Мне он подарил икону святителя Луки вместе с частичкой мощей.

И видимо, молитвам батюшки мы обязаны многими нашими успехами...

Лидия Павловна Нечипоренко, врач-терапевт РНЦ рентгенорадиологии:

«Он притягивал к себе людей»

Кто познал немощь естества человеческого,
тот получил и опытное познание силы Божией помогающей.
И такой никогда не уничижает никого из людей.
Ибо знает, что как ему помогла сила Божия
избавиться от многих страстей и бед,
так и поможет всякому,
кто обратится к Господу.
Преподобный Максим Исповедник

С батюшкой мы познакомились, когда его в 2000 году впервые привезли к нам на обследование.

Он производил впечатление больного человека безусловно, потому что был очень бледненький, очень слабенький. Но несмотря на это, он весь светился изнутри!

С ним приехали сопровождающие – матушка Гавриила, его сестра Антонина Николаевна, еще кто-то. Такая скорбь у них была написана на лице, так они все сильно переживали за него!

Положили мы его в палату сначала на восьмой этаж. У нас хирургия на пятом этаже, а на восьмом ординальное отделение. Пришла к нему в палату, здесь и произошло первое знакомство.

Он стал рассказывать, что очень болел в детстве. Порок сердца. И действительно, я услышала такие шумы, что исполнилась сомнений. Представить было невозможно, что он сможет перенести операцию. Сердце ослабленного, больного человека. Аортальный порок тяжелейший плюс низкий

гемоглобин, плюс белки низкие. Он еще строго соблюдал посты. Даже страшно было подумать, что его надо будет оперировать.

Он очень мужественно переносил все исследования. Исследования желудка, исследования кишечника в его состоянии – очень тяжело. Никогда от него никаких возражений, никакого даже звука, свидетельствующего о том, что тяжело, что больно.

«Батюшка, надо это сделать». – «Хорошо, Лидия Павловна, сделаем, хорошо». Полное благолепие было.

Так получилось, что наш главный хирург академик Владимир Петрович Харченко собирался на какой-то конгресс. А здесь речь шла о том, что батюшку надо оперировать, и побыстрее. Настолько организм ослаблен, настолько низкий гемоглобин и низкие белки, что дальнейшее промедление было опасным.

Когда я пришла и доложила Владимиру Петровичу о том, что у нас лежит такой дивный батюшка, который возглавлял Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне, он отложил все: «Я его сразу посмотрю».

Батюшка впоследствии всегда это вспоминал как чудо: «Мне все говорили, что Владимир Петрович должен уехать, Владимира Петровича не будет... И тут же – «Вас идет смотреть Харченко», буквально в этот же день – «Вас оперировать будет академик Харченко».

Владимир Петрович осмотрел его, сказал, какую необходимо провести подготовку. И мы стали его интенсивно готовить и прооперировали.

Владимир Петрович – гениальный в своей области человек, операции выполняет изумительно, как говорят, врач от Бога. И в то же время мы считаем, что произошло Божие чудо, потому что с таким сердцем выдержать операцию в таком возрасте, выдержать наркоз, благополучно пройти через непростой послеоперационный период – я считаю без милости Божией невозможно.

Я это говорю как врач: возраст, тяжелейший порок сердца, постинфарктные изменения на ЭКГ, инсульт в анамнезе – и перенести наркоз,

перенести послеоперационный период! Это уже само по себе невероятно, не говоря уж о характере операции.

Его оперировали, провели исследования, это деликатная тема сама по себе. Слава Богу, все благополучно прошло.

...Владимир Петрович Харченко родом из Крыма, и вот он узнал, что у батюшки есть посох святителя Луки Войно-Ясенецкого, великого хирурга. Представьте: день, когда Владимир Петрович к батюшке впервые в палату пришел, совпал с днем памяти святителя Луки...

Как только батюшка чуть-чуть пришел в себя, сразу стал ходить с палочкой по отделению. Сразу со всех сторон его обступили женщины, он со всеми говорил, давал советы, к нему подходили под благословение. Несмотря на то что он слабенький еще был, он никогда никому не отказывал.

Я ему говорила: «Батюшка, вам тяжело, отец Авель, не надо. Потому что люди не понимают, что вы еще слабый». – «Нет, нет, нет, Лидия Павловна, надо помочь, надо помочь».

Кто-то ему записочки приносил, о ком-то он молился. По коридору за ним свита ходила из больных, которые просили его совета, что-то спрашивали.

Владимир Петрович распорядился, его перевели на другой этаж. Организм ослабленный был, ему надо было восстанавливаться, ограничив круг посещения. Решили, что на другом этаже, в торакальном отделении, его не будут беспокоить. Хотели, чтобы он восстановился, пришел в себя и потом уж принимал народ.

А батюшка и здесь проявил себя. Он освятил все отделение, в первую очередь реанимацию, потом хирургию, потом диагностическое оборудование, все кабинеты. У меня даже фотографии сохранились, как он все освящает!

Митрополит Ювеналий к нему приезжал, батюшек много к нему приезжало, из монастыря постоянно к нему ездили, то есть церковный народ был у него постоянно.

Отец Авель очень любил цветы, любовался ими. Я всегда покупала ему цветы, приносила, ставила в палату. А один раз принесла корзиночку с цветами, и она ему так понравилась: «Ой, надо матушке Гавриилe показать, чтобы она делала у нас так же». Так эту корзиночку он с собой и забрал, увез в монастырь.

Куда его только ни водили на обследования, все его очень любили, все ему вопросы задавали, он советы всегда давал. Вот недавно пошла к ребятам в ЭКГ, а они говорят: «Когда к нам батюшка приедет? У нас тут проблемы, нужно, чтобы он у нас освятил все».

Потом отца Авеля благополучно выписали, и один-два раза в год батюшка приезжал на контрольное обследование.

Очень интересная тема, как батюшка относился к вмешательству медицины. Ведь он восемь лет был на Афоне, был настоятелем обители во имя целителя Пантелеимона.

Батюшка говорил: «Будем делать все, что вы считаете нужным. Врачи – от Господа, раз он их создал, значит, мы должны им подчиняться. Если надо лечиться, то я буду лечиться».

Он не отрицал возможность операции, он не противился тому, что его будут оперировать: «Раз вы считаете, что так надо, то так и надо».

Послушание было полное. Он никогда не сопротивлялся каким-то назначениям, такого не помню. Владимира Петровича он очень любил, ценил, уважал. Раз Владимир Петрович сказал – значит, надо. Раз надо – значит, будем делать.

В общем-то, он неплохо себя чувствовал до прошлого года. Мы его лечили, поддерживали, он восстанавливался, поднимался.

Когда батюшка попал сюда первый раз, он не спрашивал: православные врачи – неправославные, он видел всех.

У нас много православных людей, и как-то так сложилось, что все эти люди православные тянулись к нему. Градации он никакой не делал, но все люди, его окружавшие... ну, вы понимаете, он притягивал к себе людей.

Потом, после первого знакомства, к нему многие приезжали уже просто в гости в Рязань. Я была, Владимир Петрович ездил, другие доктора ездили.

Отец Авель у нас был последний раз в сентябре 2005 года.

Раньше он всегда четко откликался, живо реагировал. Ему скажешь: «Батюшка, надо вот столько полежать у нас, мы Вас полечим, сделаем то-то и то-то». А в этот раз, когда мы с ним разговаривали, я чувствовала какую-то неудовлетворенность в его речи. Он не откликался, как в прошлые приезды к нам. Какое-то внутреннее ощущение неудовлетворенности я почувствовала.

В тот приезд он мне сказал: «Лидия Павловна, я уже на остановке стою...» – «Батюшка, на какой остановке? Что Вы говорите!» – «Нет, нет, я уже собираюсь. Я уже собираюсь, и так Господь отпустил мне много времени». – «Батюшка, он Вас привел, чтобы Вы молились за нас, грешных. Вот и к нам привел...» – «И уже буду собираться...»

Тут он мне рассказал, что летом 2005 ездил в Печоры Псковские к Иоанну Крестьянкину, еще Иоанн Крестьянкин жив был.

Ездил он в Ярославль, где упокоился архиепископ Димитрий. Объездил дорогие его сердцу места, все эти места своей юности, где служил на приходах. Он рассказал, и у меня сердце сжалось. Я поняла, что он не просто так туда ездил... Мне тяжело стало, вот эта фраза – «Стою на остановке» – не шла у меня из головы.

Матушка Гавриила (она же как командир!) говорила: «Лидия Павловна, пусть он лежит, Вы уж постарайтесь, надо его подлечить, пусть он то-то и то-то...»

Обычно батюшка никогда не сопротивлялся, лежал, сколько надо было. «Сколько вы считаете нужным там прокапать и все такое – так и делайте».

А тут говорит: «Лидия Павловна, я буду собираться уже». Так совпало, вот не помню какой, но праздник выпадал. «Батюшка, Вы же неделю только у нас лежите, мы еще не все сделали. И Владимир Петрович не разрешает. Мы должны провести полный курс лечения!» – «Нет, Вы знаете, как я отношусь к Владимиру Петровичу, но Владимир Петрович – не Господь Бог. Я должен уехать, я не могу пропустить такой день, я не могу быть здесь». И уехал.

Он всегда всем дарил какие-то подарочки, какие-то сувенирчики. Образ Царицы Небесной «Знамение» Корчемная он подарил всем, кого любил, к кому относился с благоговением. Владимиру Петровичу в первую очередь.

Все приходили к нему, он им передавал на память иконы.

И уже перед отъездом взял Царицу Небесную и заплакал: «Лидия Павловна, я всем этот образ подарил, Вам только не подарил». До меня не дошло тогда – он знал, что последний раз здесь у нас. Я как-то по-другому это восприняла, ну совершенно по-другому. На свой счет это приняла как-то. Только потом поняла, что он знал – это последний раз и поэтому дарил всем иконы.

Он целовал этот образ и плакал, и стоял перед ним...

Летом 2006 года ему стало хуже. Потихонечку стала нарастать анемия. Трудно сказать, что это было, хотя Владимир Петрович говорил, что это не прогрессирование его прошлой болезни.

Ему стало плохо, а ехать в больницу он не хотел. Матушка Гавриила позвонила: «Плохо». Я говорю: «Везите, матушка». – «Он не хочет». Владимир Петрович говорил, что мы никакие тяжелые исследования делать не будем. Ультразвуковое исследование сделаем, а остальное – общеукрепляющие

процедуры, поддерживающие, направленные на повышение гемоглобина. Отец Авель знал, что исследования проводиться не будут, и все равно не поехал.

Трудно из сумбура последних месяцев какие-то крохи выбрать. Я думаю, что он знал что-то такое, что нам не дано...

Когда стало плохо и матушка Гавриила мне позвонила, я пошла к Владимиру Петровичу. Решили собрать бригаду, ультразвуковой аппарат и другое оборудование взять, докторов отправить. Честно говоря, я очень перепугалась и не хотела ехать, в душе не хотела ехать.

Матушка Гавриила перезвонила, она все доложила батюшке, а он сказал: «Никакой бригады, я не благословляю».

Матушка Гавриила сказала: «Раз не благословляет – значит, все».

Мы посовещались и назначили ему лекарственную терапию. С транспортом в монастыре проблем не было, они бы привезли его к нам в любую минуту. Пожалуйста, мы сами можем приехать, тоже все условия есть. Тем не менее нас не благословляют.

Потом мы по собственной инициативе все-таки поехали на реанимобиле в монастырь. Батюшка очень слабенький был, лежал спокойно, совершенно не было у него ни страха, ни печали. Была какая-то тихая-тихая радость.

«Батюшка, я приехала за Вами, Владимир Петрович сказал привезти вас. Полечим немножечко, поддержим».

А он смотрит на меня и говорит: «Лидия Павловна, если поехать, чтобы только попрощаться со всеми вами, я поеду. Вот только для этого поеду, если Вы скажете. Надо – значит, поеду».

И у меня не хватило духу сказать: «Батюшка, давайте поедем». Потому что он видел сквозь нас, я думаю. Потому что стало ясно: ничего мы сделать не сможем. Его в нашей клинике все очень любили, но везти его из Рязани для того только, чтобы он со всеми попрощался, я не могла.

Решили, что не будем его брать...

Потом, спустя короткое время, мы собрались ехать еще раз к нему из Москвы и уже все приготовили, плазму взяли, взяли что-то прокапать ему...

Хотели ехать без звонка, а потом позвонили. Отец Николай взял трубку: «Лидия Павловна, а Вы не знаете? Батюшка умер...»

Так все оборвалось...

После операции он прожил шесть лет...

Шесть лет мы с ним общались то по телефону, то лично. Ничего особенного я не рассказала, да и не смогу выразить словами то, что в душе останется навсегда.

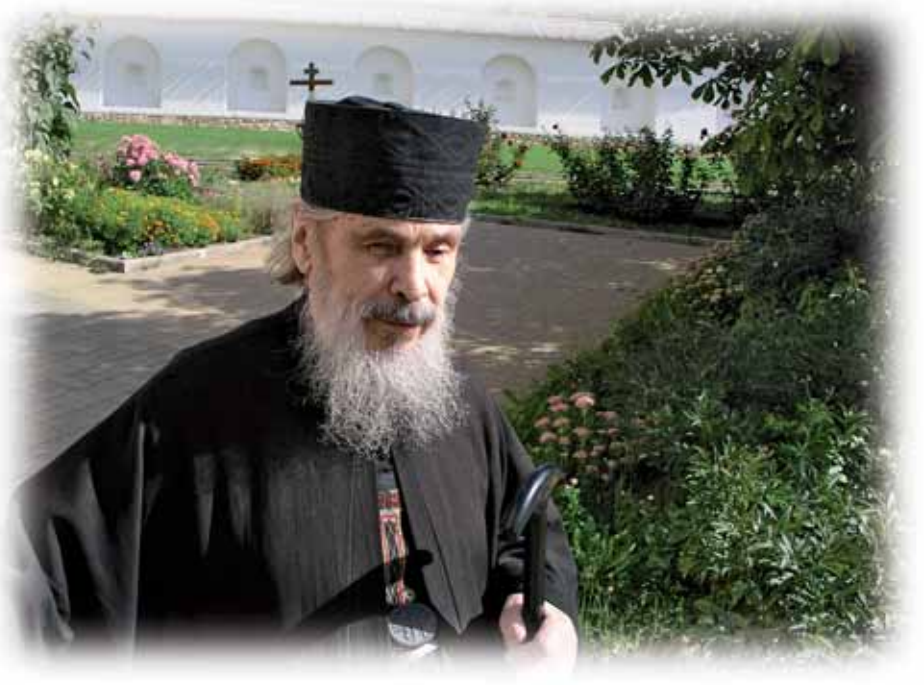
Надежда Евгеньевна Маркина, врач неврологического отделения больницы им. Н.А. Семашко:

«Батюшка читал меня, как раскрытую книгу, когда я-то думала, что это я его осматриваю и прослушиваю...»

Спокойно ложусь я и сплю,
ибо Ты, Господи,
един даешь мне жить в безопасности.
(Пс. 4: 9)

Я 19 лет работаю врачом неврологического отделения больницы им. Семашко. Пару лет назад моей пациенткой стала матушка Гавриила, духовная дочь батюшки Авеля. После выписки мы продолжали то чаще, то реже общаться по телефону. В сентябре она позвонила и сказала, что батюшка Авель чувствует себя плохо, но лечиться не очень хочет.

Какие-то советы я давала ей по телефону, понимала – матушке Гаврииле самой нужно осознать, что она сможет сделать в этой ситуации. Советы общего характера по обследованию, советы по питанию, по распорядку дня и тому подобное. Остановились подробно на необходимости обследования, но она жаловалась, что батюшка вообще-то не ориентирован на лечение.



В ноябре она позвонила и попросила приехать его посмотреть. Я свою помощь предлагала и раньше, хотя понимала, что, наверное, им занимаются люди и более высокого ранга.

С середины ноября я раз семь-восемь ездила в обитель. После работы за мной присылали машину и я отправлялась в Пощупово, в обитель. Свою функцию я видела прежде всего в том, чтобы провести осмотр, диагностировать ситуацию, но его не мучить.

В первый день просто спросила у него разрешения его осмотреть. В ответ: «Пожалуйста, что Вам нужно – все мне делайте». Совершенно спокойно его осмотрела. Конечно, картина была такая, что он, отказываясь от медицинской помощи, что-то запустил. Хотя, наверное, он и сам видел...

В тот первый раз он был очень плох, и мне казалось, что если мы срочно не примем каких-то экстренных мер с подключением моих коллег, частично хирургов и других, то мы его потеряем.

Я сказала матушке Гавриилe, каких именно специалистов надо подключить. Через несколько дней я приехала еще раз, и вот тут, пожалуй, мы с батюшкой поговорили чуть-чуть. Я умышленно уходила от разговоров, боялась у него что-либо спрашивать помимо выполнения своих

профессиональных обязанностей. Да и не знала, что спрашивать!

Я с ним общалась как с обычным пациентом: осмотр, динамика – хуже или лучше, жалобы. Что беспокоит? Осмотр... благословение... до свидания – в общем, вот так...

Но матушка Гавриила сказал, что он ждал осмотра. И я поняла... Он согласился на помощь врачей, потому что очень мучился и надеялся облегчить свое состояние чуть-чуть... Ему нужны были вот эти дни, недели...

Он за это время принял очень много людей! Люди к нему шли просто сплошным потоком с самого утра. Я обычно часов в шесть вечера приезжала и однажды спросила: «Чем Вы занимались с утра?» – «Пациентов принимал». Так и сказал! Вот так...

Один за другим со всей России шли прихожане, монашество, духовенство... Всех, кто приходил, принимал. Не знаю, каким он был с утра, а вечером – такой слабенький... Кого, как он принимал, какие давал советы? Удивительно! Слишком он был слаб для всего этого... Вот все, что я могу сказать как врач...

Обычно Сережа, келейник, помогал мне, если нужно поддержать или что-то сделать. А тут в один из этих дней я смотрю – Сережа сидит в уголочке. Молодой, сильный, крепкий, а уж выдохся. Я ухожу, а он говорит мне: «Можно я не буду вставать? Ночами не спали...»

Да, почему он еще не лечился: все дружно решили, что в вены никто не попадет. Но матушка Гавриила пригласила квалифицированную медсестру. Девочка такая хорошая, она умело все делала, попадала в вену, вводила нужные растворы.

Но были у нас дни, когда он хотел лечиться. «Будем делать?» – «Будем!» Была неделя, когда он с желанием выполнял все предписания, он начал есть, хотя его тошнило. Теперь я понимаю отчетливо: ему нужна

была эта неделя, чтобы завершить какие-то дела, которые он считал важными. К нему владыка приехал, у него побывало много народу...

Я его видела последний раз с 5 на 6 декабря. 6-го он ушел, а 5-го в девять часов вечера я была у него... Последние две встречи были особенными...

В воскресенье мы приехали с утра, он был очень плох: «Ничего не надо, лечения никакого не надо... Сережа, я умираю...» Сережа, келейник, сказал: «Нет, батюшка, что ты, что ты! Как же? Завтра праздник-то какой, сам рассуди...»

Ну тут, слава Богу, мы «решили, что будем лечиться», поставили капельницу.

И так как он был очень плох (я матушке Гаврииле сказала об этом) и я опасалась, что, может быть, даже не увидимся больше, я попросила у него в воскресенье прощения за все. Спросила, не обижается ли за что-нибудь? За лечение, за вопросы, назойливость? Он сказал «нет» и благословил меня.

Он всегда так горячо благословлял! И когда мы с ним беседовали по каким-то темам, я всегда очень свободно себя чувствовала. Так, будто давно-давно его знала...

Он не спрашивал, православная ли я? Было чувство, что батюшка молча и спокойно читал меня, как раскрытую книгу, когда я-то думала, что это я его осматриваю и прослушиваю.

Он благословил меня, и я ушла...

Во вторник снова позвонили: «Мы сейчас за Вами приедем, высылаем водителя». Я приехала, отец Авель был в сознании, но достаточно безучастный.

Вот эта его кровать, лежаночка... а он у самой стеночки, его даже не видно. Обычно батюшка лежал прежде посередине, даже ближе к краю. Мы с Сережей его подвинули, я осмотрела его и спросила: «Что, будем лечиться?» – «Как Вы хотите...»

Я посмотрела записи: низкое давление и утром, и вчера, в понедельник. Задала ему обычные вопросы: что и как? В ответ: «Благословляю...» И всё...

Он был уже где-то там, далеко от нас...

Отвечая на вопрос, обычно он смотрел на нас, а тут уже и не смотрел. Может быть, я была не права, но я просто не решилась его беспокоить. У меня с собою было много всего, но... мучить его иголками, уколами, капельницами...

Екатерина Михайловна Танцевило, директор молочного завода, Пощупово:

«Он дотронется до тебя, и ты летишь! Летишь! Живешь!»

Священник и вообще каждый священнослужитель Церкви должен приобресть усердною молитвою к Богу чистое сердце, доброжелательное ко всем, пространное, объемлющее всех людей Христовою любовью.
Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Раньше у колхоза в Пощупово была небольшая молочная ферма, молочный блок. Мы его выкупили и сделали мини-завод, пытаемся выйти на рынок, поставить продукцию в Москву.

Проблем много, и часто приходила к батюшке Авелю жаловаться на свою жизнь. Только благодаря его поддержке я выжила. Если бы не батюшка, давно бы все бросила.

Прихожу к нему: «...Я больше не могу...» Вот так начинались беседы. Он умел все раскладывать по полочкам: «Я вот так думаю, надо продолжать, и все будет хорошо. Все будет замечательно!»

И он нас поднял. С ним так легко было! Он дотронется до тебя, и ты летишь! Летишь! Живешь!

Действительно хорошо, благодать.

Производство наше небольшое, 30 человек сотрудников. Мы сразу зарегистрировали свою торговую марку. Были неопытны, денег было мало.

Неоткуда взять, вложить и сразу получить результат. Труд такой тяжелый, что иногда думала – все, я больше не могу.

Батюшка Авель говорил: «Надо продолжать, все получится». И начинал приводить примеры.

Я пошла по пути производства и поставки натуральной продукции. Хотела делать только натуральную продукцию.

Но вот один раз мы делали масло, и были у нас какие-то временные проблемы. Я взяла и добавила в масло спред (комбинированное масло из растительных масел, животных жиров, молока, вкусовых, ароматических и прочих добавок). Но оказалась в убытке. Я тогда перепугалась, то есть Господь меня сразу наказал. Я после этого молилась: «Господи, я больше так делать не буду!» Батюшка Авель меня укрепил: «Дорогая моя, раз уж пошла по этому пути, так иди до конца по этому пути».

Я не думала, что молочное производство окажется таким тяжелым здесь, в этих условиях, в это время. И Господь послал мне батюшку с его молитвами, с его советами. За пять лет, которые я здесь, я вытащила производство. С его помощью.

Как только заканчивалась служба, батюшка выходил и весь храм бежал за его благословением. Толпой: взрослые, старенькие, молодые – все. Все к нему с вопросами. И важно, что каждому мог сказать слово. Кого пожалеет, пожурит, а кого и срежет. Ну все знал о нас.

Однажды я имела глупость в воскресенье сходить в баню. Ой, он меня при всем народе: «Ну-ка, иди сюда, я тебя благословлять буду. Хороша ли банька-то?» При всем честном народе! Я не знала, куда мне и деваться. В воскресенье же утром – литургия. Я так стала и думаю: «Боже мой, при всем народе». – «Чтобы все слышали и чтобы другим неповадно было». – «Батюшка, да я на всю жизнь запомню... Батюшка, я не буду больше в воскресенье с утра в баню...» – «Правильно».

Батюшка ласковый, добрый, но если за дело, то ругал. Два слова скажет – под стол залезешь.

Для меня он был отцом. Потому что отец у меня давно умер, для меня батюшка Авель был отец. Дороже всех. Не успеешь зайти в его дом, как мне из кухни: «Катерина, батюшка сказал, чтобы тебя покормили!» Голодной я никогда не ходила.

Год или два назад он подарил мне колечко «Екатерина», а я его потеряла. Сутки рыдала белугой. Как я осмелилась потерять? Как же я батюшке скажу? А он мне подарил второе колечко.

Я иногда приходила к батюшке Авелю с головной болью. Руки свои только к голове приложит, и все, боль тут же уходит.

Иногда пожалеешь его, уставшего, решишь: «Все, никаких проблем ему не буду сегодня излагать». А он: «Чего сидишь? Скрываешься?» И начинает сам мне рассказывать мои дела. Он уже знал, какие у меня проблемы, с чем я пришла! «Ну что я не так сказал?» – «Все так, батюшка!»

Где сегодня найти такого батюшку? Потеря для нас невосполнимая. Очень тяжело. Пустота, внутри пустота. Может быть, мы чего-то не понимаем? Знаем, что ему там хорошо, но грустим об утрате. Я даже не могу представить человека, который сможет его заменить. Действительно, с ним было очень легко. Даже сейчас придешь к нему на могилу, стоишь, с ним общаешься. Для мирских людей это, может быть, непонятно. Постоишь, постоишь, легче становится.

Три дня батюшка Авель в храме лежал. К нему текла река людей, прощались...

Я всегда панически боялась покойников, боялась подойти. А тут я пять-шесть раз в день подходила к его рукам. Знаете, не было страха. В храме холодно было, а руки у него теплые, мягкие, как живые. И вокруг гроба аромат, благоухание. Сколько я схоронила друзей, такого я никогда не видела и не ощущала. Три дня и днем, и ночью я батюшку Авеля посещала, до последнего дня у гроба благоухание было. Даже вблизи не было ощущения, что человек лежит мертвый. Такое чувство, что он уснул. Лежит и спит, и держит крест в руках, чтобы благословить. Берешь его за руки, целуешь руки, а они, как живые, – все прожилочки, все косточки, как уснул человек.

Батюшка Авель ушел, и пусто-пусто, вот честно говорю. Проблем много, я прихожу к нему и сейчас, становлюсь на колени и рассказываю. И он слышит.

Как он нам тогда говорил: «Ну чего вы переживаете? Я уйду, но я все равно рядом с вами буду. Я ж никуда не уйду, а буду рядом. Что ж вы грустите? Я буду везде и всюду с вами. Буду видеть, слышать, общаться».

Во сне видела его недавно... Он молится за нас...

Елена Николаевна Есина,
воспитатель детского дома, г. Рыбное Рязанской области:

«Вот только глянул и все про меня понял...»

Нет никакого высшего искусства,
как искусство воспитания.
Живописец и ваятель творит только безжизненную фигуру,
а мудрый воспитатель создает живой образ,
смотря на который, радуются Бог и люди.
Святитель Иоанн Златоуст

Кто творит то, чему поучает,
у того дело его
и малому слову сообщает великую силу.
Святитель Филарет, митрополит Московский

Мы с батюшкой 17 лет знакомы, с того года, как монастырь стал восстанавливаться.

Какая тут разруха была! Развалины, железо, какие-то колеса брошены в грязь... У него избушка внизу. Пробивалась к нему краем, не знала, как пройти.

Помню, пол покатый, печь большая, у печи кровать сбоку. Избушка маленькая, дряхлая. И он пригласил: «Давай чайку попьем?»

Печь «по-черному» топилась: труба сильно дымила. Он меня спрашивал: «Елена Николаевна, нет ли печника знакомого, чтобы печку переложить?» Ну где сейчас хорошего печника найдешь?

Архимандрит Авель с детьми

Я первый раз к нему как попала? Тридцатый год работаю в детском доме замдиректора по воспитательной части. Какое-то время была и директором. Время перестройки, продуктов никаких практически не было в магазинах. И наши дети стали жертвами этой перестройки в буквальном смысле.

Рыбное – крупный железнодорожный узел. Вагоны ставили в тупик, некоторые из них вскрывались. Наших детей просто-напросто использовали. Они возьмут там себе то, что можно поесть, а остальное все растаскивалось железной дорогой, работниками. А получалось, что ловили ребят и некоторые получали срок.

У нас за год на скамье подсудимых 20 детей побывало. За год! А я, старший воспитатель по должности, все время на этих судах присутствовала. Сердце-то женское, оно, наверное, многое выдержать не могло. И вот, помню, я пришла к батюшке, меня горе великое заставило...

Трое наших ребят утащили коробку электрических лампочек, и их приговорили к пяти годам. Я помню, на все деньги, что в кошельке у меня

были, я одесской колбасы им купила, передала, не скрывая слез. Домой пришла вконец разбитая. Телевизор включила, а там передача про дом престарелых, про горе-горькое.

Я сижу, слезами обливаюсь. Раньше люди в Бога верили, к Богу как-то стремились. Такого безобразия не было. Что же судьи? Или у них никого нет? Пусть ребята не идеальные, но за коробку лампочек – пять лет? Что-то мы не так делаем.

И вот застряла мысль, что у нас в детском доме одни женщины, не хватает мужчин. В то время я была далека еще от всех тонкостей православия, не знала ничего о монашестве. Мысль возникла, чтоб к нам ездили монахи, чтоб они деток крестили, помогали, разговаривали, наставляли на путь истинный.

Знакомый мне как-то говорил: «У нас тут монастырь открылся, монахи первые появились, батюшка, говорят, с Афона приехал».

Разговор этот о монастыре где-то за месяц был до случая с лампочками. И я его вдруг вспомнила.

В моем представлении было, что монахов много заселится. И я решилась, поехала в монастырь.

Приехала – никаких монахов в черных одеждах. Все трудятся, железки растаскивают какие-то мужчины в рабочих одеждах, грязь везде. Какие монахи?

«Да вон, – мужчина один говорит, – там батюшка живет». Спустилась к нему под горку. Открыл дверь батюшка в своем таком строгом, черном: «Как Вы сюда попали? Что Вам нужно?» Он так на меня внимательно посмотрел и вдруг прямо весь сник, сказал: «Проходите».

Вот только глянул и все про меня понял.

Он до самой смерти вспоминал нашу первую встречу и нашему директору пересказывал в подробностях. У него до самого конца была память очень хорошая. «Посмотри, Елена Николаевна, я просил Бога, чтобы он мне память оставил, он и оставил. Владыка Симон-то, жалость какая, лежал без памяти, а мне вот Господь оставил. Представляешь, я все каноны помню, все». Он терпеливый очень был, но очень сокрушался, что сил нет послужить: «У меня ничего не болит, только сил нет, и на литургии не могу присутствовать».

В ту первую встречу прямо с порога ему сказала, что я из детского дома. В монашестве и монастырских порядках я тогда не разбиралась. Он сказал, что монахов-то нельзя крестными, но я к вам пошлю, будем с вами дружить.

Пригласил в трапезную. Трапезная деревянная была возле ворот. В монастырь только-только приехали первые монахи. Хорошо помню отца Иосифа, того, который потом был на Соловках наместником. Жизнерадостный, оптимистичный. Сказал нам: «Я не первый монастырь восстанавливаю». До этого он в Даниловом монастыре был, в Москве.

Позже батюшка прислал к нам в Рыбное отца Иосифа с двумя монахами, а потом мы поехали в гости сами. Я набрала группу детей, пришли мы вот в эту деревянную трапезную. Монахов человек семь было. Все такие строгие, в черном, батюшка посередине сидел. Для нас это было что-то. Дети все притихли.

И вот он братьям стал говорить: «Видите, братья, мне Господь какую сестру послал! Я ее раз увидел, как будто с ней всю жизнь прожил. Вот она! Детей у нее очень много. Часть детей к нам пришли в гости. Мы будем опекать их и сами в гости к ним ездить».

Через какое-то время к нам приехал в гости сам батюшка. У нас праздник какой-то был, и мы его пригласили. Он привез иконки маленькие Печерской Божией Матери.

Архиепископ Рязанский и Касимовский Павел, архимандрит Авель и гости из детского дома города Рыбное в трапезной Свято-Иоанно-Богословского монастыря

Батюшка всегда говорил очень просто и очень душевно. И вот он говорит детям: «Вы знаете, дети, если вас тут тети чужие воспитывают, они вам стали вместо матерей, значит, матери-то у вас практически нет ни у кого. А Матерь Божия, она нам всем Мать. Когда душе очень больно, когда какие-то проблемы – вы Ей помолитесь, и Она вам всегда поможет» (здесь много слов, он говорил, конечно, проще и лучше).

И подарил всем детям иконочки.

У нас интернат, здесь много невоцерковленных, многие дети некрещеные. Мне было боязно, душой-то я туда потянулась, а вдруг ребята побросают иконки? И вы знаете, эти иконки дети долго очень хранили...

Потом на Рождество привезли нам из обители подарки.

Детям подарки хорошие привозят на Новый год, такие красивые. А ведь братья подарили кульки, просто два листа бумаги, там лежало-то всего маленькая пачка печенья, несколько конфет, и все. Но они сами нарисовали рисунки, собрали все собственными руками!

Я боялась, а вдруг кто-нибудь рассмеется? Ведь была возможность сравнивать с чем-то более дорогим. Но Господь сверху все видит. Братья с такой любовью приехали, отец Иосиф привез подарки, и была такая тишина! С таким добром были восприняты эти подарки! У меня это отложилось глубоко в памяти.

Так завязалась у нас дружба.

Потом привезли нам первую икону. Батюшка благословил, повесили икону Иоанна Богослова у дошкольников. Потом нам в трапезную привезли икону Спасителя. Потом еще...

Первые иконы, которые нам привозили, я отдавала маленьким, потому что боялась, как бы старшие не надругались над этими иконами. Так они у маленьких и хранятся.

Потом, по мере углубления знакомства и укрепления связей, иконы появлялись и у старших.

Потом батюшка стал дарить индивидуальные подарки. А потом он прислал нам людей, чтобы какие-то беседы проводить с детьми. Пришел Игорь Николаевич, историк. Он на сегодняшний день – отец Виталий (Уткин), а тогда он был просто Игорь Николаевич. Очень грамотный педагог, умеет ладить с детьми. Я ведь была потом в его школе в Москве среди детей, мы там побывали благодаря отцу Виталию.

Он как-то говорит мне: «Елена Николаевна, вы с детьми-то помолитесь за меня. Мне так хочется быстрее в монастырь, в монахи». А я в то время не понимала, как это они все такие молодые, симпатичные идут в монахи. Я ему говорю: «Игорь, вот у меня к тебе прямой вопрос, ты же знаешь, что семью мог бы хорошую создать, ты отцом хорошим мог бы стать. Посмотри, какой рост у тебя, и ум, и все. Как же ты уходишь?» Он отвечает: «Да кто же знает, Елена Николаевна, каким бы я отцом был. Да и кому мой рост и ум нужен? Вы знаете, Елена Николаевна, в жизни, в миру каждый шаг – в ад. А в монашестве – все».

Он так стремился в монастырь, его в монахи-то быстро постригли. Я была на его постриге.

У отца Виталия такая идея возникла: «Елена Николаевна, а давайте обменяемся. Дети из Москвы сюда приедут в интернат, а вы туда съездите». И пошли мы к батюшке, батюшка благословил нашу первую поездку в Москву. Сказал – хорошее дело, пусть дети пообщаются.

И вы знаете, у нас все получилось! В этой поездке мы как в сказке были. Благословение взяли у батюшки. Батюшка нас благословил. Мы приехали и нас очень по-доброму встретили. Мы пожили немного, нам организовали поездки в театр, в цирк.

Я одна взяла группу 35 человек, представляете? 35 человек, и я с ними свободно ходила по Москве, никто не потерялся, все они были послушные. Просто чудо! Я с ними и в Троице-Сергиеву Лавру ездила, и в монастырь Данилов. Наш-то еще монастырь был не отреставрирован, вид был весь такой плачевный. А в Данилов монастырь пришли, там сразу дыхание перехватило. Ковровые дорожки постелены, и приняли нас так хорошо.

Это 97 год был. В Троице-Сергиеву Лавру нам дали автобус, приехали, женщина, которая занималась нами, вдруг говорит: «Ой, а к кому же мы? Надо бы экскурсию».

И я вот помню, меня сам Господь повел. Пошла, а там экскурсоводы, монахи и монахини. Я говорю: «Мы из города Рыбное, из детского дома, по благословению батюшки Авеля, хотели бы все посмотреть. Вы бы нам не провели экскурсию?»

Вы знаете, встает женщина, матушка Сергия, и говорит: «Батюшке низкий поклон!» Оказывается, его там знают! Матушка Сергия взяла ключи и повела нас. Я в Лавре три раза была до этой поездки со взрослыми на экскурсии и два раза была после. Но никогда перед нами не открывалось так вот все, как в тот раз.

Матушка Сергия нам все закрома открыла, она нас ко всему подвела, нам все рассказала. Женщина, которая поехала с нами из Москвы, была в восторге и говорила, что это потому только, что мы благословение батюшки получили.

Даже когда на Красную площадь пришли просто вечером погулять, и то повезло на хороших людей. «Ребята, а вы знаете, почему Красная площадь Красной называется?» – «Ой, не знаем». К нам подошел милиционер, поинтересовался, откуда мы, и немного рассказал нам про Лобное место. Вечер, темно, и вдруг возникла девушка такая изящная-изящная, такая молоденькая и говорит: «Давайте, я вам расскажу». Она нам стала рассказывать так просто, так доступно, так интересно про Москву, про Красную площадь, что мы стояли, раскрыв рты. «Девушка, простите, а Вы кто?» – «Я коренная москвичка, очень люблю Москву. А вообще я работаю с детьми, преподаю историю».

Мы такие были счастливые, такие все обласканные были со всех сторон, мы такой восторг испытали от этой поездки! Каждый шаг был – чудо, все очень складно получалось.

Вы знаете, я очень счастливый человек. Батюшка меня всегда так встречал! Вот я приду одна или с детьми, пусть даже куча людей с кучей проблем ожидают батюшку, но, если скажут, что я к нему пришла, он все откладывает. Мне никогда не сказали, что батюшка сегодня занят, что он не может принять.

Когда видел меня в храме, говорил: «Елена Николаевна, радость моя, я всегда так рад видеть тебя». И вот его улыбка, он все время так встречал. Все, как будто вот все меркло перед его улыбкой. Будто и не было проблем!

Помню, я к нему обратилась насчет духовного отца. Ведь модно стало, все стали ездить, у всех духовные отцы. А я езжу в монастырь регулярно,

но у меня духовного отца вроде нет. Меня никто не называл духовной дочерью, мне никто так не говорил.

Вот уж время-то прошло, уж года три-четыре с батюшкой по всем вопросам советуюсь, к нему все езжу. Тут вдруг я ему прямо в лоб вопрос: «Батюшка, Вы знаете, у всех есть духовные отцы, а у меня нет». Он улыбнулся и говорит: «Елена Николаевна, а что ты понимаешь под духовным отцом?» Я отвечаю: «Ну берут в духовные дочери, значит, молятся за них, и они молятся...»

«А, – говорит, – все понятно! Это сейчас мода такая. Раньше был батюшка на деревне, он был всем духовником, к нему там вся семья обращалась, он между ними все-то улаживал и психологом был, и между соседями улаживал. А сейчас мода такая – в духовные дочери возьмут, а к нему по десять лет не ездят. Вдалеке живут! Что же, по телефону общаться? Писем-то уже не пишут... Это мода какая-то говорить: «Вот у меня духовный отец».

А я все не отстаю: «А у меня вот нет! Батюшка, Вы уж назначьте мне кого-нибудь духовным отцом!»

У самой-то голова не соображала, что он уже был со мной четыре года, по каждым мелким вопросам он был со мной, все знал обо мне, советовал. А я, значит, не отступала: назначьте – и все.

Он опять смеется: «Елена Николаевна, а тебе зачем?» А я опять за свои глупости: «Ну как же, у всех есть, а у меня спрашивают – кто у тебя духовный отец? А я ничего сказать не могу!»

Отец Авель и говорит: «Ты скажи так: у меня есть монастырь, у меня есть батюшка и у меня есть братия. Знаешь, Елена Николаевна, ты ко мне будешь приходить по любому вопросу. А исповедь, грехи у тебя какие, то их исповедовать можешь братии, на исповедь вставать. Если что-то у тебя будет серьезное, ты ко мне обращайся всегда, по любому вопросу, я всегда тебя приму, исповедую. Ты меня поняла?»

Я говорю: «Поняла». А вот все же мысль-то держу: он мне не сказал, что я буду его духовной дочерью.

Я к нему часто ездила. «Батюшка, мне нужно посоветоваться». – «Пойдем, пойдем». А если я решала, что не буду батюшке докучать своими вопросами, то он догадывался сразу: «Пойдем-ка, ты меня проводишь до дома». Дорогой я ему все и выкладывала.

Мы много говорили с ним о воспитании. Лет эдак шесть назад, я помню наш разговор. «Вот ты, Елена Николаевна, говоришь – у меня чада, чада. А у меня сколько чад-то много! Много, а чада-то и не слушаются. Они же люди все, они же люди».

Мы очень много детишек крестили, и я всю братию, всех воспринимала как братьев. Монахи – это такой подвиг для меня! А батюшка видит их слабости, воспитывает, учит смирению.

«Елена Николаева, вот когда чада меня не послушают, я всю ночь стою на коленях и прошу Бога вразумить меня. Это ж мои дети, а я не знаю, как с ними поступать. Я Богу говорю, вот если они утром сейчас придут и попросят у меня прощения за непослушание, я их прощу. А если не попросят прощения – на все Божия воля. Значит, надо наказать и будь как будет. А смирение надо воспитывать».

Вот я про себя говорю батюшке: «Я не смиренный человек». А он спрашивает: «А как Вы понимаете смирение? Вот низко опустить голову и платочек подвязать и молчать – это смирение, да? Смиренный, он должен быть смиренным в душе. А если ты за правду стоишь или правду говоришь? Это не гордыня, это есть Божья заслуга, а вы не так понимаете про себя».

Про батюшку говорили «прозорливый». Вот я-то уж знаю точно, у него такая была порой прозорливость, что все слова, которые у тебя в голове, он все тебе их прочитает!

Знаете, гордыня у нас воспитана с пионерии еще, с комсомола, гордыня большая в нас сидит. Гордыня выращена: «Ты первый, тебя все хвалят, грамоты дают, ты староста, ты комсорг». Приехала как-то на службу и стою возле креста, молюсь тихонько, народу мало было в церкви, уже служба к концу подошла. Я всегда ждала, когда батюшка меня увидит, мне очень улыбка его нравилась и радость от нее. Сразу от него радость в меня вселялась. Я батюшку и любила, и люблю.

Стою, жду, когда он выйдет. И вдруг батюшка выходит и мимо меня. А перед этим вошли в храм люди очень красиво одетые. У одной женщины пальто было из тонкой кожи. Перестроечные времена, тогда такая мода только входила. Вот эти «новые русские» в черных пальто, такие светящиеся

вошли, в богатых одеждах. И батюшка мимо меня прошел, как будто не увидел, и к этим людям.

В церкви люди зашевелились: «Ба, какие люди богатые зашли». А я, мыслями вообще великая грешница, стою и думаю: «Да кто я есть? Батюшка даже и «здравствуй» не сказал, и не улыбнулся. Люди-то вон какие разодетые, в таких одеждах. И вот он их увидел, к ним сразу пошел, беседовать с ними. А я кто есть? Никогда и никем ты не будешь...»

Батюшка с ними поговорил, потом вдруг эти люди повернулись и ушли. А батюшка прямо ко мне: «Елена Николаевна, радость моя, я тебя видел. Но нужно было с ними быстрее поговорить».

Вот прямо все мои слова, понимаете, все мои слова мне и говорит: «Видишь, как хорошо люди одеты, пальто у них какие. А ты знаешь, чем они отличаются? Души у них черные. Ишь, чего задумали: палатку поставить, магазин открыть около монастыря, торговать здесь всем. Чтобы и вино, и всё. Вот я им не разрешил».

И дальше говорит: «И ты знаешь, я никогда их не сравню с тобой. Ты всегда у меня в сердце в особом месте лежишь».

Все в моем сердце прочитал! Да, все прочитал. Вы знаете, как мне было стыдно? Вы не представляете! Я вся покраснела, мне было так стыдно за свои мысли. Думаю: «Господи, прости меня!».

Все говорят про батюшку: «Старец, прозорливый». Вот я-то уж знаю...

Я очень переживала, когда батюшка угасал. Когда еще ему операцию делали, он говорил: «Бог меня держит, значит, я еще кому-то нужен». – «Батюшка, ну как же не нужен?»

Я много плакала, я не могла не плакать. Мы с дочкой моей придем, и я в слезы. Он мне все говорил: «Не плачь, не плачь». Моя дочь меня убеждала: он устал от нас. Я это только теперь понимаю: он все видел, он грехи наши видел, все мысли наши видел. Понимаете? Он на самом деле от нас устал. Мы чада до того непослушные! Он мучался и болел...

Я постоянно приезжала в монастырь, видела батюшку, видела, как он болеет, как ему все хуже становится. И опять у меня мысли – прямо не удержать. Вот, думаю, батюшку подкосило горе: перевели владыку Иосифа в Иваново, и после этого батюшка стал прямо не по дням, а по часам угасать.

А он все мои мысли читает. Глядя на меня, и говорит: «Знаешь, Елена Николаевна, вот считают, что я вроде как заболел и что болею от огорчения за перевод владыки Иосифа, от тревоги...»

Прямо мои мысли он мне высказывает!

«Ты знаешь, Елена Николаевна, я никогда к миру не был привязан, к материальному миру. И я знаю, что на все воля свыше. Владыка Иосиф там нужнее, Господь все устроит, как надо. Это просто мое время подошло».

После его слов у меня пропало сомнение. Батюшка слово сказал и меня разубедил.

Дети наши, они много видели доброго от братии, от батюшки. Вот на праздники мы что-нибудь своими руками соорудим, сделаем, пофантазируем в подарок батюшке, в подарок всем. Один раз я решила, надо что-то подарить, хорошо бы стих какой-то, чтобы был свой особенный и чтобы монастыря касался.

Я раньше никаких песен, стихов не писала. Книг много перелистала – и духовных, и всяких, но на душу не ложатся. Вот, допустим, можно выучить песню иеромонаха Романа «О роднике». Песню эту выучили, она у нас всегда в репертуаре, очень нравится нам. Но чтобы монастырю в подарок – ничего такого не было.

И вдруг сама собой родилась песня прямо вместе с музыкой. И я рискнула поехать сразу: взяла баян, детей, и мы поехали на Пасху поздравлять братию. (Я немного играю, так, для себя.) Повезли эту песню.

Помню, братия, все головы подняли, у них лица были удивленные, когда мы пели в этой старой трапезной.

С праздником батюшку Авеля и всех братьев. 9.10.05 г. дети-сироты и весь коллектив.

Кончили петь, и глубокое молчание... И не поймешь, что это. А потом отец Иосиф подошел, он суровый был, а тут у него глаза влажные: «Елена Николаевна, мы не ожидали, что будет такая песня. Какая песня хорошая!»

Вот так появилась наша первая песня. Батюшки тогда в трапезной не было, и однажды он мне говорит: «Елена Николаевна, здесь мне все про твою песню чудеса рассказывают, а я ее так и не слышал».

Прослушал внимательно и сказал: «Ты знаешь, Елена Николаевна, а у тебя это не песня получилась, а молитва. Вот у тебя припев, там все есть, что должны знать дети и все люди. Вот если они будут знать песню, считай, весь интернат у тебя, все выучили молитву:

«Боже, прости меня,
Боже, спаси меня
И научи меня
Верить и любить».

Потом появились другие песни. Появилась песня, посвященная батюшке, «Про батюшку Авеля». Он умер на 79-м году, а песня родилась к 75-летию, к его юбилею. И припев сложился такой: «Батюшка Авель наш старенький». А наша медсестра всегда любит послушать пение, но вот тут и говорит: «Ой, Елена Николаевна, он архимандрит, с такими наградами. И вдруг такая упрощенность у Вас в песне. Там всегда гостей много присутствует, и Вы так преподнесете? Что-нибудь позвучнее придумать надо».

Попробовала переделать – не идет, вот не мой батюшка получается. Ну никак.

Думаю: будь что будет. И мы поехали с этой песней...

Было много гостей: архиепископ Рязанский Павел, духовные чада батюшки на юбилей приехали. И когда мы спели свою песню, батюшка был настолько растроган, она ему так понравилась! Представьте впечатление, когда поют дети.

Сегодня многие вспоминают тот юбилей, как батюшку Авеля застали еще в добром здравии. И как славно было, когда мы его поздравляли песней...

Он меня благословил, и я на все праздники ездила с баяном. Вот фотографии на последнюю Пасху, мы приехали поздравлять, он нас позвал.

Батюшка как-то назвал меня душеславительницей. Это еще Давидом сказано, что Бога славить надо во всем. Многие спрашивают, как это в церковь, в монастырь ехать – и с баяном? Но около церкви мы пели тропарь, а так в основном мы в трапезной выступали. Батюшке очень нравилось.

Тропинка, ведущая к Богу,
У всех, к сожаленью, одна,
Слезами раскаянья грешника
Омыта бывает она.

Батюшка Авель наш старенький
На этой тропинке стоит,
Утешит усталого путника,
Молитвою нас укрепит.

Еще та тропинка покрытая
Большою любовью, добром.
От сердца молитвою чистою
Тропинка ведет в Божий дом.

Батюшка Авель наш старенький
На этой тропинке стоит,
Утешит усталого путника,
Молитвою нас укрепит.

Мы спотыкаемся, падаем
На этом нелегком пути.
Пастырь наш, посланный Господом,
Ты нас прости, помоги.

Батюшка Авель наш старенький
На этой тропинке стоит,
Утешит усталого путника,
Молитвою нас укрепит.

Лидия Михайловна Степанова, Рязань:

«Что бы ни случилось – надо идти к отцу Авелю, он почитает молитву и поможет»

Ты покров мой и щит мой; на слово Твое уповаю.
(Пс. 118: 114)

Отца Авеля я знала еще молодым, когда ему было лет двадцать. Он служил в это время в Городище. Городецкий храм не закрывался. Вокруг церкви все были закрыты, поломаны, а этот храм люди отстояли, не дали сломать. Мне одна женщина говорила, что люди вышли с вилами да с лопатами!

В Конищеве храм закрыли. Сделали там какой-то склад мазута, тракторы туда ставили, зерно сыпали. А когда ломали, иконы по домам люди взяли. Ну а сколько можно продержать большую храмовую икону дома? Решили отдать Городецкому храму. И вот я запомнила: люди несли иконы отцу Авелю в храм.

Мы очень любили отца Авеля, его все любили. И вот он нас всех в лицо запомнил! Отец Авель одну женщину нашу венчал в 44-м, это еще война не закончилась.

Я на пять лет моложе его, он с 27-го, а я с 32-го. Я была еще молодая, не замужем. В городской храм надо было ездить, а в Городище мы пешком ходили – здесь рядом. Я в храм Городецкий пробегала сорок лет. Венчалась

Иеромонах Авель, начало служения. Храм в селе Городище Рязанской епархии

Георгиевская церковь в селе Городище

в Городищах. У меня вся семья крещеная, вся венчанная. Все венчанные, замужние, женатые. Муж у меня 19 лет как умер. Сейчас с внуками уже живу.

И Богословский монастырь недалеко отсюда. От Иоанна Богослова доехать до Рыбного, повернуть на Ходынино, на Перкань и на кожзавод. Эта дорога новая, мы ее выхлопотали у директора кожзавода. Он услышал нас, понял, что эта дорога нужна. И вот сейчас даже дают специальный автобус, нас возят в храм бесплатно по большим праздникам и по выходным дням.

А дорогу эту углядела я, когда нам дали участок между Перканью и Городищем картошечку сажать. У дома-то землицы маловатенько.

Я человек внимательный. Еду и вдруг вижу: в Городище дорогу делают! А они, городецкие, что сделали! Грязь, дороги нету, так из них на выборы никто и не пошел. Вот им и сделали дорогу.

Пошла на кожзавод, говорю: «Вы состыкуйтесь с теми-то, городецкими». Я знала, директору не хотелось, чтобы мимо завода ездили. Да еще у него дом – купил родителям в Рыбном, и ему тут проехать-то к родителям рядом, если дорогу сделать.

Я и говорю: «Вы состыкуйтесь. Дорога выйдет в поле, минуя кожзавод, и прямиком на Рыбное. Короче, чем через Московское шоссе». Вот так дорога у нас получилась короткая на монастырь. И директору хорошо. И много водителей знают эту дорогу, тем более сейчас бензин дорогой. А до этой дороги мы пешком ходили в монастырь через овраг, по лугам.

Когда война была, бомбили депо Рыбное. Четыре класса я окончила в Семчеве, а три класса (тогда семилетка была) в Канищево в школе-то училась. Из школы бежали, платьица коричневые, фартучки белые. Учительница шумит – ложись! Ой! Как же ложись-то, ведь замажешь все. Сколько мы пережили, сколько повидали...

И Рязань тоже бомбили. Рязань-то она дальше, а Рыбное через гору видать. Мы копали картошку на огороде, и тут депо стали бомбить, по ту сторону лужайки депо-то видать. И шапкой – огни!

Когда уже я замуж вышла, жила в Семчеве. И мой дом выходил окнами на монастырь. Прямо вот огород и через луг дали видны, а там монастырь – Иван Богослов*.

Помню в детстве нас мать туда водила в купель, на источник. А потом мама заболела, ей было не до купели: нас у нее трое, да отец был плох. А когда подросли, каждый год стали ездить в эту купель. И нам от отца Авеля благодать, нам помощь идет. Да и теперь не бросит он нас.

Мы же все у него под рукой.

Заболел у меня муж – я поехала туда, записала его за здравие. Мать умерла – записала ее за упокой.

В 94-м тяжело заболела сестра. Помощи ей не было, муж тоже заболел, дети что-то плохо помогали. Помню, копала картошку, и до того ее скрутило! Медсестра в здравпункте даст ей таблеточки, она их выпьет, пойдет, поработает. А ведь сколько их можно пить? А может, ей они совсем и не нужны были?

И вот до чего уж дошло: направили ее в больницу. Я пошла с ней. Она доктору говорит, выпишите мне какие-нибудь таблеточки, я попью и пойду, а то у меня там два поросенка, две козочки. Она рассказывает все это, а доктор говорит, что таблеточки-то выпишет, но ее не по адресу к нему прислали...

Я ее на ночь взяла к себе, помыла, посадила, дала ей книжечку про Матерь Божию и говорю: «Читай!» – «Не хочу». – «Нюра, да ты что... Ну не хочешь читать, так ты смотри на Нее». Она обняла икону-то, залилась горькими слезами...

Наутро зять нас повез в монастырь к Иоанну Богослову (у нас машина-то своя). Мы исповедовались, причастились и пошли с ней на купель.

* Широко распространенная в народе традиция именования монастыря, храма в честь Иоанна Богослова. Известна и в литературе (см. произведения С. Есенина, М. Цветаевой).

На источник пришли, я говорю: «Ну давай, раздевайся!» – «Не буду!» – «Ну как же ты не будешь? Раздевайся!» – «Не буду! На дворе ноябрь месяц...»

Я даже притопнула на нее: «Раздевайся!» Сама уже разделась, ей пример показываю. А я в детстве тонула и воды боюсь, но там ступеньки и есть за что держаться. Спускаюсь, смотрю – сестра, на меня глядя, тоже раздевается. Стала она на две ступенечки пониже, а я поворачиваюсь к ней и ее водой с головы до ног три раза окатила.

А потом у монахов записать надо было, и нам сказали: «Молебен мы вам будем совершать в воскресенье или субботу».

Молебен был в воскресенье. И потом мне сестра и говорит: «В час дня мне как чугун с головы сняли!» Полегчало моей сестренке.

В 89-м у меня умер муж. Болел сильно. Он шофером проработал тридцать с лишним лет. Зерновые возили, на поле ночевали. Другой раз не евши по нескольку дней работали. Бутылку купят, выпьют, горсть пшеницы на закуску, чуток поспать. И снова возить...

Очень была сильная тоска, и я поехала в монастырь. Зять повез всю нашу семью. Внучка, внучок еще были неженатые. Мы исповедовались, причастились. Я подхожу: «Отец Авель, у меня муж умер, у меня такая тоска, что я плачу и плачу, не могу остановиться». Он говорит: «Ну иди, я молитву почитаю». И вот почитал он надо мной молитовку, и с меня как рукой сняло.

Что бы ни случилось – надо идти к отцу Авелю, он почитает молитву и поможет.

Монастырь открыли в 89-м, начали ремонтировать. Я стала туда ездить, когда храмы еще не восстановили. И вот в 89-м я спросила у монаха: «Могу я у вас Библию купить?» А отец Авель стоит рядышком, улыбается: «Мы Вам подарим». И сказал монаху принести Библию. Монах принес мне Библию, а я спрашиваю: «Сколько я должна заплатить-то?» – «Нисколько!» – «Как же так, вы же строитесь, а говорите нисколько». – «Ну сколько пожертвуешь, то и ладно». Не помню сколько, но я пожертвовала на восстановление нашего монастыря.

Часто ходила, пожертвования давала.

Еще из Рыбновского детского дома были. Воспитатели с детьми к нему ездили. Посмотрела на них, а одеты они плоховатенько. Мальчики в девичьих босоножечках, девочки в платочках. Спрашиваю: «С какого же детского сада ваши дети-то?» А воспитатель и говорит: «Да какой детский сад – это детский дом!» – «А вы в помощи не нуждаетесь?» – «Ой, как же...»

Так я всех своих почистила. Не носят уже что из одежды, а там нужно! Ко мне в церковь, в Конищево, узлами носили соседи и знакомые. Я из церкви забирала домой, укладывала, маршрутками возила. Мне даже кожзавод давал автобус, чтоб я к Пасхе отвезла собранное...

С 72-го я занимаюсь благоустройством села. У нас село было грязное, с одной улицы на другую перейти не могли. Меня никто не заставлял, сама пошла к властям просить помощи.

В райисполкоме выслушают, наобещают, а дела не наблюдается. Нас из начальства никто не ждет, это нам надо к ним ходить и их ждать. Я другой раз даже внука не могла взять из сада! Муж еще жив был, спрашивал: «Мать, где ты пропадала? Все учреждения закрыты, а тебя все нету...»

Что ж, еду в Иоанн Богослов к отцу Авелю. Поговею, исповедаюсь, причащусь и прошу помощи: «Благословите, помолитесь». И после монастыря вдруг словно все перевертывается!

В один из своих приездов с Афона в Рязань. 1974–1976 годы

Приходишь, и с тобой уже по-другому разговаривают в кабинетах, и дают мне человека в помощь, и в делах начинаются сдвиги. Вот воду сделали, провели по селу. Колодцы-то разрушились, в речке воды не возьмешь. Там скотина пьет, там только постирать и прополоскать, не попьешь – не сваришь.

Воду сделали, стали стучаться за газ. Топить-то нечем. Уголь, если где-то дают, надо рано вставать записываться, а то и ночевать. А мы же работаем. Я на заводе 35 лет отработала. Угля машину привезешь, а дадут слабый, подмосковный. Насыпешь пять ведер, и они за ночь сгорят. А с работы домой придешь, дома пять градусов.

Стали газ проводить. Ох, сколько я бумаг переписала, если б вам найти ту мою тетрадку! Я как-то на нее напала и страшно мне стало: неужели я настолько умна была, что туда писала?

Писала в Москву депутатам. Ездила, ходила.

Справа – схимонахиня Елена, алтарница Скорбященского храма. Рязань

Придешь, а там кругом милиция стоит, не пускает – нужны документы. Так наш председатель сельсовета взял урну, написал бюллетени и прошел по селу, сделал меня депутатом сельского совета. Я прихожу с «корочками», меня уже пропускают безо всякого.

Написала нашему депутату Верховного Совета письмо. Она приехала в наш сельский совет и просит пригласить ту женщину, которая письмо писала. Ну за мной приехали. И она что сделала? У нас тут заводов много – комбайновый, ОКПО, станковый завод. И все заводы поделили поселок. Нам достался комбайновый, взял над нами шефство. Прикрепили нас.

И вот добились газа. Сами ходили по домам, вымеряли все, помогали горгазу. И я ходила. Ну иногда попадется такое...

К одним в дом пришла, а молодая девушка и говорит: «Вот еще архитектор нашелся!» А года два назад ее встретила: «Ну, Надя, как я, на архитектора похожа?» Она мне: «Тетя Лида, прости меня».

Я как полицай стояла на дороге. Где надо трубу подмотать, гудрон привезти. Все трубы – подконтрольно, на свой двор. Затем распределяла всем. У меня дисциплина была строгая.

Последнее, что у меня было, – асфальт, дорога.

Председатель колхоза был нашим областным депутатом. Мне все говорили: «Не ходи, Лида, к нему, он очень громкий, резкий». А я говорила, что все равно пойду.

Съездила в Пощупово, помолилась, благословение попросила. Написала ему письмо в двух экземплярах. Ну и захожу к нему в кабинет, говорю: «Я к Вам пришла на прием не как к председателю колхоза, а как сельский депутат к областному депутату. Будьте любезны, помогите нам».

Я много кабинетов обошла, на кожзаводе была. Никто мне не отказал. Где строительные материалы дают, где деньгами помогают, где резолюцию наложат: надо помочь отремонтировать дорогу. Как «отремонтировать», когда ее совсем нет?

Как съездила в Иоанн Богослов, так в сентябре дорогу нашу и сделали. Просили улицу заасфальтировать, полтора километра, я и упросила. У нас за селом кладбище, я заведую кладбищем. И сейчас работаю – не смотри, что мне 75 лет!

Пошли мне навстречу и до конца улицу сделали. Вот так в 91-м с Божией помощью и построили дорогу.

Дочка моя окончила техникум, в чертежах разбирается хорошо. Она зарисовала на небольшом листочке дорогу. Мне надо было ехать в ГАИ, чтобы зарегистрировать дорогу, а им надо чертеж какой-то рисовать. А у нас на углу дом, и мне в ГАИ говорят: «Вот этот дом не позволяет, по нормам так не годится». – «Милый человек, дом-то – его не снесешь, а ездить нам надо!» Посмотрел милиционер, посмотрел и расписался.

Вот по молитвам-то как все складно выходило! Каждый раз к батюшке ходила. Я не рассказывала ему подробности, просто просила благословить на доброе дело. Да он уж все про нас и так знал!

Один раз послали со мной инженера посмотреть что за дорога. Поехали, а на нем лакированные туфли. Было солнце, а тут откуда ни возьмись – полил дождь, проливной. Въезжаем в деревню – лужа. Он говорит: «Ну ладно, я понял». Вышел на травку. Вижу – боится туфли промочить. И дальше не поехал.

Проходит неделя, проходит другая, опять ничего не делается. Надо опять к отцу Авелю!

Еду к батюшке поговеть, причаститься и благословение попросить. А проходит неделя, проходит другая – дорогу сделали!

Все это только с Божией помощью, по молитвам отца Авеля.

Я каждый год ездила к батюшке Авелю на день рождения и в последний путь его провожала. Мои дети к нему проститься ездили и маленьких приложили.

Сколько же было людей! Всех вместить в храм невозможно было. И всем хотелось о нем сказать доброе слово.

Ирина и Константин Пчелкины, Москва:

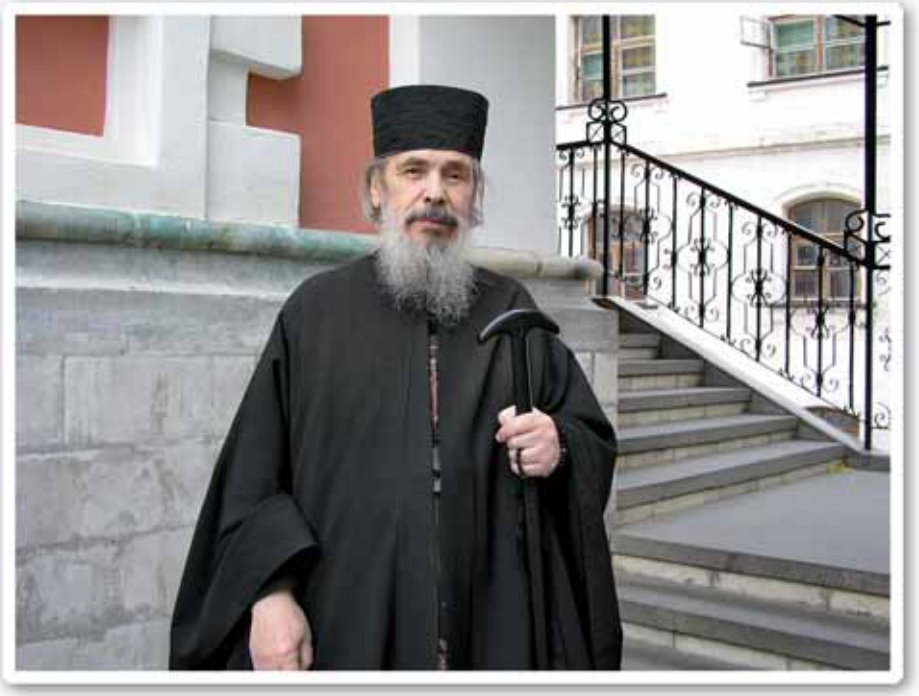
«Батюшкина молитва помогает и спасает»

Бог Господь простирает тебе Свою руку:
дай Ему свою!
Святитель Иоанн Златоуст

Ирина. Я крещеная с детства, но в церковь ходила редко, только по праздникам. Муж мой не был крещеным. У него мама татарка, вышла замуж в Москве за русского вопреки воле родственников. После этого связи с ними оборвались. А бабушка мужа – православная, в церковь Адриана и Наталии всю жизнь ходила.

Свекровь моя (у нас с ней очень хорошие отношения) всю жизнь проработала на меховой фабрике. Их профсоюз обеспечивал работников путевками, они проехали все Золотое кольцо. И в Угличе были, и в Суздаль несколько раз ездили. Постоянно какие-то экскурсии, и мама Кости всегда была в восторге от поездок.

Мы поженились, и она заявила: «Везу вас в свадебное путешествие в Суздаль». И мы на три дня поехали! Катание на тройках с песнями... Познакомились со звонарем, он в военное время в детдоме суздальском вырос. Мы потом часто приезжали, он открывал нам калиточку, и мы поднимались на звонницу: обзор, вся земля Суздальская...



Затем свекровь надумала другую поездку: «Я с подругами ездила на Рождество в Троице-Сергиеву Лавру, познакомилась с архимандритом Стефаном. Я вас туда обязательно отвезу!» Но заболела Костина бабушка. Поставили диагноз – рак, и Лилия Андреевна с этой бедой поехала к отцу Стефану. Он сказал: «Помолюсь я за Вашу маму». А она в ответ: «Ой, если Ваши слова до Господа дойдут, я тогда православие приму!» А нам не сказала, что слово такое дала.

Прошло года два-три. С фабрики так же ездят к Троице на праздники, отец Стефан гостей встречает, общается. И потом через какое-то время у подруг свекрови спрашивает: «Как мама-то подруги вашей, живая?» – «Да, живая, пироги печет, даже сама окна моет, все делает!» – «Ну и как, ваша подруга православие приняла? Нет? Вы скажите, такие слова на ветер не бросают. Тем более в стенах Троице-Сергиевой Лавры».

Одним из хороших друзей Лилии Андреевны был профессор, психиатр Виктор Алексеевич Разуев, Царствие ему Небесное. Он сотрудничал с Иоанно-Богословским монастырем, помогал, возил им и литературу, и свечи, иконы заказывал для монастыря. И все чаще и чаще жил в монастыре.

Малая шатровая колокольня

Как-то Виктор Алексеевич привез Костю в Иоанно-Богословский монастырь, привел к батюшке. Косте было 23 года, мы только поженились. Монастырь только-только начинал возрождаться. Братского корпуса, трапезной не было еще. Разломано было все.

Костя весной приехал, уже теплеть начало, они на лавочке сидели с батюшкой Авелем.

Костя. Он со мной поговорил. Сказал: «Вот ты же вроде не мусульманин, ты и не здесь и не там. Получается, тебя кто хочет, тот и бери». Дал понять, что надо что-то решать.

Некоторое время я пытался дозреть, надумал креститься. Это как принимать решение жениться. В 90-м я пошел в Бауманскую академию, в 91-м Данилка родился, в 92-м мы решили его крестить. Собрались Данилку крестить, и я решил креститься. Через год, как мы покрестились, заболела Ирина. Дата непростая: той ночью войска в Грозный вошли. Это совпадение для меня было знаменательным.

Ирина. Вскоре после Костиного крещения я заболела. Утром глаза открываю, вроде проснулась, хочу встать, а опоры не чувствую. Ноги ватные, голова кружится, карусельный эффект, от этого уже другие проблемы.

Я не пойму ничего. Мне 23 года, молодая крепкая женщина, Данилке нет и двух лет.

Три дня дома пролежала. Костина мама узнала – обронила: вот, крещение принял, тебя и наказали, жена-то заболела.

Меня отвезли в хороший военный госпиталь, а врачи руками разводят. Я не хожу, есть не могу, координации нет, ложка мимо рта, сама беспомощная. Ну ничего не могу, все кружится перед глазами.

Врачи все исследования провели. И анализы, и компьютер, и томографию. Сказали родителям, что у меня так называемый рассеянный склероз, разжижение головного мозга, девчонка умирает. Мне Данилку привезли,

Большая колокольня

а в госпиталь же нельзя, тем более госпиталь военный. Как-то странно и печально все смотрят на меня. У меня и в мыслях ничего такого не было: 23 года, чего там?

Диагноз сказали сначала Костиной маме. Она позвонила Виктору Алексеевичу: «Что же делать-то? Такой диагноз, сказали, что не поднимется, все, не жилец!» Подробно ему все рассказала, он же врач, специалист...

Виктор Алексеевич решил ехать в монастырь к батюшке Авелю, просить, чтобы он помолился о здравии.

Костина мама пообещала, если поправится сноха, сделать монастырю пожертвование. Виктор Алексеевич ответил: «Не надо пожертвований, я заказал икону Георгия Победоносца для монастыря, ее как раз дописывают, надо будет оплачивать». Она согласилась: «Хорошо. Решено, тогда эта икона будет от меня монастырю».

Виктор Алексеевич поехал к батюшке. Батюшка помолился, а через три дня повезли меня в Кремлевскую больницу, в ЦКБ. Обследовали, и диагноз не подтвердился. Свекровь прочитала заключение – и в слезы. А мне все лучше и лучше. Уколов не делают, хожу сама и ем сама. За неделю, прямо буквально на глазах, я вернулась к жизни.

Врачи в госпитале в шоке. Они меня уж хоронить собрались, а я сижу сама. Приходят как-то, а я глазки подкрашиваю: «Сегодня же придет муж проведать». Тут меня снова в госпитале давай по врачам гонять, надо же выяснить, что хоть это такое было. Они не верили собственным глазам!

Ну пошла и к гинекологу на всякий случай, мало ли чего там. А гинеколог с Костиной мамой лет тридцать к тому времени знакомы были, она на сохранении когда-то там лежала. Юлия Алексеевна меня осмотрела, вздохнула и принялась чего-то писать. «Юлия Алексеевна, скажите, я смогу еще доченьку родить? Мне бы еще и доченьку!» Она на меня так посмотрела, что все у меня внутри и похолодело. Поняла я, что все. А она еще так шепотом: «Ну, подожди, тебе бы на ноги-то встать...»

Я от нее вышла и гадаю: то ли мне помирать предсказано, то ли что другое, но детей-то у меня, наверное, больше не будет...

И вот забрали меня из госпиталя в январе. У меня в истории болезни диагноз с вопросительным знаком, нейроинфекция (какой-то нерв застудила).

Крещение подошло, икона завершена, и Виктор Алексеевич заказал машину в монастырь. Мы поехали на своей машине, а Виктор Алексеевич со свекровью – на своей впереди, нам дорогу показывает. Свекровь везет обещанную икону. Я с собой взяла освятить икону Спасителя. Подарок свекрови, кстати.

Когда я ее увидела, поняла, что эту икону забыть не смогу. А денег нет. Вернулась домой, свекровь глядит: «Ты чего сама не своя?» – «Я такую икону увидела, у меня прямо перед глазами стоит». – «Покупай, чего не купила-то?» – «У меня денег нет». – «На, бери, от меня подарок будет». Ехала за иконой и всю дорогу молилась, чтобы она меня дождалась, чтобы ее никто не купил. Так у нас дома появилась икона Спасителя.

Приехали в монастырь, первым нас отец Иосиф встретил, совсем еще молоденький, он тогда еще учился заочно в семинарии. Они с Костей примерно одного возраста.

Строения монастыря были полуразрушенные. Помню, вагончик стоял, печечка топилась, в этом вагончике оставили ночевать мужчин. А нас со свекровью разместили там, где сейчас белая гостиница с аркой, сейчас ее уже отреставрировали.

Мы успели к вечернему богослужению, Костя пошел с отцом Иосифом к батюшке Авелю, показал ему привезенную икону.

Я тогда в первый раз увидела спасителя моего, молитвенника, батюшку Авеля. Поговорили мы, службу отстояли, пришли на литургию, исповедовались, причастились. Ну и пошли к кресту прикладываться.

А свекровь моя была в храме всю службу. Смотрела, чтобы я все правильно делала, как все. А монахиня в храме ей и говорит: «Ну чего сидишь, иди к кресту приложись!» – «Нет, матушка, мне нельзя, я мусульманка». – «Ой, свят, свят, что делается – басурманка! Ну так и чего – басурманка, ну и крестись!» – «Нет, я не могу».

Поговорила свекровь с отцом Иосифом, подошла к батюшке. Я так поняла, что у нее душа как-то на исповедь настроилась. Разговор по душам все-таки какой-то состоялся, потому что она довольно громко сказала фразу: «Но я же только одно данное мной слово не сдержала, только вот один раз...» А отец Иосиф ответил: «Ну, знаете, пути Господни неисповедимы, еще не вечер...»

На святом источнике в крещенский мороз

Пошли мы на источник. Я холодной воды боюсь, даже летом на даче в речку не захожу. У нас за забором Москва-река чистая, только-только в нее родники попадают. А тут зима, мороз крещенский градусов 20 и вода 4 градуса.

Народ раздевается, мы еще в очереди постояли. Последний же день крещенская вода! Удивительно, но у меня страха не было. Зашла в купальню, все раздеваются – и мы со свекровью разделись. А у нее колени болели жутким образом, стонала, вскрикивала, ходить не могла по лестнице, уж чего только не делали с этими коленями в госпитале! И тут она вперед меня в эту купель. Вышла из купели, стоит, мне машет: «Давай, видишь, я пример тебе показала!» А мне так хотелось исцелиться и чтобы доченька еще была. Ну и я в эту купель «во имя Отца и Сына, и Святого Духа» вошла. Вышла, стою дрожу, но ничего. А женщины кричат: «О, ты первый раз, так надо три раза войти, по три раза окунуться».

Свекровь: «Как скажете!» и опять туда. Я за ней. Вот мы с ней по три раза-то и окунулись.

Вышли. Смотрю, что-то она не очень вскрикивает, бодренько так одевается, про коленки больные забыла: «О, и я-то – мусульманка, а надо же...»

Собрались, зашли, благословились у батюшки Авеля. Отец Иосиф нас проводил. Икона наша домашняя ночь в алтаре ночевала, батюшка ее благословил. Мы забрали эту икону, в полотенце завернули и у заднего стекла положили.

Едем обратно. Костин брат за рулем, мы с Костей сзади, свекровь вся такая умиротворенная.

Только мы из монастыря выехали, она заволновалась: «Ой, вся шуба ладаном пропахла, это что такое, ну надо же, как же я ее теперь выветрю?» Едва из монастыря выехала, и вот уже ее враг искушает. Всю дорогу ей както не по себе было.

Снегопад, шуга. Перед Москвой мост железнодорожный, там по правой стороне покрытие меняли. Все заснежено, вечером не видно, и колесо «Волги» попадает в провал, машину начинает вести и разворачивает на 180 градусов. Отбойника посередине не было, фуры идут навстречу сплошняком. Нашу машину выносит на встречную, сразу же останавливаемся.

Мы не успели даже испугаться, только за руки взялись. Ждем, что сейчас сзади нас кто-то сомнет. Прошло три-пять секунд тишины, и сзади нас чуть-чуть подтолкнули. Выглянули – «девятка», водитель испугался больше, чем мы. Он видел, как нас развернуло. Думал, у нас баллон лопнул.

По всем законам механики он должен был нас протаранить, но у него только на номерном знаке чуть-чуть вмятинка образовалась, и всё.

Нас Господь спас. Сзади-то, у стекла, икона лежала Спасителя, которую в монастыре освятили. Вот такая была моя первая поездка в монастырь!

26 января я окунулась в святом источнике, а 26 ноября Анечка появилась. 26 ноября это как раз день батюшки Авеля.

Я ее две недели переносила, переходила. Меня в роддом положили, уже вот-вот срок, а я хожу все. Врач говорит: «Я уж и не знаю, что у тебя и как». Вот, оказывается, ждала нужного срока.

Батюшка Авель нас запомнил по этой ситуации. Виктор Алексеевич сказал, что батюшка Авель меня в свой синодик записал. Так что его молитвами Анечка родилась у нас.

Мы потом приехали с Анечкой в монастырь. И стали каждый год приезжать на источник в крещенскую неделю. Летом-то у нас дача, детвора. Вот уж сколько лет регулярно зимой в обители бываем.

Больше общались с владыкой Иосифом. С батюшкой буквально несколько раз общались. Батюшка Авель Данилку в алтарь водил, говорил с ним, ему это запомнилось: «Данила, ты знаешь, когда в алтаре находишься, ты старайся быть внимательнее, серьезнее. Не шути, не смейся, не надо. Есть ребята молодые, кто-то там посмеется, пошалит, а ты лучше в алтаре смирно стой, достойно и чинно себя веди».

Батюшка у нас в церкви, отец Павел, отмечает, что Данилка очень дисциплинированно себя ведет в храме. Мальчишки там и похихикают, пошушукаются, а Данилка всегда очень серьезный. Молодец, дай Бог, чтобы всегда так.

Один момент касания, буквально минуты они общались – отец Авель и наши ребята. А сохраняется тепло на много лет.

Мы приезжаем, он в своем креслице, служба идет, мы рядом стоим. И так хорошо, что батюшка здесь, что служба, литургия, молитвы.

После службы он идет, а народ к нему кто за советом, кто за благословением. Мы стоим, ждем, что сейчас и мы подойдем со своим чем-то. Он нас благословляет: «Вы-то у меня всегда в памяти и в душе, и в мыслях, а эти люди-то еще ничейные. Я с вами как уж со своими детьми, там как успеешь – так и успеешь...»

Мы приезжаем в монастырь раз в год, идем на источник с крестным ходом. И вот весь год, как выхожу из подъезда на работу, у меня в мыслях песнопение про Иордань именно мужским монашеским хором.

Святой источник, Иордань – первое эмоционально-духовное ощущение. У нас раньше же не было этого. Мы в монастыре, как говорится, прикоснулись сразу к уровню высшего качества. Вот такой камертон.

Крестный ход к святому источнику

Храм Иоанна Богослова

Через несколько лет врач-гинеколог, которая меня тогда посмотрела, свекровь мою встретила в госпитале, спросила: «Лилия Андреевна, как сноха, жива ли?» – «Жива, Юлия Алексеевна, внучку мне родила!» Врач удивилась. Через пять лет снова встретились: «Как сноха ваша?» – «Еще одну внучку мне родила!» Тут уж нет слов...

У нас же потом еще Маша родилась. Я до сих пор ее чмокаю и говорю: «Откуда ты взялась?»

Когда я пришла к врачу в консультации, она сказала: «Я не могу понять, как ты первую-то дочку умудрилась родить, с твоими-то проблемами. А тут еще собираешься?» Я испугалась сильно, и поехали мы к батюшке Авелю. У меня желчный оперировали, панкреатит хронический после этого.

Батюшка сказал: «Не переживай. Иди сначала к святителю Алексию Московскому, поклонись мощам, закажи молебен, а потом иди к врачам, как врачи скажут. А я помолюсь за тебя».

Прошла я диспансеризацию, говорю: «Костя, иди за результатами, я боюсь. Что сейчас врачи скажут?» Он отказался. Пошла я к врачу-гастроэнтерологу, которая меня вела четыре года после операции. Лучше анализов никогда не было, по анализам вообще никаких противопоказаний.

Сейчас по батюшкиным молитвам совсем по-другому все стало, наша жизнь изменилась. Я постоянно чувствую, что батюшкина молитва помогает и спасает.

Приехали поклониться памяти батюшки и увидели Веру Владимировну в монашеском облачении; теперь она матушка Гавриила. Приезжали сколько лет, а Вера Владимировна все по бухгалтерии трудилась. Прямо напротив кабинета владыки Иосифа у нее закуточек был.

Спустились с отцом Дионисием к батюшке, а матушка Гавриила Псалтирь читала. Мы цветочки привезли, она говорит: «Пусть полежат, пока вы тут молитесь, а потом просите, чтобы батюшка благословил, освятил цветочки, и заберите их. Ему-то не очень надо, а вам будет от него память».

Вот они, стоят у иконы живые цветочки, которые нам матушка дала.

Мы знали художника, он расписывал там храм, с батюшкой очень много общался. Когда предстояла ему операция, он позвонил отцу Авелю. Батюшка сказал: «Купи иконку святого Луки и перед операцией помолись и положи иконку врачу в карман, и я помолюсь святому Луке. Все будет хорошо, потом позвонишь мне».

Все прошло хорошо, он позвонил, а ему сказали: «Батюшка умер...»

Батюшка очень чтил святителя Луку. У него в покоях хранился посох святителя Луки Войно-Ясенецкого.

В Рязани есть госпиталь военный, в нем сделали храм. Батюшка его освящал, передал туда икону святителя Луки.

Вся жизнь в нашей стране пропитывается православием святым. А пропитывается она через людей, через священников, через таких, как наш батюшка Авель.

Наталья Анатольевна К-ва, Рязань:

«Батюшка знал и благословил»

Не все можно и должно изъяснять:
многому должно только верить,
потому что и можно только верить.
Святитель Филарет, митрополит Московский

Я училась на третьем курсе медицинского училища. Молодые девчонки, весна, на носу госэкзамены, а сдавать неохота.

Мне было тогда 17 лет. Крестный ход, Пасха. В церкви Бориса и Глеба звонят колокола, а я о своем думаю. И ведь по глупости что я попросила у Бога? Я попросила, чтоб мне в больницу попасть: «Господи, сделай так, чтоб мне не сдавать госэкзамены, чтоб я попала в больницу, но не в реанимацию». Так уж неохота мне было экзамены сдавать...

И что вы думаете, на следующий день я попала в больницу. Врачи моей маме сказали: «Вы готовьтесь, она у вас не выживет». Двадцать раз меня резали – двадцать раз умирала, чего только не было, но в реанимации не лежала.

Мама верующая, крещеная, но в церковной жизни ничего не знала. И вот подружка ей говорит: «Пойдем, молебен закажем с водосвятием. Будешь давать ей водичку пить, и ей полегчает».

Только вошла в церковь и заплакала. Ее спрашивают: «Вы кого-то отпевать пришли?» – «Боже упаси, нет! Я пришла заказать молебен».

Сколько стояла, сколько молилась и плакала, она не запомнила. Только в душе пообещала: «Господи, если доченьке поможешь, я всем святым поставлю большие свечки». День был пасмурный, она стояла посреди

Скорбященской церкви, уже служба закончилась, как вдруг откуда-то прямой луч осветил ее.

И что вы думаете, я скоро из больницы-то вышла!

А пролежала несколько месяцев, лечение длилось долго. Разучилась ходить, пришлось заново учиться.

Мама работала на вокзале билетным кассиром. У них организовали поездку на выходной день, но мама не поехала (ее укачивает в автобусе) и вместо нее поехала я.

Приехали в Богословский монастырь, нам все показали и рассказали. А когда служба в храме закончилась, мы увидели, как к нашей группе отец Авель идет. Все удивились: отец Авель идет к нашей группе, а ведь объявили, что он болеет, не выходит.

Народу нас приехало много, но он подходит именно ко мне. Все расступились. На мне был самодельный крестик, подарок тетушки, он не освященный. Я его надела, думала, может, как-нибудь освящу.

И вот подходит именно ко мне отец Авель, ладонью трогает крестик. Что-то он сказал, что-то прошептал, повернулся и ушел. Больше ни к кому не подошел, ни с кем не разговаривал...

Потом я услышала, что отец Авель умер. Я своего мужа прошу: «Саша, поехали к отцу Авелю». А он ни в какую: «Работа, отпрашиваться надо». Предлагает поехать на Крещение. Говорю: «Не могу ждать, поехали, вот рвусь туда и все. Готова пешком пойти!» Муж спрашивает: «Что за странное у тебя рвение?»

Мы приехали, я поклонилась памяти отца Авеля. Разговорилась с монахами, и мне сказали: «Скорее всего батюшка знал о будущих операциях и он тебя на них благословил».

Сколько я всего пережила! И давление 60 на 40, и остановка дыхания, и смертный ком в горле, перитонит, длинная череда операций, наркоз по шесть часов. Чудо, что выжила. Никто из врачей не верил, что я выйду из больницы. Уже стоял вопрос о срочном удалении почки...

Я ездила к отцу Авелю. Меня опять туда тянет, к нему, к его могиле. Обойду монастырь, поклонюсь, помолюсь, попрошу о своем. И так три раза...

Вы знаете, приехала из монастыря и почувствовала: была какая-то тяжесть внутри с головы до пят, но она ушла. Я как пушинка стала легкая, чувствую легкость во всем теле. И не болит почка. Ну, может, раз в неделю заболит, анальгин выпью, все. А то ведь у меня уже и ноги болели, и наклониться не могла.

Светлана Валентиновна и Михаил Вадимович Коржуевы:

«Он непостижимым образом все знал...»

...когда Земля перестанет рождать святых,
тогда отнимется от нее сила,
удерживающая мир от катастрофы...
Преподобный Силуан Афонский

Светлана Валентиновна. Встреча наша с батюшкой Авелем произошла при следующих обстоятельствах. Мы собирали сведения об иконе Феодотьевской Божией Матери. Мой отец родился в селе Федотьево Рязанской области, оттуда родом и все его родственники. Многим, живущим в этом селе, помогала Божия Матерь. Мы заинтересовались историей появления чудотворного образа Феодотьевской Божией Матери, и нам указали на батюшку Авеля как на единственного человека, доподлинно знавшего историю этой иконы. Мы и поехали к нему в Иоанно-Богословский монастырь.

Оказалась, что самая древняя икона Феодотьевской Божией Матери, явившаяся чудесным образом близ села Федотьево, хранится в музее Рязанского Кремля. Батюшка Авель, будучи ребенком, ходил и прикладывался к этой иконе, когда она была еще в одном из рязанских храмов. Также в запасниках музея хранится и старинная икона Иоанна Богослова. На все просьбы передать эти иконы Церкви был получен отказ от администрации музея. Но батюшка Авель не унывал и говорил: «Если икона находится

в подвале, то самого-то Иоанна Богослова ведь там не заставят сидеть». А на предложение о написании нового образа взамен первого он всегда отвечал: «Ну послушай: если бы тебе сказали – посмотри, какая твоя мать-то старая, с морщинами, давай мы тебе заменим ее на новую, молодую, красивую, ты бы согласилась?»

Пасха. 2006 год

С батюшкой Авелем Господь свел нас лет пять назад. С этого дня до самой честной его кончины мы поддерживали тесную связь с батюшкой и довольно часто его посещали.

Для нас он стал духовным наставником и любимым учителем. Так просто было приехать к нему, в его уютную келью и услышать ответы на все интересующие вопросы, даже на те, которые мы ему не задавали, но хранили в себе.

Его благословение стало для нас абсолютно необходимым освящением любого начинания, и Господь помогал нам в осуществлении, казалось бы, невыполнимых дел.

Первое благословение мы получили на написание списков со старинной иконы, строго хранившейся в музее. Однако после его благословения чудесным образом выяснилось, что икона нуждалась в реставрации. Было решено снять ее с экспозиции и отдать в руки реставраторов. Во время проведения реставрации удалось снять несколько списков.

Вот таким образом по благословению батюшки Авеля удалось сделать списки с трех редчайших чудотворных икон.

Постепенно мы начинали понимать, что батюшка видит нас насквозь, что он является тем прозорливцем, про которых мы только в книгах читали. Но одно дело читать про то, что происходило давно и далеко, и совсем другое дело ощущать это на себе. От этого пробирали мурашки.

Нам не раз довелось быть свидетелями мудрости и прозорливости батюшки.

Ведь что замечательно: при общей беседе с ним каждый, не задавая определенного вопроса, получал для себя необходимый ответ или совет, хотя все сидели вместе, слышали одни и те же слова, но в них для каждого была своя суть.

Так, для меня как хозяйки дома иногда бывает трудно раздавать домашние поручения домочадцам, а батюшка и рассказывает «вдруг», как в его детстве все это решалось: тихо, полюбовно вечером за самоварчиком: «Ты, Манюшка, завтра то-то и то-то давай сделай, а ты, Полюшка, то-то устрой». И так сразу хочется и у себя в семье завести такой же порядок, чтобы все решалось тихо да мирно, даже радостно.

Можно вспомнить много моментов, когда нам удалось почувствовать на себе его прозорливость.

Говорим: «Вот, батюшка, просим мы у Господа здоровья». А он посмотрит так ласково и скажет: «Спасения надо просить...»

Как-то во время болезни я решила связать батюшке теплые носочки. С удовольствием приступила к работе и довольно долго и кропотливо их вязала, но когда дело дошло до пяточки, то я, давно этим не занимавшаяся, засомневалась. А знакомая, которой, кстати, и принадлежала эта идея, взяла это более сложное дело на себя. Шло время, а носочки все мне не возвращались. Потом эта добрая женщина сказала, что они что-то у нее тоже не удались. Так мы и забыли об этом деле и никому о нем, конечно, и не говорили.

А когда мы с мужем и другими людьми приехали к батюшке, он в разговоре «вдруг» начал рассказывать, как он собирался в баню, как ему послушник принес назад его чистое белье и он сам долго-долго рассматривал свои носочки, не понимая, почему их ему вернули и что с ними не так. Оказалось, послушник боялся расстроить батюшку Авеля рассказом о том, что баня сгорела.

Удивительно, что батюшка нам очень детально рассказывал о своих носочках, которые он рассматривал.

И только вернувшись домой, я сказала мужу: «Послушай, я только сейчас сообразила, ведь это он говорил нам, как мы вязали-мыкались-старались над его носочками, о которых потом, правда, и позабыли совсем...»

Михаил Вадимович. Как-то раз после длительной беседы батюшка вышел меня проводить за свою оградку и сказал: «А ты знаешь, есть такой художник Шумов, который писал очень красивые иконы». Надо признаться, что я участвовал в восстановлении трех шумовских икон «Успение», «Вознесение», «Воскресение Христово» и как раз в этот момент были раздумья, в какой храм их отдать. Но я никогда и никому об этом не говорил!

Батюшка продолжил разговор о Шумове и иконах, пока я не выдержал и сказал, что у меня есть сведения о трех иконах работы этого художника, их не знают, куда определить. Он спросил: «А какие это иконы?» Я ответил. Тогда батюшка продолжил: «А знаешь ли ты, около какого храма мы с тобой стоим?» Я ответил, что не знаю. «Это храм Успения Пресвятой Богородицы, поэтому вези сюда».

Он непостижимым образом все знал, и я был поражен его прозорливостью.

Однажды мы ехали к батюшке из села Федотьево, где занимались делами, и вспоминали одного архитектора, который, к слову сказать, очень мешал нашей работе. Проезжая мимо храма Параскевы Пятницы, прочитали табличку с названием, но никто из нас толком не знал, кто такая Параскева Пятница, житие ее не читал, да и имя мы не запомнили.

А приехав к батюшке, мы начали было обсуждать какие-то вопросы, но он тут же остановил разговор, сказав: «Погоди-ка!» И ушел.

Возвратившись, он принес стопку маленьких книжек, как сам сказал: «Под цвет твоего костюма» и вручил их нам. Книжки назывались «Житие Параскевы Пятницы»!

Первую книгу батюшка подарил моему товарищу, а потом уж другим. Жену моего товарища зовут Марина; второй рассказ в этой книге был «Житие великомученицы Марины».

После беседы он сказал, что хочет сделать нам небольшой подарок, вынес несколько яичек в чаше (дело было на Светлой седмице) и начал раздавать каждому по одному яичку. Батюшка был крайне удивлен, когда, раздав каждому по яичку, увидел, что в чаше остались два яичка. Он спросил: «А разве с вами больше никого нет?» Два товарища дожидались нас за воротами монастыря у машин, и я сказал ему об этом. Тогда батюшка успокоился, сказав: «Понятно». И отдал мне оставшиеся два яичка для товарищей.

Когда же мы начали собираться домой и обувались в прихожей, батюшка вдруг сказал: «Знаешь, в Рязани есть архитектор такой-то» – и назвал фамилию архитектора, которого мы обсуждали в дороге. «Так вот, – продолжил он, – вы с ним не связывайтесь и постарайтесь обойти его».

У меня сложилось впечатление, что батюшка целый день провел с нами! Он знал, о чем мы говорили, какие проблемы обсуждали, как зовут наших жен, сколько нас и т.д.

Как-то раз мы приехали с супругой к батюшке в гости. Супруга хотела задать болезненный для нас вопрос, связанный с Белоруссией, но все не решалась. Присутствовали посторонние люди, она уж решила промолчать. Когда батюшка вышел в коридорчик нас проводить, он сказал, что сейчас принесет небольшой подарок. И вдруг выносит супруге как благословение образок святой Евфросинии Полоцкой. Подает и говорит, что ему привезла эти образочки женщина из Белоруссии. Зашел разговор про Белоруссию, и он рассказывал о Белоруссии до тех пор, пока жена не решилась задать свой вопрос. Она получила очень нужный, ценный и определенный ответ на мучивший нас вопрос, которой так бы и не решилась задать, если бы батюшка ее не ободрил.

Последние полтора года он практически всегда встречал меня у дверей, хотя я никогда точно не говорил, когда приеду. Батюшка сам это знал и открывал двери без звонка.

В последнюю нашу встречу, когда он уже не вставал, мы только подходили к его келье, как открылась дверь, и келейник Сергей сказал: «Заходите, он вас ждет...»

Очень нам запомнился его прощальный, как потом оказалось, взгляд. Батюшка в тот раз взглянул так продолжительно строго и вдумчиво, хотя обычно смотрел весело и ласково. Конечно, это только предположение, но он... предостерегал и предупреждал о необходимости и трудности

строжайшего контроля над собой, бдительности и ответственности за каждую минуту, проводимую пока в этой временной опасной и быстро протекающей жизни. Так теперь мы понимаем этот последний взгляд – как наказ о трезвении и внимании к себе.

У нас дома в день его кончины заплакала икона святого апостола Иоанна Богослова, написанная по его благословению, а через несколько дней батюшка явился нам в фильме. Эта история удивительна потому, что фильм, подаренный нам в городе Муроме матушкой Тавифой в 2002 году, мы смотрели много раз и ни разу до этого мы не замечали того, что теперь нам открылось во всей полноте.

В фильме рассказывалось о Муромском Свято-Троицком женском монастыре, в котором находятся мощи святых благоверных муромских князя Петра и княгини Февронии – русских покровителей семейного очага.

Через несколько дней после преставления батюшки, просматривая в очередной раз фильм, мы «вдруг» увидели, что службу, посвященную 10-летию возрождения этого монастыря, ведет батюшка Авель.

Он показался буквально на секунду. И после кадра с батюшкой Авелем идут слова диктора, суть которых мы и сами, но не так красочно, соединяли с образом нашего дорогого батюшки:

«По слову преподобного Силуана Афонского, святые живут любовью Христовой, которая есть божественная сила, созидающая и содержащая мир, и поэтому велико значение их молитв. Святой Варсонофий, например, свидетельствует, что в его время молитва трех мужей удерживала мир от катастрофы. Ради неведомых миру святых изменяется течение исторических и даже космических событий, и поэтому каждый святой есть явление космического характера, значение которого выходит за пределы земной истории в мир вечности. Святые – соль Земли, они смысл ее бытия, они – тот плод, ради которого она хранится, а когда Земля перестанет рождать святых, тогда отнимется от нее сила, удерживающая мир от катастрофы...»

Глава 3

Проповеди архимандрита Авеля

Предисловие к тексту проповедей

Текст проповедей архимандрита Авеля следует сопроводить кратким предисловием.

Первые сохранившиеся аудиозаписи относятся к середине 90-х годов XX века, последние – к началу XXI века.

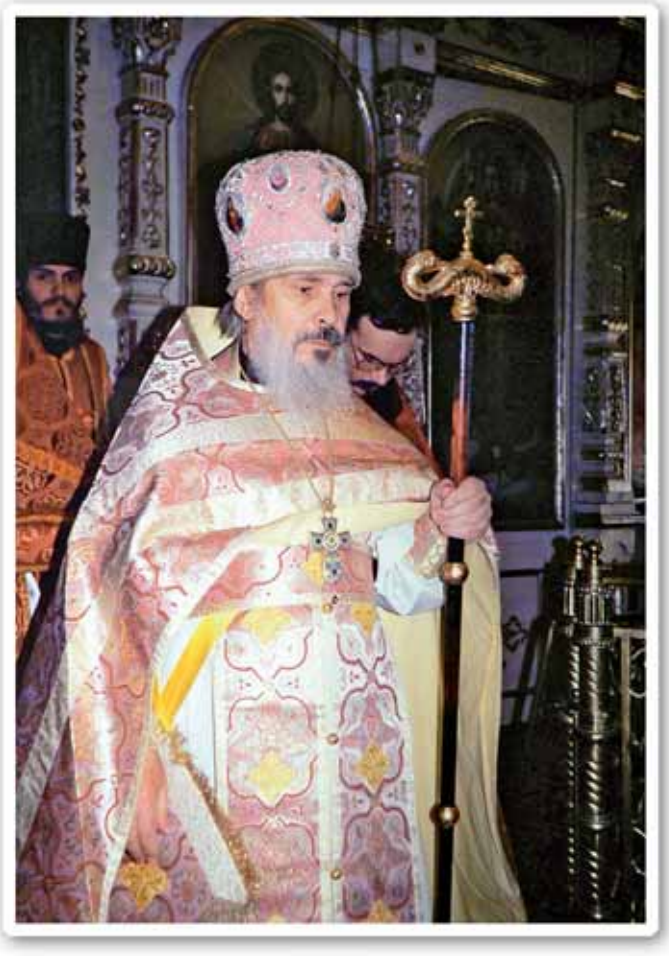
Архимандрит Авель, наместник Свято-Иоанно-Богословского монастыря, активно занимался становлением каждого из братии, его духовным возрастанием. По благословению отца Авеля многие братья, в том числе имевшие высшее светское образование, получили направления и окончили духовные учебные заведения.

Принципиальным, по-видимому, было требование применять полученные знания, уметь вести диалог, формулировать мысли, свободно говорить на какую-то тему, не читая с листа заготовленный текст. При этом было необходимо ориентироваться на конкретную аудиторию, разговаривать с ней доступным ей языком.

Существует устойчивый оборот в русском языке – «читает проповедь», «прочитал проповедь». Отец Авель не читал, он обращался к пастве со словом и учил братию именно этому.

Своими проповедями он показывал братии пример обращения к прихожанам. Но не в смысле копирования, слепого подражания, а в смысле духовном: найти контакт с аудиторией, удержать внимание, настроить на определенный лад, показать хорошее в повседневной жизни, обратить внимание на негативное, заставить заглянуть в глубины собственной души...

Свято-Иоанно-Богословский монастырь, имея вполне определенный статус под прямым управлением правящего рязанского архиерея, превратился



в кузницу кадров для возрождающейся епархии. Многие, очень многие из братии, пройдя путь становления под водительством архимандрита Авеля, стали заметными людьми на ниве возрождения приходов, храмов, монастырей, стали священниками, игуменами и духовниками обителей. Многие преподают в духовных учебных заведениях.

Сам архимандрит Авель, несмотря на то, что не получил никакого формального образования, кроме семилетки («я крестьянин», любил подчеркивать он), был разносторонне образованным, глубоким человеком с хорошо развитыми способностями к сложному анализу и обобщению, с великолепной памятью, хранившей несметное количество точной

информации. Он мыслил ярко и образно, обладал талантом педагога, был интересным рассказчиком, наблюдательным человеком.

Его речь менялась в зависимости от состава аудитории, к которой он обращался. Он адекватно общался с гуманитариями и технарями, академиками, писателями, военными, врачами, дипломатами, экономистами и бизнесменами – при этом вполне соответствующе воспринимал и употреблял термины и обороты узкопрофессиональной лексики. Будучи игуменом Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря, он неоднократно принимал делегации Поместных Церквей и государственные делегации высокого уровня, участвовал в диалогах с известными теологами, вел службу не только на русском, но и на греческом языке.

Однако наиболее свободно он чувствовал себя именно в народной среде, в среде сельских жителей. Сказывалась и его многолетняя служба на сельских приходах.

Он умел говорить языком их нужд и повседневных забот, знал их беды и чаяния. Прослушивая аудиозаписи (которые, возможно, будут изданы на электронных носителях), можно заметить обороты народной речи. Так, например, арфу царя Давида он намеренно называет гуслями. «Меня» звучит в аудиозаписи как «мене», «будет» – как «буде», «себя» – как «себе», «хотят» – как «хочут» и т.д.

При подготовке печатного текста проповеди были частично отредактированы*. Основанием для такого решения было то, что архимандрит Авель сам хорошо понимал разницу между устной разговорной речью и подготовленным к печати текстом. Он владел пером, вел большую переписку, у него был аккуратный и красивый почерк. На его мнение по ряду вопросов в научных публикациях ссылались рязанские краеведы, историки, педагоги.

Целью редактирования была концентрация внимания читателя. С этой целью записи были очищены от повторов, вводных слов, междометий, неизбежных в живой речи. Архимандрит Авель иногда прерывал проповедь прямым обращением к собравшимся, высказывал замечание кому-либо по поводу некорректного поведения в храме. Завершив отповедь нарушителю норм принятого поведения в храме, он извинялся и продолжал проповедь. Несколько таких фрагментов мы убрали.

Основу прихожан храмов обители составляют простые люди, жители близлежащих районов сельской местности, а также городские жители, не утратившие связи с земляками на селе. Отец Авель умел говорить просто и вместе с тем живо и образно. Его речь была адекватной уровню и составу аудитории. Он ничего особенного не требовал от прихожан – только жить по правде, молиться Богу, не грешить, соблюдать исконно русские традиции, любить. Любить свою семью, любить детей и престарелых родителей, любить учителей, бабушек и дедушек, любить свою землю, любить ее историю, исполненную страданиями и подвигами благочестия. Любить Русь Святую.

* Аудиозаписи предоставлены иеродиаконом Мелхиседеком, первое сличение выполненной распечатки с аудиозаписями сделано игуменом Мефодием, окончательное редактирование под руководством епископа Иваново-Вознесенского и Кинешемского Иосифа выполнил игумен Виталий. Все – постриженники архимандрита Авеля.

Прощение

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святые отцы время Великого поста называют духовной весной. Мудро они подметили: действительно, духовная весна. Не в нашем понятии весна, как говорится, «опять весна, опять цветы, опять любовь, опять мечты». Это суета-сует, это все бесовское.

А они смотрят на весну духовную как на время труда.

Каждый крестьянин знал, что если он весной не воспользуется, то ему есть будет нечего и кормить семью будет нечем. И никакого оборота у него не будет. Время весны – подготовлять почву, приготовлять семена, очищать их, проверять, заблаговременно сеять и поливать.

Так и духовная весна, время Великого поста, время возделывать почву нашего сердца, черствого сердца, которое уже за это время очерствело. Добрые дела уж мы порастеряли, а приходит время, которое нам напоминает, что раз весна приближается, то скоро и лето.

А лето быстро пройдет и наступит осень, когда будет человек делать подсчет. Так и в духовном смысле. Если мы не воспользуемся этим благоприятным временем Великого поста, если мы не поработаем над своим сердцем, над самим собой, то быстро это время пройдет и мы окажемся не готовыми к встрече Господа.

Вот поэтому святые отцы придавали большое значение наступлению Великого поста и учат нас через свои писания, через свои назидания и предания всеми силами пользоваться этим благоприятным временем и всеми теми пособиями духовными, которые они нам предлагают.

Конечно, людям, которые далеки от Церкви, все это странно и непонятно.

Вот жили в одном селе муж и жена. Жена была благочестивой, часто ходила в храм. А муж раз в год ходил, на Пасху. Когда все шли, и он ходил на крестный ход.

А потом жена и говорит: «Дед, ну что ты сидишь все дома? Делать нечего. Зимой-то работы никакой нет. Ты бы сходил в церковь». – «А что туда идти-то? Туда когда ни приди, все одно и то же».

Вот так люди нецерковные и рассуждают, что в церкви все одно и то же.

Нет, мои дорогие! Кто в церковь ходит часто и кто ходит по-настоящему, не просто постоять и с кем-то там поговорить, а чтобы внимательно послушать службу, очень мудро поступает. Церковь нас готовит к Великому посту каждую неделю своими Евангельскими чтениями и канонами.

Сперва нам показываются примеры мытаря и фарисея, лицемерного праведника и грешника смиренного, который понимал, что он грешный.

Потом на следующей неделе мы вспоминаем притчу о блудном сыне, в котором мы узнаем себя, когда отходим от Бога. Хоть сын жестоко согрешил против отца, но все-таки, когда вернулся домой, отец с радостью принял его и забыл все его проступки.

Так и Бог все простит, если только мы оставим свой грех и вернемся к Нему.

Мы встретимся с Ним потом. Нам страшно – как кончится наша земная жизнь? Как Господь будет нас принимать? Вот сегодня Господь и готовит нас к завтрашнему дню, Господь нам напоминает.

Мы постимся, чтобы примириться с Богом, а примириться – значит, получить от Бога прощение в наших грехах.

Господь говорит, что много этих условий, чтобы быть прощенными.

Если ты не простишь своего обидчика, то и Бог тебя не простит. Прощай всех, и тебе Бог все простит.

В то же время это очень трудно – простить. Тут бес тебе внушает: и как к тебе этот человек плохо относится, и как он тебя кровно обидел, и какой он нанес тебе непоправимый урон. Бес хочет тебя озлобить, ожесточить против человека.

А мы должны в это время себе другое напоминать. Ну хорошо, вот меня человек кровно обидел, он меня лишил всего состояния и доброе мое имя обесчестил. Но и я виноват, и я тоже кого-то обижал и обижаю. Ведь тоже бывает – не разобравшись, какую-то ложь и клевету говорим про человека. Так ведь тоже бывает!

А Бог нам дал все. А мы так жестоко его оскорбляем.

И об этом Церковь нам напоминает, чтобы мы во время Великого поста в полном смирении, в полном сокрушении, в полной вере приступили бы к работе над своей душой, как крестьянин над землей родной. Там нужны трактора да сеялки, а нам что нужно? Чтобы возделать землю души нашей, нам нужны любовь к Богу и терпение, и смирение, и жертвы.

Если нет этого, нечего тогда и приступать. Допустим, дали тебе землю, а у тебя ни сохи, ни лопаты. Что ты с палочкой сделаешь? Посидишь, поковыряешь, а какой толк? Если нету любви в сердце к Богу, если нет терпения и смирения, то ничего не получится.

Для того чтобы увидеться с Богом, нужно, чтобы Господь на тебя взглянул! Чтобы выхлопотать у какого-нибудь большого начальника квартиру, помилование, награды или еще чего, нужно попасть на прием к этому человеку, а это не всегда возможно. Можно ходить год, два и не попасть: то ему некогда, то он нездоров, то он ушел...

Так ведь и Господь. Он может и не взглянуть на нас, Он может и не услышать нас, хотя мы будем стоять: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!» Потому что не на всякое слово Господь откликается и не каждому.

Господь сам сказал, что придут времена, когда будут Моим именем чудеса творить, пророчествовать будут и будут говорить, что там Бог придет, там Бог придет. Он говорит: «Не верь, это все обольщение!» Когда Христу прийти, не надо предупреждать, что вот Он там, что Он тогда придет и в такой час, в таком месте.

Как блеск молнии на одном конце небосвода сверкает, а на другом отражается, так и пришествие Господа будет для всех ясно, для всех понятно и торжественно.

И тогда многие будут говорить: «Господи, Господи, вот я Твоим именем пророчествовал, я Твоим именем чудеса творил», а Он скажет: «Отойдите от Меня, проклятые, Я не знаю вас».

Они думали, что именем Божиим чудеса творили, но Бог не был с ними. Он был от них далеко. А почему? Потому что их сердца были преисполнены гордости. А Бог гордости не приемлет, Он ждет смиренности от вас.

В Священном писании говорится: «На кого Я воззрю? Только на кроткого, смиренного и трепещущего словес Моих».

На того, кто смиренный, кроткий и кто внемлет слову Божию. Вот таких Господь слышит.

А для того, чтобы нам достигнуть такого состояния, нужно много-много трудиться. Всем нам, всем. Потому что у всех у нас еще очень много этого

вот сорняка, который мешает обрабатывать поле и сеять добрые семена. Этот терновник, этот чертополох – это наша гордыня, наша заносчивость, наше себялюбие.

Человек может поститься, много молиться, часто в церковь ходить, много милостыни класть, но если очами Божиими взглянуть на этого человека, то Господь может все отвергнуть. Потому что Он видит, что эта вера не ради имени Божия, не ради Его славы, не ради ближнего, а ради того, чтобы покрасоваться: вот я какой хороший. Как бы, по современному теперь сказать, «ты мне – я тебе», вот как получается. Я Тебе, Господи, буду поститься-молиться, вот только Ты мне при встрече радуйся.

Сам Господь добровольно оставил небо и сошел на землю. Творил добрые дела и учил любви. Все делал для людей, но Его распяли. Он добровольно отдал Себя в руки грешников, чтобы через Его крестные страдания многие вошли в Царствие Небесное.

Так же и апостолы – ученики Христа.

Вот апостол Павел проповедовал среди всех народов. Ни дня не знал покоя, был в лишении. Его и гнали, и попирали, и били. Много раз он тонул! И все он мог превозмочь. К этому его понуждала любовь к ближнему. Он не мог смириться с тем, что только он знает Христа и любит Его. Он хотел, чтобы весь мир узнал Христа. Чтобы весь мир пришел ко Христу.

...Продолжатели апостолов – архиереи. К одному епископу пришла женщина и плачет, что у нее сына взяли в плен. Украли, а потом потребовали за него выкуп. А у нее нечем платить. И у епископа ничего не было, он сам все раздал.

Стало ему жалко мать. Тогда он и говорит: «Отведи ты меня к одному человеку и продай как раба. А на эти деньги выкупишь своего сына». Она не соглашалась, он ее уговорил: «Я, мол, старый, мне все равно помирать, а ты позаботишься о своем сыне».

Так вот и поступил, отдал себя в рабство, чтобы сына ее спасти.

Для апостолов и их учеников – все не о себе, не о себе, а о ближнем!

А у нас, наоборот, только о себе, только о себе.

И вот благочестить любим для того, чтобы о нас хорошо говорили. Чтобы и тут мне хорошо было и, когда помру, чтобы я в рай попал. А что с другими людьми будет, нам не до того. Мы думаем только о себе, а не о всех.

А Господу нужно наше сердце, преисполненное любовью к ближним! Каждый должен и молиться, и поститься, о прощении своих грехов и грехов

всех своих близких, своих знакомых просить. За весь мир! Господи, весь мир погибает во грехах. Сжалься над нами. И Господь услышит молитвы.

Знал я людей духовно благородных, встречался, в основном это люди старого поколения. Они молились: «Господи, ты лучше уж меня накажи, а всех помилуй».

Мы часто судим людей по их поступкам, а своих грехов не замечаем.

Вот, допустим, видели вы мужчину пьяным. У него такое было редко, случайно. Он не пил вино. А был где-то в гостях, его просили – и он выпил, ослаб.

А вы видели, как он качался, может быть и падал, и вы о нем стали плохого мнения. А он никогда и не пил. Он потом, может, сколько ночей плакал и молился, просил у Бога прощения, а мы уж его осудили.

А мы часто пьем, и на нас ничего не действует. И мы уже не считаем это за грех, и мы не считаем, что это порок. Вроде это так и надо, даже в среду и пятницу можем там выпить и закусить. Вроде все обыкновенно, что ж тут особенного.

А человек, который знает закон Божий, закон Церкви, он уже понимает, что в среду и пятницу нельзя нарушать пост. Он знает, что нельзя сквернословить, говорить неправду. Он знает, что нельзя человека оскорблять; какой бы он ни был – он стоит перед Богом.

Какой вот нам палец ни укуси, скажем, что больно. Так и для Бога: всех жалко. И умного, и глупого, и грешника, и праведника – Господь для всех.

И поэтому наш долг в период поста исполнить еще одно условие – вступить в завтрашний день примиренными.

Почему именно сегодняшний день, Прощеное воскресенье, играет такую важную роль? Господь нам сегодня на литургии говорил в Евангелии, что если вы не прощаете, то и Господь вас не простит. А если вы прощаете, то и Господь вас простит.

Когда поститесь, не принимайте личину человека скорбного. А наоборот, будьте веселыми, жизнерадостными, чтобы никто не догадывался, что вы за целый день много сделали поклонов. Чтобы все было в сердце. А Бог видит все и воздаст.

Вы вот вникните в глубину слов молитвы. Что Господь от нас ждет?

...Господи и Владыко живота моего, дух праздности...

...Ей Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего...

Нам нужно видеть свои грехи и никого не осуждать. Вот тогда нам будет легко поститься, если мы не будем никого осуждать. Для того чтобы в церкви Он тебя приветил, для того чтобы Господь тебя простил, мы не должны быть гордыми, но попросить у всех прощение.

Наши предки – деды, отцы и матери – так делали и в миру. Они всегда в церковь ходили в этот день и просили прощения в храме. Потом еще ходили к родным, знакомым, у всех просили прощения. Нам надо это сохранять и продолжать.

В древности монахи-подвижники в этот день собирались, причащались, вместе подкреплялись чем Бог послал. Не забавлялись. У них каждый день был – святой пост. А потом они друг у друга просили прощение, просили молиться. И расходились в разные места пустыни. Только оставались в монастыре самые немощные.

Уходили до Вербного воскресенья. А уж в Вербное воскресенье они все возвращались к празднику Пасхи.

Благодать Святаго Духа собирала всех, кто уходил в пустыню. И никто не спрашивал, как ты жил, чем ты питался, как ты молился. Они знали, что всем свидетель – Бог. Они все были друг от друга далеко, чтоб ни с кем не встречаться, чтоб не вступать ни в какую беседу. А для того, чтобы подогревать в себе дух молитвы, они держали на сердце, что будут радоваться и испытают радость Святого Христова Воскресения.

Когда наступает ночь, чтобы человек не боялся, ему говорят, что ночь пройдет и будет ясный день. Это нам бес внушает страх, что будет трудно, что семь недель поститься долго. Нет, пост быстро пройдет.

А чтобы нам не унывать в период поста, давайте помнить, что за это нам будет великая награда в том, что в День Святой почувствуем близость Господа и всю полноту радости.

Я как один из всех, смертный, грешный, который подвержен всем человеческим немощам, прошу у всех вас прощения. Нуждаемся мы в молитвах праведных, чтобы Господь слышал наши молитвы и помогал пройти поприще Великого поста, чтобы это время не прошло даром, чтобы мы плод добрый взрастили бы в своем сердце.

И поэтому я прошу вас: обращайтесь к Нему со своими молитвами, прощайте друг друга, и Бог вас услышит, поймет, простит и полюбит.

(Запись проведена не позднее 1995 года)

Научитесь прощать

Мы с вами стоим на пороге святого Великого поста. Еще одна ночь – и начнется подвиг спасения.

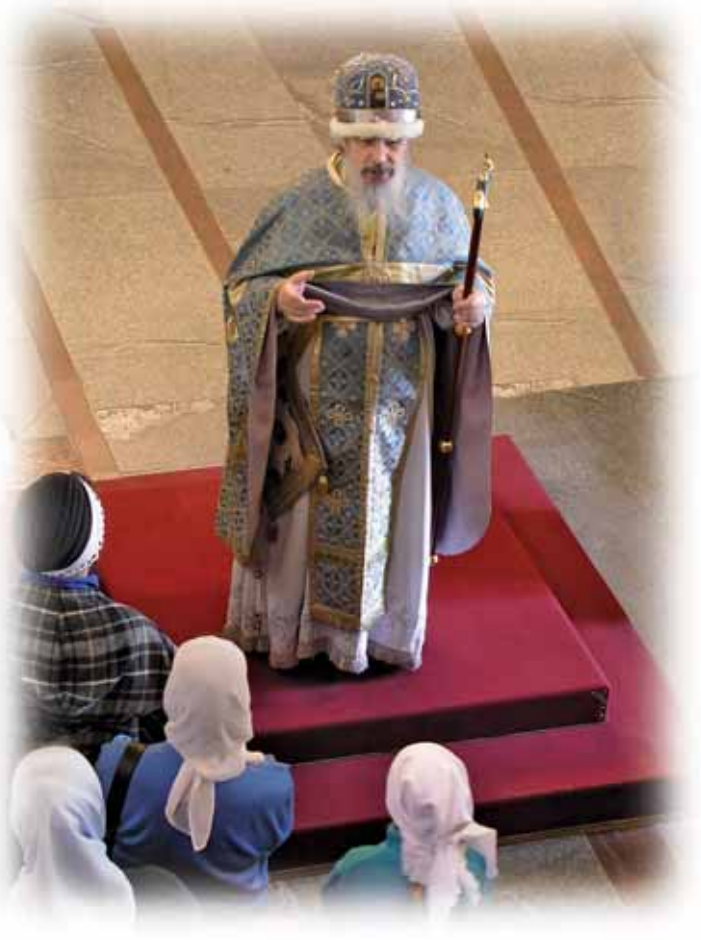
Цель каждого христианина – приблизиться к Богу, быть с Ним. Но для этого нужно подражать Ему.

Бог есть любовь. Вот и нам нужно стяжать святую любовь к Богу, друг ко другу, ко всем, даже к неодушевленным предметам. Но я не имею в виду любовь к тряпкам, к машинам, к тем материальным благам, которые вокруг нас. Я говорю о любви к природе. Потому что это Божие творение. А те вещи, которые мы любим, являются подчас погибелью нашей. Сейчас, например, мы, забывая о Боге, думаем о пище. Радуемся, что здоровы и одеты. А мы должны стяжать не богатство земное, а Духа Святаго.

Что еще нам нужно? Смирение. Без смирения и без терпения нет поста. Все святые отцы об этом говорят. Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. Ведь нет человека, который бы не согрешил против Бога. Не делом – так словом, не словом – так мыслью. А Господь все наши мысли видит. И все же никому Он не отказал в прощении, если кто искренне просил Господа.

Это свойство Божественное надо хранить в сердце, учить себя, что если Господь такой благий и такой незлобивый, если Он каждому грешнику прощает, если я сам первый в этом нуждаюсь, чтобы Господь простил мои грехи, то и я сам должен прощать всякому всякую обиду. Отца, мать, братьев, сестер, знакомых любить нетрудно. А вот попробуйте врага полюбить. Но прежде чем полюбить, надо ему простить то, что он тебе сделал.

Прежде чем ступить на поприще Великого поста, мы должны примириться, иначе не имеем мы права вступать в это святое время. Ведь если ты мне не простишь, то и тебе Господь не простит. И твои молитвы напрасны.



Вы, может быть, скажете: «Как легко – только сказать «прости». Но вот человек, кровный мой, нагрубил, причинил какую-нибудь боль, невозможную боль». Все равно надо набраться сил, победить в себе эгоизм и во имя Бога простить. Нужно себе напомнить: «Ну хорошо, тебе этот человек досадил, нагрубил, причинил какую-то боль, даже болезнь, может быть, что-то отнял. Но ты пред Богом в неоплатном долгу! Ты Его каждый день, каждый час, каждую минуту оскорбляешь, нарушая заповеди, и Он тебя прощает, когда ты у Него просишь прощения».

...У одного господина был слуга. Он занял деньги на неопределенный срок, а потом не смог отдать. Думал со временем скопить и отдать долг господину. А у него хозяйство все стало рушиться, и долг вырос еще больше.

И тогда, зная свою беспомощность, должник пришел к господину, кланялся в ноги и со слезами просил, чтобы хозяин все ему простил. И господин простил ему, простил очень большой грех – долг. И вот обрадованный человек вышел из дома своего господина и вдруг встретил одного знакомого, который ему был должен несколько динариев. И прощенный набросился на своего должника: «Давай мне долг!» Тот говорит: «Подожди чуть-чуть, и отдам». Но человек не унимался и продолжал требовать возвращения своего долга. И в конце концов пригрозил отвести его к властям с тем, чтобы его посадили в долговую яму, пока он не отдаст долг.

А тут как раз проходили общие знакомые споривших. Все видели и господину рассказали. Тогда господин позвал своего прощенного должника и сказал: «Я тебе большой долг простил. Как же ты не мог простить малый твоему должнику? А раз ты ему не простил, и я теперь тебе не прощаю, а возбуждаю судебное дело».

Господь дал нам пример. Под господином Он имел в виду Себя, а должники – все мы. Мы умоляем Его очень часто: «Прости, Господи, прости». Но ведь и мы должны прощать.

Вот, например, отец и мать. Они нас родили и воспитали. Но ведь и родили-то они не без помощи Божией, Господь создал и отца, и мать, и всех

людей, создал для нас прекрасный мир, светила прекрасные – солнце, луну, звезды и всякие цветочки, овощи, фрукты, птичек разных. А мы это все не ценим. Только оскорбляем Бога своим нетерпением, своей гордостью, своей заносчивостью. Поэтому-то мы и должны научиться прощать. Ведь Господь не ждет от нас звезд с неба, чего-то невозможного. Он Сам всему Создатель. Все, что есть на земле, все создал Бог. Потому и отблагодарить Его мы можем только любя друг друга. У него мы все – дети. И Господь видит, что мы живем неладно, и Господу это больно видеть. Тем более мы зовем Бога Отцом Небесным. А Церковь Святая, которую Он создал Своей кровью, – Она наша Мать, Она нас духовно возродила Святым Крещением. Она нас питает, как мать грудью, Божественной Кровью из Святого Потира каждую Божественную литургию. И пестует нас. Только у нас нет няни, а есть пророки и апостолы и прочие угодники Божии.

Мы во всю жизнь забываем в заботах о насущном, что все равно нам надо полагаться на волю Божию, а не строить планы. Для того Церковь и установила этот пост, чтобы напомнить нам о Небе, чтобы мы хоть немножко поднялись над своей обыденностью, чтобы стали немножко лучше, чище, чтобы мы если не на святых, то хотя бы на людей стали похожи. Вступать на поприще поста надо примиренными. И потому живет в Церкви древний обычай – перед Великим постом просить друг у друга прощения...

(Слово в Прощеное воскресенье 1995 года)

Как поминать Великим постом

Великим постом за усопших надо молиться особенно усердно и обязательно поминать родных и близких в родительские субботы.

Существуют две Вселенские родительские субботы и родительские субботы на второй, третьей, четвертой неделях поста. У нас в России усопших поминают еще и на Радоницу после Пасхи и в Дмитриевскую субботу, в которую особенно поминают всех убиенных воинов.

Часто спрашивают, достаточно ли заказывать за покойников панихиду, обедню?

Допустим, если дочь или сын не идут к больной матери, а она соскучилась и очень ждет их, вот приходит соседка и говорит: «Маша, шла я по улице, встретила твою дочь, а она передала тебе гостинец». Подумаешь – зачем гостинец, мне бы самой с ними повидаться.

Так и умершие – им лучше, когда мы сами в церкви присутствуем. Они же видят, кто пришел, кто молится. Передадут свечку помянуть, а сами что же, где в это время? Потом в эти дни пойдут на могилку, постоят у холма, ну и что?

А когда человек в церкви стоит и молится, душа умершего тоже там присутствует, все она видит. Самое главное то, что заказали обедню за умершего, батюшка вынул за него частичку. Подала и за здравие себе и кому-то еще. Они как бы общаются.

Вот ты причастилась и в тебе Кровь Христова, а потом в эту Кровь ссыпаются те частички, за кого вынуты просфорочки, и говорит священник: «Отмый, Господи, грехи...» Мы это как-то не ценим. Главное – литургия. Панихида – это краткая молитва.

Литургия – это когда и живые, и мертвые неразделимы. Церковь Небесная и Церковь Земная, все вокруг Христа. Он везде невидимо присутствует. В Чаше-то все: и тебе частицу, и мне частицу, и за родителей частицы. Все они в Крови Христовой. Как же этого не понять! Конечно, священники должны объяснять все это своим прихожанам.

Если человек умер постом, его поминать надо в церкви, конечно, в первую очередь. Считаю глупо, кто собирает обед в угоду родственникам. Если родные умирали, я их так помню и поминаю и не надо обеды собирать. Я и не пойду, потому что там разные пустые разговоры идут, пищу едят неположенную. Постом, если умирает человек, так люди собираются в пятницу, едят скоромное, пьют, пост нарушают. Вместо того чтобы пост на себя наложить, они в его память еще пост нарушают! Вообще не положено на поминках пить ничего из спиртного.

Откуда это все пошло – поминать? Собирались все верующие на молитву, вся община, а так как люди все немощные, им надо было подкрепиться, вот обед. Вечером – всенощная, потом ужин, оставались в ночь, Псалтирь читали, потом шли к обедне, которую специально заказывали священнику. Все знакомые, все родные потом шли с кладбища в дом этого умершего, где им предлагали трапезу. Только подкрепиться, но никаких там пьянок.

Есть ли разница между отпеваниями праведников и грешников?

Когда хоронят праведного человека, то похороны не воспринимаются как похороны, а как праздник. Вот когда матушку Марию в Скорбященском храме отпевали, это было как Пасха. Она была святой человек, но и когда светские люди благочестивые умирают...

Отпевают-то всех одинаково, но чувство разное при этом. Стоишь прямо и изнываешь, когда у человека грехов много, а то прямо радостно, хоть бы еще сто молитв пропел.

Святая праведная Анна

Всех вас поздравляю с праздником святой праведной Анны. И с наступающими праздниками: завтра Воскресение Христово, а в понедельник – праздник святого великомученика Пантелеимона.

На Афоне великий праздник и в России. Потому что Русский монастырь – Пантелеимонов. И там находится его святая глава. Сколько уж веков она там находится и никогда пределов своего монастыря не оставляла. А в последние годы ее привозили в Москву дважды, это для нас большая милость.

Когда первый раз привезли, только самолет приземлился – над самолетом появилась радуга среди ясного дня. Только не дуга, а радужный крест.

А потом, когда святые мощи его привезли в патриарший Богоявленский собор, там над собором опять радужный крест стоял. Храм Христа Спасителя был еще не действующий, поэтому привозили в Богоявленский собор.

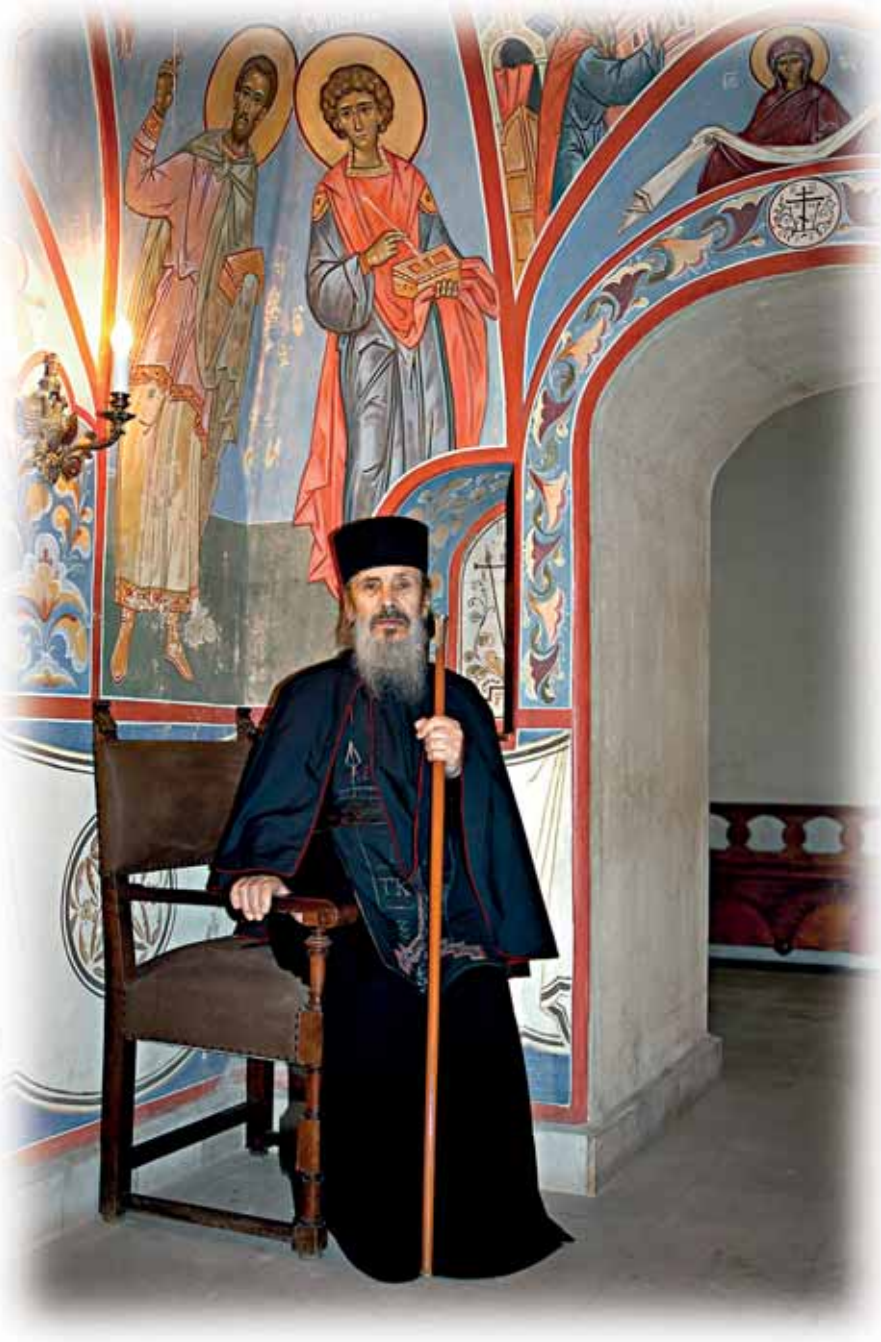
Я в то время отсутствовал в монастыре, а когда приехал на второй день, мне братья говорили, что над нашим монастырем тоже был радужный крест. Это показывает, что где великомученик Пантелеимон был – там радужный крест стоял.

Великомученик Пантелеимон здесь присутствует, потому что мы живем по уставу его обители, празднуем его праздник как свой престольный, храмовый праздник, и великомученик всегда с нами пребывает.

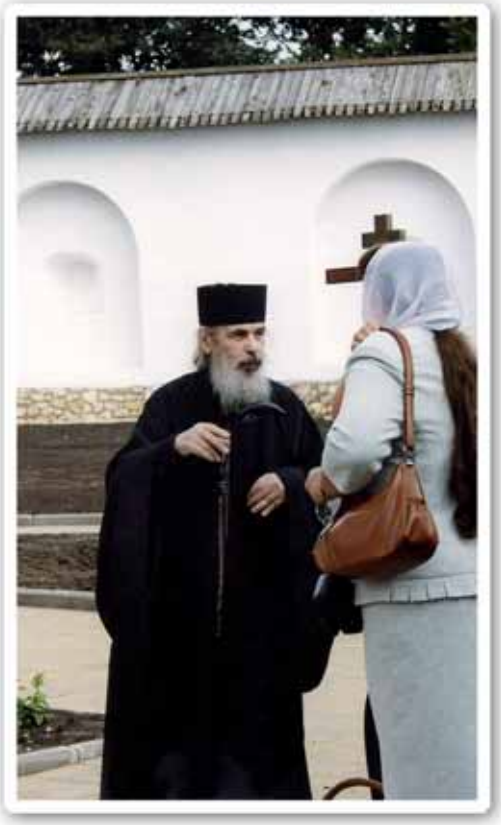
Поэтому для нас наступает великий день, великий праздник. И вас с ним я поздравляю.

Беседа с паломниками

«...Дети мои, только у вас одно на уме. Подходите все: «Батюшка, мне бы поговорить». – «А что случилось?» – «У меня муж вот... у меня сын такой, у меня дочь такая». Это уж кто виноват?



Возле мироточившей фрески святого великомученика Пантелеимона в Свято-Иоанно-Богословском монастыре. Июнь 2006 года



Вы бы лучше сказали: «Батюшка, что ж ты мне такого мужа сосватал?»

Так вы ведь сами выбирали? Сами. Даже часто против воли матери, против воли отца шли. Значит, теперь надо терпеть. А сын, дочь? Вы их растили? Вы. Какого вырастили, воспитали, такого и надо терпеть.

А то у вас получается так: священник больше как фокусник, а Бог как приказчик. «Дай мне того, дай мне этого, это мне не нужно, это мне не нравится».

Бог всем управляет, всем дает жизнь и всем распоряжается. И запомните раз и навсегда, напишите на скрижалях своего сердца и разума, что ничего не бывает без воли Божией, даже то, что нам кажется плохим. Человек не споткнется, если нет на то воли Божией. Все нужно воспринимать, как промысл Божий.

А принимать нужно волю Божию как? Ведь не скажешь: «Я не хочу». Воспитанные люди от отца, от матери и то принимали волю с покорностью. А как же мы от Бога-то? «Мне это не нравится, я этого не хочу». И вот священника превращаете в какого-то фокусника...

Приходите: «Вот у меня то и то, у меня так и так». Это равносильно тому, как хозяйка плохая задумала торт испечь, а не знает как. Все, что у нее было, все насыпала: и соли, и перца, и корицы и гвоздики, и муки. А стали есть – никто его и не проглотит. И что ж теперь, принесет его к священнику? Скажет: «Батюшка, сделай торт, чтоб был вкусный?» Так же нельзя! Нельзя!

Лучше ты приди раньше да спроси сначала: «Батюшка, я хочу торт испечь, что туда класть? Как делать-то?»

Так вот и в жизни. Во-первых, замуж нужно было выходить в свое время. Когда ребенок-то родился, его нужно грудью питать, каждое воскресенье в церковь носить, причащать Кровью Христовой.

А тут у вас, пока все молодые, сами все в веселье: там вечеринки, гости. И Бог не нужен, и церковь не нужна, и священников никаких не надо. А потом случится беда, и ищите виновных. А что ж тут? Все уж загрубело, все затвердело...

Тут одно только: раз Бог допустил, значит, Господь хочет вас исправить. Он не наказывает. Бог не может наказать. Он настолько любвеобилен, Он сама любовь. Никакая – ни материнская, ни отцовская – любовь не может сравниться с Божией любовью. Бог становится совершенной любовью. Он не может наказать. Он мог бы всех нас изничтожить, но Он этого не делает. Он ждет нашего исправления.

Чтоб мы пришли к исправлению, Он нам посылает всякие испытания и беды. Поэтому воспринимайте все от Бога с покорностью. Ищите в себе причину: «Значит, я в чем-то виноват». А в чем? У нас много недостатков, нужно исправиться. Хоть и под старость, а все равно надо бросить привычки плохие, не материться, не выпивать. Нужно исправляться, нужно жить, как подобает христианину, а не как животные.

Я вам ничего не желаю – ни здоровья, ни благоденствия, ни успехов. Одного желаю, что и себе, – спасения. Чтоб всем спастись. Что и себе, то и вам желаю.

А туда путей много. Как в Москву. Москва у нас одна столица, а туда можно на вертолете, на самолете, на автобусе и поездом. Так и в рай, в Царствие Божие, дорог много. Идите, ищите свои дороги.

(Слово было сказано батюшкой Авелем после Божественной литургии и заупокойной литии в нижнем Серафимовском храме 7 августа 2004 года в субботу. За литией присутствовали и паломники из Тюмени и Орла)

Преподобный Серафим Саровский. Святой благоверный князь Роман Рязанский, великомученик

Завтра память святаго великомученика князя Романа Рязанского, великого страстотерпца. Как в тропаре сказано, он посуставное резание претерпел. Подумайте-ка вот: по суставчику отрубали, а он все: «Я чту Христа, я чту Христа». Потом с живого кожу содрали, язык отрезали, глаза выкололи. И вот, когда уж язык отрезали, он все глазами показывал: «Я чту Христа, люблю Христа». Глаза выкололи. А потом уж голову отрубили.

А у нас с вами хватит ли терпения? Вот где надо учиться. А он ведь князь был: изнеженный, избалованный, так вот по-нашему.

А мы кто? Мы кто?

Если мы уж из себя строим, то уж и не знамо кого! Все чтоб по-нашему и чтоб все удовольствия увидеть! Но ведь нельзя одной рукой и землю взять, и Небо – так невозможно. Или уж землю держи, или же Небо.

Так и здесь. Если уж жить для Бога, то надо жить для Бога. Земное только то, что необходимо, что нужно, – это то, что Господь дал. Вот так!

А ведь мы ВСЕ хотим!

Вот пожилые люди. Они помнят и знают. Я это еще застал, хоть и родился уж при советской власти. Но только тогда и колхозов еще не было. И храмы все еще были открыты, и народ был такой – воспитание еще чувствовалось христианское.

Мне пришлось с родителями жить в таком заведении, где и начальники жили, и подчиненные жили, даже технички-уборщицы. А кухня одна. Все все видели. Начальники жарили-парили мясо, а эти – картошку. Когда еще

есть деньги – с маслом. А то и без масла. А то и в очистках. Но все были довольны и зависти ни у кого не было. Я был маленьким, но меня все равно это как-то трогало.

А сейчас? Сейчас вот уборщица, а хочет одеваться, как жена директора. Но разве это справедливо? Несправедливо! Это значит, что она толкает мужа на преступление – надо воровать идти, чтоб у нее и серьги были, как у директорши, и шуба такая же была...

Все это мы можем получить. Но с собой ведь ничего не возьмем. Не знаем мы, на сколько нам дано этим пользоваться!

Вот жена толкнет мужа на преступление, как-то так сделать, не по совести, украсть или обмануть. А через неделю, глядишь, жена и померла. С собой ведь ничего не возьмешь. А судить Господь будет за все, за все. Если уж за мысли Господь будет судить, то каждое ваше слово может посрамить вас или прославить.

Святые отцы говорят: «Никогда не хвастайся, как ты живешь и как ты время проводишь, сколько ты молишься и как ты молишься, какие добрые дела ты делаешь – никому не рассказывай, никому. Бог все знает. А дьявол не знает. Поэтому не надо нигде рассказывать. Господь охранит эту тайну, и дьявол не будет знать. А если узнает, как ты будешь благочестивые дела делать, то он тебе скажет: «Я тебе устрою в отместку... Уж я вот тебе устрою!»

Так что лучше храните молчание. Как батюшка преподобный Серафим говорил: «Стяжите дух мирный, чтоб всегда на сердце был покой!» Если у тебя мирный дух, тебе при всяких обстоятельствах живется, как в раю: у тебя душа спокойна, тебе все нравится, и жить легко... И вокруг тебя еще спасутся.

А когда в душе мира нет, тут никакие бриллианты, ничто не поможет – все тебя будет раздражать.

Храните мир в душе своей. Это завет преподобного Серафима. Он говорил, что жить надо духовно.

С наступающим вас праздником.

(Слово было сказано батюшкой Авелем 31 июля 2004 года после Божественной литургии и заупокойной литии в нижнем Серафимовском храме накануне праздника в честь преподобного отца нашего Серафима Саровского и святого благоверного князя Романа Рязанского, страстотерпца)

Преображение Господне

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня мы вместе со всей вселенной радуемся празднику светлого Преображения Господня.

Что такое Преображение? Говорят, человек преобразился, изменился. Как мог Бог измениться? А это было событие из земной жизни Спасителя.

Господь (и Сын Божий) добровольно пришел на землю, чтобы взять грехи и немощи людские, чтобы впоследствии взойти на Крест добровольно и пролить Свою Божественную Кровь во искупление грехов всего человечества.

В последние дни своей земной жизни, окруженный учениками и народом, в беседе о пришествии Царствия Божия, Господь сказал, обращаясь ко всем: «Вот здесь некоторые из вас стоят, которые, еще не вкусивши смерти, увидят Господа во всей своей славе».

Через несколько дней Он взял троих своих учеников – Петра, апостола первоверховного, любимого своего ученика Иоанна Богослова и брата его апостола Иакова – и взошел с ними на гору Фаворскую, чтобы вместе с ними помолиться.

Во время молитвы их Божественный Учитель Христос, который буквально несколько часов назад был такой же, как они, человек, вдруг изменился.

Одежды Его стали белее снега! Лицо просияло, как солнце!

Ученики были изумлены этим мгновенным изменением своего Божественного Учителя Христа. Их объял страх и трепет, потому что они увидели, что со Христом стоят, беседуют пророк Божий Илия и Моисей. Ученики поняли, что они говорят об Его исходе и о предстоящих страданиях в Иерусалиме.

Исполненный трепета и ужаса Петр вскрикнул: «Господи, как нам хорошо здесь с Тобой. Давай построим три палатки здесь, Тебе одну палатку, Моисею и Илие, будем здесь вечно пребывать. Будем вечно наслаждаться и радостью, и светом, и этой благодатью».

Тут ученики услышали из облака голос: «Это есть Сын Мой возлюбленный, к которому Мое благоволение, Его послушайте». Они упали от страха и услышали, что Господь им говорит: «Встаньте и не бойтесь».

Когда поднялись, то увидели: все по-прежнему, стоит Христос, такой же как они, обыкновенный человек, в обыкновенной одежде, и нет ни Моисея, ни Илии.

Господь им сказал: «То, что вы видели, пока никому не говорите, до тех пор, пока Я не воскресну».

Вот это событие Церковь светло празднует как Преображение Господне.

Господь изменился в одно мгновение и показал славу, блеск и могущество Божества Своего.

Показал им только то, что может вместить человеческая немощь.

В кондаке нынешнего праздника говорится:

«На Горе преобразился еси, и якоже вмещаху ученицы Твои, славу Твою, Христе Боже, видеша, да егда Тя узрят распинаема, страдание убо уразумеют вольное, мирови же проповедят, яко Ты еси воистину Отчее сияние».

Здесь кондак нам объясняет, для чего это Господь сделал. Он это сделал не для Своей славы, а для пользы апостолов и всего человечества, для нас с вами.

Господь знал, что приближается Его крестная смерть. Если Он умрет на Кресте, апостолы могут поколебаться в вере, могут допустить мысль, что они ошиблись, что их Учитель – самый обыкновенный человек, которого судили и распяли, а Он не мог Себя защитить. Как же Он создаст Царство Свое, когда даже Сам не мог Себя защитить?

Чтобы этого не случилось, Господь и привел троих учеников на Фавор как свидетелей и показал им всю славу Свою.

На Фаворе были еще два свидетеля. Пророк Божий Илия, который был взят на Небо живым и придет еще на землю перед вторым пришествием

Христа, во время царства Антихриста, и обличит Антихриста. А Моисей умер, и похоронили его в пустыне. Он не взошел в обетованную землю, а умер еще на пути. Но он видел издалека землю обетованную и показал всем место, куда Господь их вел. Ангелы взяли его тело, чтобы впоследствии иудеи не обоготворили бы его.

Ученики на Фаворе увидели Моисея, который умер много столетий тому назад. И Илию, живого, который был взят на Небо живым. Учитель показал им, что они так же слышали Господа, как когда-то Моисей слышал голос в Неопалимой Купине: «Я – Бог, Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, не Бог мертвых, но Бог живых...» Учитель показал ученикам Своим, что имеет власть над живыми и мертвыми.

И когда ученики Его увидели бы распинаемым, они должны были бы тогда, помня Фавор, помня эту славу Его Божества, понять, что Он не беспомощный узник, не беспомощный пострадавший. Что Он мог бы защитить Себя, мог сказать слово и сонм Ангелов пришел бы Ему на помощь.

Но Он добровольно взошел на Голгофу, добровольно отдался в руки мучителей, чтоб Своей бесценной Кровью Божественной искупить все человечество.

Господь сказал: «Некоторые из вас, не вкусивши смерти, увидят Господа во славе и царствии». Он это сказал про апостолов: они еще не умерли, а увидели Господа во славе, услышали голос Отца Небесного, увидели Моисея и Илию. Как бы побывали в раю. Увидели всю славу рая и всю славу Господа.

И мы с вами не лишены этой возможности. Бывают и у нас такие же моменты, когда мы, преодолев свои страсти, свои пороки, как бы взойдя на гору высокую, поднимаемся над земными своими страстями, и нас так же посещает благодать Божия. Мы так же, если не реально земными своими телесными очами, то душевными очами своего сердца, видим и чувствуем всю славу Божества, весь Его свет неприступный. И так же, как и апостол Петр, подчас говорим: «Господи, как нам хорошо быть с Тобой!»

Но мы люди немощные, не можем пребывать на высоте постоянно и мы поневоле (или добровольно) скатываемся вниз, в свои пороки, слабости и грехи.

От нас все зависит. Мы можем и должны бы всегда быть на высоте, всегда быть в общении с Богом, но часто мы предпочитаем свое «я» Богу. Свое тленное тело, которое скоро умрет и разложится, и соединится с землею, мы любим больше, чем бессмертную душу, и жалеем его больше. Это все по

Преображение Господне

нашему несовершенству и недопониманию, что не телесные потребности должны определять наши поступки, а спасение бессмертной души.

Ведь есть люди, которые испытывают большую нужду, живут впроголодь и болезненны, но они всегда духовно радостны, они духовно возвышенны. Они радуются Богом и о Боге.

А другие люди имеют все, что человек только может иметь на земле, но радости не имеют, мира душевного не имеют и покоя сердечного не знают. Где же радость, если он к Богу не стремится, для Бога ничего не делает, во имя Бога ни одного поступка не сделал, все только для себя и ради себя, во имя своего «я»?

Так вот, мои милые. Празднуя преславное Преображение Господне, попросим, чтоб Господь молитвами Богородицы просветил наши души и сердца и разум наш бы укрепил, и вложил в наши души желание – не остаться на земле, не лежать и не валяться, как скот неразумный, а подниматься выше и становиться ближе к Богу. А Господь с распростертыми объятиями всех нас примет и обымет. Он не скажет, кем ты был раньше до того момента, пока ты не познал себя и не поднялся над своими низменными чувствами.

Каким бы человек ни был грешным, но если он искренне сознает свои ошибки, покается и начнет исправляться, начнет восходить хоть маленькими шажками на гору добродетели, то Господь его обязательно примет.

Аминь!

...В субботу будет совершаться Таинство Соборования. Многие не понимают всю глубину таинства и считают, что соборуют только умирающих. Нет, мои милые! Апостол Иаков в Соборном послании говорит: «Кто из вас болеет, да призовет пресвитера церковного, он сотворит над болящим молитву и помажут его елеем – маслом, и молитва веры спасет болящего, и если были у него грехи, то отпустятся».

А кто из нас здоров? Душевно мы все больны. Да и телесно – кто из нас здоров? У всех что-то болит. Поэтому мы все нуждаемся в этом благодатном таинстве.

Апостол Иаков говорит, что за молитву Церкви да простятся все грехи! Не те грехи, конечно, которые кто-то совершил, а потом утаил их на исповеди, а затем пособоровался. Конечно, такие грехи не простятся, потому что на исповеди он допустил кощунство, утаил свои грехи. Здесь говорится о тех грехах, которые, может, по немощи мы забыли, не заметили, когда в чем согрешили. А согрешить мы можем и словом: сказали что-то необдуманное и этим, может, человека оскорбили, обидели. Или в мыслях согрешили. А мысли всякие бывают: и против ближнего, и против Бога, и богохульные, и завистливые, и блудные – всякие. Даже в мыслях, бывает, желаем другому смерти, а это как убийство. Поэтому мы все должны быть очень внимательны, всегда следить за словами и потом в свое время каяться, и вот приступать к Таинству Елеосвящения, чтобы Господь за молитву простил нам грехи, нами забытые или незамеченные.

В понедельник будет величайший праздник христианский. Его на Востоке называют второй Пасхой. Это Успение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы.

Желаю вам всем сегодня радостно встретить и почувствовать преобразившегося Господа в своей душе, провести день свято в общении с Богом, с пророками Моисеем и Илией, с апостолами Иоанном и Иаковом. Постараться отойти подальше от своих жизненных проблем и побыть в общении с Богом.

Желаю вам и в остальные дни святого Успенского поста жить как можно благочестивее, как можно чище, чтобы достойно встретить величайший праздник – Успение Пресвятой Владычицы Богородицы.

(1995 год, Преображение Господне)

Успение Божией Матери

Вчера и сегодня во всей России православной и во всем мире христианском в храмах раздавались слова:

«Ангели Успения Пречистыя видевша удивишася

Побеждаются естества уставы, в Тебе, Дева Чистая

В Рождестве Дева и по смерти жива, спасаеши присно Богородице наследие Твое».

Мы привыкли этот праздник называть «Успение». Но вот беда: не всякий знает смысл этого слова.

Я помню в детстве, когда мне было лет пять-шесть, шел я в этот день в церковь. Шли старушки, а до церкви надо было идти 4 километра, я и спросил: «Что за праздник?»

А мне одна старушка говорит: «Это Успение. Значит – все поспевает». – «А потом скоро будет Воздвижение, это что за праздник?» – «А это все с полей сдвинулось! С полей все уберут».

Я вот детским умом думаю: «Ну раз все поспело, это праздник более для чрева. Огород, овощи там... А почему Церковь все так торжественно празднует?»

Пришел в храм, стал прикладываться к праздничной иконе, вижу – на ней Матерь Божия лежит, вокруг апостолы, сын Ее Христос стоит с каким-то ребеночком на руках. Ничего не понимаю: все поспело, а на иконе все не так изображено...

Потом, когда стали в храме петь, я, значит, всем своим существом в эти слова стал вникать и понимать:

«В рождестве девство сохранила еси,

преставилася еси, к животу, Мати сущи Живота».

Поют – Матерь Божия уснула! Церковь никогда не называет умерших мертвыми. И не поминает «помяни, Господи, умершего», а «помяни, Господи, усопшего». Потому что это не смерть, это как сон, переход из одной жизни в другую.

И Матерь Божия, хоть Она и Мать Бога нашего, не минула такой участи.

И вот в сегодняшний день по закону естества Матерь Божия умерла. И произошло это при следующих обстоятельствах.

Она жила как обычный человек, трудилась, молилась и каждый день ходила в Гефсиманский сад, где Господь перед смертью молился. И когда Она молилась там, то становилась на колени и деревья преклоняли перед Ней свои верхушки. Когда Она приподнималась – и они расправлялись, неодушевленно осознавали, что Она не простая женщина, а Матерь их Творца, Того, Кто все создал.

И вот за две недели до смерти, Она тогда была в Гефсимании, пред ней предстал Архангел Божий Гавриил и сказал: «Радуйся, Твои воздыхания Господь принял. Желания Твои Он исполнит, и скоро возьмет Тебя к Себе».

Она не возгордилась, Она восприняла весть о смерти как простой человек: вострепетала, Ее сердце наполнил ужас: как душа Моя будет расставаться с телом, как душа Моя будет проходить мытарства. Святейшая всех святых Ангелов! А мы-то с вами, погрязшие во всех грехах, во всех пороках, даже ни во мгновение не задумываемся, как мы будем умирать, как Ангелы поведут душу нашу.

А Матерь Божия боялась и молилась. Она никому ничего не говорила. За три дня до Ее смерти Архангел Гавриил вновь явился к Ней, принес из рая ветку, белую лилию благоухающую, и сказал: «На третий день Сын придет за Тобой».

Придя домой, показала Она ветку благоухающую апостолу Иоанну Богослову и сказала: «Когда Я умру, понесут Мое тело хоронить, ты неси эту ветку впереди, перед гробом».

Потом попросила убрать комнату, вымыть, вычистить, приготовить много свечей и ладана. Имущества у Нее никакого не было, дом принадлежал Иоанну Богослову, мебель самая простая. В одежке, которую носила, Она приказала похоронить Себя, а остальную раздать бедным женщинам.

И вот наступил этот день. Матерь Божия скорбела, что только один Иоанн Богослов с Ней. Прочие апостолы разошлись по всему свету проповедовать Евангелие. Хотелось Ей перед смертью всех повидать, поблагодарить за труды, попрощаться с ними, благословить их.

Господь Ее желание исполнил и собрал всех апостолов из разных концов земли. Только среди них не было апостола Фомы, он проповедовал в Индии.

Матерь Божия с каждым попрощалась, всех поблагодарила, попросила зажечь свечи в доме, положить ладан. Сама Она заблаговременно надела одежды. Легла на смертный одр, сложила руки. Вдруг все затрепетало, загремел гром, засверкала молния. Расступился потолок, и все, какие тут были апостолы и другие верующие, увидели, что сошел с небес Сам Господь в окружении Ангелов.

Христос говорит: «Приди, голубица Моя, приди, чистая Моя». Она протянула Ему руки и говорит: «Готово сердце Мое».

Господь взял Ее душу на Свои пречистые святейшие руки, и Ангелы запели хвалебные песни. Бог вознес на небеса Ее душу, а тело просветилось светом и стало благоухать.

По восточным обычаям хоронят в тот же самый день. И понесли Ее пречистое тело, как Она и завещала, в Гефсиманский сад для погребения. Здесь были похоронены Ее отец с матерью, похоронен старец Иосиф-обручник. Когда несли одр, все верующие шли со свечами, пели псалмы. Шли все апостолы, кроме Фомы, а Иоанн Богослов нес впереди райскую ветвь.

И вот иудеи воспылали ревностию. И один из них, именем Афоний, он был священник, захотел подойти и опрокинуть носилки, на которых несли Ее тело.

Он подбежал, только коснулся носилок, кипя злобой, и вдруг в одно мгновение почувствовал, что руки его кто-то невидимый отрубил, а сам он ослеп.

Обратился Афоний к апостолам: «Люди честные, простите! Помолитесь обо мне, чтобы мне прозреть».

«Ты не нас оскорбил, – ответил апостол Петр, – ты оскорбил Матерь Божию. Если ты Ее исповедуешь как Матерь Божию, а Христа – как Сына Божия, Она умолит о тебе Бога».

И воскликнул тогда Афоний: «Исповедую всем сердцем, всем умом и помышлением, что воистину Ты Богородица и Приснодева Пречистая. И Сын Твой – воистину Сын Божий!»

У него глаза открылись, а руки тут же срослись, только остались красные полосы, где было отсечение.

Успение Пресвятой Богородицы

А отсек ему их Архангел Божий Михаил. Он невидимо охранял тело Божией Матери. Затем облако сошло сверху и прикрыло это шествие. Все видели движущееся облако и слышали сладкое ангельское пение.

И так они донесли тело до гроба, положили, привалили камнем. Апостолы и верующие три дня провели у гроба Матери Божией, пели псалмы и молитвы.

На третий день утром прибыл апостол Фома, он был чудесно перенесен из Индии. Увидел всех апостолов и спросил: «Зачем вы здесь собрались?» И услышал в ответ: «Матерь Божия умерла, мы Ее похоронили – сегодня уж третий день!»

Апостол Фома заскорбел, заплакал: «Вы все получили от Нее благословение, вы такие счастливые, вы слышали Ее голос сладкий, а я этого лишен... Видно, я прогневал Матерь Божию... Господи, я лишен этой милости, этой радости...»

Апостолы, посовещавшись между собой, в нарушение закона (а по иудейскому закону нельзя к мертвому телу прикасаться!) решили открыть гроб. Чтоб Фома увидел тело Матери Божией и простился. Отворили камень от двери гробницы и к ужасу своему увидели, что она пуста, хотя они никуда не отходили!

И отошел Фома в сторону, чтоб предаться сетованиям и рыданиям: «Даже мертвую не имею возможности лицезреть...»

Апостолы сели обедать и рассуждали об этом событии. Куда подевалось тело Божией Матери?

После Воскресения Господа у апостолов сложился обычай оставлять одно место пустым и на трапезе преломлять часть хлеба во имя Господне. Они верили, что Господь присутствует невидимо с ними и благословляет их. После обеда эту часть хлеба они разделяли на всех присутствующих, съедали как благословение Божие.

Апостол Петр взял эту часть хлеба и только хотел сказать: «Господи, помогай нам!», поднял глаза и увидел – Матерь Божия стоит над ними и окружена Ангелами. Забыв о своем привычном возгласе, Петр воскликнул: «Пресвятая Богородица, помогай нам!», и она ответила всем: «Радуйтесь, Я всегда с вами!» Ангелы запели Ей хвалу, и Она стала невидима.

В этот момент подошел апостол Фома, плача от радости и неся в руках пояс Матери Божией, которым Она была подпоясана. «Братья, не скорбите: Матерь Божия воскресла. Я Ее видел!» – «Как ты видел?» – «А Она подошла и говорит: «Фома не плачь, вот тебе в удостоверение пояс. Ты не думай, что Я призрак, Я живая». Сняла с Себя пояс и мне дала: «Неси апостолам, покажи, что Я жива». Господь Ее воскресил и вознес Ее на небеса».

С тех времен Матерь Божия предстоит пред престолом Сына Своего и молится за всех нас с вами, молится за весь мир, почему и называется Заступницей всех народов христианских. Почему и праздник сегодня великий, как бы вторая Пасха.

В жизни Спасителя самые главные события – смерть, распятие, погребение, вознесение на небеса. Так и Матерь Божия – Она умерла, воскресла и вознеслась на Небо. И пребывает Она во славе перед Богом.

Она была увенчана как Царица Небесная, Царица всей вселенной. И сейчас Матерь Божия невидима, пребывает с нами, всех нас благословляет.

Я вот слышал от одного человека – теперь уж он давно, давно умер... Помяните раба Божия Петра! Когда мне было лет 10, а он уж старичок был лет за 70. Мы ходили в церковь, он всегда дорогой мне рассказывал.

Старушки с нашей улицы неграмотные были, а дедушка Петр был грамотный. У него детей не было и он воспитывал сирот. Зимой он шил сапоги для бедных задаром, а состоятельным продавал.

Что-то собирал за зиму, а летом (весной-то засеет поле) уходил странствовать по святым местам. Был в Иерусалиме, был на Афоне и в Киеве. Кто там бывал, видели, что Киевская Лавра огромная, собор большой. Так в этот день еле-еле храм, двор и лавки вмещали богомольцев. И служба была не в соборе, а прямо на улице митрополит Киевский служил. Всенощные долго продолжались.

Южные ночи темные, хотя и звездные. Вот он видел в определенный момент, что, когда запели слова *«Ангели Успение Пречистыя видевше, удивишася»*, звездочка сошла с неба и низко-низко, над головами, пошла – над кем-то остановится на одно мгновение, а над кем-то мимо

пройдет. Он понял, что, значит, Матерь Божия в виде звездочки ясной и Ангел Божий обходят людей. Кто стоял благоговейно со вниманием – над тем останавливалась, на него изливалась благодать Божия, а кого-то проходила мимо.

Он видел своими глазами, он трезвый был человек. Да и когда он ходил – он еще молодой был, не старик, у него не могли быть какие-то старческие галлюцинации.

Я запомнил, с какой радостью он это рассказывал.

И у нас, в этой святой обители, в день Успения, пока мы все тут в церкви молились, люди – кто запоздалый шел – видели, что в ясную погоду, когда не было ни одного облачка, над этим собором три венца было из радуги! Разве это естественно? Мы знаем, что радуга бывает после дождя, когда в воздухе пары, капельки, они преломляют лучи солнца. А тут никаких паров не было, никакого дождя, даже облаков не было. И радуга-то не как дуга, а три венца, три круга!

Это в одно Успение было. А на другое Успение видели от этого собора до большой колокольни как дорога была из радуги. Ведь это все как бы знамение, что мы здесь молимся, а благодать Божия над нами и с нами.

Допустим, всем тут раздавали бы манную крупу: счастлив тот, у кого было во что положить. А если худой мешочек и карман худой? Дадут тебе, а ты ничего не принесешь, потеряешь.

Так и благодать Божия: она дается, но не каждый, получая, ее сохраняет. Если сердце чистое, то в полноте все пребывает, а если сердце загрязнено, занято ненавистью, злобой, то, конечно, все мимо пройдет.

Сегодня вечером будет совершен чин погребения Плащаницы, это особый чин.

А на Афоне – весь месяц август посвящен Успению. 1 августа – первый Спас. 14-го начинается молебное чтение. Это как бы Матерь Божия получила весточку, что Она умрет. Она готовится к встрече с Сыном, и все христиане две недели постятся, готовятся к празднику. И все дни посвящены Матери Божией, а потом уж праздник – вплоть до дня Усекновения главы Иоанна Предтечи...

Храни вас всех Матерь Божия!

Воздвижение Животворящего Креста Господня

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!
Всех вас поздравляю с праздником!

Сегодня мы празднуем Воздвижение Животворящего Креста Господня.

Что такое крест, вы все знаете, и как он для нас дорог, вы тоже знаете. Потому что на нем Христос распялся. До Христа это было орудие пыток мучеников, преступников. А после смерти Христа это жертвенник, на котором принесена была Великая Жертва, – Сын Божий Самого Себя принес в жертву за всех людей, которые со времен Адама жили, живут и будут жить.

Святое Писание говорит, что Крест есть хранитель всея Вселенной. Крест – красота Церкви. Крест – Ангелам радость. Крест – бесам язва. Все так! Но если при всей силе креста мы на себя навешаем по нескольку крестов: золотых, серебряных, платиновых, даже бриллиантами украшенных, а жить будем не по Христовым заповедям, то крест нас не спасет.

Для того чтобы крест имел силу, что надо?

Вот, допустим, в жизни у нас бывает так: если печать поставлена неправильно, то и документ недействителен. А если печать правильная, то и документ правильный. Так вот, если мы будем жить во Христе и со Христом, то он всегда будет нам верным орудием, защитой нашей – броней будет для нас крест.

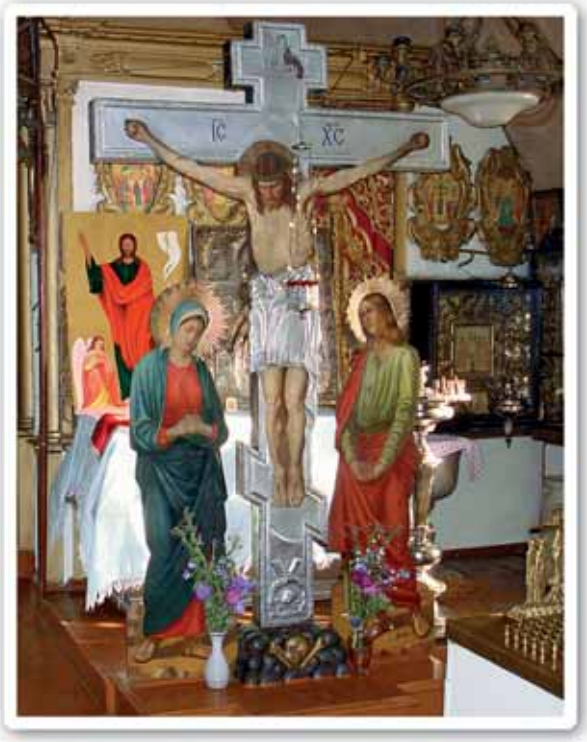
Вы скажете: «Как же нам жить?» Господь сказал, когда жил на земле: «...нельзя человеку двум господам угождать, ибо он одного будет любить, а другого будет ненавидеть». Вот мы с вами и должны поставить вопрос: «Ты кому хочешь служить: Богу или дьяволу?» Богу служить хотите, тогда

исполняйте все, как Бог велит. А если вам хочется исполнять дьявольскую волю, тогда наш крест над вами силы никакой не имеет.

Вы, может быть, скажете, что я говорю неправду? Так я приведу пример.

Господь сказал: «Кто хочет идти за Мной, пусть отвергнет самого себя и возьмет Крест Мой, и идет за Мной». Самого себя отвергнуть что значит? Жить не для себя, не для своих желаний. Какой же тогда крест-то брать, чтобы идти за Христом? А нужно тот крест брать и нести, который Бог даст! Господь каждому человеку дает свой крест.

Всякий человек, который любит Бога, во всем видит промысл Божий, во всем видит заботу Божию, любовь Божию к нам. Когда мать или отец любят ребенка, они о нем пекутся, заботятся, наблюдают. Если чуть заметят, что он заболел, сейчас же и припарки ему, и компрессы ставят; бывает и горчицу привяжут, и уколы врач назначит... А ребенку не нравятся уколы – это больно!



Вот так и мы. Господь видит, что мы ***заболели духовно***, и Он нас хочет вылечить, исправить. Поэтому и допускает нам скорби, болезни, какие-нибудь лишения как горькие лекарства. А мы уж готовы хулить Бога.

Не раз слышал: «За что меня только Бог наказывает, что я, хуже всех?» А кто знает? Как ты себя можешь знать-то? Для того, чтобы так сказать, надо иметь образцы всех людей и сравнить. Сравнить даже не самому – сам себя всегда будешь хвалить, а пусть люди беспристрастно скажут: «Да, вот этот лучше всех!»

А мы *сами себе* судьи-то! Нам все кажется, что мы самые хорошие, самые справедливые! И за что только нас не любят? И почему нас Бог наказывает? Это первое показывает, что ты гордец! Ты себялюбец! Что ты не Божий последователь, а последователь сатаны. Сатана – лжец, и вы лжете. Сатана, он на все нечистое падкий. Пчелке нравится, чтобы все было чистое: и нектар чистый, и цветочек! А мухи, наоборот, любят падаль всякую: где навоз – там и мухи.

Пчелки-то – Божии. А мы-то, как мухи, все на падаль летим, все на падаль. Где разврат, где пьянство, где мат, где кражи, туда и нас влечет, там нам нравится. Это уж о том говорит, что мы – не Божии. Значит, мы и Креста Божия не несем.

Господь видит, что ты неуправляемый, он и посетил тебя болезнью. Господь попустил тебе крест болезни и ожидает, что он, мол, образумится. А мы, вместо того чтобы благодарить Бога: «Господи, благодарю Тебя, что Ты меня усмирил, что Ты меня вразумил не бросаться за всякими искушениями», мы все ропщем: «Это за что же болезни? Что ж я, хуже всех? Где же Бог? Где же Его любовь-то?»

Вот в том-то и любовь Божия! Как в Библии говорится: «Если отец любит сына, то он его и наказывает. А если уж отец сына не наказывает, значит, он ему не отец, а отчим». Вот Бог, который всем нам Отец, и призывает нас к исправлению.

А вы-то, чем вы занимаетесь? Дьяволу служите день и ночь! А всем людям хотите внушить, что вы самые хорошие и самые справедливые, что уж вот лучше вас и нет никого. И за что только вас презирают? И за что Бог наказывает?

И мы спешим объяснить друг другу и себе, что это происходит по зависти, а это – по ревности.

Не может Бог наказать как бы вслепую, Он нас всех любит. Никакой отец, никакая мать, которые жили и будут жить, не могли и не могут так любить свое дитё, как любит нас Господь.

Вот крест зачем был нужен-то? Господь из-за любви к человечеству на землю пришел, в пещере родился, испытывал всякие лишения. Он сказал: «Лисы имеют норы, птицы имеют гнезда, а Сын человеческий не имеет, где головы преклонить». Это Он о себе говорил.

А потом принял смерть позорную, со всякими муками и погребение. Но для чего?

Ему нужно было добровольно взойти на Крест и пролить Кровь Свою, чтобы искупить все человечество, чтобы все человечество спаслось, чтобы все человечество в рай взошло бы! Он взошел от земли на небеса, вознесся и всем указал путь. А мы не дорожим, не ценим.

Опять думаем: «Вот хорошо бы знать, что тебе 75 лет жития. Хорошо, я за 50 лет возьму все от мира, а 25 лет после уж буду молиться...»

Но мы ведь сроков не знаем. Может, многие сегодня стоят последний день на земле, сегодня к вечеру может кого-то и не быть: или какая авария случится, попали под машину, или по ошибке вас вместо кого-то убьют, или просто Господь Ангела смерти пошлет...

Господь в чем застанет, в том и судить будет. А если человек идет на воровство, идет на блуд, на убийство – и смерть застанет вот в этом? Какое у него покаяние? Где раскаяние, когда ум настроен на то, как совершить преступление: убить, или ограбить, или блуд сотворить, или кого прельстить? Все это плохое... Нужно опомниться!

Вот сейчас будете подходить к кресту. Как раньше давали присягу верности и целовали крест, так вот и вы сейчас должны поступить. Каждый человек себя очень хорошо знает, знает, какие у него немощи, какие у него

недостатки. Вот вы, чувствуя в себе недостатки, попросите мысленно у Бога прощения и, подходя к кресту, скажите: «Господи, прости меня и помоги мне исправиться!»

Ничего другого не просите. Не просите у Бога здоровья, не просите у него машины или богатой дачи, денег не просите... Все это тленное. Все это мы оставим на земле. Еще никто на тот свет ничего не брал. А из-за таких желаний всегда много было неприятностей. Поэтому ничего у Бога не просите, не желайте. Знайте, что Бог нас любит паче всего, больше всего любит нас. И поэтому святы должны быть для нас молитвы Господни, которые Он нам дал, которым научил.

Он нам дал «Отче наш...». Там есть такие слова: «...да будет воля Твоя». Поэтому: «*Господи, мало ли что я хочу, мало ли какие мне приходят мысли пустые и ненужные, может, от лукавого. Пусть будет не по-моему, а по Твоему; да пусть будет Твоя святая воля. Я знаю, что она благая, она растворенная любовью, и Ты своей волею спасешь нас*». И меня спаси.

Аминь.

На литургии поминается Иоанн Златоуст, один из Вселенских учителей, Патриарх Константинопольский. Думаете вы, что патриарх всегда в славе, в чести! А он был гоним, дважды его ссылали.

Один раз сослали, да Господь поразил Византию землетрясением. Царица уразумела гнев Божий и возвратила его. А все было по происках императрицы!

Вот вы говорите, что власти и такие, и сякие... А власти Господь посылает нам по нашей жизни: если мы хорошо живем, то Господь и хорошие власти посылает. А когда люди нравственно пали, и власти такие же... Вот такая и царица была: вроде бы и называлась благочестивою, а уж сколько она зла делала. Иоанн Златоуст как патриарх взывал к ее совести, обличал ее, и она за то его возненавидела, сослала, и он в ссылке умер.

Старика пешком гнали из Греции в Абхазию. Там есть местечко Каманы, место мученика Василиска. Ручеек течет, где его казнили. Там каждый камушек имеет кровь. Вот возьмешь камушек – одна капля, две капли. Когда лежат в воде – прямо живая кровь! А если вынуть – засохнет, как ржавчина становится, как засохшая кровь. А если опять в воду опустить, то опять живая кровь.

Святитель, Патриарх Вселенский Иоанн Златоуст перенес несправедливое изгнание, поношение. Воины его гнали пешком, издевались над ним. Пришли в Каманы и устроили там ночлег. Явился ему мученик Василиск

и сказал: «Брат, потерпи немножко, завтра вместе будем во славе». Вот он в день Воздвижения и умер. Умирая, он только одни слова сказал: «Слава тебе, Господи, за все».

Вот видите как! Полная лишений была жизнь, полная поношений, а он, умирая, говорит: «Благодарю тебя, Господи, за все, слава тебе, Господи, за все, за скорби благодарю». Вот нам у них-то и нужно учиться...

А теперь вот что: к которому кресту вы прикладываетесь, там Христос изображен, а в подножии – поперечина серебряная, пластинка такая. Там находится подлинная часть Креста Господня, на котором Он был распят. Так что мы с вами сейчас как бы в Иерусалиме находимся, на Голгофе, – Крест пред нами. Что малая часть, что великая часть – главное, что вот она, обагренная Кровью Христовой.

Храни вас Господь!

Икона Божией Матери «Иверская»

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!
С праздником вас, дорогие мои!

Сегодня под числом – праздник Иверской иконы Матери Божией. А по неделям, как по Уставу Церкви, Неделя святых отцов VII Вселенского Собора.

VII Вселенский Собор был в VIII веке. До этого разразилась во всей вселенной страшная ересь иконоборчества. Знаю, что вы уж устали, да и у меня, по совести сказать, сил нет, а все-таки совесть велит вас здесь задержать и самому потрудиться. Потому как иконоборчество – это страшная болезнь! Она вспыхнула, как эпидемия. И сейчас эти баптисты, сектанты всякие внушают, что иконам поклоняться нельзя. Дескать, в Библии так написано.

Да, в Библии написано. Господь сказал через Моисея, что всякое творение рук человеческих не подлежит поклонению. Это идол. Делали изваяния из золота, из мрамора, и поклоняться им Господь запрещал. И вот поймали эту фразу про творение рук человеческих и говорят, что икону тоже ведь человек рисовал или там изваял, вырезал. И как вроде Библия запрещает поклоняться.

Ну как же так! Выходит, Библия сама себе перечит?

Бог говорит, что нельзя поклоняться изделиям рук человеческих. И тут же приказал, чтобы Моисей скинию сделал. И рассказал, как из лучших сортов шерсти лучшие мастерицы должны соткать полотно пурпурное. Да наказал, чтобы на этих полотнах были вышиты шестикрылые Ангелы. А потом велел сделать ковчег из негниющего дерева, оковать его золотом изнутри и снаружи и сделать из золота херувимов. Да чтобы один с одной стороны, а второй – с другой стороны крыльями прикрывали ковчег. Это воля Божия была!

А тут – лукавый не дремлет – тут иконоборчество. И цари были замешаны, и патриархи. Иконы выкидывали из храмов, жгли их, попирали. Страшное было время.

Потом, в VIII веке, собрался Вселенский Собор, где пришли ко всеобщему решению, что икона подлежит поклонению. Да, подлежит! Потому что сам Господь Иисус Христос изобразил свой образ нерукотворенно. Так это было...

При жизни Спасителя в городе Эдессе жил князь. Он тяжело болел кожной болезнью. Прослышал он о чудесах в Палестине и послал своего придворного художника, чтобы тот списал с Иисуса Христа портрет.

Пришел художник в Палестину. А Господь всегда был в окружении народа. Художник встанет на возвышенное место, чтобы было видно, так и пишет Его. Вот он пишет, пишет и видит, что не совпадает портрет. То, что он пишет, остается, а Христос лик свой меняет. Понял художник, что не написать ему портрета, и заплакал.

А Господь все это знал, но испытывал художника. Христос знал, что князь, который его послал, имел сильную веру. Подозвал Он художника и говорит: «Ты что хочешь?» – «Меня господин послал». И все рассказал.

Христос попросил воды, умылся, взял полотенце, приложил к лицу и отдал художнику: «Отнеси своему господину. Он поправится, но не совсем. Впоследствии он поправится, когда Мой ученик к нему придет».

Так и случилось: пришел потом апостол, крестил князя, он и поправился.

Образ тот, нерукотворенный, долго хранился. Чего еще нужно за доказательство? Ведь ему подобало-то поклоняться, пречистому образу-то!

Но бес людей слабых смущал. И разразилась болезнь – ересь иконоборчества...

Почему я говорю про икону «Иверскую»? Во время иконоборчества жила в Никее одна женщина и с ней сын. У них был пречудный лик Богоматери.

Хранили его в тайных комнатах, чтоб никто не видел и не знал. А потом то ли донес кто, то ли тщательно обыскивали каждый дом – только воины пришли к ней, проникли в эту тайную комнату и нашли образ.

Один воин ударил икону копьем, и из щеки Пресвятой Богородицы истекла кровь. Воины испугались: как же, из доски – кровь? А женщина затрепетала, упала на колени и говорит: «Что угодно отдам вам, только не надругайтесь больше над ликом Богородицы». Воины и говорят: «Мы уйдем, только ты должна икону схоронить, потому что, если ее найдут, то мы тоже пострадаем».

Женщина ночью пришла на берег моря, принесла с собою икону и говорит: «Владычица, прости меня. Больше не могу утешаться ликом Твоим и сохранять его больше не могу. Ты храни его Сама и прости мне такой малодушный поступок». Пустила икону на воду, и, к ее удивлению и радости, икона не поплыла, как доска. Она встала ликом к женщине и стала постепенно в море удаляться. Тут женщина поняла, что Матерь Божия на нее не обижена, раз Она к ней ликом уходит.

Вернулась она и говорит сыну: «Сын мой, ведь они завтра придут проверять! Они не поверят, что икона уплыла. Я готова на пытки, на смерть, а тебя мне жалко – ты молодой, ты беги».

Сын впоследствии ушел на Святую Гору Афон и поселился в монастыре, который принадлежал грузинам, а Грузия тогда называлась Иверия. В Иверском монастыре он рассказал все.

Прошло много столетий. И вот монахи стали замечать, что ночью появляется огненный столб над морем и приближается к стене монастыря. Когда рассмотрели, то увидели, что на воде стоит икона и от нее свет идет. Ну взяли они лодку и поплыли. Только к ней приближаются, а икона от них уходит в море. А в море-то открытое на лодке не пойдешь! Так несколько раз икона приближалась и уходила.

А недалеко в горах жил грузин по имени Гавриил-отшельник. Такой он избрал себе образ жизни, чтобы быть ему отшельником. Матерь Божия явилась ему и говорит: «Гавриил, пойди скажи игумену и монахам, что Я хочу быть в вашем монастыре. Ты воодушевись верой, благословись у игумена, пригласи всех монахов – пусть они выйдут со свечами, с кадилами – и иди ко Мне по воде. И Я тогда к тебе приближусь».

Так они и сделали.

Пришли к берегу. Появилась икона. И старец Гавриил, благословясь, пошел по воде. Икона невидимыми руками была поднята и отдана ему в руки. Так он ее и принес.

Икона Божией Матери «Иверская»

Икону с радостью приняли, принесли в храм, поставили в алтарь, как подобает святыне.

А наутро иконы в алтаре не оказалось.

Братия заскорбели, что Матерь Божия радовала их один день и опять сокрылась. А потом увидели, что она стоит на стенах монастырских, при вратах. Сняли ее, опять в храм поставили. А она опять ушла.

Явилась Матерь Божия старцу Гавриилу и говорит: «Скажи игумену и братьям, что Я не для того пришла, чтобы Меня хранили, как вещь. Я для того пришла, чтобы вас хранить и монастырь, и всю Гору Святую охранять, и тех, кто сюда приходит. Знайте, пока вы видите мою икону, живите в монастыре спокойно, молитесь Богу. А когда увидите, что иконы моей нет, тогда берите свои котомочки, оставляйте Афон и уходите, кто куда знает, потому что тогда конец скоро наступит, явится Антихрист, и потом Суд Божий будет».

Мне пришлось на Святой Горе жить восемь лет. Хоть и далеко, но в год раза три я ходил в Иверский монастырь, видел икону Царицы Небесной и поклонялся ей. И всегда просил за Россию: «Матерь Божия, храни Россию».

Там все напоминает о России: пред ней необыкновенной красоты подсвечник – бочонок большой, сделанный из серебра, – имитирована Земля. В бочонке том дерево, которое имеет семь веток, на них листья серебряные, лимоны золотые. А над каждым лимоном место, где свечи ставить. Все оклады кованы из серебра. Все сделано в Москве, подарено из России, все напоминает о России, говорит о величии и чести России.

Меня все это утешало и радовало.

Сегодняшний праздник не связан с прибытием Матери Божией на Афон. Она приплыла на пасхальных днях. У кого есть календарь, посмотрите: там, на Светлой седмице, всегда написано: икона Матери Божией «Иверская». Это день ее прибытия на Афон. На Афоне это все очень празднуется...

Когда патриарх Никон услышал о чудесах, которые происходят от иконы на Афоне, он с одобрения царя заказал точную копию иконы. И чтобы не просто художники писали, а чтобы самый искусный, при этом схимник и подвижник писал. Выбрали такого. Когда он писал, то пребывал в посте и молитве. И все монахи этого монастыря постились.

Икона была написана и отправлена в Россию. А когда нужно было проходить таможню – там, где сейчас Румыния, стали требовать пошлину. А те, кто икону вез, денег не имели. И тогда Матерь Божия явилась местному жителю (его имя на Афоне упоминается) и сказала: «Слушай, отдай им, сколько требуется на выкуп. Отдай, а Я потом тебе возвращу».

Снес он этот выкуп, и те, кто вез икону, безбедно достигли Москвы. А тот человек, который денег дал, стал, может, самым богатым. И не только материально богатым стал, но и духовно. Потому что Матерь Божия послала ему и достояние, и Свою милость на него излила.

Вот это событие сегодня и празднуется – прибытие иконы Матери Божией в Москву.

Для всех нас Москва – это сердце страны. Потому что Россия – наша Родина, а Москва – ее сердце. Матерь Божия для нас близка и мила. И не зря говорят, что Россия – Богородичный дом. Матерь Божия любит Россию и хранит Россию.

А кто из Рязани, я скажу: сегодня память святителя Гавриила, Рязанского архиепископа. Он когда-то был правящим архиереем в Рязани, много делал для города и больше всего он чтил Матерь Божию.

Когда он был назначен в Рязань, там в корчме находилась чудотворная икона Матери Божией «Знамение», ее также звали «Корчемная». У него душа болела: такая святыня – и в корчме.

Он построил прекрасную часовню около Симеоновской церкви. Всенародно объявили духовенству и народу, да и перенесли торжественно чудотворную икону в часовню. И установлен был ей праздник в Рязани.

Недавно мощи святителя Гавриила Рязанского были обретены. И они лежат в Троицком монастыре. А икона, которую он перенес, в нашем монастыре хранится, в алтаре. И мы, по просьбам верующих, ее выносим каждое воскресенье. Это та самая подлинная икона, которая явилась в корчме и которую святитель Гавриил всенародно перенес в часовню... Потом часовня была закрыта и все было разорено. Но так как верующие очень любили чудотворную икону, то они всеми силами старались ее сохранить. И сохранили.

Да будет на всех вас благословение Воскресшего Господа и Пречистой Его Матери Божией, и святителя Гавриила.

Для чего я вам это сказал, мои милые? Не верьте лгунам, кто говорит, что не надо иконам поклоняться. Надо!

Мне было лет 20, я в Городище служил. А в Дягилеве, где центр баптистов был, одна женщина умерла. Она церковной была. У нее было много детей. И она заклинала своих детей: «Если вы меня любите, то исполните мою просьбу: похороните меня с батюшкой, чтобы батюшка отпевал и провожал меня на могилу».

А эти баптисты, пользуясь моей молодостью, неопытностью, решили поставить меня в неловкое положение, дескать, мы восторжествуем и докажем, что мы правы.

Я все сделал, похоронил. И тут они стали задавать провокационные вопросы.

«Как же вы идете против Библии, когда там написано, чтобы иконам не поклоняться?» – «А мы иконам не поклоняемся, мы поклоняемся тем, кто там изображен. Вот женщина умерла, вот ее портрет. Раз ее нет, так вы его снимите и разбейте, топчите, как вы с иконами поступаете!» – «Нет». – «Так и мы нет. Вот изображение Спасителя, вот изображение Матери Божией – мы их чтим, мы их любим. Если вы на стороне, в отъезде и у вас с собой фотография брата, сына, мужа, жены, вы, когда соскучитесь, что делаете? Вы на нее смотрите и целуете. Ведь в этом греха нет. Вы что, бумажку эту любите? Нет, вы того, кто изображен на бумажке, любите и целуете. Так и мы: мы целуем икону, мы кланяемся и воздаем тому, кто изображен на ней».

Тут я почувствовал такую уверенность! И сам уж к ним обращаюсь: «Вот вы говорите: мы все по Евангелию живем. Вы все по Евангелию делаете?» – «Да!» – «Принесите тогда мне Евангелие от Луки и открывайте. Вот, читайте стих, когда Матерь Божия после Благовещения сказала: «Отныне ублажат Меня все народы». Вы что ж, Ее не почитаете? Нет, вы Ее хулите! А ведь Она Мать. Везде есть какой-то начальник. Вот, допустим, вам нужно к начальнику. А прежде вы изругаете его мать, нахамите. Начальник с вами будет разговаривать? Нет! Как же так – вы сами себе перечите? Почитаете Христа, а Мать Его прямо терпеть не можете. Будьте благоразумны!»

Читайте слово Божие, и вам Господь все откроет!

(Проповедь была произнесена в воскресный день 26 октября 2003 года в день памяти святых отцов VII Вселенского Собора)

Введение во храм Пресвятой Богородицы

С праздником вас всех поздравляю!
Сегодня Введение во храм Пресвятой Богородицы!

Когда-то храм был только один в Иерусалиме, хотя Иудея большая была страна.

В одном из городов жила благочестивая чета: Иоаким – он был из царского рода, потомок Давида, и жена его Анна, которая происходила из первосвященнического архиерейского рода. Были они благочестивые, жили свято, но у них не родились дети... Теперь вот, видите, модно: которые люди «умные» – они умеют делать так, чтобы у них детей не было. А в то время – это признак был кары Божией.

Иоаким и Анна, они благочестивыми и праведными были. А все считали: раз у них не родятся дети, значит, в чем-то именно они пред Богом виноваты; какие-то у них тайные грехи есть, раз Бог их проклял.

Уж они и молились, и плакали, и жертвовали. В завершение всего Иоаким пошел в Иерусалим, в храм Господний жертву приносить, раз в год там народ собирался...

Много в храме стояло мужчин, и земляки его были. Священник принимал пожертвования, а когда подошел Иоаким, он отверг его. Священник говорит: «У тебя не приму жертву. Ты пред Богом мерзкий, потому что у тебя детей нет».

Каково Иоакиму было слышать такое пред всеми людьми? И ушел Иоаким в горы, где у него стада паслись. Я, думает, лучше в горах буду жить, но не вернусь домой, чтобы не причинить еще и жене скорбь.

А люди-то вернулись из Иерусалима и рассказали ей все. Вышла Анна из дома тихо, чтобы слуги не видели, как она плачет. Села на лавочку

под деревом, а на этом дереве гнездышко было – птичка птенчиков кормила. И вот Анна с таким сокрушением говорит: «Господи, Господи, даже маленькая птичка имеет счастье быть матерью, а я вот всего лишена. Господи, сжалься над нами! Уж не ради меня! Я готова все терпеть! Но моего мужа-то как поносят! А ведь он ни в чем не виноват».

Тут предстал перед ней Ангел и сказал: «Анна, твои слезы дошли до Бога. Господь вас обрадует. У вас родится дочь, и имя ей дайте Мария, что значит «госпожа». И через нее весь мир прославится и весь мир спасется».

Так же и Иоакиму явился Ангел.

Когда Иоаким и Анна молились, а они уж в глубокой старости были, они всё просили: «Господи, сними с нас позор, чтоб люди не считали, что мы в чем-то преступны перед Тобой. Если Ты дашь нам дитя, то мы не будем удерживать его возле себя, мы его Тебе посвятим на служение».

И вот родилась у них девочка. Назвали ее Марией. Все радовались, видя ее. А так как ее обещали Богу, то они ждали, когда девочка немножко окрепнет. Родители не хотели ее нести в храм, а хотели, чтобы она сама шла.

Пришло время. Собрали родных, знакомых и близких девочки. Всех одели в нарядные одежды, свечи дали и с пением псалмов повели девицу к храму.

Это не исключительный случай. Тогда так было принято, чтобы людей посвящать Богу: при храме жили девушки до определенного возраста. Потом они все должны были выходить замуж.

Но случилось так, что, когда первосвященник ввел Марию в храм, он по внушению Духа Святаго взял девочку и повел ее в Святая Святых. Святая Святых – это алтарь, куда сам архиерей только раз в год мог входить! Вот почему и поется, что даже Ангелы удивились. Они тоже ведь не знали промысл Божий. Бог только знал, что Мария, как киот, что Бог вселится в Нее и придет в мир через Нее. И Ангелы не знали. Они удивлялись, как человек находится в Святая Святых... Это сегодня в церкви вспоминается.

Ее ввели во храм и посвятили Богу. Она воспитывалась в храме до 12 лет. Там было несколько девушек, которые молились, трудились, занимались изучением книг...

Я вот на что хочу обратить внимание: мы должны во всем подражать святым – как дети должны подражать своей маме, так и мы – Матери Божией. Мы все, кто здесь стоит, все говорим: «Мы верующие; мы люди воцерковленные, мы ходим в церковь». Это только нам кажется. На самом деле не так. Апостол Павел говорит: «Пусть человек все раздаст, все, но если у него любви нет, никакой пользы не будет. Если он не будет есть и пить, но у него любви нет, все – ничто. Если он даже отдаст свое тело на мучение, но в сердце любви к Богу нет, то это ничто».

Все, что от нас Бог ждет, – это любовь. Любовь, о которой апостолы говорили: «Не завидует, не гордится, не превозносится». Любовь все терпит, все прощает. Вот такой любви Господь от нас ждет!

Раньше люди были более нравственные, чем теперь. Они проверяли всю свою жизнь, каждый день. Если сделали что-то доброе – земно кланялись Богу и благодарили его со слезами: «Благодарю тебя, Господи, что Ты мне помог сделать это доброе дело». Они не приписывали себе ничего, не говорили, что я вот такой хороший сам по себе. А если в чем-то они не устояли, ошиблись, то они так же со слезами припадали к Богу: «Господи, дай еще мне день, чтобы исправиться».

Тогда у всех детей было много. И матери были любвеобильные, не ругались...

Если вы считаете, что вы – введенные во храм, как и Матерь Божия, так в храме Божием вы и живите всегда, как в присутствии Бога!

Бог есть любовь. Бог не может пребывать в сердце, в котором царят ненависть, зло, зависть, ревность, жажда обогащения. В таком сердце Бог пребывать не может. Сердце для Бога, как престол. Так что Бог может пребывать только в чистом сердце. Вот и стяжите сердце чистое.

Батюшка преподобный Серафим прожил всю жизнь и пришел к одному выводу: только любовь спасет. Когда у него спрашивали: «Батюшка, как спастись?», он не говорил, сколько поклонов класть, сколько этого делать, столько того читать, нет, он говорил: «Стяжите Божию благодать, стяжите любовь».

Когда ты раздраженный, то всем вокруг тебя неприятно. Пусть ты и не скажешь, но люди почувствуют эту тягость душевную. Поэтому стяжите любовь! Это легко не дается.

Если б это было легко, Бог не сказал бы нам в Евангелии, что Царствие Божие с трудом достается. Принуждать себя нужно. Царствие Божие

не где-то в другом государстве, не надо ехать в другой город или в другую страну, в другой храм идти. Царствие Божие внутри вас!

Господь всегда с нами. И от нас зависит, будет ли Он пребывать в сердце внутри каждого из нас, светить нам, будем ли мы испытывать такую необыкновенную тихую радость – веяние Духа Святаго. И тогда те, кто будет с нами общаться, даже без слов будут понимать, чувствовать: это человек необыкновенного света.

Всех недругов Божиих гоните из своих сердец. Ни на кого наветов не принимайте никаких. Если кто о ком говорит, вы или промолчите, или скажите: «Да мне некогда разговаривать, у меня дела». Не осуждайте никого, не завидуйте, не клевещите и всем все прощайте.

Господь сказал: «Какой мерою мерите, такой и вас будут мерить». Будете всех любить – и вас будут все любить, и Бог вас будет любить. Будете людей жалеть – и вас пожалеют. Делайте все доброе, делайте все хорошее, со всем плохим боритесь. И не думайте: я, мол, еще мала или мал или я уж стар. Никому не поздно и никому не рано. Мы не знаем, сколько мы проживем. Мы не можем сказать, что вот я еще этот год проживу, как живу, а потом уж... Если мы жить будем свято, благочестиво, то и умирать не страшно – мы всегда находимся под покровом Божиим.

Если человек идет на грех сознательно и думает, что потом покается, – это рискованно. Он согрешит, а покаяться Бог не допустит. Бывали случаи... Не откладывайте напоследок!

Вот жила семья. Женщины больше ходили в церковь, а мужчины все: «Потом, потом...» Ну и случилось заболеть. «Ты уж больной, отец, старый, давай батюшку пригласим?» – говорят жена, дети.

Батюшка только пришел, а он уж потерял сознание, глаза закрыты. Батюшка говорит: «Если он по милости Божией очнется, то вы скажите, я опять приду!» И так три раза священник приходил. Последний раз батюшка ушел, а больной пришел в память и умер, не причастившись.

Желаю вам молитв Царицы Небесной, исправления и доброго христианского конца; чтоб нам было не страшно умирать, а с радостью. Как если бы мы вдруг получили известие, что дорогой человек, с которым давно не виделись, приезжает. Так вот и нам чтобы радоваться: «Я Господа увижу!» Вот с таким нам чувством и помереть бы.

Икона Божией Матери «Знамение»

С праздником вас всех поздравляю! Благословенны будьте всегда и вы, и ваши близкие!

Поздравляю вас с принятием Святых Таин!

Сейчас на ваших глазах была торжественно вынесена икона Матери Божией для поклонения всем верующим.

Икона эта имеет особую историю.

Где-то лет 200 тому назад в Рязани, недалеко от Кремля, был трактир. В то время он назывался корчмой. Теперь молодежи трудно будет место определить: и Старого базара уже нет, и Симеоновской церкви не существует, и даже никто не знает, где Лыбедь-то протекала, ее в трубу сейчас закрыли!

Ну вот, можно сказать, недалеко от Кремля... В эту корчму ходила женщина. После смерти мужа она впала в тоску, и ей посоветовали, чтоб забыться, понемножку выпивать. Но она спилась и пропила все свое состояние. Голые стены в доме остались! Сохранилась единственная дорогая вещь, благословение родителей: икона Матери Божией, которой ее благословляли, когда замуж выдавали.

И принесла она последнюю икону в трактир, хотела вина за нее купить. Трактирщик – а в то время люди были все верующие – ужаснулся. Как это: за икону давать водку? Он к ее совести стал взывать. А она говорит: «Я не могу не выпить, а задаром никто не даст. Дай мне водки, а потом я денег заработаю и икону выкуплю».

С тем условием трактирщик икону и взял. Но не оставил ее в питейном заведении, а отнес на свою половину, где он с семьей жил и где у него была отдельная молельная комната. Он туда икону и поставил, где лампады горели.

Икона Божией Матери «Знамение» Корчемная

Через некоторое время протрезвевшая женщина заработала где-то денег и выкупила свою икону. Трактирщик по-отечески ей даже сказал, что не надо так больше делать. Унесла она икону домой, поставила на свое место. А наутро, когда она хотела помолиться, к ее ужасу иконы не оказалось на месте.

Она сначала даже себе не поверила! Женщина подумала: уж столько лет пила, может, просто показалось, что икону забрала из трактира? Может, на самом-то деле не брала? И побежала к корчемнику.

А тот, встав утором, пошел помолиться. Открыл комнату, вошел и увидел, что икона стоит там, где вчера стояла. Он не подумал, что это чудо. Решил, что женщина эта уже чуть свет ее опять принесла. Как он вознегодовал! Надо же, уже чуть ли не ночью пить захотела! Спрашивает жену: «Ты отпускала водку?» – «Нет, я никому не отпускала водки».

Спросил приказчика. Нет, он трактир еще не открывал, и никто еще не приходил. А тут приходит эта самая женщина и говорит: «Было ли то, что я вчера у тебя икону брала?» – «Да, взяла! Я не знаю, куда уж ты с ней пошла». – «Я ее взяла домой, поставила на свое место. А утром я ее не обнаружила».

Тут уж трактирщик понял своим умом, что здесь чудо. Что икона сама ушла от этой женщины и сама в его половине появилась. Но не мог он говорить от слез, а только взял ее за руку, подвел в красный угол и молча указал рукой на икону. «А как она обратно попала?» – «Вот она, Владычица! Спроси Ее саму, как икона сюда попала? А я не знаю».

Женщина тогда поняла весь ужас своего поступка – родительское благословение пропить! Упала она наземь, зарыдала, стала просить у Матери Божией прощения: «Даже если бы хозяин и вернул, я не посмею к Тебе прикоснуться! Владычица, я понимаю, что жестоко согрешила, не устыдилась родительское благословение пропить. Прошу, прости мне все мои поступки прежние...»

Женщина с тех пор пить перестала. А икона так и осталась в трактире. Потом прошел слух по городу о чудотворной иконе. Стали приходить, просить разрешения к ней приложиться.

Икона являлась больным далеко от города со словами: «Идите в Рязань и помолитесь перед Моим образом, Я вам помогу!»

И было много случаев исцеления...

В 1850 году, в декабре месяце, из Петербурга в Нижний Новгород по каким-то служебным делам ехал молодой человек, дворянин. И почему-то решил он выбрать путь через Рязань.

Прибыл в город, остановился в гостинице на Почтовой улице – дом этот и сейчас цел! Человек молодой, что ему? Интересно познакомиться с городом и весело время провести. Нанял он извозчика и говорит: «Ты хорошо город знаешь?» – «Да, я местный». – «Тогда покажи мне все, какие есть, достопримечательности в Рязани».

Повез его извозчик к Кремлю. А дорога мимо корчмы шла. Тут извозчик снял шапку и стал молиться. Молодой барин засмеялся и говорит: «В Рязани все шиворот-навыворот. Везде, когда проезжают мимо церкви, крестятся да шапку снимают, а здесь на трактир шапку снимают и Богу молятся!»

Извозчик-то и говорит: «Барин, я вижу, что Вы не знаете этой истории. Трактир этот особый. Мы не перед каждым трактиром молимся. Здесь находится чудотворная икона Божией Матери, которая сама сюда пришла, чтобы спасать погибающих от вина».

Молодой человек к словам скептически отнесся и решил сам посмотреть. Сошел с повозки, зашел в трактир. Шел он с недобрыми намерениями – хотел посмеяться. А когда увидел икону, почувствовал полное перерождение: преклонил перед ней колена и долго так стоял, видно о чем-то Матерь Божию просил. Потом поцеловал икону, вышел к извозчику и говорит: «Я больше никуда не хочу ехать, вези меня в гостиницу».

А ранее у него было намерение: днем посмотреть город, пообедать в ресторане, а вечером посетить увеселительное заведение. Но тут он после посещения иконы вернулся как бы сам не свой. В нем происходили какие-то изменения. Он потом описывал, как сел в кресло и все слышал: как часы били, как по коридору люди ходили, как слуга зажигал свет (уже стемнело), а сам не мог ни встать, ни глаз открыть. Потом явилось облако. В облаке явилась икона, и голос материнский, задушевный такой, ласковый говорит: «Ты Меня посетил, и Я к тебе пришла. А за то, что ты решил ради Меня оставить свою гнусную, развратную жизнь, Я тебе сохраню жизнь и помогу во всем. Если бы ты ко Мне не пришел, то ты бы до места назначения не добрался».

Видение исчезло. Он воспрянул и послал в ближайшую церковь, чтобы священник взял икону из трактира, принес ему в номер и отслужил молебен. Все так и было сделано. И он отправился в путь.

Нижний Новгород стоит на слиянии двух рек, Волги и Оки, и надо было переезжать Оку. Среди Оки – а дело было в середине декабря – лед провалился, и карета с лошадью ушла под лед. А молодой человек неведомым образом очутился на берегу. Тут-то он и поверил, что Матерь Божия сказала ему правду: он бы утонул, если бы вечер накануне провел время в публичном доме. И на тот свет ушел бы блудником и судим был бы как развратник.

А так, видите, он пришел к Матери Божией, его сердце согрелось, и он решил, что не будет больше поступать плохо.

Пришел он в город Нижний Новгород, свои дела стал решать. Но день проходит, другой проходит: там не то, и печать не такая, и бумаги нужной нет... Тут он усомнился: как же Матерь Божия обещала помогать?

Вдруг идет пожилой человек. Людей мало было, он и обратил на молодого дворянина внимание. «Молодой человек, у Вас что-нибудь случилось? Я вижу, что Вы задумчивый и опечаленный». – «Да. У меня государственное дело не решается. То не так, это не так. Никак дело не сдвигается с точки». – «А в чем дело?» Рассказал, поговорили они.

Пожилой человек и говорит: «Как вот все чудесно устраивается: помочь может один человек, а мы около его дома как раз стоим, здесь с вами повстречались. А я его хороший знакомый. Пошли, я его попрошу!»

Пошли они. Тут все молодому человеку и сделали, все подписали.

Поехал он назад. Ведь мог другим путем ехать, а молодой человек в Рязань вернулся. Опять пригласил священника, отслужил благодарственный молебен. Затем нашел искусного иконописца, точную копию снял с иконы и заказал киот дорогой, оклад серебряный. На серебряной дощечке ювелир написал: «Алексей такой-то, вот такого точно числа, такого года, соорудил на том самом месте, где икона ему явилась». И просьба: чтобы никто никогда с этого места икону не переносил.

До революции икона там и пребывала, а после революции гостиницу отняли, хозяев сослали и на том месте другое здание сделали. Икона, которую Алексей соорудил, неизвестно куда делась. А подлинная икона сохранилась.

Рязанцы икону эту чтили за множество чудес, за то, что всем помогала и в болезни, и в скорбях. Они оклад ей сделали золотой с драгоценными камнями.

Оклад после революции сняли, но икону-то саму рязанцы сохранили.

Пред вами та самая, подлинная икона, которую женщина продала, которая от нее ушла в трактир и перед которой молился молодой человек Алексей.

Были и раньше молодые люди на скользком пути, ошибались. Вот, если бы Алексей не пришел к иконе Матери Божией, не исправил образ жизни, погиб бы. А Матерь Божия спасла его от смерти и помогла в трудных государственных делах.

Как много значит хранить честь, совесть, целомудрие!

Был и такой случай.

Я человек не военный, не знаю военных законов и не знаю, как называются военные должности. В 1914 году, когда была война, от какой-то группы военных остался один человек – все остальные погибли. Вот пришел он к своим и попросил: «Отпустите меня. Тут недалеко родина моя, я повидаюсь с родителями».

Поняли его. Поняли, как это больно – пережить смерть всех товарищей, на его глазах погибших. Отпустили на побывку, может на неделю.

Долго ли, коротко ли, вынужден был солдат остановиться на ночлег в доме у дороги. Сказал, кто он, что идет с войны. Измучен он был, пешком шел. Ему бы передохнуть, поспать, рад бы ноги протянуть. А у хозяев дочка

была взрослая, невеста, и солдат ей очень понравился. И тут ночью дочка хозяев к нему пришла и стала принуждать его ко греху. Солдат ей и говорит: «Что ты? Я ведь воин, у нас война идет! Я пойду в бой, может, меня убьют!» – «Вот мне и жалко тебя, что ты не попробуешь прелесть земную, что такое любовь не узнаешь».

Устоял солдат, выгнал ее: «Я воин и должен честь защищать, а не распутство! Как твои родители, мать да отец, посмотрят?» Конечно, какая это любовь? Это разврат один.

И что же? Пришел солдат в новую часть, сей же час – опять в бой. Снова все погибли, кроме него одного.

В следующую ночь снится ему сон. Видит: поле усеяно трупами. Ангел Божий ему и говорит: «Это место твое. Ты бы тут лежал, если бы не устоял в ту ночь. Но так как ты победил беса блуда, то Господь жизнь тебе и сохранил».

Как много значит: хранить честь, совесть, целомудрие! Все можно купить, но честь и целомудрие не купишь. Можно начальника подкупить, и тебе ордена дадут. Но в глазах Бога, к суду Божиему, ничего не купишь.

Храните честь, будьте верными, преданными, храните чистоту своих сердец. В чистом сердце Бог обитает.

Я вам желаю быть всегда под Покровом Матери Божией и под благословением Воскресшего Господа, да пребудет Он над всеми вами.

Икону мы выносим по просьбам верующих каждое воскресенье. У кого есть нужда, кто сам страдает или кто-то из близких страдает – вот Матерь Божия сама пред вами. Только была бы вера в сердце и любовь к Матери Божией, и желание исправиться.

Допустим, приходит мать, плачет: «Что мне делать? Муж пьет, сын пьет!» – «А они сами-то что?» – «Они не хотят бросать!»

Раз они не хотят, значит, дьявол им милее, чем Бог, чем Матерь Божия. Они сами должны прийти попросить у Господа помощи, прощения у Матери Божией.

Счастлив тот, кто сам пожелает исправиться. Для желающих все возможно. Бог всемогущ. У Бога нет ничего невозможного.

Буде имя Господне благословенно!

(Проповедь была сказана 19 октября 2003 года
в воскресенье за Божественной литургией)

Как спасти свою душу

В наше время, на рубеже XX–XXI веков, человечество отдалилось от истинного Бога. А отдаляясь от истины, люди вольно или невольно приобщаются ко лжи, злу и всяческим порокам. Чтобы выбраться из этой грязной трясины, спасти свою душу, человек должен в первую очередь признать свою греховность, покаяться и через великое Таинство Христово соединиться с Богом. Общение же с Богом происходит только через Церковь. Это истина, которую заповедал Господь наш Иисус Христос через своих учеников-апостолов. Отклонение от нее ведет к разочарованию, к крушению всех идеалов, а подчас и самой жизни.

Путем, пролегающим через храм, до нас прошли многие тысячи людей. Этот путь оплачен тяжелыми, часто мученическими судьбами, глубоко выстрадан нашими предками, которые оставили нам многие тома святоотеческого писания, где со всей откровенностью рассказывается о тернистом пути к Вседержителю, о том, как они падали, поднимались и снова шли к Богу.

В уникальной книге «Жития святых» святителя Димитрия Ростовского подробно описывается жизнь людей, сумевших преодолеть силу греха, пройти множество испытаний и страданий за веру Христову и обрести Царствие Небесное. Их жизнь показывает нам, где и как искать спасение. Святые отцы учат, что оно возможно только в Церкви: «Для кого Церковь не мать, для того и Бог не отец». Любой другой путь – это путь уловок, обмана, лжи, которая притворяется правдой. Если бы это было не так, то святые отцы не боролись бы со всяческой ересью, часто отдавая жизнь и принимая мученическую кончину, чтобы доказать истину. Ересь, считали они, страшнее физического врага, который может разрушить города, убить людей, но не одолеет души,

преданные Спасителю, который в свою очередь дает силы для возрождения и созидания.

Вспомним, сколько раз Господь помогал русскому народу в тяжелое время! За истинную, православную веру он изливал на нашу Родину великие милости, избавляя Россию от страшных бед, которые не раз могли погубить ее. Ради молитв Преподобного Сергия Радонежского, крепкого той же верою, Вседержитель помог Димитрию Донскому и его войску победить татарские полчища в битве на Куликовом поле.

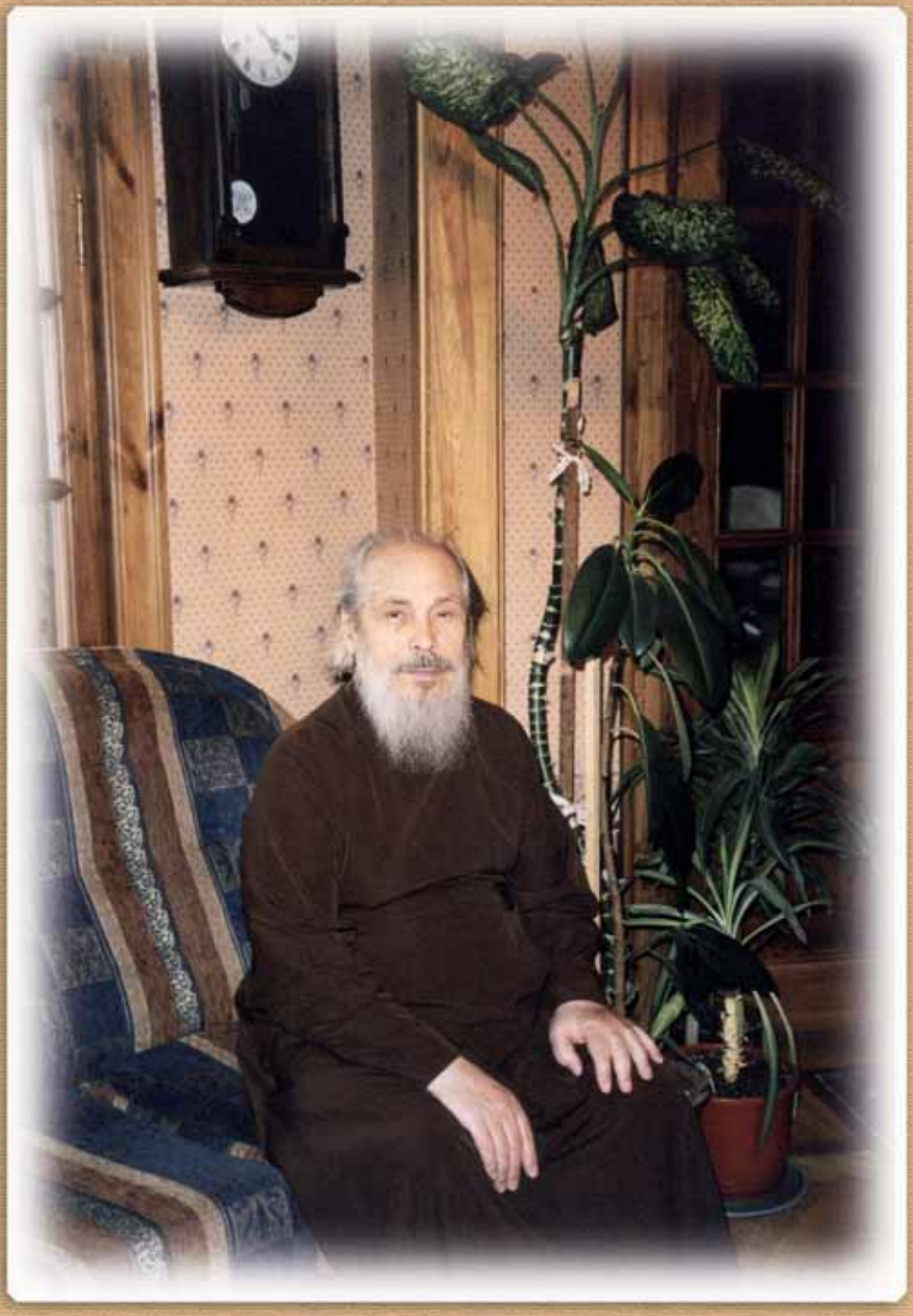
Православная вера помогла России спастись в Смутное время, когда на гробах святых уже стояли кони польских шляхтичей. «Не было надежд на будущее», писали в то время летописцы. Но русский народ нашел в себе силы покаяться и обратился с горячей молитвой к Богу, к Пресвятой Богородице, прося их заступничества. За великую веру Господь не только спас Россию от верной гибели, но и умножил ее силы и сделал могущественной и славной державой. Всего за пять-шесть лет после того, как на престол взошел первый из царей Романовых Михаил Федорович, в стране произошли разительные перемены. Иностранцы дивились расцвету восставшей из пепла, еще растоптанной Русской земли.

Если бы наш народ все время исповедовал православную веру, жил по ее нравственным законам и отстаивал ее, русские люди не попали бы под иго большевизма и не стояли бы в настоящее время на распутье. Сегодня следует вспомнить и не забывать слова Господа, которые он сказал через Божественного псалмопевца своему избранному, но после отверженному народу израильскому: «О, если бы народ Мой слушал Меня и Израиль ходил Моими путями! Я скоро смирил бы врагов их и обратил бы руку Мою на притеснителей их». Здесь есть над чем задуматься и русскому народу, который с начала XX века стал руководствоваться не православною Христовой Церковью и ее святыми отцами, а всевозможными лжеучениями, ниспровергающими православие.

По наущению дьявола люди стали поклоняться науке, как Богу, и исповедовать культ человека, не разумея того, что поклоняются не Творцу, а творению. И понадобилось немалое время, чтобы они вновь стали осознавать, что не природа создала окружающий мир, а высший разум, по-нашему – Бог. И люди опять потянулись к Творцу. Но за прошедшее время понятие о Боге искоренилось у них, и потому всяческим лжеучителям

ныне легко внушить им ересь. Спастись от нее можно только следуя учению Святой Православной Церкви. Но мало бывать в церкви, христианин должен участвовать во всех ее таинствах и жить по ее закону. «Вера без дела мертва есть» – сказано в Священном Писании. И Спаситель наш Иисус Христос предупреждал, что: «Не всякий, говорящий Мне «Господи! Господи!» войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного».

Возлюбленные братья и сестры! Наступают времена лукавые и последние. Восстают лжепророки и лжеучителя, чтобы прельстить избранных. Надо быть предельно бдительными и осторожными, учиться отличать где ложь, а где правда, а для этого следует жить по заповедям Спасителя и идти путем, указанным Святой Православной Церковью, дабы удостоиться Царствия Небесного. Аминь.



Заключение

Письма к батюшке

Помыслы в сердце человека – глубокие воды, но человек разумный вычерпывает их.
(Притч. 20: 5)

Некоторое представление об окружении батюшки могут дать письма, сохранившиеся в его архиве. Конечно, переписка носила доверительный характер и вовсе не предназначалась для огласки. Но письма к батюшке настолько интересны, настолько характеризуют его паству и паломников, наше время, особенности менталитета, что мы все-таки воспроизведем некоторые фрагменты.

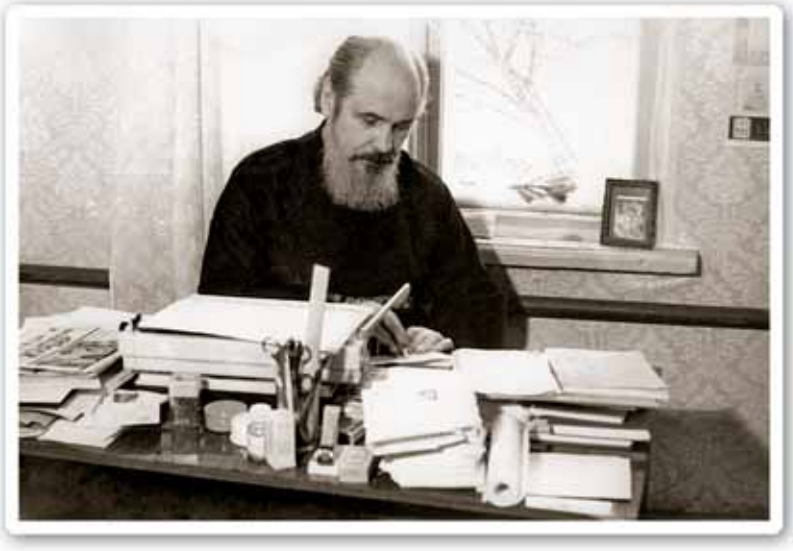
Мы не меняли стиль обращений к батюшке, не исправляли ошибок, решив оставить все как есть. Ведь это отражение существующей ситуации – мы такие: заблуждаемся, ошибаемся, путаем, запинаемся, страдаем косноязычием. И батюшка нас исправляет, увещевает, пестует, наказует, учит...

«Дорогой Батюшка, прости и благослови меня грешную.

Батюшка о Вас скучаю, как ребенок о матери, скучаю по обители, но пришла старость, пришла и немощь. Молюся сидя, лежа. Стала глуха. В церкви Евангелия не слышу. Церковное уже не разбираю чтение – чево пойму, чево нет.

Батюшка, скорблю по Вашему благословению, причащаюсь часто, но скорблю.

Дорогой Батюшка, прости и благослови меня грешную. Еще помолися за чад моих...»



«Русь называли Святой. А святость ее в том свете, который несут и несли молитвенники. Я счастливый человек, так как Вас очень люблю и считаю своим духовным отцом. Вы открыли мне глаза и заставили сильно биться сердце, обращаясь к Господу...

Я Вас буду помнить, пока сердце будет стучать и даже дольше. Спасибо за все!»

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Отец Авель. Примите крест сей как дар образу Пресвятой Богородицы «Корчемная» и не откажите Христа ради в молитвах о милосердии Божием к рабу Его Сергию во исцелении его от болезни лютой.

С глубоким уважением...»

«Ваше Высокопреподобие, о. Авель!

По моим грехам не справляюсь с искушениями. Мирские заботы одолевают: огород, домашние дела, болезни.

Дочь не замужем, но мечтает, видимо, боится остаться одна, ей уже 37.

Познакомилась с иностранцем в прошлом году, он приезжал сюда, а ей по молитве Господь не допустил туда поехать, не дали визу.

Теперь он опять хочет приехать сюда, а здоровье у нее не для замужества.

Как мне такой грешной молиться? Помогите, Батюшка, вразумите.

Простите ради Христа, что обременяю Вас своими заботами...»

«Батюшка, простите за все. Часто я впадаю в уныние, что детей воспитала не так...»

«Сережу уже взяли на постоянную работу, слава Богу!
Просим Вашей молитвенной помощи...»

«Июнь или июль хочу быть у Вас, если разрешите. Ведь я молилась и плакала.
Первый монастырь был Ваш, и первое соборование у Вас.
Получу пенсию, приеду, а сейчас у меня в настоящее время немного осталось.
До конца недельки поживу, как Вы скажете...»

«Наша чудотворная икона Феодоровской Божией Матери с 29 октября благоухает. Высылаем Вам частицы ткани, приложенные к благоухающей иконе в знак милости и помощи Вам Царицы Небесной...»

«Хочу Вас поблагодарить за Вашу заботу о нас, за Ваши молитвы. Я очень чувствовала Вашу поддержку, когда была на собеседовании.
Сидело 10 человек профессуры. Даже неловко рассказывать. Обо мне доложили, и никто не задал мне ни одного вопроса! Дали высшую категорию!
В храме было неловко спрашивать о Вашем здоровье: как Вы себя чувствуете?»

«Дорогой Батюшка! Помяни о здравии болящую Валентину с чадами и прими от ней низкий поклон...»

«Благословите, Ваше Высокопреподобие архимандрит Авель!
Письмо я Ваше получила. Как долго оно шло!
Этот день для меня станет самым почитаемым и счастливым. Мои сыновья стали меньше пить и не стали драться. Потом не стали ругаться. Сейчас у нас мир в семье.
Как мне Вас благодарить? Я просто и не знаю...»

«Батюшка, мама просила Вас вот о чем спросить: у нас Рома стал очень упрямым. На все говорит «нет»: «Пошли есть» – «Нет», «Пошли спать» – «Нет».

В остальном неплохо себя ведет, хорошо ест и спит, но все сопровождается комментарием «нет». Все делает, как ему скажут, но обязательно перед этим скажет «нет».

Мама хотела у Вас спросить: как Вы скажете, надо как-то это искоренять или, может, он это перерастет?»

«Священноархимандриту, наместнику Свято-Иоанно-Богословского монастыря.

День добрый, любимый моим сердцем священноархимандрит Авель.

Мечтаю передать Вашей обители с братией в дар свою квартиру в г. Воскресенске Московской области.

Знаете, источник-то Ваш действительно целебный, он мне помог.

(2 июня 2001 года)»

Батюшка в полной мере был наделен чувством юмора. Можно себе представить, как лучились его глаза в доброй улыбке, когда он читал некоторые из этих посланий.

Одно из них просто поразительное, но очень длинное. Если пересказать коротко, то получится следующее.

Женщина пишет батюшке о постигшем ее несчастье: украли иконы, которые ей подарил отец Авель. Женщина напоминает, что она была в монастыре в связи с болезнью матери и отец Авель подарил ей для матери две иконы.

После долгих-долгих слов сожаления, после эмоционального описания постигшей утраты женщина все же решила пояснить обстоятельства.

После долгой болезни мать скончалась. Прошло полгода, и муж вынес иконы в дровяной сарай. Еще через полгода продал сарай с дровами соседке. Спустя еще какое-то время женщина вспомнила про иконы и нагрянула к соседке, но та сказала, что никаких икон нет и отдавать нечего.

Ну форменное воровство. Украли!

Другое длинное письмо на вырванном из ученической тетрадки листке в клеточку производит сильное впечатление. Получено с Украины. Старушка просит батюшку помолиться о здравии, а потом длинно описывает свои хвори и немощи. Заканчивает она описание своего здоровья так: *«Уж не знаю, как Вас благодарить за Ваши молитвы. Вкладываю в конверт бумажку в ... гривен»*.

Затем, видимо, проходит какое-то время, так как письмо дописывается ручкой другого цвета.

Содержание приписки гласит: *«Не знаю, останется ли там еще ... рублей, но помолитесь уж еще за моих чад...»* Список чад убористым почерком занимает добрых полстраницы.

Проходит еще какое-то время, письмо дописывается снова и опять ручкой другого цвета.

«Ну если там останется еще ... рублей, то помолитесь еще...» и прилагается список имен, уходящий за оборот двойного листа. Причем список с пояснениями – кума, соседка, свояченица, которая дала по весне цыплят...

Значительный объем хранившейся батюшкой корреспонденции составляют письма от священников, из монастырей. Иногда это открытки с поздравлениями, иногда письма с благодарностью за помощь. Архимандрит Авель помогал возрождающимся монастырям – передавал святыни, иконы, старые книги.

Список лиц, с которыми он состоял в переписке, внушителен: политики, депутаты, губернаторы, военные, космонавты, ученые, художники. Откровением стали письма от участников известных экспедиций, которые, как оказалось, получили благословение батюшки перед стартом.

Аккуратные стопочки писем и фотографий, аккуратно перевязанные тесемочками пачки открыток. И поразительно красивым почерком выполненные списки – кого и когда поздравить, кого помянуть. Отдельные графы – архиереи, монастыри, храмы, духовенство, официальные лица, частные лица...

Много рисунков детей – самодельные поздравительные открытки, какие-то картины, трогательные аппликации...

Отдельно лежат особенно дорогие батюшке фотографии. Видно, что их часто брали. Среди них есть нам знакомые – владыка Иосиф в детские годы, отец Геннадий Зверев – еще подросток, владыка Димитрий, отец Николай Дятлов – совсем молодой, владыка Мелхиседек в молодые годы, именовавшийся тогда отцом Василием.

И вся затертая, сложенная вдвое, парная фотография двух молодых монахов – отца Авеля и отца Никодима. Было две такие фотографии, они всегда носили их с собою...

Среди писем и фотографий много таких, о которых мы никогда ничего не сможем узнать: «на молитвенную память от рабы Божией Н.», «на молитвенную память от бабы Груни», «на молитвенную память дорогому батюшке»...

Это нити, связывавшие его с огромным числом людей. Они не порвались, не перепутались. Мы это в полной мере почувствовали, когда ездили, встречались, вспоминали батюшку.

Люди приходят и приходят в обитель, приводят своих детей и внуков.

Помнится, в романе «Война и мир» устами Платона Каратаева Лев Толстой высказал мысль: если плохие люди объединяются для совершения своих плохих дел, то почему же хорошим людям не объединяться для совершения дел хороших?

Главным делом жизни архимандрита Авеля было объединение хороших людей под сенью Русской Православной Церкви для свершения дел хороших, для жизни праведной.

И мы не раз вспоминали Иоанна Златоуста, который писал, что Церковь – это не стены каменные, это народ верный!

Сознательно это получилось или бессознательно, но жизнь батюшки выстроилась, как евхаристия. Со всей ответственностью говорим – такую параллель провести можно.

Недавно, в связи с работой над этим изданием, мы коснулись творческого наследия владыки Никодима. Перечитали его «Историю Русской Духовной Миссии в Иерусалиме», материалы по Афону. Среди его многочисленных статей, выступлений, проповедей нас почему-то особенно захватило пронзительное слово о евхаристии.

По решению духовного совета обители братия собирает материалы о жизни батюшки. Люди несут и присылают материалы, фотографии. И все-все черточки ложатся в единое целое – жизнь как служение Господу.

Слава в Вышних Богу и на земли мир
в человецех благоволение
Ваше Высокопреподобие,
дорогой отец Авель
и все возлюбленные братия
Таки встречая эту святую
всемирной радости ночь,
славословя Величайшее чудо
Боговоплощения и завывая все
тяжести и печали этой будничной
земной жизни, поздравляем Вас
с Рождеством Христовым
с чистосердечной любовью
и многим от души благожеланием.
С Рождеством Христовым и Новолетием!
С любовью и радостью
о Христе Сам.
Иаш.
Р.Х. 04г.

Духовность и умственное общение,
наиценнейший дар русского чело-
века.
Монастыри - вы якоря, вы маяки,
вы хлеб и соль России.
Вы вырастали с помощью святых
Из Вас струится чистая душа и
красота России.
Все те, кому добро несешь любя,
всегда молиться будут за тебя.
Нет силы, которая смогла бы сло-
мить Россию. Россия будет раз-
виваться, расти и крепнуть. Никто
не сможет остановить Россию!!!
С земным поклоном
Сияй Россия! Луч!
Как солнца

PARQUE NACIONAL TORRES DEL PAINE - XII° REGION - CHILE
PATAGONIA
Наместнику монастыря
Свято-Иоанна-Богословского
св. архимандриту Авелю
от
первого этапа „Марша мира" -
- международной программы, одобренной ООН,
- экспедиции „Навстречу XXI веку", в ходе которой,
по благословению Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси Алексия II
в Антарктиде на Южном Полюсе
планеты Земля, в честь 2000-летия
Христианства, был установлен
Православный крест.
От рук-ва экспедиции:
01.2000г.
/С.Г. Афанасьев/
01 ЯНВ 2000

Дорогой батюшка, шлю
кланяюсь Вам, прошу
Вас поделиться с нашим
Монастырём частицами мощей
которые Вы имеете. Простите
ради Христа за дерзость. Нам нужно
[illegible], но без мощей
Простите, благословите. [illegible]

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ

ВОРОНЕЖСКАЯ ЕПАРХИЯ
СЕРАФИМО-САРОВСКИЙ СКИТ

Его Высокопреподобию настоятелю Иоанно-Богослов-
ского монастыря архимандриту Авелю
[illegible]

Храни Вас Господь дорогой отче Авеле
[illegible]: иеромонах Серафим

ШПАНИЈА - ДОЛИНА СМРТИ 1971 - САНТА КРУЗ

КРСТ ЈЕ САГРАЂЕН ОД СИВОГ ГРАНИТА, ВИСО[illegible]
ПОСТАВЉЕН НА ГРАНИТНОЈ СТЕНИ, У БЛИЗИНИ
СРЕДЊЕВЕКОВНОГ ДВОРЦА ЕСКОРИЈАЛА, ГДЕ СУ
САХРАЊЕНИ СКОРО СВИ КРАЉЕВИ ШПАНИЈЕ.
КРСТ ПРИДРЖАВАЈУ ОГРОМНЕ СТАТУЕ ЧЕТИРИ
ЈЕВАНГЕЛИСТА ОД ЦРНОГ ГРАНИТА. НА ВРХ КРСТА
МОЖЕ СЕ ПОПЕТИ ЛИФТОМ. ИСПОД КРСТА, У ГРА-
НИТНОЈ СТЕНИ - ПОД ЗЕМЉОМ, СА ЈЕДНЕ СТРАНЕ
БРЕГА НАЛАЗИ СЕ ЦРКВА, А СА ДРУГЕ МАНАС-
ТИР.

Поштованом оцу Авелу - Мирослав

5. IV. 1972. БЕОГРАД

Письма и фотографии из архива отца Авеля

След на земле

Бог нам прибежище и сила,
скорый Помощник в бедах.
Посему не убоимся,
хотя бы поколебалась земля
и горы двигнулись в сердце морей.
(Пс. 45: 2, 3)

Знакомство с отцом Авелем, близкое или мимолетное, меняет человека. Эту мысль высказывали многие.

Его уход заставляет оглянуться назад на свой путь, разобраться: а кем же мы были до знакомства с ним? Что он внес в нашу жизнь? Какой след оставил в душе?

На эти вопросы прямо или косвенно пытаются ответить все, с кем нам довелось говорить о батюшке.

Много, очень много людей пришли к вере. Знакомство с батюшкой круто изменило их жизнь, многие связали свою жизнь с Церковью, стали священнослужителями. Так было и в далекие годы его служения в Ярославской епархии, в тяжелые послевоенные годы. Так было и в последние годы его жизни, когда Свято-Иоанно-Богословский монастырь стал настоящей «кузницей кадров» и не только для Рязанской епархии.

«Бог сотворил человека не только для того, чтобы он был просто живым существом, животным, но и для того, чтобы он умом проник в глубину тайн познания, а сердцем вознесся на высоты Божии» (преподобный Иустин Попович) – эту мысль не раз высказывал архимандрит Авель, напутствуя братию, направляя на учебу.

Открытие Рязанской православной гимназии во имя святителя Василия Рязанского

По совету и с помощью отца Авеля, духовника Рязанской епархии, многие достойные люди получили направление на учебу – в духовную семинарию, в духовную академию. Под руководством отца Авеля создавались монастырские уставы для мужских и женских обителей.

Активная работа по розыску рязанских святынь, возрождению приходской жизни в Рязанской епархии, установление конструктивных отношений с властью в новых исторических условиях – все это смогло состояться при активном участии его духовных чад, при активном участии братии монастыря, им воссозданного. Из числа братии выдвинулись яркие личности, ставшие настоятелями, наместниками, духовниками, строителями многих известнейших монастырей России. Возродив из руин святыни, они воссоздавали в обителях монашескую жизнь по советам игумена Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря архимандрита Авеля.

При активном участии и под духовным руководством архимандрита Авеля были успешно реализованы многие важные проекты. В Рязанском университете возникли Центр православной педагогики, отделение теологии. Там же стали регулярно проводиться конференции на тему православной педагогики, привлекшие силы не только из различных регионов России, но и из-за ее рубежей. Распахнула двери православная гимназия,

Детско-юношеская организация «Православные витязи»

стали выходить православные издания, на рязанском телевидении утвердились программы передач на духовные и исторические темы.

По благословению отца Авеля братия окормляла детские православные лагеря. В Рязани возникло новое направление работы с подрастающим поколением – детско-юношеская организация «Православные витязи».

Работа с военнослужащими, ветеранами, подготовка кадров священнослужителей для армии, для несения нелегкой службы в горячих точках – список начинаний поистине неисчерпаем.

В больницах и госпиталях при поддержке и помощи отца Авеля создавались часовни. Одна из таких часовен была создана в Рязанском военном госпитале в самые трудные времена первой чеченской войны 1995 года. Когда общество отвернулось от армии и ее проблем, архимандрит Авель и Богословский монастырь пришли на помощь военным. Работа с ранеными, работа с родственниками погибших, окормление страждущих – сегодня в госпитале уже немыслимо лечение без такой духовной поддержки.

Впоследствии часовня была перестроена в храм и освящена в честь святителя Луки (Войно-Ясенецкого), великого хирурга. Этот храм и по сей день является сердцем госпиталя.

Огромную роль в неутомимой деятельности батюшки в последние 15 лет сыграл его племянник владыка Иосиф, ныне епископ Иваново-Вознесенский и Кинешемский. Он смог взять на свои плечи реализацию многих проектов, что позволило раскрыть духовный потенциал этих важных начинаний, позволило сбыться многим заветным мечтам отца Авеля.

Благодарственные письма от различных организаций

Епископ Шацкий Иосиф, архимандрит Авель и митрополит Рязанский и Касимовский Симон

Выношенное, выстраданное, созревшее в течение неполных девяти лет служения на Афоне – все это смогло реализоваться на Родине. Митрополит Симон, с первых своих шагов в Церкви почитавший отца Авеля как своего духовника, молодой энергичный епископ Иосиф и архимандрит Авель – вот три человека, которые стояли у истоков программ возрождения духовной жизни в Рязанской епархии, воцерковления народа в новых исторических условиях.

Как долго шел к этому отец Авель! И вот после празднования 1000-летия принятия христианства на Руси условия для возврата России на свой традиционный путь вроде бы стали созревать. Процессы восстановления храмов, возрождения общин и приходской жизни, обретения святынь, возрождения творческой деятельности, связанной с Церковью, обозначились, стали набирать силу.

Установление необычайного духовного согласия и единства, исключительно плодотворного союза происходило на фоне того факта, что владыка Иосиф – родной племянник отца Авеля, сын его младшего брата. Смерть обоих родителей в военные годы оставила на руках подростка,

будущего архимандрита Авеля, четверых малышей, меньшому было только три годика. По сути дела сестры и братья стали его детьми, отец Авель их вырастил, поднял на ноги. Семья, крепко сплоченная тяжелыми послевоенными годами, всегда чувствовала необыкновенное единство. И новое поколение, дети стали отцу Авелю внуками.

Несмотря на обилие важных проектов, кипучая деятельность не была тем впечатлением, которое производил отец Авель на людей. Наоборот, он был мягким, неспешным, внимательным, придававшим значение не каким-то внешним факторам, а глубинным, коренным.

Архимандрит Авель поражал своей корневой связью с пластами традиционной народной жизни.

Эту мысль необходимо пояснить.

Для современного городского человека утверждение о том, что кто-то всерьез понимает язык животных, может говорить с ними, звучит как сказка, как фантастика, как воспоминание о книге «Мифы Древней Греции». Между тем дело обстоит совершенно иначе.

В русской глубинке, на селе, никого не удивишь тем, что хозяйка говорит со своей коровой-кормилицей, что корова ее прекрасно понимает, слушается и сама может точно передавать довольно сложную информацию своей хозяйке. Более того, животное может даже подшутить над своим хозяином, предложить ему некую ролевую игру с участием третьих лиц и даже других домашних животных – собаки, кошки, козы, лошади.

В русской глубинке, на селе, никого не удивишь тем, что пастух говорит со стадом, с собакой, с лошадью. Что человеческая речь воспринимается животными и приводит к результатам, которые однозначно говорят о сложной обработке и восприятии ими человеческой речи. В свою очередь и пастух понимает животных – лошадь, собаку, старого козла, который ведет стадо.

А понимание языка животных стариком-охотником, который общается со своими собаками? Это общение не имеет ничего общего с дрессировкой животных в цирке, где все достигается кнутом, голодом, болью, подчинением, страхом.

Все это имеет отношение к ситуации, когда животное достаточно свободно, в определенной степени независимо, когда оно чувствует, что его судьба и судьба хозяина связаны. Когда отношения с хозяином не замутнены цивилизацией, жизнью в неестественной городской среде.

Эти отношения человека и животных напоминают библейские сказания о давно минувших веках. Но надо понимать – это правда жизни, это реалии,

характерные для Святой Руси. Вспомним Серафима Саровского, к избушке которого приходили дикие звери и брали пищу из его рук.

Отец Авель был близок к естественной традиционной правильной среде. В ней жили и живут праведники, в ней понимают природу и ее язык, в ней различают знаки, для многих сегодня – увы – невидимые. В этой среде считается само собой разумеющимся жить по заповедям, слушать старших, чтить умерших, дорожить честью, считать себя частью общины. Здесь никого не удивят рассказы о том, что кто-то во сне видел умерших родственников и разговаривал с ними и даже получал помощь в виде совета, подсказки...

Никто из деревенских ранее определенного срока не смел ходить в лес брать клюкву и бруснику, лесной орех. Природопользование было разумным и рачительным! Это касалось порубок, разумного использования ельников, дубрав и березовых рощ, особого отношения к деревьям вдоль малых рек и ручьев, особого отношения к родникам. Это отношение зафиксировано в огромном количестве письменных документов начиная с древнейших времен!

При разрушении устоев нашего государства богоборческая власть подсекала народные корни (не только русского народа – это надо понимать). Представьте себе, существовала отчетность о засыпанных святых источниках: их закрывали плитами, засыпали грунтом, заливали бетоном – тысячи фактов зафиксированы в целом по России!

Отец Авель любил животных и много рассказывал о своих наблюдениях. Он хорошо знал и понимал жизнь пчел, в свое время работал на пасеке. Козочки сами шли к нему на руки. Ласточки вили гнезда прямо у него над головой – над его любимым креслом на веранде дома наместника. Ласточки вили гнезда даже в коридоре корпуса гостиницы для паломников – за иконой Божией Матери.

Как-то батюшке привезли в подарок карликовых курочек и петушка. Необычайно красивые маленькие создания очень радовали его. Он рассказывал о лесах, полных грибов и ягод, о рыбной ловле уклейки на удочку. Любил рыбачить и его друг детства митрополит Никодим. В архиве семьи владыки можно увидеть потрясающие фотографии: митрополит в обычном подряснике, подвернутом до колен, рыбачит с деревенскими ребятишками на самодельные удочки из орешника; полулежит у костерка возле дымящейся рыбацкой ухи...

Многие случаи из жизни батюшки поражали воображение. Вот пример, о котором рассказывали с небольшими вариациями три человека.

Любимый кот отца Авеля состарился и собрался умирать. Отец Авель и кот понимали друг друга и даже, казалось, разговаривали. В последний день кот принес и положил отцу Авелю на колени маленького котенка, похожего окрасом на себя как две капли воды. Посмотрел, удостоверился, что батюшка принял его сына, и ушел...

Больше кота никто не видел, а котенок вырос и стал точной копией своего отца, и так же понимал батюшку с полуслова...

Дар отца Авеля понимать жизнь был поразительным. Он по не видимым никому другому признакам понимал животных, пчел, растения – деревья и цветы. Он понимал наиболее сложное – людей, их душу.

О прозорливости батюшки говорят наиболее часто, потому что это более всего поражало воображение людей. Но необходимо заметить, что сам он относился к этому не как к особенному дару, а как к необходимой составляющей, полагающейся быть приложенной к его служению.

Да, многое объяснимо огромным опытом служения на приходах, огромным опытом врачевания душ, вступлением на путь служения в труднейшие военные и послевоенные годы, когда беда была в каждой семье. Да, многое можно объяснить огромным опытом сослужения с архипастырями, владыкой Димитрием и владыкой Исаией, келейником которых он был, опытом сослужения со старцами на Афоне, сослужения с вернувшимися из ссылок священниками старой закалки.

Но не все можно объяснить только этим.

Батюшка от рождения был наделен немалыми талантами. Он был восприимчив, его чувствительная натура была заранее настроена на созерцание красоты мира Божиего, была нацелена на восприятие тонких моментов движения человеческого духа, на обостренное восприятие чужой боли и страданий.

Его жизнь, если взять хотя бы внешние ее контуры, повторяла жизнь подвижников прошлого.

В самом деле, вокруг – море страданий: послевоенная разруха, послевоенный голод и карточная система, безработица, трагедия потери близких на фронте коснулась каждой семьи. Личная трагедия подростка, оставшегося с четырьмя малышами на руках и положившего все силы на создание им элементарных условий выживания, пожертвовавшего ради них своим образованием.

Полная лишений жизнь, переезды и скитания по чужим углам, голод и холод, отсутствие какого бы то ни было имущества, отсутствие минимально необходимого из одежды и обуви. Гонения на все, что имело отношение к Церкви и духовной жизни, запреты и наветы, доносы и оговоры.

И вместе с тем духовная стойкость, поразительная на фоне слабого здоровья. Слабого настолько, что в 24 года его духовный отец, владыка Димитрий, счел необходимым постричь отца Авеля в схиму (тайно) с именем Серафим.

Трудности и страдания или ломают человека, или приводят к закалке его характера, его духа. Подвижники прошлого выходили из таких испытаний, стяжав духовные сокровища, которыми они впоследствии могли делиться с миром. Что-то подобное произошло и в жизни отца Авеля.

По уверениям огромного количества людей отец Авель был редким молитвенником. Он погружался в молитву, в службу с головой, уходил от реалий мира полностью и совершенно. Служить с ним в храме было легко и радостно, молиться с ним было удивительно легко. И по его молитвам люди получали помощь. Такие случаи у всех на слуху.

Семейные предания говорят о многочисленных случаях, свидетельствовавших, что отцу Авелю была уготована особая судьба – путь служения Господу. Такие знаки были и до его рождения, и в годы его младенчества, и в годы его детства и юношества. Понять и объяснить эти семейные предания стало возможным лишь в конце его служения, точнее – после возвращения с Афона.

Начало служения батюшки совпало со временем великих испытаний и одновременно со временем осмысления народом нового духовного опыта,

полученного во время войны. Отец Авель не раз вспоминал рассказанные ему истории чудесных спасений из безвыходных ситуаций.

Если во время войны основную массу прихожан составляли женщины и дети, старики и старушки, то после войны в церковь пришли фронтовики, спасенные молитвами матерей, пришли израненные и покалеченные войной люди, чаявшие получить духовное исцеление после страшных нечеловеческих испытаний военных лет. Как люди дошли до жизни такой? Как должна быть устроена жизнь? За поиском ответов люди шли в храм...

Всмотритесь в лица безвестных женщин на фотографиях. Это прихожанки сельских храмов. На их плечи легли такие тяготы, которые мы сегодня представить не можем. Отсутствие еды и топлива, отсутствие одежды, мыла, спичек, электричества, керосина, лекарств... Малые дети на руках, погибшие и пропавшие без вести отцы, мужья, братья, непосильный труд – «все для фронта, все для победы»... Для миллионов людей еще и отсутствие жилья...

Эта жизнь для большинства не изменилась и после победы. Надо было опять напрягать силы – восстанавливать страну.

Познакомившись с жизнью отца Авеля, можно наглядно увидеть жизнь прихода, понять устройство жизни русского общества до катастрофы начала XX века. Никакие шедевры русской литературы так подробно и в деталях не объяснят, не дадут почувствовать связи, пронзавшие толщу всей русской жизни, оценить роль приходского батюшки, услышать биение и пульс русской общины.

Как-то, критикуя молодого священника, получившего в окормление сельский приход и желавшего посещать паству лишь наездами из города, отец Авель подробно остановился на этом.

Священник должен знать в деталях жизнь каждого на приходе. Крестить, венчать, исповедовать, причащать. Улаживать конфликты в семьях,

конфликты между односельчанами, предупреждать возможное негативное развитие событий. Влиять на подрастающее молодое поколение, сглаживать конфликты отцов и детей, улаживать отношения с тещами и свекрами.

Сегодня общество пытается лечить проблемы, искусственно заполняя вакуум, образовавшийся при разрушении общины и прихода, внедрением семейного доктора, семейного психолога, психолога в учреждения дошкольного воспитания и в школы, введением социального работника.

Но сельского батюшку в его многосторонней деятельности не заменить и сотней дипломированных новомодных специалистов! Потому что роль батюшки – координировать, согласовывать действия членов общины в условиях единения в вере.

Священник и благотворителя находил, способного оказать материальную помощь, и о болящих, о немощных стариках и старухах, о сиротах заботился. Он организовывал установление родственных отношений, благословлял на брак. Или, наоборот, предупреждал нежелательный брак, зная семьи молодых, ожидания родственников, состояние здоровья или другие подробности. Мимо священника не проходило ни одно событие от рождения до похорон. Церковь была центром общины. Трапезные строились как центр празднования важнейших событий в общине. Здесь принимали именитых гостей.

На паперти церкви объявлялись царские указы, здесь собирались налоги на выкуп пленных, творился суд и разбирались конфликтные ситуации.

К церкви приходили за помощью в любых ситуациях – от пожара до болезни. У церкви устраивались по праздникам торги и ярмарки, гуляния и даже спортивные состязания.

От храма уходили на службу в армию, уезжали в столицу с обозом на ярмарку.

У церкви устраивались выставки достижений: показывались изделия ремесленников и сельских мастериц, демонстрировались образцы лучшей сельскохозяйственной продукции, показывали лучших животных – лошадей, быков...

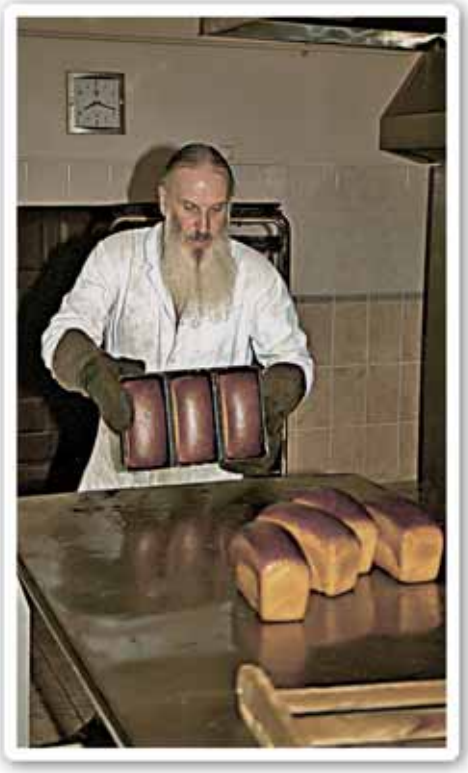
Своей жизнью отец Авель сохранил и продлил традиции, оберегавшиеся народом, несмотря на все гонения. Он крестил и венчал в семьях своих родных, в семьях родных близких друзей. Он отпевал и хоронил, он регулярно посещал дорогие могилы и служил службу, поминал усопших. Он окормлял семьи родных своих ушедших друзей. Он приходил на помощь в ситуациях, когда требовались совет и содействие. Очень наглядно видна

Благословение батюшки

помощь отца Авеля на примере семьи друга батюшки с детских лет владыки Никодима.

Батюшка окормлял его сестру и племянников, его тетушку, благодаря которой они познакомились (она работала учительницей в Никуличах, и мальчики после службы в храме шли в Никуличи: один – к себе домой, другой – к любимой тете). Родился племянник владыки Никодима, и батюшка принял участие в его судьбе. Крестил новорожденного владыка Ювеналий, крестил на дому – времена были непростые. А наутро батюшка, служивший тогда в кафедральном Борисоглебском соборе Рязани, взял новорожденного на руки, вошел в алтарь храма и долго там с ним пребывал, молился.

Отец Авель многие годы дружил с отцом владыки Никодима Георгием Ивановичем. С тем, про которого недобросовестные журналисты писали как о функционере из райкома партии, который чуть ли не проклял своего сына-монаха. Во всем этом нет и толики правды. Отца друга батюшки забрали в армию, и он попал на войну – Финскую. «На той войне незнаменитой», как писал поэт, он стал коммунистом (как вступали в партию



на фронте – это особая тема). Но фактом является то, что батюшку Авеля связывали долгие годы дружбы с отцом его друга. Они часто беседовали на духовные темы и вместе молились в храме...

Рассматриваешь семейные фотографии и видишь: само появление батюшки на семейных праздниках переводило все течение события в русло доброй традиции. Хотя, казалось бы, какое отношение может иметь монах к желанию современной молодежи, например, собраться на природе? Но поведение, разговоры, контакты в его присутствии принимали иную форму: мягкую, задушевную, теплую. И постепенно застолье напоминало традиционную форму русского чаепития, когда разговор за столом важнее угощения.

Очень интересной является тема отношения батюшки Авеля к медицине.

Жизнь сложилась так, что батюшке самому не раз приходилось лечить и выхаживать людей. В том числе в последний период их жизни. Он не часто говорил на эту тему, но достаточно вспомнить, что долгое время из 15 насельников Русского монастыря на Афоне только трое были ходячими...

Батюшка знал народную медицину, оздоровительные процедуры, связанные с баней, традиционное закаливание, лечение медом и травами. Он хорошо разбирался в вопросах питания – эти знания, по-видимому, он систематизировал на Афоне, управляя монастырем. Очень интересны были его познания в области православной, греческой, монастырской кухни. В Богословском монастыре архимандрит Авель и владыка Иосиф развивали идею, что в допетровские времена в рационе питания населения в большой мере присутствовали крупы, что это более правильно, чем питание картофелем. К тому же и хранить зерно, крупу легче, чем картофель.

Отец Авель содействовал направлению развития производства экологически чистых продуктов в Рязанской области, интересовался успехами

этого направления на подворье Софийского собора у отца Геннадия (недалеко от Царского Села).

В монастыре создана великолепно оснащенная пекарня. Изюминкой всего производственного процесса является технология и рецептура, специально разработанная для монастырских условий человеком, который всю жизнь работал над технологеий выпечки хлеба в необычных ситуациях – на атомной подводной лодке, на борту космической станции, на станции в Антарктиде.

Архимандрит Авель около девяти лет жил на Афоне в Свято-Пантелеимоновом монастыре и особо почитал целителя Пантелеимона. Его отношение к современной медицине было положительным, к врачам он относился с уважением, с полным пониманием их роли и миссии. Батюшка Авель хранил посох святителя Луки (Войно-Ясенецкого), великого хирурга, – он почитал его.

Много раз батюшка освящал больничные палаты, хирургические кабинеты и палаты реанимации.

Насколько нам известно, у отца Авеля расхождения с традиционной медициной касались взглядов на посмертное вскрытие умершего (если это не связано с какой-то необходимостью), на шокирующие методы интенсивной реанимации, когда людей буквально с того света доставали и оживляли.

Медицинская тематика присутствовала в его разговорах с прихожанами и паломниками очень часто. Иногда медицинская тема была связана со святым источником возле монастыря, известным своими целебными свойствами. Случаев помощи много и сегодня. Батюшка сетовал, что надо бы их регистрировать тщательнее, описывать подробнее, документировать.

Батюшка Авель за свою долгую жизнь успел сделать многое, что не каждому по плечу. Многое им сделанное еще предстоит осмыслить, оценить.

Одним из таких свершений является возрождение из руин древнейшей русской обители – Свято-Иоанно-Богословского монастыря, возрождение иноческой жизни. Священномученик Философ Орнатский писал: «...основание обители считается лучшим камнем в венце преподобных отцов, основателей монастырей». Наше время останется в исторической памяти народа возрождением святых обителей на развалинах антихристианского государства, на пепелище страны, имевшей великое прошлое. Великие труды были положены новоначальной братией при устроении монастыря среди народа отчаявшегося, униженного, обнищавшего. У стариков украли

похоронные деньги, у молодых украли надежду на получение работы и образования, на создание полноценной семьи с собственным домом и детьми. Исчезли перспективы профессионального роста у военных и ученых, у врачей и деятелей искусства.

Сегодня уже не вспоминают, как и куда исчезли огромные накопления Пенсионного фонда бывшего государства, куда делась огромная собственность профсоюзов в виде здравниц, санаториев, спортивных баз. Страну ограбили так же, как после революции ограбили Русскую Православную Церковь. Православную Церковь, создававшую нашу страну, воспитывавшую это население, формировавшую литературный язык, культуру и искусство, основы культуры земледелия, природопользования, создавшую первые в стране библиотеки и центры образования...

Свято-Иоанно-Богословскому монастырю выпала особая роль в воцерковлении народа земли Рязанской в новых исторических условиях, и имя архимандрита Авеля останется в сердцах народа православного.

Многое, очень многое из услышанного от батюшки не вошло в данное издание и, несомненно, прорастет новыми всходами в других проектах и книгах.

Например, в наших беседах то и дело всплывали темы духовности и власти, сакральности власти, темы православия и русской армии, будущего исторического пути России и роли Русской Православной Церкви.

Как-то разговорились о возвращении в Болгарию потомков царской династии, о политической жизни в Болгарии. Были затронуты вопросы православия, его роли в государстве, исторические пути Болгарского государства, вопросы отношений Болгарии и России. Мнение батюшки по этим вопросам было очень интересным!

По разным поводам возникали темы Сербии, Греции, Афона. Вопросы о судьбе Русской Православной Церкви в далеком зарубежье, в бывших союзных республиках...

Иногда поводом для разговора были его контакты с приезжавшими в монастырь посетителями. Как-то приехали в монастырь двое людей из Грузии. И выяснилось, что они очень давно в глаза не видели... обыкновенного хлеба! В столице как-то жизнь еще сохранила свои организационные формы, а в глубинке уже давно батона или каравая хлеба не найти. Его физически нет, только самодельные домашние лепешки...

Продолжая работать над новыми книгами, подбирая литературу, работая с источниками, я часто вспоминаю отца Авеля. Так и хочется обсудить с ним прочитанное, услышанное.

Вот открыл книгу, подаренную академиком Харченко «Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий): «Я полюбил страдание...» Автобиография» (М., 1996). Буквально на первых страницах высказывания, которые резонируют со словами батюшки.

«...Многие в наши дни говорят о гибели России, многие желали бы видеть ее конечное разрушение, чтобы не было больше Святой Руси и сама память о ней изгладилась бы бесследно из сердец человеческих. Но вот строчки, написанные нашим святым соотечественником равноапостольным Николаем, архиепископом Японским († 1912): «Жизнь и отдельного человека, тем более каждого народа и, несомненно, всего человечества, проходит периоды, назначенные ей Творцом. В каком же возрасте теперь человечество со времени рождения его в новую жизнь? О, конечно, еще в юном! Две тысячи лет для такого большого организма совсем небольшие годы. Пройдут еще многие тысячи лет, пока истинное Христово учение и оживотворяющая благодать Святого Духа проникнут во все члены этого организма. Правда Божия сего требует. Истина Христова всею своею силою должна войти в человечество и произвести полное свое действие». *(Письмо от 10 ноября 1909 года)*

«...Что до родимого нашего русского народа, к которому мы имеем честь и счастие принадлежать, то я тоже твердо убежден, что он еще на пороге своей исторической жизни и что сомневаться в его будущем и тем более отчаиваться за него просто грех...» *(Письмо от 2 апреля 1910 года)*

«А нам разве не видится или, по крайней мере, не грезится светлое будущее России? Ужели Господь создал такой многочисленный народ и вместе такое необъятное тело Церкви только для того, чтобы отдать его на

съедение червям? Разве Россия развила все свои силы на таланты, заложенные в ее организме, и изжила их? Нет, по всем признакам она молодое историческое тело, возрастающее на смену стареющих организмов. Думать иначе было бы хулою на промысл Божий». *(Письмо от 10 июня 1911 года)*

Это было написано уже после кровавых ужасов 1905 года, после «репетиции революции» (Архиепископ Никон (Рождественский). Мои дневники. М., 1914).

А святой патриарх-исповедник Тихон пророчествовал: «Как быстро и детски доверчиво было падение народа русского, развращаемого много лет несвойственной нашей христианской стране жизнью и учениями, так же пламенно и чисто будет раскаяние его, и никто не будет так любезен сердцу народному, как пастырь родной его Матери-Церкви, вызволившей его из египетского зла».

После очередной экспедиции, паломнической поездки батюшка нас очень обстоятельно расспрашивал. Как-то само собой разумелось, что нам надо приехать к нему и все подробно рассказать.

Поездка по Святой земле, в Бари, на Патмос, на Керкиру (Корфу), поездка по Малой Азии – Патары, Миры Ликийские, Эфес, Константинополь, поездка на Синай – все его искренне интересовало, все находило его живой отклик.

Но особенно его интересовали афонские впечатления. Он радовался нашим встречам, нашим «открытиям», дополнял наши впечатления своими – за восемь лет он исходил весь Афон. С интересом рассматривал привезенные фотографии.

В наших поездках по Северному Причерноморью в рамках проекта изучения ранних цивилизационных контактов он усмотрел совершенно самостоятельное направление – изучение раннехристианских памятников на территории России и Украины. Он подчеркивал важность возобновления такого рода исследований, прекратившихся в годы советской власти. Возможно, мы подготовим отдельное издание на эту тему...

В связи с нашими поездками по Украине его интересовало тревожное положение дел с Православной Церковью, с усилением позиций католичества и униатства, наметившимся церковным расколом.

Много времени мы уделяли рассказам о наших поездках по монастырям России. Валаам, Коневец, Соловки, Тихвин – десятки состоявшихся поездок, встреч с интересными людьми дали пищу для размышлений, анализа происходящих в обществе перемен.

Встреча с батюшкой

Пожалуй, одни из самых трогательных наших совместных с батюшкой воспоминаний касались Ярославля.

Ярославль – моя вторая родина. Я приехал в этот древний русский город 16-летним пареньком и поступил в военное училище. С Ярославлем связана пора моего взросления, возмужания. Здесь я осознал красоту архитектуры, здесь постигал высоты искусства в музеях, художественных галереях и на выставках, здесь я полюбил театр. В Ярославле я впервые зримо прикоснулся к истории, и этот интерес к нашим корням живет во мне и сейчас.

Я часто бываю в Ярославле, у меня здесь много друзей и знакомых. В Ярославле много друзей и знакомых осталось у батюшки Авеля. И город совершенно по-новому для меня раскрылся в его воспоминаниях.

Отец Авель впервые приехал в Ярославль будучи немного старше меня (ему было 20 лет), и я имел возможность сравнить наши впечатления. Места его служения – город Углич, затем село Федоровское за Ярославлем по дороге на Тутаев, Феодоровский собор в Ярославле – все это мне знакомо.

При подготовке к этому изданию мы совершили несколько поездок по местам служения батюшки Авеля.

Село Федоровское... От села осталось только название, красивый храм на заросшем холме, большое кладбище да несколько строений рядом с церковью. Подъем на колокольню по древним деревянным ступеням преодолеть можно, только поборов чувство страха. Каменная часть лестницы крутая и настолько узкая, что вдвоем разойтись невозможно. В стенах колокольни сохранилась монашеская келья. В трех ее стенах пробиты маленькие окна, очень похожие на бойницы. А дверь кельи – старинная и тяжелая, кованая из железа, толщиной в несколько сантиметров.

На верхней площадке испытываешь незабываемое чувство полета. Ласточки пронизывают упругий воздух совсем рядом. Вокруг холма – волнами ходит море спелой пшеницы. На горизонте видны новостройки на окраине Ярославля (до города – около 10 километров). С другой стороны – вдалеке купола церквей в Тутаеве (до Тутаева тоже примерно 10 километров).

Храм во имя Смоленской иконы Божией Матери построен в 1780 году. Каменный, пятиглавый, с ярусной колокольней – он и сейчас, не отреставрированный, производит очень приятное впечатление. Престолов три: во имя Смоленской иконы Божией Матери; во имя Спаса Нерукотворного образа; во имя Святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца.

Когда строили храм, заметили, что колокольня накренилась, начали строить другую, но та тоже накренилась. Так она и стоит до сих пор наклоненная, без единой трещинки.

В XVIII веке село Федоровское считалось богатым, в приходе насчитывалось более 700 человек. Сейчас села уже нет, но люди приезжают из близлежащих деревень и городов. Кладбище возле церкви – посещаемое, могилки небогатые, но ухоженные. В паре метров от стен храма есть три одинаковые могилки. По преданию, здесь похоронены строители церкви. На их надгробиях кладка такая же, как и у церковных стен, а кресты отлиты и выкованы, как решетки на церковных окнах.

Прихожане рассказывают, что Смоленская икона Божией Матери, во имя которой возведен храм, чудотворная и приносит исцеление. На праздничное богослужение в честь Смоленской иконы Божией Матери собирается до 150 человек.

Храм никогда не закрывался. И в военные, и в послевоенные годы сюда шли и шли верующие из Ярославля. Ведь единственным действующим храмом в Ярославле оставалась небольшая зимняя Никольская церковь возле закрытого Феодоровского собора. Да и та была отдана «обновленцам», и лишь сбоку вела лестница в маленькую церковь на втором этаже, где служил владыка Димитрий.

В церковь села Федоровское как-то приехал молодой монах отец Никодим. Он ужаснулся разрухе и бедности, в которой безропотно жил отец Авель. Прихода и организованной приходской жизни по сути дела нет, продуктов нет, денег нет, но жить было нужно – уйдешь, и церковь власти скоренько закроют, а другой поблизости нет на десятки километров.

Церковь памятна еще и тем, что здесь произошла первая встреча отца Авеля и молодого рабочего Сергея Новикова, будущего митрополита Симона. В своих воспоминаниях митрополит писал: «...Моя жизнь изменилась, когда в Смоленский храм в селе Федоровском приехал отец Авель из Рязани. Батюшка, заметив, вероятно, мои устремления, написал мне характеристику для поступления в семинарию. И я благодарен отцу Авелю, наставившему меня на этот путь. В 1950 году я поступил в Московскую семинарию, было мне тогда 22 года...»

Здесь в уединении, среди полей пшеницы молодой монах отец Авель выхаживал на каникулах больных семинаристов, отпаивал парным козьим молоком, спасал больных туберкулезом, от которых уже отказались врачи...

Отсюда отец Авель ходил в Тутаев. Когда-то искусственно объединили два старинных города на берегах Волги – Романов и Борисоглебск –

в один. Но слияния так и не произошло: моста нет, а паромная переправа – соединение довольно-таки условное. Отец Авель вспоминал о старинных храмах, во множестве сохранившихся в Романове и Борисоглебске, но безмолвных в то далекое время его ярославского служения.

Церковь села Федоровское производит незабываемое впечатление: тишина, красота и покой русской природы, кудрявые барашки облаков в синем-синем небе, потрясающие закаты и рассветы...

Ярославский собор во имя Феодоровской иконы Божией Матери занимал особое место в воспоминаниях батюшки. Чудотворная икона связывается в русской истории с избранием на царство Михаила Федоровича Романова. Когда после долгой Смуты собрался Собор для избрания царя, в Ипатьевский монастырь около Костромы, где укрывался Михаил Федорович, отправилось посольство, чтобы просить его на царство. Посланники несли с собой из Москвы Владимирскую икону Божией Матери, а в Костроме взяли с собой и Феодоровскую икону Божией Матери. Предстали они перед матерью юного Михаила, старицей Марфой, и просили ее отпустить сына на царство. После первого отказа матери, ссылавшейся на молодость Михаила, архиепископ Рязанский Феодорит взял в руки икону Божией Матери и обратился к Марфе и Михаилу со следующими словами: «Для чего же иконы Пресвятой Владычицы шествовали с нами в далекий путь? Если нас не слушаетесь, то ради Богоматери склонитесь на милость и не прогневайте Господа Бога». Против таких слов старица Марфа не смогла устоять: она упала перед Феодоровской иконой на колени и сказала: «Да будет воля Твоя, Владычице! В Твои руки предаю сына моего. Наставь его на путь истинный, на благо Себе и Отечеству!» Так перед этой иконой был призван на царство первый царь из дома Романовых.

История обращения архиепископа Рязанского к первому царю из династии Романовых с этой иконой в руках имела для отца Авеля особое значение.

Сегодня Феодоровский храм в Ярославле возобновлен, отреставрирован. Вокруг благоустроен старинный парк. На колокольне гудят-звенят колокола. Именно здесь отец Авель впервые увидел звонницу с колоколами, тогда это было в диковинку.

Нас, конечно, интересовало маленькое помещение во втором этаже Никольской зимней церкви (1691), где начинал возле Феодоровского собора служить владыка Димитрий.

Путеводители сообщают следующее: «Рядом с Феодоровской церковью находится другой памятник архитектуры XVII века – церковь Николы Пенского. Построена в 1691 году. Церковь трапезного типа. В 1890-х годах

с северной стороны была сделана двухэтажная пристройка в русском стиле. Интересна колокольня с характерными для последнего десятилетия XVII века круглыми окнами вместо прежних «слухов».

Крутая лестница, дверь с запоминающейся бронзовой ручкой в форме сучка дерева открывает доступ в помещение с высоким потолком, украшенным живописными плафонами на манер петербургских дворцов. Живопись по типу итальянской салонной, но на библейские сюжеты. Много резного позолоченного дерева. С одной стороны помещения – окна, видны уходящие вдаль крыши города.

Помещение очень маленькое. И это все, что оставили власти верующим в городе, в котором до революции соборы исчислялись десятками!

Церковь Николы Пенского (зимний храм церкви Феодоровской иконы Божией Матери) изображена на цветных фотографиях Прокудина-Горского (русского изобретателя цветной фотографии) 1911 года. Хорошо видны крыльцо церкви и наклонный ход на второй этаж».

Нам было очень интересно узнать историю святынь Феодоровского собора. Житие святого благоверного князя Федора, его жизнь в столице Золотой Орды – Сарае, брак с дочерью хана Менгу-Темира, принявшей православие, – все это дало много информации для наших исследований становления самобытной православной восточнославянской цивилизации.

...Дома, в котором размещалось епархиальное управление, где жили правящий архиерей владыка Димитрий, секретарь владыки Димитрия молодой иеромонах Никодим и келейник владыки отец Авель, сегодня не существует. Место понадобилось для современной застройки, и памятное многим строение недалеко от Феодоровского собора было снесено...

...Мы поднялись к церкви Параскевы Пятницы на Туговой горе. Место историческое. Летом 1257 года в окрестностях Ярославля произошла битва между дружиной ярославского князя Константина Всеволодовича и монголо-татарами. Бились не на живот, а на смерть. Русская дружина была разбита. Эта трагическая битва зафиксирована в народном предании. Туга, или печаль, скорбь осиротевших, которые тужили по павшим в этом бою, оставила по себе память в названиях, дошедших до сегодняшних дней, – Тугова гора, Туговское кладбище. На этом кладбище тела убитых и были преданы земле.

На Туговском кладбище посетили могилу владыки Димитрия. Могилы владыки, его жены и дочери, погибших от тифа, ухожены, в оградке много

цветов. Владыка Димитрий владел пером, писал духовные стихи. Одна из его строк стала эпитафией.

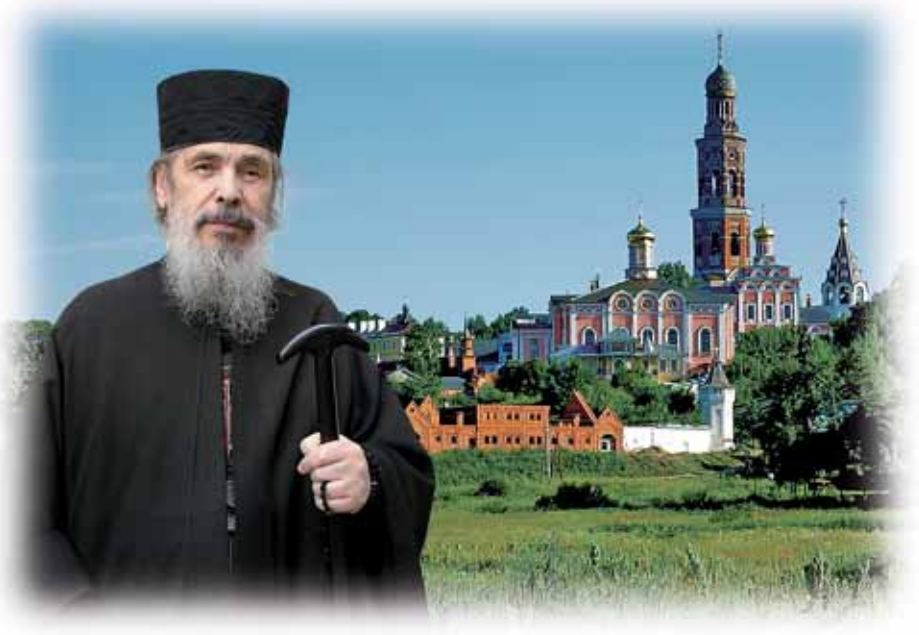
От могилы владыки открывается красивый вид на город, в котором он родился и вырос, который он так любил...

...Мы побывали и на другом кладбище. Здесь в полузатопленном подвале церкви святителя Леонтия Ростовского владыка Никодим и отец Авель разыскали место упокоения святителя Агафангела, митрополита Ярославского, одного из трех претендентов на патриарший престол на Соборе 1917–1918 годов. В далекие послевоенные годы большинству людей были незнакомы подробности этого тяжелейшего периода истории Русской Православной Церкви, и подвижники – владыка Никодим и отец Авель – по крохам собирали свидетельства, документы, фотографии, разыскивали и опрашивали стариков, находили могилы, находили святыни. Их усилия получили достойное завершение – спустя много лет мощи святителя Агафангела были обретены и ныне пребывают в Казанском женском монастыре Ярославля.

У этой церкви в июле 1918 года в ночь перед антибольшевистским восстанием собрались силы, которые на рассвете взяли вокзал, телеграф и объявили о низложении власти большевиков в городе Ярославле. Митрополит Ярославский Агафангел поддержал восставших. О расстреле царской семьи уже стало известно, и повсюду начался красный террор. Патриарх Тихон в это время находился неподалеку в Толгском монастыре. Ярославцы надеялись, что, как и в первую русскую смуту, здоровые силы народа русского пойдут ополчением из Ярославля на Москву и восстановят законность и порядок...

Но восстание было подавлено. Тяжелая артиллерия большевиков стреляла по Ярославлю, как по вражескому городу, разрушения были огромными. Владыка Димитрий (в то время только что рукоположенный патриархом священник одной из церквей на окраине Ярославля) во время этих событий пострадал, у него были перебиты обе ноги...

Казанский монастырь расположен практически в центре города. Ухоженная территория, красивые цветники, огромный собор, в котором активно ведутся реставрационные работы... В небольшой церкви рядом идет служба – прекрасное пение женского хора выливается в сад. В церкви и рядом много прихожан. Жизнь возвращается в традиционное для России русло, возрождаются искренность, доброта и духовность.



Рассказывая отцу Авелю о своих поездках в Ярославль, я понимал, что в его памяти оживают картины юности и молодости. Владыка Никодим писал, что ярославский период его жизни труднейший и одновременно счастливейший. Батюшка Авель полностью разделял это мнение...

Собирание сведений о труднейшем периоде русской истории – XX веке – имело для батюшки вполне ясный, определенный смысл. Он знал, что у России есть будущее. Он знал, что в этом будущем люди будут опираться на свои исторические корни, на сохраненные усилиями многих подвижников духовное наследие и идеалы предков, на веру в Русь Святую, веру в народ страстотерпцев и праведников, веру в чистоту, силу и многогранные таланты народа православного.

У Алексея Толстого в «Хождении по мукам» устами Ивана Телегина эта вера выражена хватающими за душу словами: «Даже если от нас останется лишь один уезд, Россия возродится!»

Отец Авель и бился за сохранение этого последнего рубежа. И в этом своем стремлении он, тонкий и незащищенный человек, встал вровень с богатырями – защитниками земли Русской на полях великих сражений. Его поле сражения обозначено предельно четко.

Работа над этим изданием подарила нам встречи с удивительными людьми, близко знавшими батюшку. Сколько светлых, талантливых, трудолюбивых людей сплотились вокруг него! Сколько людей помнят отца Авеля, благодарят Бога за встречу с ним и молятся за него!

Помянем и мы его в своих молитвах.

К Тебе, о Матерь Пресвятая,
Дерзаю вознести свой глас,
Лице, слезами омывая:
Услышь меня в сей скорбный час.
Прими мои теплейшие моленья,
Мой дух от зол и бед избавь,
Пролей мне в сердце умиленье,
На путь спасения наставь.
Да буду чужд своей я воли,
Готов для Бога все терпеть;
Будь мне покровом в горькой доле,
Не дай в печали умереть.
Ты всех прибежище несчастных,
За всех молитвенница нас!
О, защити, когда ужасный
Услышим судный Божий глас.
Когда заменит вечность время,
Глас трубный мертвых воскресит,
И книга совести все бремя
Грехов моих изобличит.
Стена ты верным и ограда:
К тебе молюся всей душой.
Спаси меня, моя Отрада,
Умилосердись надо мной.

Н.В. Гоголь

Год спустя после ухода батюшки

В мемориальных покоях архимандрита Авеля

Приложения

Архипастыри и священнослужители, упоминаемые в книге

1. Митрополит Никодим (Ротов) – (1929 – † 1978)
2. Митрополит Симон (Новиков) – (1928 – † 2006)
3. Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Поярков)
4. Митрополит Чебоксарский и Чувашский Варнава (Кедров)

5. Архиепископ Димитрий (Градусов, в схиме Лазарь) – (1881 – † 1956)
6. Архиепископ Филарет (Лебедев) – (1887 – † 1958)
7. Архиепископ Венедикт (Поляков) – (1884 – † 1963)
8. Архиепископ Николай (Чуфаровский) – (1884 – † 1967)
9. Архиепископ Алексий (Сергиев) – (1899 – † 1968)
10. Архиепископ Афанасий (Кудюк) – (1927 – † 2002)
11. Архиепископ Максим (Кроха) – (1928 – † 2002)
12. Архиепископ Мелхиседек (Лебедев)
13. Архиепископ Берлинский и Германский Марк (Ардндт)
14. Архиепископ Самарский и Сызранский Сергий (Полеткин)

15. Епископ Угличский Исаия (Ковалев) – (1882 – † 1960)
16. Епископ Борис (Скворцов) – (1895 – † 1972)
17. Епископ Амвросий (Кантакузен)
18. Епископ Иваново-Вознесенский и Кинешемский Иосиф (Македонов)
19. Епископ Люберецкий Вениамин (Зарицкий), викарий Московской епархии

20. Архимандрит Зосима (Мусатов) – (1849 – † 1934)
21. Архимандрит Илиан (Сорокин) – (1883 – † 1971)
22. Архимандрит Гавриил (Легач) – (1901 – † 1977)
23. Архимандрит Павел (Груздев) – (1910 – † 1996)
24. Архимандрит Ипполит (Халин) – (1928 – † 2002)
25. Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) – (1910 – † 2006)

Краткие биографические сведения об упоминаемых архипастырях и священнослужителях

Митрополит Никодим (Ротов)

Родился 15 октября 1929 года в деревне Фролово Кораблинского района Рязанской области.

17 августа 1947 года рукоположен во диакона, через два дня, в праздник Преображения Господня, архиепископ Димитрий (Градусов) совершил над ним монашеский постриг с именем Никодим.

20 ноября 1949 года рукоположен в сан иеромонаха и назначен настоятелем храма в честь Рождества Христова в селе Давыдово Толбухинского района Ярославской области. После этого иеромонах Никодим служил вторым священником Покровского храма в городе Переславле-Залесском, а 7 августа 1950 года был назначен настоятелем храма во имя святого царевича Димитрия в городе Угличе и благочинным Угличского округа.

В январе 1952 года иеромонах Никодим назначен клириком кафедрального собора в Ярославле и секретарем архиепископа Ярославского и Ростовского, затем ключарем собора и с декабря 1954 года исполняющим обязанности настоятеля.

Пастырское служение отец Никодим сочетал с богословским образованием.

В 1950 году он поступил на заочный сектор Ленинградской Духовной Семинарии, а по окончании Семинарии – в Ленинградскую Духовную Академию, которую окончил в 1955 году.

25 февраля 1956 года иеромонах Никодим назначен членом Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, затем заместителем начальника Миссии. 31 марта 1957 года митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) возвел отца Никодима в сан игумена с возложением палицы. 25 сентября этого же года игумен Никодим возведен в сан архимандрита.

10 июня 1957 года совершена хиротония архимандрита Никодима во епископа Подольского, викария Московской епархии.

28 августа 1960 года епископ Никодим назначен членом новоучрежденной Комиссии Священного Синода по межхристианским связям.

19 сентября того же года он назначен председателем Издательского отдела Московского Патриархата (этот пост он занимал до 14 мая 1963 года).

23 ноября 1960 года епископ Никодим назначен управляющим Ярославской епархией (эту должность он занимал до 4 августа 1963 года).

16 марта 1961 года владыка Никодим стал постоянным членом Священного Синода Русской Православной Церкви.

10 июня того же года он возведен в сан архиепископа.

3 августа 1963 года он назначен председателем Комиссии Священного Синода по вопросам христианского единства с возведением в сан митрополита.

4 августа того же года он назначен митрополитом Минским и Белорусским, а 9 октября – Ленинградским и Ладожским. С 7 октября 1967 года он носил титул митрополита Ленинградского и Новгородского.

Митрополит Никодим являлся автором нескольких последований святым угодникам Божиим.

Скончался 5 сентября 1978 года.

Митрополит Симон (Новиков)

Родился 5 февраля 1928 года в деревне Жолнино Даниловского района Ярославской области. В 1947 году познакомился с молодыми иеромонахами Никодимом (Ротовым, впоследствии митрополитом Ленинградским и Новгородским; † 1978) и Авелем (Македоновым, впоследствии архимандритом, наместником Свято-Иоанно-Богословского монастыря в Рязанской епархии, † 2006). Это были первые монахи, которых увидел молодой ярославец. Оба были родом из Рязани, но в то время служили в Ярославской епархии, куда приехали по благословению архиепископа Ярославского

и Ростовского Димитрия (Градусова, в схиме Лазаря; † 1956). Встреча оказалась решающей: будущий владыка понял, что монашество – его путь. Как писал позже владыка в своих воспоминаниях, именно отец Авель выхлопотал Сергею Новикову рекомендацию для поступления в Московскую Духовную Семинарию, где он учился с 1951 по 1955 год.

Московскую Духовную Академию будущий архипастырь окончил в 1959 году. 17 декабря 1958 года он зачислен в братию Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

28 декабря 1958 года Сергей Новиков пострижен в мантию с именем Симон – в честь преподобного Симона Радонежского, ученика Преподобного Сергия.

18 января 1959 года монах Симон рукоположен во иеродиакона, 12 апреля того же года – во иеромонаха.

С 1964 года он доцент по кафедре византологии, а с 1965 по 1972 год – инспектор Московской Духовной Академии и Московской Духовной Семинарии.

В 1964–1965 годах – настоятель Преображенского храма Троицкого Патриаршего подворья в селе Лукино под Москвой.

14 октября 1972 года в Покровском храме Московской Духовной Академии хиротонисан во епископа Рязанского и Касимовского. 9 сентября 1978 года возведен в сан архиепископа, 25 февраля 2000 года – в сан митрополита.

7 мая 2003 года владыка почислен на покой. Местом своей уединенной жизни митрополит Симон избрал Николо-Бабаевский монастырь в Некрасовском районе Ярославской области.

Скончался 1 сентября 2006 года.

Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Поярков)

Родился 22 сентября 1935 года в Ярославле. С 1946 года состоял в числе прислуживающих в алтаре Ярославского кафедрального собора при ярославских архипастырях.

В 1953 году, завершив среднее образование, поступил в Ленинградскую Духовную Семинарию, которую окончил по I разряду.

9 октября 1956 года во время обучения в 4-м классе семинарии в академическом храме во имя святого Иоанна Богослова поставлен во чтеца епископом Старорусским Сергием (Голубцовым).

В 1957 году поступил в Ленинградскую Духовную Академию.

10 октября 1959 года в Иоанно-Богословском храме при Ленинградской Духовной Академии пострижен в монашество архимандритом Никодимом (Ротовым) с именем Ювеналий в честь святителя Ювеналия, Патриарха Иерусалимского.

4 ноября 1959 года митрополитом Ленинградским и Ладожским Питиримом (Свиридовым) в Князь-Владимирском соборе Ленинграда рукоположен во иеродиакона.

1 января 1960 года епископом Лужским Алексием (Коноплевым) в Николо-Богоявленском соборе Ленинграда иеродиакон Ювеналий рукоположен во иеромонаха.

В 1961 году в патриаршем Богоявленском соборе на праздник Благовещения Святейший Патриарх Алексий I возложил на иеромонаха Ювеналия наперсный крест и набедренник.

7 июля 1962 года награжден саном игумена с возложением креста с украшениями, а 14 июля – правом ношения палицы.

21 февраля 1963 года возведен в сан архимандрита и назначен начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

22 декабря 1964 года освобожден от должности начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и назначен заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений.

26 декабря 1965 года хиротонисан во епископа Зарайского, викария Московской епархии. Архиерейскую хиротонию возглавил митрополит Ленинградский и Ладожский Никодим.

20 марта 1969 года назначен епископом Тульским и Белевским с оставлением в должности заместителя председателя Отдела внешних церковных сношений.

18 июня 1971 года за усердные труды по проведению Поместного Собора Русской Православной Церкви 30 мая – 2 июня 1971 года Святейшим Патриархом Пименом удостоен сана архиепископа.

27 апреля 1972 года удостоен Святейшим Патриархом Пименом сана митрополита.

30 мая 1972 года решением Святейшего Патриарха и Священного Синода назначен председателем Отдела внешних церковных сношений, постоянным членом Священного Синода.

16 апреля 1976 года в связи с празднованием 30-летия Отдела внешних церковных сношений удостоен Святейшим Патриархом Пименом права ношения двух панагий.

11 июня 1977 года назначен митрополитом Крутицким и Коломенским.

Митрополит Чебоксарский и Чувашский Варнава (Кедров)

Родился 21 апреля 1931 года в селе Высокое Рязанского района Рязанской области.

В мае 1955 года вступил в братство Троице-Сергиевой Лавры и был назначен помощником ризничего.

10 декабря того же года наместником Лавры архимандритом Пименом (Извековым) пострижен в монашество с наречением имени Варнавы.

9 марта 1957 года в Лаврском Крестовом храме во имя Филарета Милостивого рукоположен во иеромонаха.

В 1960 году возведен в сан игумена.

В 1965 году возведен в сан архимандрита.

В 1970 году назначен благочинным Лавры.

В 1971 году – участник Поместного Собора Русской Православной Церкви от братии Троице-Сергиевой Лавры.

30 ноября 1976 года в Сергиевом Трапезном храме Троице-Сергиевой Лавры хиротонисан во епископа Чебоксарского и Чувашского.

7 сентября 1984 года возведен в сан архиепископа.

В 2001 году возведен в сан митрополита.

Архиепископ Димитрий (Градусов; в схиме Лазарь)

Родился 14 июня 1881 года в Ярославле.

Окончил Ярославскую гимназию и Демидовский юридический лицей (в 1909 году).

С 1909 по 1919 годы состоял на гражданской службе по ведомству Министерства юстиции в Ярославле и Вологде.

В 1917 году избран членом Поместного Собора Русской Православной Церкви от Вологодской епархии.

9 декабря 1919 года рукоположен во пресвитера Московского Большого Успенского собора Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Тихоном.

С 1919 по 1942 год священствовал в Ярославле.

9 января 1943 года пострижен в монашество с именем Димитрий.

24 января 1943 года хиротонисан в Москве во епископа Можайского, викария Московской епархии.

С 24 августа 1943 года – епископ Ульяновский.

С декабря 1943 года по февраль 1944 года командирован для временного управления Орловской епархией.

В 1944 году – епископ Рязанский и Шацкий.

С 12 мая 1944 года – епископ Рязанский и Касимовский.

В 1945 году возведен в сан архиепископа.

С 13 января 1947 года по 31 июля 1954 года – архиепископ Ярославский и Ростовский.

31 июля 1954 года согласно прошению уволен на покой.

4 апреля 1956 года принял схиму с именем Лазарь.

Скончался 10 апреля 1956 года в Ярославле.

Архиепископ Филарет (Лебедев)

Родился 9 июня 1887 года в Рязани.

В 1908 году окончил Рязанскую Духовную Семинарию.

С 1915 по 1918 год – полковой священник.

С 1918 по 1940 год служил в Рязанской епархии на разных приходах: в Никольской церкви Рязани, состоял с 1922 года благочинным церквей Рязанского уезда, в Рязанском кафедральном соборе, в соборе города Михайлова и в церкви города Тумы.

В 1923 году возведен в сан протоиерея.

С сентября 1943 года – настоятель Скорбященского храма в Рязани.

20 апреля 1948 года пострижен в монашество и возведен в сан архимандрита.

9 мая 1948 года хиротонисан в Патриаршем Богоявленском соборе во епископа Рязанского и Касимовского.

25 февраля 1951 года возведен в сан архиепископа.

27 марта 1951 года назначен архиепископом Рижским и Латвийским.

С 1 февраля 1952 года временно исполнял обязанности управляющего Литовской и Виленской епархиями.

Скончался 24 мая 1958 года.

Архиепископ Венедикт (Поляков)

Архиепископ Венедикт (Поляков) родился в Кишиневе 15 июля 1884 года. Среднее богословское образование получил в Духовном училище и в Духовной Семинарии в Кишиневе (1894–1905).

В ноябре 1905 года рукоположен в сан диакона, затем в сан священника и назначен настоятелем церкви в селе Баламутовка, где прослужил до 1908 года, когда по личной просьбе был переведен на приход в село Шолданешты.

В 1910 году поступил в Киевскую Духовную Академию, которую окончил в 1914 году.

В 1947 году пострижен в монашество с именем Венедикт и хиротонисан во епископа Кишиневского и Молдавского. В Кишиневской епархии епископ Венедикт прослужил до июля 1948 года, а затем определением Святейшего Патриарха и Священного Синода назначен на Ивановскую кафедру, где получил сан архиепископа.

С 1948 по 1956 год архиепископ Венедикт был управляющим Ивановской епархией; здесь же 27 ноября 1955 года он отметил 50-летие своего служения в священном сане.

В 1956 году переведен в Житомирскую епархию, а в 1958 году по личному прошению, ввиду болезни, уволен на покой. Последние годы прожил в Кишиневе в кругу родных.

Скончался 6 декабря 1963 года.

Архиепископ Николай (Чуфаровский)

Архиепископ Николай (Чуфаровский) родился 13 ноября 1884 года в селе Чуфарово Ростовского уезда Ярославской губернии.

14 ноября 1910 года рукоположен во священника.

В 1918 году возведен в сан протоиерея. С этого времени и до 1944 года протоиерей Александр Чуфаровский проходил пастырское служение в должности настоятеля в приходах Ярославля и Ярославской области, в том числе был настоятелем Феодоровской церкви в Ярославле (1936–1940).

В 1931 году – настоятель Вознесенской церкви в городе Шуя Ивановской области, а в 1942 году – настоятель Воскресенской церкви в городе Буй Костромской области. Последним местом пастырского служения протоиерея Александра Чуфаровского был поселок Яковлевская слобода в Ярославле.

19 мая 1944 года отец Александр принял монашеский постриг с именем Николай. 20 мая 1944 года состоялось наречение, а 21 мая – хиротония архимандрита Николая во епископа Полтавского и Кременчугского.

23 мая 1944 года Преосвященный Николай назначен епископом Волынским и Луцким и в том же году – управляющим Тернопольской епархией.

С 3 января 1945 года – епископ Ижевский и Удмуртский.

С 30 октября 1946 года – епископ Астраханский и Сталинградский.

С 12 декабря 1947 года – епископ Орловский и Брянский.

С 19 октября 1949 года – епископ Ростовский и Новочеркасский.

С 27 марта 1951 года – епископ Рязанский и Касимовский. На этой кафедре он прослужил более двенадцати лет до ухода на покой по состоянию здоровья 1 июня 1963 года.

25 февраля 1959 года Преосвященный Николай возведен в сан архиепископа.

Скончался 7 марта 1967 года в Ярославле.

Архиепископ Алексий (Сергеев)

Архиепископ Алексий (Сергеев) родился 15 января 1899 года в Московской губернии.

В 1923 году поступил послушником в Смоленско-Зосимову пустынь Владимирской епархии.

В 1924 году рукоположен в сан диакона. В том же году переведен в Высокопетровский монастырь в Москве.

В 1927 году пострижен в монашество с именем Алексий. В 1928 году рукоположен в сан иеромонаха.

В 1932 году возведен в сан архимандрита.

20 мая 1935 года хиротонисан во епископа Каширского.

С 16 августа 1937 года – епископ Егорьевский, викарий Московской епархии.

С 1 сентября 1937 года – епископ Ивановский.

С декабря 1940 года – епископ Тульский, затем временно управлял Кишиневской епархией. С возведением в сан архиепископа назначен в 1941 году архиепископом Кишиневским и Бессарабским.

В 1942 году – архиепископ Уфимский.

С сентября 1942 года – архиепископ Рязанский.

С 11 июля 1943 года – управляющий Калужской и Тульской епархиями.

С мая 1944 года – архиепископ Ярославский и Ростовский.

Во второй половине 1945 года и в начале 1946 года архиепископ Алексий, исполняя послушание, возложенное на него Святейшим Патриархом Алексием и Священным Синодом, на протяжении нескольких месяцев находился в США, где занимался вопросами положения и жизни Русской Православной Церкви в Америке и ее отношений с другими местными юрисдикциями и инославными Церквами.

13 января 1947 года – архиепископ Курский и Белгородский.

С 17 марта 1950 года – архиепископ Калининский и Кашинский.

С 20 июля 1951 года – управляющий Великолуцкой епархией.

В марте 1957 года назначен архиепископом Алма-Атинским и Казахстанским и находился на этой кафедре до февраля 1958 года, когда был уволен на покой по болезни.

Скончался 6 апреля 1968 года в Москве.

Архиепископ Афанасий (Кудюк)

Родился в 1927 году в Белостокской области.

В 1945 году принят послушником в Успенский Жировицкий монастырь.

В 1948 году окончил Московскую Духовную Семинарию.

В 1950 году принял монашество с именем Афанасий и рукоположен во иеродиакона.

В 1952 году рукоположен во иеромонаха.

В 1958 году возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Никольского собора в Алма-Ате.

В 1961–1978 годах служил в Минской епархии.

С 1978 году – благочинный Свято-Успенского Жировицкого монастыря (Минской епархии).

31 августа 1980 года хиротонисан во епископа Пинского, викария Минской епархии.

В 1984 году назначен епископом Пермским и Соликамским.

В 1995 году возведен в сан архиепископа.

В марте 2002 года почислен на покой.

Скончался 1 мая 2002 года.

Архиепископ Максим (Кроха)

Родился 25 декабря 1928 года в деревне Черниговка Давлекановского района Башкирской АССР.

В 1947 году по окончании средней школы поступил в Ленинградскую Духовную Семинарию.

24 августа 1949 года пострижен в монашество.

17 апреля 1950 года рукоположен во иеродиакона.

В 1951 году окончил Духовную Семинарию и поступил в Ленинградскую Духовную Академию.

24 сентября 1954 года рукоположен во иеромонаха.

Пастырское служение проходил в Ленинградской, Ярославской и Минской епархиях.

В 1962 году возведен в сан архимандрита.

26 марта 1972 года хиротонисан во епископа Аргентинского и Южноамериканского.

15 декабря 1973 года освобожден от управления Аргентинской епархией и уволен на покой.

26 декабря 1974 года назначен епископом Омским и Тюменским.

7 сентября 1984 года возведен в сан архиепископа.

С 29 июля 1986 года – архиепископ Тульский и Белевский.

С 7 июля 1989 года – архиепископ Могилевский и Мстиславский.

Скончался 27 февраля 2002 года.

Архиепископ Мелхиседек (Лебедев)

Родился 26 января 1927 года в деревне Ново-Черкасово Шатурского района Московской области.

В 1946–1950 годах учился в Московской Духовной Семинарии.

В июле 1950 года рукоположен во священника.

В 1962 году поступил в Московскую Духовную Академию.

В 1963 году принял монашество с именем Мелхиседек.

17 июля 1965 года в Успенском Соборе Троице-Сергиевой Лавры хиротонисан во епископа Вологодского и Великоустюжского.

С 7 октября 1967 года – епископ Венский.

С 14 июля 1970 года – епископ Пензенский и Саранский.

9 сентября 1970 года возведен в сан архиепископа.

С 1975 по 1984 год владыка Мелхиседек – архиепископ Берлинский и Среднеевропейский, Патриарший Экзарх Средней Европы.

С 26 декабря 1984 года – архиепископ Свердловский и Курганский, управляющий Челябинской епархией.

С 25 сентября 1991 года в связи с возвращением исторического названия кафедрального города архиепископ Мелхиседек стал титуловаться «Екатеринбургским и Курганским». С 23 сентября 1993 года в связи с образованием Курганской епархии архиепископ Мелхиседек стал носить титул «Екатеринбургский и Верхотурский».

С 26 февраля 1994 года – архиепископ Брянский и Севский.

С марта 2002 года – на покое.

Архиепископ Берлинский и Германский и Великобританский Марк (Арндт)

Родился 29 января 1941 года в Саксонии.

В 1962 году поступил на историко-филологический факультет университета во Франкфурте. Изучение русского языка сблизило его здесь с эмигрантской общиной.

В 1964 году принял православие. Часто совершал поездки на Афон, где духовно сблизился с архимандритом Авелем.

В 1975 году рукоположен во диакона, принял монашеский постриг и затем был рукоположен во иеромонаха. Назначен на должность заместителя настоятеля русской церкви в Висбадене.

Летом 1976 года возведен в сан архимандрита.

30 ноября 1980 года хиротонисан во епископа. Назначен на Мюнхенскую и Южно-Германскую кафедру.

С 1982 года – епископ Берлинский и Германский.

В середине 80-х годов назначен управляющим Великобританской епархией и Александро-Невским приходом в Копенгагене.

В 1997 году назначен наблюдающим за делами Русской Духовной Миссии во Иерусалиме.

В 1993–1997 годах возглавлял диалог между двумя русскими православными епархиями (Московского Патриархата и Русской Православной Церкви за границей) в объединенной Германии.

С 2000 года – председатель Комиссии по вопросам единства Русской Церкви.

С 2003 года – председатель Комиссии Русской Православной Церкви за границей по переговорам с Московским Патриархатом.

13 мая 2008 года на Ахиерейском Соборе РПЦЗ избран первым заместителем Председателя Архиерейского Собора РПЦЗ.

Из интервью архиепископа Марка:

«В 1975 году я принял монашество... Мое первоначальное намерение было поступить на Афон, но не позволили греческие полковники, потому что не терпели иностранцев. По благословению своего архиерея, владыки Павла (Павлова), я поселился в Висбадене при храме и начал с самого первого дня жить по афонскому уставу.

Можно сказать, что мое призвание к монашеству очень сильно связано с отцом Авелем (Македоновым)... Я у него исповедовался в первый раз, когда попал на Афон, и это дало толчок к моему духовному развитию, к монашеству».

Архиепископ Самарский
и Сызранский Сергий (Полеткин)

Родился 14 апреля 1951 года в деревне Ханино Клепиковского района Рязанской области.

В 1972–1973 годах – иподиакон у архиепископа Рязанского и Касимовского Симона (Новикова).

В 1973–1977 годах учился в Московской Духовной Семинарии.

В 1977 году окончил Московскую Духовную Семинарию, в 1981 году – Московскую Духовную Академию, оставлен при академии профессорским стипендиатом.

26 апреля 1981 года рукоположен во диакона, а 24 июля 1982 года – во пресвитера.

Архимандрит Авель и будущий владыка Сергий

С 1983 года – клирик Ростовской епархии. В августе 1984 года назначен клириком Владимирского собора Ростова-на-Дону.

23 декабря 1984 года пострижен в монашество, а на следующий день возведен в сан архимандрита.

5 мая 1989 года хиротонисан во епископа Азовского, викария Ростовской епархии.

23 февраля 1993 года назначен епископом Самарским и Сызранским.

25 февраля 1998 года возведен в сан архиепископа.

Епископ Исаия (Ковалев)

Родился в 1882 году в городе Угличе Ярославской области. Образование получил в Рыбинском речном училище. Окончив его в 1903 году, более сорока лет (с 1903 по 1946 год) работал на речном транспорте.

9 июня 1946 года рукоположен во диакона Вознесенского храма города Спасска Рязанской области.

10 июня 1946 года пострижен в монашество.

1 февраля 1947 года рукоположен во иеромонаха.

В 1949 году возведен в сан игумена, а в 1951 году – в сан архимандрита.

С января 1951 года – эконом и казначей Ярославского архиерейского дома.

С 13 июня 1952 года – настоятель Феодоровского кафедрального собора Ярославля.

28 ноября 1954 года в возрасте 72 лет хиротонисан во епископа Угличского.

Управлял Ярославской епархией с 1954 по 1960 год.

Скончался 21 октября 1960 года в Ярославле.

Епископ Борис (Скворцов)

Епископ Борис (Скворцов) родился 30 сентября 1895 года в селе Стрешнево Данковского уезда Рязанской губернии.

В 1911 году Борис Скворцов поступил в Рязанскую Духовную Семинарию, которую окончил в 1917 году.

В 1930 году назначен настоятелем Борисоглебского собора.

В 1935 году переведен священником к Скорбященской церкви Рязани, а в 1938 году утвержден настоятелем этой же церкви. В 1942 году назначен епархиальным благочинным.

В 1944 году переведен в Никольский храм города Касимова. 10 января 1946 года вновь назначен священником к Скорбященской церкви Рязани и благочинным Рязанского округа.

С 28 июня 1946 года – настоятель Рязанского Борисоглебского собора.

В 1965 году пострижен в монашество с именем Борис и возведен в сан архимандрита.

21 февраля 1965 года хиротонисан во епископа Рязанского и Касимовского. Скончался 11 августа 1972 года.

Епископ Амвросий (Кантакузен)

Епископ Амвросий (Кантакузен) родился 16 сентября 1947 года в городе Вевэ (Швейцария).

Весной 1976 года в Женеве рукоположен во диакона, а 26 сентября этого же года – во пресвитера.

Весной 1978 года назначен на приход в Лозанна-Вевэ.

В 1991 году возведен в сан протоиерея.

6 сентября 1993 года пострижен в монашество.

26 сентября 1993 года хиротонисан во епископа Вевэйского.

19 мая 2006 года почислен на покой согласно поданному прошению.

Епископ Иваново-Вознесенский и Кинешемский Иосиф (Македонов)

Родился 11 сентября 1964 года в Рязани.

В июле 1991 года подал прошение о принятии в братию Свято-Иоанно-Богословского мужского монастыря Рязанской епархии.

16 июля 1991 года пострижен в иноки, 1 августа – в монахи с именем Иосиф в честь святого праведного Иосифа Обручника.

28 июля 1991 года рукоположен во иеродиакона, а 28 августа того же года – во иеромонаха. 20 февраля 1992 года назначен благочинным Свято-Иоанно-Богословского монастыря, 1 сентября 1993 года – помощником наместника монастыря.

26 сентября 1994 года назначен благочинным монастырей Рязанской епархии.

Указами Святейшего Патриарха Алексия II: 23 февраля 1992 года возведен в сан игумена, в 1993 году награжден палицей, в 1995 году – крестом с украшениями.

В июне 1998 года окончил Московскую Духовную Семинарию по I разряду и поступил в Московскую Духовную Академию.

Окончил Московскую Духовную Академию в 2003 году.

18 августа 1998 года возведен в сан архимандрита.

8 сентября 1998 года хиротонисан во епископа Шацкого, викария Рязанской епархии. 25 марта 2004 года назначен настоятелем Свято-Иоанно-Богословского мужского монастыря в селе Пощупово Рязанского района Рязанской области.

Решением Священного Синода от 19 июля 2006 года назначен епископом Иваново-Вознесенским и Кинешемским.

Епископ Люберецкий Вениамин (Зарицкий),
викарий Московской епархии

Родился 12 сентября 1953 года в селе Стодульцы Жмеринского района Винницкой области.

В 1973 году – иподиакон епископа Рязанского Симона (Новикова), с 1974 года исполнял послушание чтеца в Успенском соборе города Кинешма Ивановской области.

30 марта 1975 года рукоположен во диакона, 6 апреля – во иерея, служил в кафедральном Преображенском соборе города Иваново, затем настоятелем Знаменской церкви села Красное Палехского района Ивановской области.

27 мая 1977 года пострижен в монашество.

16 декабря 1977 года принят в клир Орловской епархии, назначен настоятелем церкви Рождества Христова в городе Болхове Орловской области.

С 3 октября 1978 года – настоятель Никольской церкви в поселке Кромы Орловской области. 25 марта 1982 года возведен в сан игумена.

В 1985 году окончил Московскую Духовную Семинарию.

В 1987 году назначен секретарем Орловского епархиального управления. 6 июня того же года возведен в сан архимандрита, а 7 июля назначен настоятелем Никитского кафедрального собора в Орле.

С 1 января 1989 года исполнял послушание эконома-строителя Иоанно-Богословского монастыря Рязанской епархии. 11 декабря 1990 года командирован для служения в Николо-Угрешский монастырь.

12 июня 1992 года назначен наместником Николо-Угрешского монастыря. 6 октября 1999 года назначен ректором семинарии при Николо-Угрешском монастыре.

14 августа 2003 года хиротонисан во епископа Люберецкого, викария Московской епархии.

Архимандрит Зосима (Мусатов)

Архимандрит Зосима (Мусатов) – последний настоятель Рязанского Свято-Иоанно-Богословского монастыря перед закрытием обители в 20-е годы XX века.

Родился 5 февраля 1849 года в селе Ходынино Рязанского уезда.

2 января 1872 года Алексей Мусатов облечен в рясофор.

29 августа 1879 года пострижен в монашество с именем Зосима. 15 марта 1881 года рукоположен в иеродиакона, а 9 июня 1885 года – во иеромонаха.

После смерти в 1925 году настоятеля монастыря архимандрита Тихона (Преображенского) иеромонах Зосима избран братией новым настоятелем.

26 сентября 1925 года епископом Ранненбургским Мефодием возведен в сан игумена. 25 июля 1927 года им же возведен в сан архимандрита.

В сентябре 1931 года архимандрит Зосима осужден на три года ссылки в Казахстан. Из-за преклонного возраста и болезни наказание было определено условно.

Скончался архимандрит Зосима в селе Ходынино 27 марта 1934 года и был погребен у местного приходского храма Преображения Господня.

В 1992 году честные останки архимандрита Зосимы торжественно перенесены в Свято-Иоанно-Богословский монастырь.

Афонский старец схиархимандрит Илиан (Сорокин)

Игумен Русского Пантелеимонова монастыря на Святой Горе Афон схиархимандрит Илиан, в миру Иван Михайлович Сорокин, родился в 1883 году в Ярославской губернии.

С 1902 по 1905 год был послушником в Глинской пустыни, в 1905 году при игумене Нифонте поступил в братство Пантелеимонова монастыря на Святой Горе.

В 1908 году был пострижен в монашество с наречением имени Илиан – единого от 40 мучеников. Имя это означает «солнечный», и жизнью своей он оправдал его. Отец Илиан был не только для братии своего монастыря, но и для всех приходящих и даже находящихся в других государствах солнечным лучом, который всех согревал и освещал. Его советам внимали

многие живущие в миру, писали письма ему, даже письменно присылали исповедь. И он отвечал всем.

С 1911 по 1932 год отец Илиан нес послушание в благодетельской канцелярии и в 1932 году был послан со сбором в Сербию, где и был рукоположен в иеромонаха. По возвращении в обитель выполнял различные послушания. Был духовником; часто приходилось и ночью ходить в больницу напутствовать умирающих старцев, постригать в схиму, читать отходную или просто утешать болящих. К каждому шел с отеческой любовью, со словом утешения. Нес он послушание в монастырской библиотеке и ризнице.

С 1949 года состоял членом соборного старчества, в 1958 году, после смерти игумена Иустина, уроженца Рязанской губернии, отец Илиан был избран и утвержден игуменом Пантелеимонова монастыря.

Воистину он был отец чадолюбивый, всегда и везде служил примером для братии, первым приходил на все церковные службы и последним уходил. Даже в последние дни своей жизни, обремененный болезнями, когда силы его заметно оставляли, он продолжал ежедневно посещать все Божественные службы. Никто не видел его печальным. Прегрешения братии он старался покрыть своей любовью, никого не наказывая, и этим каждого приводил к исправлению.

5 января (по старому стилю) 1971 года, в канун праздника Богоявления при праздничном, на всенощном бдении, звоне монастырских колоколов, на 88-м году своей праведной и многоподвижнической жизни тихо и блаженно почил о Господе старец схиархимандрит Илиан, игумен Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. «Это был человек большой духовной мудрости и доброты, старец, которых сейчас так мало», – писал архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий в соболезновании братии монастыря.

Схиархимандрит Гавриил (Легач)

Игумен Русского Пантелеимонова монастыря на Святой Горе Афон схиархимандрит Гавриил, в миру Георгий Васильевич Легач, родился в 1901 году в селе Копашнево Хустского района Закарпатской области в семье крестьянина. По его словам, он ни одного дня не был в школе. Родной дед научил его читать и писать. При хорошей памяти он за короткое время освоил домашнее образование. Вспоминая детство, он рассказывал о том, как однажды упал и сильно ушибся. В последние годы жизни отец Гавриил жаловался на болезнь, которую считал следствием того случая.

На 23-м году жизни Георгий Легач, стремившийся к совершенной духовной жизни, решил уйти на Святую Гору Афон. Вместе с несколькими земляками в 1924 году он прибыл в Русский Пантелеимонов монастырь, куда был принят послушником. В 1926 году Георгий был пострижен в мантию с наречением имени Гавриил.

В 1937 году был рукоположен во иеродиакона, а в 1949-м – во иеромонаха.

Послушание в течение многих лет, с начала пребывания в обители, он нес в кровельной мастерской. С удивлявшим братию бесстрашием он выполнял работы по ремонту и окраске кровель. Монастырское начальство посылало его и на другие послушания.

Все, кто его знал, говорят о его особом трудолюбии. Если отец Гавриил не был в храме или на келейной молитве, то непременно был занят трудом. Он позволял себе лишь незначительный отдых ночью. Более чем за 50-летнюю жизнь в обители не было случая, чтобы он когда-либо с кем-то празднословил.

Отец Гавриил любил храм. Ежедневно, утром и вечером, он приходил в храм на службу. И если не был служащим-чередным, то пел и читал на клиросе. Молился и служил отец Гавриил всегда в Пантелеимоновом соборе. Он отлично знал Устав церковных служб, и в частности усложненный Устав Пантелеимонова собора, где соединяются русская и греческая службы. Отец Гавриил свободно служил по-гречески, хорошо читал греческое Евангелие, которое перед службой не раз прочитывал.

Духовное руководство над ним имели старцы высокой духовной жизни. Сначала это был старец Синесий, затем старец схимонах Варнава, много лет трудившийся в кровельной († 1947), и, наконец, старец Ксанфий. Многополезную для спасения духовную мудрость получил у сего старца отец Гавриил, как он сам свидетельствовал об этом.

Это был инок-молитвенник. Он всегда творил молитву Иисусову. В келье в ночное время отец Гавриил почти не пользовался светом: молитвы келейного правила он прочитывал на память.

После кончины игумена обители схиархимандрита Илиана († 5/18 января 1971 года) его преемником был избран и поставлен 26 апреля 1971 года схиархимандрит Гавриил. Но недолго он был игуменом. По старческой немощи и склонности к уединению отец Гавриил пожелал остаться помощником игумена. Игуменом был избран 30 июня (13 июля) 1975 года архимандрит Авель (Македонов).

Час мирной кончины отца Гавриила пришел в Неделю 3-ю по Пятидесятнице, в день празднования чтимой Тихвинской иконе Божией Матери – 26 июня (ст. ст.) 1977 года. Тело его по местному афонскому обычаю было завернуто в мантию и перенесено в Пантелеимонов собор.

На следующий день была совершена заупокойная Божественная литургия, после которой игумен монастыря архимандрит Авель совершил чин монашеского отпевания. Молились вся братия обители и близко знавшие его монахи из греческих монастырей. Отец игумен сказал трогательное слово, отметив совершенный отцом Гавриилом подвиг терпения, смирения и молчания. С пением «Святый Боже...» тело усопшего было обнесено вокруг собора и опущено в могилу, в которой прежде хоронили других игуменов, – у правой, южной, стены Пантелеимонова собора.

Архимандрит Павел (Груздев)

Родился 10 января 1910 года в деревне Барок Мологского уезда Ярославской губернии.

13 мая 1941 года Павел Груздев арестован по делу архиепископа Ярославского Варлаама (Ряшенцева). На допросах его избивали, слепили ему глаза, он потерял зубы и начал терять зрение. За верность Церкви получил шесть лет лагерей и три года ссылки. С 1941 по 1947 год находился в Вятлаге. Спасали его в эти годы вера, молитва и любовь к труду.

В 1947 году вернулся из лагеря домой в Тутаев, но вскоре, в декабре 1949 года, его снова арестовали и сослали в Казахстан, в Петропавловск, на вольное поселение. До августа 1954 года работал чернорабочим в облстройконторе и в свободное время исполнял обязанности уставщика и чтеца в соборе святых апостолов Петра и Павла. По возвращении домой в Тутаев

жил с родителями. 21 января 1958 года реабилитирован, что дало ему возможность подать прошение о рукоположении в священный сан.

9 марта 1958 года в кафедральном Феодоровском соборе в Ярославле рукоположен епископом Угличским Исаией во диакона, а 16 марта – во пресвитера.

Отец Павел назначен настоятелем церкви села Борзова Рыбинского района, а в марте 1960 года переведен настоятелем Троицкого храма в село Верхне-Никульское Некоузского района.

В августе 1961 года священник Павел Груздев архиепископом Ярославским и Ростовским Никодимом пострижен в монашество, к чему давно стремился.

За многолетнюю усердную службу отец Павел в 1963 году награжден Патриархом Алексием I наперсным крестом, в 1966 году возведен в сан игумена, в 1983 году – в сан архимандрита.

В конце 1980-х годов отец Павел стал быстро терять зрение и почти ослеп. В 1992 году ушел за штат по состоянию здоровья, поселился в Тутаеве, при Воскресенском соборе, где продолжал служить, проповедовать и принимать народ, несмотря на тяжелую болезнь и плохое зрение. Священники и миряне находили у него ответы на жизненные вопросы и получали утешение.

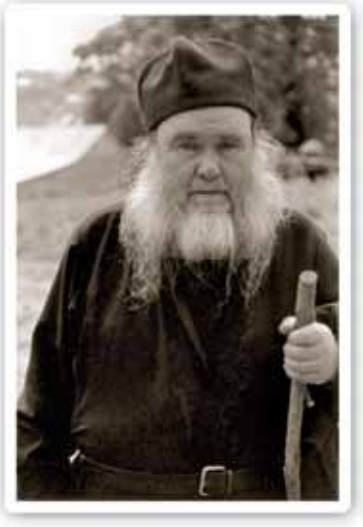
Скончался 13 января 1996 года.

Схиархимандрит Ипполит (Халин)

Родился 27 апреля 1928 года в селе Субботино Солнцевского района Курской области.

В 1957 году поступил послушником в Глинскую пустынь, затем переехал в Псково-Печерскую обитель, где в 1959 году от архиепископа Псковского Иоанна получил благословение на постриг в мантию с именем Ипполит. Вскоре монах Ипполит рукоположен с сан иеродиакона, а 14 июня 1960 года – в сан иеромонаха. Духовными наставниками отца Ипполита были знаменитые глинские старцы. После разгона Глинской пустыни в годы хрущевской «оттепели» отец Ипполит стал келейником иеросхимонаха Михаила, последнего валаамского старца.

По благословению Святейшего Патриарха Алексия I в 1966 году отец Ипполит направлен для несения иноческого послушания на Святую



Гору Афон, в Русский Свято-Пантелеимонов монастырь, где провел 17 лет.

В 1983 году, возвратившись с Афона на родину, отец Ипполит продолжал нести послушание в Псково-Печерском монастыре. В 1986 году архимандрит Ипполит принят в клир Курской епархии, где проходил послушание в качестве настоятеля различных храмов. В 1991 году назначен настоятелем только что возвращенного Русской Православной Церкви Рыльского Свято-Николаевского мужского монастыря. Архимандрит Ипполит принял управление обителью, находившейся в полуразрушенном состоянии. Ее храмы были поруганы и разорены в годы гонений на веру. За 11 лет своего служения в монастыре отец Ипполит сумел сплотить вокруг себя многочисленную братию, проделал большую работу по восстановлению обители. Под руководством отца Ипполита обитель стала быстро возрождаться.

При отце Ипполите в разных уголках Рыльского благочиния открылось несколько скитов монастыря.

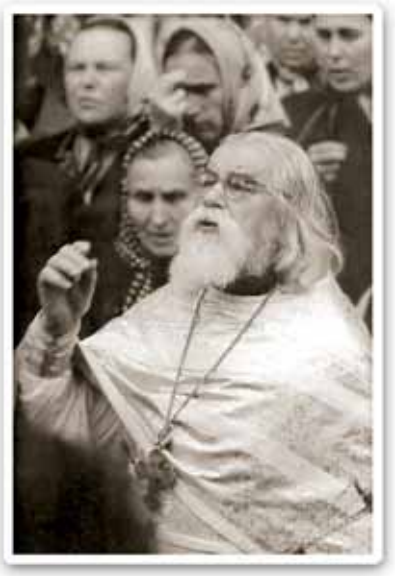
Скончался 17 декабря 2002 года.

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)

Родился 11 апреля 1910 года в Орле. В детстве Иван нес послушание в храме у известного своей монашеской строгостью архиепископа Орловского Серафима (Остроумова, † 1937).

В 1945 году в храме на Ваганьковском кладбище в Москве Иван Крестьянкин рукоположен во диакона, затем Патриарх Алексий I в Измайловском Христорождественском храме рукоположил его во священника. Здесь он служил до 1950 года, пока власти не арестовали его по обвинению в антисоветской агитации и не отправили на семь лет в лагеря.

После досрочного освобождения в 1955 году отец Иоанн направлен служить в Псковскую епархию, затем переведен в Рязанскую епархию. В 1966 году иерей Иоанн принял монашество, а в 1967 году стал насельником



Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, где и подвизался до последнего дня жизни.

В 1970 году возведен в сан игумена, 7 апреля 1973-го – в сан архимандрита.

В течение многих лет за советом и духовной помощью к отцу Иоанну приезжали верующие из самых удаленных уголков России и зарубежья. Достигнув преклонного возраста, старец уже не мог принимать всех нуждающихся, но до последнего времени отвечал на письма множества людей со всех концов мира.

Скончался 5 февраля 2006 года.

Некоторые публикации об архимандрите Авеле

Список публикаций об архимандрите Авеле

1. *Для несения иноческого послушания в Пантелеимоновом монастыре на Афон отбыли архимандрит Авель (Македонов) и иеромонах Виссарион (Великий-Остапенко):* сообщение в разделе «Новости» // Журнал Московской Патриархии. 1970. № 4.

2. *Избрание нового игумена Русского монастыря на Афоне* // Журнал Московской Патриархии. 1975. № 10.

3. *Это наша цель жизни – не для себя жить:* интервью с архимандритом Авелем (Македоновым) (29.08.96). Совместно с Кириченко О.В. Щербатово // Альманах. М., 2001. Вып. 1(6) (29 августа 1996 г.). С. 189–213.

4. *О традиции православного паломничества в России* // Православный паломник. 2001. № 1. С. 9–13.

5. Муравлев Е. *Звезда утренняя* // Фотографии Д. Фомичева [Фотоальбом]. М.: Локус Станди, 2006.

6. Морева В. *Пастырь* // Воскресная школа. 2002. № 23 (239) (июнь). http://vos.1september.ru/2002/23/3.htm

7. *Архимандрит Авель. Некролог* // Журнал Московской патриархии. 2007. № 1. С. 85–88.

Избрание нового игумена Русского монастыря на Афоне

9 июля 1975 года Русский Пантелеимонов монастырь на Афоне сообщил телеграфом Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Пимену и председателю Отдела внешних церковных сношений митрополиту Тульскому и Белевскому Ювеналию о предстоящей интронизации архимандрита Авеля Священным Кинотом на игуменскую кафедру. В ответ были посланы 11 июля телеграммы:

Его Высокопреподобию игумену Русского монастыря
святого великомученика Пантелеимона на Святой Горе Афон
архимандриту Авелю.
Афон, Греция.

Радуюсь избранию Вашего Высокопреподобия игуменом Русского монастыря великомученика и целителя Пантелеимона на Святой Горе Афон. Молитвенно желаю щедрой помощи Божией Вашим трудам во славу Церкви Христовой и на благо святой обители. Прошу святых молитв Ваших и братии. Призываю на Вас и на всех насельников монастыря благословение Божие.

Пимен, Патриарх Московский и всея Руси

Его Высокопреподобию игумену Русского монастыря
святого великомученика Пантелеимона на Святой Горе Афон
архимандриту Авелю
Афон, Греция.

Ваше Высокопреподобие, возлюбленный о Господе и дорогой отец Авель!

Из твоего письма и телеграммы братии Пантелеимонова монастыря мы с радостью узнали о твоем избрании на высокий пост игумена Русского монастыря во имя великомученика и целителя Пантелеимона на Святой Горе Афон и предстоящей в воскресенье 30 июня (ст. ст.), в день празднования Собора Двенадцати апостолов, твоей игуменской интронизации Священным Кинотом. От всего сердца мы поздравляем тебя и молимся о неоскудевающей помощи Божией в предстоящем тебе многотрудном, но и многополезном служении, которое да успешно послужит возлюбленной Русской Святогорской обители и ее великому молитвенному служению Святой Церкви. Да ниспошлет на тебя Всемилостивый Господь Свое Небесное благословение и да укрепит тебя в предстоящем ответственном служении.

С неизменной к тебе о Господе любовью
митрополит Тульский и Белевский Ювеналий,
председатель Отдела внешних церковных сношений
Московского Патриархата

13 июля (30 июня ст. ст.) 1975 года Священный Кинот Афона возвел на игуменскую кафедру Русского Пантелеимонова монастыря проигумена этого монастыря архимандрита Авеля (Македонова), избранного на эту должность после архимандрита Гавриила (Легача).

(Журнал Московской Патриархии. 1975. № 10. С. 5)

Статьи и публикации архимандрита Авеля

Афонский старец схиархимандрит Илиан (Сорокин). Некролог

5 января (по старому стилю) 1971 года, в канун праздника Богоявления, при праздничном, на всенощном бдении, звоне монастырских колоколов, на 88-м году своей праведной и многоподвижнической жизни тихо и блаженно почил о Господе старец схиархимандрит Илиан, игумен Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. «Это был человек большой духовной мудрости и доброты, старец, которых сейчас так мало», – писал архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий в соболезновании братии монастыря. Архиепископ Василий был до последних дней жизни отца Илиана его духовным сыном, и теперь он оплакивает эту большую потерю.

Схиархимандрит Илиан (в миру Иван Михайлович Сорокин) родился в 1883 году в Ярославской губернии. С 1902 по 1905 год был послушником в Глинской пустыни, в 1905 году, при игумене Нифонте, поступил в братство Пантелеимонова монастыря на Святой Горе. В 1908 году был пострижен в монашество с наречением имени Илиан – единого от 40 мучеников. Имя это означает «солнечный», и жизнью своей он оправдал его. Отец Илиан был не только для братии своего монастыря, но и для всех приходящих и даже находящихся в других государствах солнечным лучом, который всех согревал и освещал. Его советам внимали многие живущие в миру, писали ему письма, даже письменно присылали и исповедь. И он отвечал всем.

С 1911 по 1932 год отец Илиан нес послушание в благодетельской канцелярии и в 1932 году был послан со сбором в Сербию, где и был рукоположен во иеромонаха. По возвращении в обитель выполнял различные послушания. Был духовником; часто приходилось и ночью ходить в больницу напутствовать умирающих старцев, постригать в схиму, читать отходную

или просто утешать болящих. К каждому шел с отеческой любовью, со словом утешения. Нес он послушание и в монастырской библиотеке и ризнице. С 1949 года состоял членом соборного старчества, в 1958 году, после смерти игумена Иустина, уроженца Рязанской губернии, отец Илиан был избран и утвержден игуменом Пантелеимонова монастыря.

Воистину он был отец чадолюбивый, всегда и везде был примером для братии, первым приходил на все церковные службы и последним уходил. Даже в последние дни своей жизни, обремененный болезнями, когда силы его заметно оставляли, он продолжал ежедневно посещать все Божественные службы. Никто не видел его печальным. Прегрешения братии он старался покрыть своей любовью, никого не наказывая, и этим каждого приводил к исправлению.

В день празднования иконе Царицы Небесной «Скоропослушница» (9 ноября ст. ст.) братия последний раз молилась в присутствии своего аввы игумена в Покровском соборе, где он причащался Христовых Таин. Вскоре легкий паралич приковал отца Илиана к постели. Он не мог более ходить, но по-прежнему не порывал связи с братией. С особым смирением и кротостью он всегда просил, чтобы к нему в келию приносили ежедневно Святые Дары. Это были воистину дивные, трогательные картины, когда литургисавшие иноки ночью после литургии шли в полном облачении со святым потиром, в сопровождении братии со свечами, при пении «Вечери Твоея тайныя...». К приходу братии в игуменскую келию отец Илиан уже сидел в кресле. К Чаше Жизни он приступал со слезами. И так ежедневно, за исключением праздничных дней, когда литургия совершается поздно и причащали старца-игумена уже днем. Во время его болезни приносили к нему в келию чудотворный Иерусалимский образ Божией Матери, читали акафист, а отец игумен, несмотря на слабые силы, чистым, приятным тенором вместе со всеми пел припев акафиста; приносили и частицы святых мощей. Незадолго до смерти схиархимандрита Илиана архимандрит Авель, иеромонахи Серафим и Ипполит и иеродиакон Кирилл в присутствии всей братии совершили над ним Таинство Елеосвящения, а накануне дня его кончины архимандрит Авель, также в присутствии всей братии, прочитал канон на исход души.

В Богоявленский сочельник после Великого освящения воды иноки были у отца игумена, окропили келию и дали ему испить святой воды. Вечером, когда братия совершала бдение на великий праздник Богоявления, при пении стиха «С нами Бог» – эти слова отец Илиан очень любил и часто говорил унывающему брату: «Зачем унывать и печалиться, с нами – Бог» –

в афонской тишине раздался удар большого колокола. Все вздрогнули и перекрестились, у многих навернулись на глаза слезы, все поняли, что любвеобильного старца и отца не стало, он ушел ко Господу – и мы остались сиротами...

Тотчас архимандрит Авель, иеромонахи Виссарион и Ипполит направились в игуменскую келию, совершили первую заупокойную литию по своем любимом авве и облачили его. На особых носилках, которые на Афоне употребляют при погребении тела умершего, с пением Трисвятой песни понесли почившего отца игумена в Покровский собор, где в это время совершался полиелей. Отец Илиан, словно живой, разделил с братией великое торжество праздника Богоявления.

После бдения архимандрит Авель, совершив заупокойную литию, начал чтение Евангелия, которое совершалось поочередно всей братией до самого погребения. Две ночи усопший старец был в Покровском соборе, а накануне третьего дня, вечером, при печальном перезвоне колоколов и переменном пении русских и греков тело отца игумена перенесли в Пантелеимонов собор.

При перенесении останавливались у всех параклисисов (малых храмов) для совершения заупокойных литий. В Пантелеимоновом соборе было совершено заупокойное всенощное бдение, а наутро соборным служением во главе с архимандритом Авелем – Божественная литургия и по монашескому чину отпевание схиархимандрита Илиана, в котором принимали участие иеромонахи нашей обители и других монастырей Афона.

После обнесения тела вокруг собора при пении ирмосов «Помощник и Покровитель...» у места упокоения многотрудного тела старца архимандрит Авель сказал краткое слово, в котором призвал братию во всем быть подобными отцу игумену и своей жизнью оправдать его отеческую любовь к нам. Тело схиархимандрита Илиана предали земле, согласно его завещанию, без гроба, по афонскому обычаю, а просил он исполнить это в силу того, что игуменов в Русском афонском монастыре хоронят обычно в гробе. Братия не уходила, пока не поставили крест и не затеплили лампаду. Все положили 12 поклонов и тихо пошли в трапезную, где братии было предложено утешение.

К девятому дню по кончине отца Илиана прибыл в сопровождении иеромонахов Иринея (Середнего) и Николая (Шкрумко) и Б.А. Нелюбова митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим, которого очень любил покойный игумен и всегда называл его «наш Богом данный ктитор и благодетель нашей обители». Владыка митрополит совершил великую панихиду и литию на могилке с чтением особой разрешительной молитвы,

составленной в XV веке Константинопольским патриархом Нифонтом, который жил на Афоне; по афонскому обычаю эту молитву должен прочитать архиерей, прося Господа о милости душе умершего и о вселении ее в небесные обители и о принятии землей тела. По афонскому верованию, тело праведного человека должно через три года истлеть, об этом и молит святитель в разрешительной молитве.

Мы веруем, что незабвенный наш батюшка игумен удостоится за свою многоподвижническую жизнь милости у Господа и нас не оставит своим предстательством.

Афон, Пантелеимонов монастырь

(Журнал Московской Патриархии. 1971. № 5. С. 11–12)

Некоторые особенности богослужений на Святой Горе Афон

Богослужения на Святом Афоне совершаются весьма благолепно и торжественно. Монастыри Афона, в том числе и Русский Пантелеимонов монастырь, имеют свои исторически сложившиеся особенности в совершении богослужений.

Так, в великий двунадесятый праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, в какой бы день он ни случился, служба на Святой Горе совершается всегда исключительно праздничная. Всенощное бдение начинается не с великого повечерия, а с великой вечерни (хотя вечерня и была уже совершена в положенное время – с литургией или после часов). Все великопостное опускается. Славословие поется великое, часы – без кафизм и без великих поклонов.

В пятницу на пятой седмице Великого поста, перед субботой Акафиста, литургия совершается или в приделе главного храма, или в каком-либо другом храме. На святом Престоле находится особо написанная икона Богоматери в виде Победительницы, окруженной всеми видами военного оружия. После литургии сопровождаемая всей братией со свечами в руках, с пением тропаря «Поведенное тайно прием в разуме», эта святая икона переносится в главный храм и полагается также на святом Престоле, где

затем в обычное время, в 4 часа ночи по афонскому счету времени (по московскому времени – в 12 часов ночи) совершается утреня с пением акафиста Невесте Неневестной по обычному чину, но только после каждой статии акафиста читается еще молитва Божией Матери, всякий раз разная.

В Неделю ваий экклесиархи заранее приготовляют в большом количестве лавровый лист, и когда на утрени читается Евангелие, то при словах «резаху ветви и постилаху» они ходят по всему храму и посыпают этим листом пол, а по прочтении Евангелия игумен раздает всей братии ветви лавра, связанные в виде креста. Можно думать, что этот обычай унаследован от глубокой древности, когда монахи после подвигов поста и молитвы, проведенных вне монастыря, возвращались к празднику Входа Господня в обитель с крестиками, сделанными из древесных веток, о чем и говорит стихира праздника «Днесь благодать Святаго Духа нас собра».

В святую пасхальную ночь начало светлой заутрени тоже имеет свои особенности. На площади пред собором ставятся два аналоя и, когда в положенное время с обычным пением стихиры «Воскресение Твое, Христе Спасе» все выйдут из храма, на один аналой полагается Святое Евангелие, на другой – икона Воскресения Христова. Затем диакон возглашает: «И о сподобитися нам слышанию Святаго Евангелиа». Первенствующий (предстоятель) читает Евангелие от Матфея, зач. 115, то есть то, которое по действующиему в Русской Церкви Уставу читается на литургии в Великую субботу. Читается оно до слова, сказанного Спасителем мироносицам: «Радуйтеся!» (включительно). После Евангелия предстоятель берет пасхальный трисвечник и кадило и начинает здесь же, на площади, утреню с обычными пасхальными стихами и совершает каждение аналоев с четырех сторон. При каждом стихе дают сигнал на колокольню, и оттуда каждый раз при запевах несется торжественный пасхальный трезвон. Так и колокола вместе с людьми поют хвалу Воскресшему от гроба Христу Жизнодавцу. После исполнения стихов диакон произносит великую ектению, и по возгласе иерея с пением первой песни пасхального канона все с ликованием входят в храм, исполненный света, благоухания фимиама и ароматных трав, устилающих весь храм. Надо отметить, что все это начало совершается хотя и на площади, но при открытых вратах как алтаря, так и храма. Евангелие на разных языках читается не на литургии, а на вечерне первого дня Пасхи, как это принято по современному греческому Уставу.

В Отдание Пасхи служба вся совершается по чину Светлой седмицы, а рядовая служба предпразднству Вознесения вычитывается или в предыдущий день, или на повечерии данного дня. Весь день икона Воскресения Христова

находится на аналое, и после девятого часа, совершаемого по пасхальному чину, поются стихиры Пасхи, во время которых все прикладываются к иконе Воскресения, как бы прощаясь с праздником. При пении тропарей девятой песни пасхального канона «О Божественнаго, о любезнаго... О Пасха велия и священнейшая...» икона уносится и начинается обычным порядком малая вечерня к празднику Вознесения Господня.

20 мая в греческих храмах и монастырях празднуется Обретение святых мощей Святителя и Чудотворца Николая, архиепископа Мир Ликийских.

День памяти святого великомученика и целителя Пантелеимона, а также праздник Покрова Пресвятой Богородицы в Русском Пантелеимоновом монастыре являются храмовыми. Предпразднство их начинается здесь за восемь дней до праздника, в которые после вечерни поются молебные каноны на восемь гласов, причем для каждого дня имеется особый канон. Второй день этих праздников является ктиторским днем. В самый день праздников после вечерни соборне совершается панихида по почившим строителям и благодетелям обители, освящается и раздается коливо (кутия). Празднику Покрова помимо печатной имеется также рукописная служба, содержащая второй канон праздника с припевами на девятой песни канона (как в праздник двунадесятый). Предпразднственные каноны великомученику Пантелеимону были в свое время напечатаны в журнале «Душеполезное чтение» (припевы Покрову и великомученику Пантелеимону напечатаны ниже – по рукописной афонской службе).

Праздник Успения Пресвятой Богородицы празднуется здесь почти месяц: с 1 августа читают ежедневно акафист Успению. Отдание праздника бывает накануне воспоминания Усекновения главы Иоанна Предтечи.

В праздник Воздвижения Креста Господня, на Крестопоклонной Неделе и в праздник Происхождения Честного и Животворящего Креста, 1 августа, несмотря на то, что совершается лития и освящается елей, помазания елеем не бывает. Особенностью службы Недели Крестопоклонной является также то, что диаконы кадят на «Господи, воззвах» с большим крестом в руке.

На Святой Горе память святителя Григория Двоеслова как творца литургии совершается всегда торжественно: бывает полиелейная служба (отправляется по рукописной службе) и литургия Преждеосвященных Даров. Если день памяти его совпадает с субботой или воскресеньем, службу ему переносят на один из дней седмицы, дабы иметь возможность совершить его литургию.

Есть свои особенности и в совершении служб суточного круга. Так, на Афоне самой торжественной частью вечерне-утреннего богослужения

считается вечерня. Всенощные бдения на Афоне весьма продолжительны, но воспринимаются как краткое молитвенное мгновение, чему, в частности, способствует преобладание пения во время их совершения. Литургия служится на одной или двух просфорах. Евангелие диаконы читают как обычно, лицом к престолу, а если служит священник без диакона, то он читает его лицом к народу. На Херувимской песне кадит не диакон, а сам предстоятель (игумен монастыря) и с жезлом в руке. На великом входе диаконы носят на плече, покрытом платом, Сионы (Сион – изображение храма, символизирующее горний Иерусалим). В Неделю Православия вместо Сионов один диакон на пелене, перекинутой через плечо, несет во время великого входа образ Спасителя, другой – Божией Матери.

В монастырях Афона часто совершаются славословные службы: здесь считается, что если в обители есть мощи святого, то служба ему должна быть торжественная, а на Афоне имеются частицы мощей очень многих святых. Поэтому почти не проходит дня без славословной службы. Если нет специальной службы празднуемому святому, служат по Минее общей. Поэтому нет здесь и так называемых междучасий (междучасия – службы, совершаемые между часами), ибо их полагается отправлять в будни, в отсутствие праздников.

Несколько слов об употреблении богослужебных облачений и их цвете. В греческих монастырях Афона игумены носят архиерейскую мантию. Игумен Русского Пантелеимонова монастыря совершает торжественные богослужения в митре с крестом и с панагией, на которой изображено Распятие. Патриарх Константинопольский Иоаким III (1878–1884), будучи на празднике великомученика Пантелеимона в Русском Пантелеимоновом монастыре, возложил на тогдашнего игумена монастыря снятую с себя панагию. В изданном позднее в связи с этим указе патриарха говорилось, что и все последующие игумены этого монастыря в торжественных случаях да носят панагию. В отношении цвета богослужебных облачений Афон не имеет особых расхождений с обычной, в частности русской, практикой. Здесь отличие только в праздники Богоматери и в честь преподобных. В праздник Успения Пречистой облачения пасхальные, красные (Успение – «вторая Пасха»), в остальные праздники Богородичные облачения белые. Принятые же почти повсюдно голубые облачения для Богородичных праздников употребляются в дни памяти преподобных: здесь считают, что Сама Богоматерь как бы отдает преподобным, ублажая их подвиг, Свой, принадлежащий Ей по отшествии Ее с телом на небо небесный цвет, и таким образом преподобнический лик, сословие девственных, как бы разделяет с Девой Матерью Ее небесную славу.

Ирмосы и припевы в праздник Покрова Пресвятой Богородицы

Песнь 1.

Отверзу уста моя, и наполнятся Духа, и слово отрыгну Царице Матери, и явлюся светло торжествуя, и воспою, радуяся, Тоя Покров честный.

Песнь 3.

Твоя песнословцы, Богородице, живый и независтный Источниче, лик себе совокупльшия духовно утверди и Святым Покровом Твоим славящыя покрый.

Песнь 4.

Седяй в славе на престоле Божества, во облаце легце прииде Иисус Пребожественный нетленною Девою и спасе поющыя Покров Ея честный.

Песнь 5.

Ужасошася всяческая о Божественней славе Твоей, Ты бо, неискусобрачная Дево, во Влахернстем храме Твоем распростерла еси омофор Свой и молящихся покрыла еси, мир и спасение подавающи.

Песнь 6.

Божественное сие и всечестное совершающе празднество Покрова Божия Матере, приидите руками восплещим, от Нея рождшагося Бога славим.

Ирмосы 7-й и 8-й песни обычные.

Припевы на 9-й песни:

Ангели, покров Пречистыя зряще, удивишася, како покры в церкви молящыяся люди.

Ангели, окружающе Деву, удивишася, како омофором во Влахерне покры благоверныя люди.

Ангели, с лики святых предстояще, Деве удивишася, како моляшеся с ними прилежно о мире.

Ангели Богородицу песньми величают, како присно покрывает с верою к Ней прибегающих.

Ангели и вси святии Тя, Богомати, славословят, како покрываеши от зол Имя Твое призывающих.

Ангели и человецы покров чтут Владычицы, заступает бо всегда требующих Ея помощи.

С Небесными земнии Тя, Госпоже, воспеваем, покрываеши бо от бед на Тя уповающих.

Величай, душе моя, пречестный Покров Божия Матере.

Величай, душе моя, Божественный Покров Боговлагодатныя Присноде́вы.

Величай, душе моя, державный Покров Преславныя Владычицы.

Величай, душе моя, необоримый Покров небесе и земли Царицы.

Величай, душе моя, Покров святый Присноблаженныя Богоневесты.

Величай, душе моя, Благословенную в женах, Пресвятыя Троицы светоносное селение.

Величай, душе моя, Честнейшую горних воинств Деву Пречистую Богородицу.

Песнь 9.

Всяк земнородный да взыграется, Духом просвещаемь, да торжествует же верных собрание, почитающее Покров Божия Матере, покрывающий вся богомудрыя и избавляющий от всякаго зла.

Припевы на 9-й песни канона Великомученику Пантелеимону

К канону Пресвятой Богородице припевы те же, что и на Рождество Христово.

Припевы на 9-й песни канона великомученику:

Величай, душе моя, в страстотерпцех пресветлаго светильника.

Величай, душе моя, безсребреников похвалу и украшение.

Величай, душе моя, целителя недужных, по званию всех милующаго.

Ангели, страдание твое зряще, удивишася, како в телеси сый, безплотнаго прехвальне победил еси.

Ангели, зряще тя, лесть низложившего, ублажаху тебе, твердомудренне.

Ангели свеселятся человеком в памяти Пантелеимона, Троице предстоящего.

Со ангелы роди вси блажим Тя, Богоневестная Марие.

На Афоне имеются также особые припевы на 9-й песни канона в праздник Иерусалимской иконе Божией Матери:

Величай, душе моя, Чистую Деву и Едину Богородицу.

Ангели, благодать к нам Пречистыя зряще, удивишася, како Дева вниде иконою Своею во храм сей святый.

Ангели дивятся величию Твоему, Всецарице, и мы, бренний, чудесем, ихже иконою Твоею совершила еси.

Ангели радуются славе Твоей, Дево, веселимся и мы, довольнии, припадающе ко иконе Твоей.

Ангели на небеси Тя, Богородице, воспевают, и мы славим зде, в дому Твоем, лобызающе дивную икону Твою.

Ангели ублажают милосердие Твое к людем, благодарим Тя и мы, Мати Божия, празднующе иконе Твоей.

Ангели славят промышление Твое о верных, и мы поем Тя, являющуюся нам на помощь Своим образом.

Величай, душе моя, благодать оставившую верным во святых иконах Своих.

Величай, душе моя, Всемилостивую Владычицу, иконою Своею обитати зде изволившую.

Величай, душе моя, Преблагословенную Марию, освящающую ко иконе Ея притекающих.

Величай, душе моя, Святою Троицею Избранную спасения ради нашего.

Величай, душе моя, Благословенную в женах, иконою Своею благословившую нас.

Афон, Пантелеимонов монастырь

(Журнал Московской Патриархии. 1975. № 3. С. 45–47)

Афонские новомученики

Русский монастырь святого великомученика и целителя Пантелеимона, как и многие монастыри Святой Горы Афон, имеет свои малоизвестные за ее пределами святыни. В их числе в соборе Покрова Божией Матери хранятся честные главы трех афонских преподобномучеников – Евфимия († 22 марта 1814 года), Игнатия († 8 октября 1814 года) и Акакия († 1 мая 1816 года), пострадавших за исповедание веры в Оттоманской Порте. По свидетельству их житий, составленных на основании «Нового мартиролога» и афонских рукописей*, на этот высший подвиг мученичества преподобные взошли в зрелой юности, когда им было немногим более двадцати лет.

Каждый из них происходил из христианской семьи.

Преподобномученик Евфимий (в миру Елевферий) родился в деревеньке Димитцаны на Пелопоннесе у благочестивых родителей Панагиота и Марии. Он был младшим среди их детей – Георгия, Христа, Иоанна и Екатерины. По получении общего образования в сельской школе и обучении в Яссах Евфимий вместе с Иоанном перешел в константинопольское училище Куруческие. Затем скрылся от семьи, чтобы поселиться на Святой Горе, но из-за войны России с Турцией не мог сразу попасть на Афон, а отправился из Константинополя в Одессу, а затем в Бухарест. Вынужден был в городе Шумле принять мусульманство с именем Решит, был в Адрианополе, а затем снова в Константинополе. В Константинополе он вернулся в лоно Православной Церкви, а затем был принят на Афоне патриархом Григорием (пребывавшим на покое) и духовником Мелетием в Лавре преподобного Афанасия Афонского. Подвизался в скиту святой Анны, в Дохиарской, Есфигменской и Иверской обителях, на пирге Ставроникитского монастыря и в скиту святого Иоанна Предтечи.

Преподобномученик Игнатий (в миру Иоанн) родился в деревне Ески-Загора Терновской епархии. Родители Георгий и Мария переселились в город Филипполь, где отдали сына учиться славянской грамоте. По окончании обучения Иоанн был послушником в Рыльском монастыре. Когда вернулся домой, турки зарезали на его глазах отца. Иоанн отправился в Валахию, а затем в Бухарест. На Афоне подвязался в монастыре Григориат, в скитах святой Анны, Кавсокаливском и святого Иоанна Предтечи.

* Жития опубликованы русским святогорцем иеромонахом Азарией в «Афонском Патерике» (Изд. 4-е, ч. 2. СПб., 1876. С. 190–233), а также отдельно: «Житие и страдания преподобномучеников Игнатия, Евфимия и Акакия, на Афоне подвизавшихся» (СПб., 1869).

Служба преподобномученикам на славянском языке была издана в Петербурге в 1871 году.

Святые преподобномученики Евфимий, Игнатий и Акакий

Преподобномученик Акакий (в миру Афанасий) родился неподалеку от Фессалоник, в местечке Неохри (или Нивори, Македония). По переселении семьи в город Серез учился ремеслу у башмачника. 9-летним мальчиком попал в мусульманскую семью, в которой жил до 18 лет, и бежал оттуда. Вернулся к родителям в Фессалоники, куда те вновь переселились из Сереза. По благословению матери поселился на Святой Горе в Хилендарской обители. Затем жил в Киновии Ксенофской обители, в Иверском монастыре, в монастыре Симонопетра и после нескольких переселений – в скиту святого Иоанна Предтечи.

Промысл Божий разными путями привел этих молодых подвижников в земной удел Богоматери – на Святую Гору Афон. Пройдя в разных обителях трудные иноческие подвиги, они очистили себя в священном монашеском постриге, в котором получили и новые имена: Елевферий назван Евфимием, Иоанн – Игнатием, Афанасий – Акакием.

Желая избавиться от томлений совести, они в разное время решили запечатлеть крепость своей веры подвигом исповедничества.

В Вербное воскресенье 22 марта 1814 года преподобный Евфимий принял мученический венец в Оттоманской Порте.

В том же году 8 октября пострадал за Имя Христово и преподобный Игнатий.

Преподобный Акакий был усечен мечом 1 мая 1816 года.

Святогорец Григорий при поддержке константинопольских христиан выкупил у турок честные мощи после кончины каждого преподобномученика.

Святые тела преподобномучеников Евфимия и Игнатия он привез из Константинополя на Афон 20 октября 1814 года, где они были положены в новосозданном храме при келье их духовника иеромонаха Никифора, в скиту святого Иоанна Предтечи. Туда же 9 мая 1816 года послушник старца Григорий привез святое тело преподобномученика Акакия.

Память новым преподобномученикам по Афонскому уставу Церковь празднует 1 мая.

В дни Святой Пасхи в Русской обители великомученика Пантелеимона, а также при посещении монастыря паломниками священный ковчег с честными главами преподобномучеников Евфимия, Игнатия и Акакия износится из алтаря на середину собора Покрова Пресвятой Богородицы.

Русские насельники вместе со всеми святогорцами преклоняются перед мужеством преподобномучеников и воздают им должное почитание, находя в них благодатную поддержку в своем земном подвиге.

(Журнал Московской Патриархии. 1977. № 1. С. 71–72)

Кончина схиархимандрита Гавриила в Русском монастыре на Афоне

В Русском Пантелеимоновом монастыре на Святой Горе Афон 26 июня (9 июля) 1977 года скончался бывший игумен монастыря схиархимандрит Гавриил (в миру Георгий Васильевич Легач).

Родился он в 1901 году в селе Копашнево, ныне Хустского района Закарпатской области, в семье крестьянина. По его словам, он ни одного дня не был в школе. Родной дед научил его читать и писать. При хорошей памяти он за короткое время освоил домашнее образование. Вспоминая

детство, он рассказывал о том, как однажды он упал и сильно ушибся. В последние годы жизни отец Гавриил жаловался на болезнь, которую считал следствием того случая.

На 23-м году жизни Георгий Легач, стремившийся к совершенной духовной жизни, решил уйти на Святую Гору Афон. Вместе с несколькими земляками в 1924 году он прибыл в Русский Пантелеимонов монастырь, куда был принят послушником. В 1926 году Георгий был пострижен в мантию с наречением имени Гавриил.

В 1937 году был рукоположен во иеродиакона, а в 1949-м – во иеромонаха.

Послушание в течение многих лет, с начала пребывания в обители, он нес в кровельной мастерской. С удивлявшим братию бесстрашием он выполнял работы по ремонту и окраске кровель. Монастырское начальство посылало его и на другие послушания.

Все, кто его знал, говорят о его особом трудолюбии. Если отец Гавриил не был в храме или на келейной молитве, то непременно был занят трудом. Он позволял себе лишь незначительный отдых ночью. Более чем за 50-летнюю жизнь в обители не было случая, чтобы он когда-либо с кем-то празднословил.

Отец Гавриил любил храм. Ежедневно, утром и вечером, он приходил в храм на службу. И если не был служащим-чередным, то пел и читал на клиросе. Молился и служил отец Гавриил всегда в Пантелеимоновом соборе. Он отлично знал Устав церковных служб, в частности усложненный устав Пантелеимонова собора, где соединяются русская и греческая службы. Отец Гавриил свободно служил по-гречески, хорошо читал греческое Евангелие, которое перед службой не раз прочитывал.

Духовное руководство над ним имели старцы высокой духовной жизни. Сначала это был старец Синесий, затем – старец схимонах Варнава, много лет трудившийся в кровельной († 1947), и, наконец, старец Ксанфий. Отец Гавриил, как он сам свидетельствовал об этом, получил у сего старца многополезную для спасения духовную мудрость.

Это был инок-молитвенник. Он всегда творил молитву Иисусову. В келье в ночное время отец Гавриил почти не пользовался светом: молитвы келейного правила он прочитывал на память.

После кончины игумена обители схиархимандрита Илиана († 5/18 января 1971 года) его преемником был избран и поставлен 26 апреля 1971 года схиархимандрит Гавриил. Но недолго он был игуменом. По старческой немощи и склонности к уединению отец Гавриил пожелал остаться помощником

игумена. Игуменом был избран 30 июня/13 июля 1975 года ныне здравствующий архимандрит Авель (Македонов).

Последнее время отец Гавриил, невзирая на болезни и усилившуюся слабость, старался приходить в храм ежедневно.

Час его мирной кончины пришел в Неделю 3-ю по Пятидесятнице, в день празднования чтимой Тихвинской иконе Божией Матери – 26 июня (ст. ст.). Всего лишь два месяца отец Гавриил не служил, н причащался Святых Христовых Таин каждую неделю. В тот день заметили, что отец Гавриил не был в храме и не выходил из кельи. Когда пришли к нему, то нашли его очень слабым: он уже не мог говорить. Начали читать «отходную», собралась вся братия. Только заметили резкий вздох и больше не слышали его дыхания. Сколь тихой и скромной была его долголетняя иноческая жизнь в обители, так спокойно он и почил о Господе.

Тело его по местному, афонскому, обычаю было завернуто в мантию и перенесено в Пантелеимонов собор.

На следующий день была совершена заупокойная Божественная литургия, после которой игумен монастыря архимандрит Авель совершил чин монашеского отпевания. Молились вся братия обители и близко знавшие его монахи из греческих монастырей. Отец игумен сказал трогательное слово, отметив совершенный отцом Гавриилом подвиг терпения, смирения и молчания. С пением «Святый Боже» тело усопшего было обнесено вокруг собора и опущено в могилу, в которой прежде хоронили других игуменов, – у правой, южной, стены Пантелеимонова собора.

Вечный покой старцу схиархимандриту Гавриилу!

(Журнал Московской Патриархии. 1978. № 6. С. 28–29)

АРХИМАНДРИТ АВЕЛЬ

Обработка текстов, бильд-редактор *А.Г. Федоров*

Ответственный за выпуск *О.П. Бардова*
Дизайн, оформление, верстка *И.Ю. Фадеева, С.В. Фадеев*
Редактор *Л.С. Климович*
Корректоры *И.В. Васильева, Л.А. Сашенкова*

Институт экономических стратегий
Россия, 101000, Москва, Сретенский б-р, д. 6/1, стр. 1, оф. 4
Издательский центр: +7 (495) 234-4693
E-mail: ines@inesnet.ru
www.inesnet.ru
www.kuzyk.ru

РПП ИНЭС Р26/07

Отпечатано в Венгрии при содействии фирмы «Интерпресс»

Тираж 3000 экз.

А875 **Архимандрит** Авель / Б.Н. Кузык. – М.: Институт экономических стратегий, 2008. – 568 с.: илл.
ISBN 978-5-93618-153-5

Книга посвящена светлой памяти архимандрита Авеля (Македонова) – человека, с детских лет связавшего свою судьбу с Церковью и прошедшего долгий путь служения в Ярославской и Рязанской епархиях, а также на Святой Горе Афон в качестве игумена Русского Свято-Пантелеимонова монастыря.

В издание вошли официальные материалы средств массовой информации, статьи самого архимандрита Авеля, фрагменты записей бесед при личных встречах автора с отцом Авелем, а также воспоминания людей, близко знавших батюшку и являвшихся его духовными чадами.

По аудиозаписям, предоставленным братией Свято-Иоанно-Богословского монастыря Рязанской епархии, приводятся тексты его проповедей.

Книга иллюстрирована редкими фотографиями, предоставленными специально для этого издания.

УДК 82–94
ББК 66.3(2Рос)8